Вестник университета № 9/2023

Теоретический и научно-методический журнал *Издается с января 1999 г.*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Агапов В.С. – д-р психол. наук, проф.
Аграната Д.Л. – д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф.
Азоев Г.Л. – д-р экон. наук, проф.
Антоненко И.В. – д-р психол. наук, проф.
Верещагина А.В. – д-р социол. наук, проф.
Воронин В.Н. – д-р психол. наук, проф.
Грошев И.В. – д-р экон. наук, д-р психол. наук, проф.
Дубицкий В.В. – д-р социол. наук, канд. хим. наук, проф.
Ионцева М.В. – д-р психол. наук, проф.
Каменева Т.Н. – д-р социол. наук, проф.
Клейнер Г.Б. – д-р экон. наук, проф., чл.-корр. РАН
Ковалев В.В. – д-р социол. наук, проф.
Красовский Ю.Д. – д-р социол. наук, проф.
Крупнов А.И. – д-р психол. наук, проф.
Кузнецов Н.В. – д-р экон. наук, канд. техн. наук, проф.
Ломовцева О.А. – д-р экон. наук, проф.
Магомедов М.Д. – д-р экон. наук, проф.
Максимова С.Г. – д-р социол. наук, проф.
Митрофанова Е.А. – д-р экон. наук, проф.
Мищенко В.В. – д-р экон. наук, проф.
Новиков В.Г. – д-р социол. наук, проф.
Райченко А.В. – д-р экон. наук, проф.
Сорокина Г.П. – д-р экон. наук, проф.
Строев В.В. – д-р экон. наук, проф.
Тихонова Е.В. – д-р социол. наук, проф.
Чудновский А.Д. – д-р экон. наук, проф.
Шаповалова И.С. – д-р социол. наук, проф.
Эриашвили Н.Д. – д-р экон. наук, канд. юр. наук, канд ист. наук, проф.

Журнал входит в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по направлениям: 5.2.1 – Экономическая теория (экономические науки), 5.2.2 – Математические, статистические и инструментальные методы в экономике (экономические науки), 5.2.3 – Региональная и отраслевая экономика (экономические науки), 5.2.4 – Финансы (экономические науки), 5.2.5 – Мировая экономика (экономические науки), 5.2.6 – Менеджмент (экономические науки), 5.3.1 – Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки), 5.3.3 – Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки), 5.3.4 – Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки), 5.3.5 – Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки), 5.3.7 – Возрастная психология (психологические науки), 5.4.1 – Теория, методология и история социологии (социологические науки), 5.4.2 – Экономическая социология (социологические науки), 5.4.3 – Демография (социологические науки), 5.4.4 – Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки), 5.4.5 – Политическая социология (социологические науки), 5.4.6 – Социология культуры (социологические науки), 5.4.7 – Социология управления (социологические науки).

© ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», 2023

Главный редактор
В.В. Строев

Ответственный за выпуск
Л.Н. Алексеева

Редактор
М.Ю. Горельцева

Выпускающий редактор и компьютерная верстка
Е.А. Гусева

Технический редактор
А.Р. Волкова

Зарегистрирован в Роскомнадзоре,
свидетельство ПИ № ФС77-1361 от 10.12.1999 г.
В запись о регистрации внесены изменения,
регистрационный номер ПИ № ФС 77-76215 от 12.07.2019 г.

На сайте «Объединенного каталога «Пресса России» www.pressa-rf.ru можно оформить подписку на 2023 год на печатную версию журнала «Вестник университета» по подписному индексу 42517, а также подписаться через интернет-магазин «Пресса по подписке» https://www.akc.ru

ЛР № 020715 от 02.02.1998 г.
Подп. в печ. 09.10.2023 г.
Формат 60×90/8
Объем 32,75 печ. л.
Бумага офисная
Печать цифровая
Тираж 1000 экз.
(первый завод 45 экз.)
Заказ № 1327

Издается в авторской редакции

Ответственность за сведения,
представленные в издании, несут авторы

Все публикуемые статьи прошли
обязательную процедуру рецензирования

Издательство: Издательский дом ГУУ
(Государственный университет управления)

Адрес редакции:
109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99
Тел.: +7 (495) 377-90-05
E-mail: ic@guu.ru
http://www.vestnik.guu.ru

Статьи доступны по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная, согласно которой возможно неограниченное распространение и воспроизведение этих статей на любых носителях при условии указания автора и ссылки на исходную публикацию статьи в данном журнале в соответствии с правилами научного цитирования
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Vestnik universiteta No. 9/2023

Scientific and methodological journal

Published since January 1999

EDITORIAL BOARD

Agapov V.S. – Dr. Sci. (Psy.), Prof.
Agranat D.L. – Dr. Sci. (Sociol.), Cand. Sci. (Jur.), Prof.
Azoev G.L. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Antonenko I.V. – Dr. Sci. (Psy.), Prof.
Vereshchagina A.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Voronin V.N. – Dr. Sci. (Psy.), Prof.
Groshev I.V. – Dr. Sci. (Econ.), Dr. Sci. (Psy.), Prof.
Dubitsky V.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Cand. Sci. (Chem.), Prof.
Iontseva M.V. – Dr. Sci. (Psy.), Prof.
Kameneva T.N. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Kleiner G.B.– Dr. Sci. (Econ.), Prof., RAS Corresponding Member
Kovalev V.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Krasovsky Yu.D. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Krupnov A.I. – Dr. Sci. (Psy.), Prof.
Kuznetsov N.V. – Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Techn.), Prof.
Lomovtseva O.A. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Magomedov M.D. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Maximova S.G. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Mitrofanova E.A. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Mishchenko V.V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Novikov V.G. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Raychenko A.V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Sorokina G.P. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Stroev V.V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Tihonova E.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Chudnovskii A.D. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Shapovalova I.S. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Eriashvili N.D. – Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Jur.), Cand. Sci. (Hist.), Prof.

Editor-in-Chief
V.V. Stroev

Responsible for issue
L.N. Alekseeva

Editors
M.Yu. Gorelceva

Executive editor and desktop publishing
E.A. Guseva

Technical editor
A.R. Volkova

Registered in the Roskomnadzor
Certificate PI No. FS77-1361 from 10.12.1999
Changes have been made to the registration record
Registration number PI No. FS 77-76215 from 12.07.2019

LR No. 020715 from 02.02.1998
Signed to print 09.10.2023
Format 60×90/8
Size 32,75 printed sheets
Offset paper
Digital printing
Circulation 1000 copies
(the first factory 45 copies)
Print order No. 1327

Published in author's edition

The authors are responsible for the information presented in the publication

All published articles have undergone a peer review procedure

The journal is part of the Higher Attestation Commission list of peer-reviewed scientific publications, in which are released the principals scientific results of dissertations for the Degree of Candidate of sciences, but also the Degree of Doctor of Sciences, the following areas are published: 5.2.1 – Economic theory (economic sciences), 5.2.2 – Mathematical, statistical and instrumental methods in economics (economic sciences), 5.2.3 – Regional and sectoral economics (economic sciences), 5.2.4 – Finance (economic sciences), 5.2.5 – World economy (economic sciences), 5.2.6 – Management (Economic Sciences), 5.3.1 – General psychology, personality psychology, history of psychology (psychological sciences), 5.3.3. Labor psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics (psychological sciences), 5.3.4 – Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital educational environments (psychological sciences), 5.3.5 – Social psychology, political and economic psychology (psychological sciences), 5.3.7 – Age psychology (psychological sciences), 5.4.1 – Theory, methodology and history of sociology (sociological sciences), 5.4.2 – Economic Sociology (sociological sciences), 5.4.3 – Demography (sociological sciences), 5.4.4 – Social structure, social institutions and processes (sociological sciences), 5.4.5 – Political sociology (sociological sciences), 5.4.6 – Cultural sociology (sociological sciences), 5.4.7 – Sociology of management (sociological sciences).

Publishing: Publishing house of the State University of Management

Editor's office:
109542, Russia, Moscow, Ryazansky Prospekt, 99
State University of Management
Tel.: +7 (495) 377-90-05
E-mail: ic@guu.ru
http://www.vestnik.guu.ru

The articles are available under the Creative Commons Attribution 4.0 International CC BY 4.0. This license allows reusers to distribute, remix, adapt, and build upon the material in any medium or format, so long as attribution is given to the creator. The license allows for commercial use.
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

© State University of Management, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

Строев В.В.
Вызовы многоуровневой конвергенции регионального экономического развития 5

Балынин И.В.
Совершенствование управления государственными расходами на социальную поддержку семей с детьми в контексте обеспечения стратегического развития Российской Федерации 12

Бондаренко В.В., Таишева К.С., Тампей Т.В., Пензина Д.П.
Повышение международной конкурентоспособности вузов в глобальном цифровом пространстве 21

Канке А.А.
Практика наставничества как условие непрерывного бизнес-образования 30

СТРАТЕГИИ И ИННОВАЦИИ

Азоев Г.Л., Сумарокова Е.В., Котова А.Н.
Маркетинговый подход к масштабированию бизнеса инновационного стартапа 38

Зозуля П.В., Зозуля А.В., Мезина Т.В.
Формирование стратегического плана строительной организации в целях устойчивого проектного управления 48

Кауфман Н.Ю., Зеленцова С.Ю.
Job crafting как инструмент повышения мотивации и вовлеченности персонала 57

Погребцова Е.А.
Инновационная активность в разрезе федеральных округов Российской Федерации: современное состояние и направления развития 65

Прохорова И.С., Елхова А.В.
Проблемы управления цифровой зрелостью бизнеса в условиях технологического разрыва 75

Родионов А.С., Вишнякова С.П., Вишняков Я.Д.
Арктический мультиуниверситет: «Полярный банк» интеллектуального капитала России в условиях современных угроз и рисков 83

РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕВОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Афанасьев В.Я., Большакова О.И., Романцов А.А.
Трансформация топливно-энергетического комплекса для обеспечения энергетической безопасности России в эпоху санкционных ограничений 93

Вагин С.Г.
Цифровизация российской промышленности: состояние и перспектива развития в условиях санкций и ограничений 103

Волков А.Т., Шепелев Р.Е.
Обеспечение технологической независимости компаний нефтегазовой отрасли с использованием патентной аналитики на примере компаний-производителей сжиженного природного газа 113

Дерен И.И., Ерина К.А.
Профессионально-общественная аккредитация как инструмент механизма управления социально-экономическими процессами в сфере дополнительного профессионального образования 123

ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ, РЕШЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аникин О.Б., Махонина В.С.
Специфика потребительского поведения в современной России 133

Канунникова А.М.
Международная торговля образовательными услугами в условиях цифровой трансформации 140

Мадьяров А.А.
Обеспечение конкурентоспособности в XXI веке: развитие организационных способностей в условиях интернет-экономики 149

Мусинова Н.Н.
Особенности функционирования рынка труда в Санкт-Петербурге 158

Симонов С.В.
Развитие российских регионов и проблемы их сбалансированного становления в условиях санкций 168

Тимохович А.Н., Самоходкин Е.В., Эльзон А.А.
Формирование лояльности потребителей научно-технической информации: результаты исследования 176

ФИНАНСЫ И БАНКОВСКОЕ ДЕЛО

Джауида Б., Чафия К.
Анализ реальности и важности выпуска исламских сукук в Малайзии 185

Кирова Е.А., Перминова Т.В.
Инновационные методы оценки контрагента при проведении внутреннего контроля организации 200

Китинов М.Б.
Теория сравнительных преимуществ Д. Рикардо в приложении к процентным свопам на финансовом рынке 208

Кузнецова В.В., Ларина О.И.
Управление потоками капиталов как инструмент обеспечения финансовой стабильности 216

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРОЦЕССЫ

Кучмаева О.В., Давлетшина Л.А.
Параметры доступности психологической помощи для детей и их родителей (по данным деятельности детского телефона доверия) 224

Садыков Р.М., Большакова Н.Л.
Социальная политика скандинавских стран в отношении женщин-жертв семейного насилия 236

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПСИХОЛОГИИ

Басимов М.М.
Дефицитарный страх как модулятор самовосприятия «верящий» у студентов на этапе самоизоляции 244

Угрюмова А.А., Паутова Л.Е.
Развитие профессиональных цифровых компетенций специалистов мелиоративной отрасли 255

CONTENTS

CURRENT ISSUES OF MANAGEMENT

V.V. Stroev
Multi-level convergence challenges of regional economic development 5

I.V. Balynin
Improving the management of public spending on social support for families with children in the context of ensuring the strategic development of the Russian Federation 12

V.V. Bondarenko, K.S. Taisheva, T.V. Tampey, D.P. Penzina
Improving the international competitiveness of universities in the global digital space 21

A.A. Kanke
Mentoring practice as a condition of continuous business education 30

STRATEGIES AND INNOVATIONS

G.L. Azoev, E.V. Sumarokova, A.N. Kotova
Marketing approach to scaling the business of an innovative startup 38

P.V. Zozulya, A.V. Zozulya, T.V. Mezina
Strategic plan formation of a construction organization for sustainable project management 48

N.Yu. Kaufman, S.Yu. Zelentsova
Job crafting as a tool to increase motivation and employee engagement 57

E.A. Pogrebtsova
Innovative activity in the context of the federal districts of the Russian Federation: current state and directions of development 65

I.S. Prokhorova, A.V. Elkhova
The challenges of managing digital business maturity in the technological gap 75

A.S. Rodionov, S.P. Vishnyakova, Ya.D. Vishnyakov
Arctic multiuniversity: "Polar bank" of Russia's intellectual capital in the context of modern threats and risks 83

DEVELOPMENT OF INDUSTRY AND REGIONAL MANAGEMENT

V.Ya. Afanasiev, O.I. Bolshakova, A.A. Romantsov
Transformation of the fuel and energy complex to ensure Russia's energy security in the era of sanctions restrictions 93

S.G. Vagin
Digitalization of Russian industry: the state and prospects of development in the conditions of sanctions and restrictions 103

A.T. Volkov, R.E. Shepelev
Ensuring the technological independence of oil and gas companies using patent analytics on the example of companies producing liquefied natural gas 113

Deren I.I., Erina K.A.
Professional and public accreditation as a management mechanism tool of socio-economic processes in the field of additional professional education 123

ECONOMICS: PROBLEMS, SOLUTIONS AND PROSPECTS

O.B. Anikin, V.S. Makhonina
Specifics of consumer behavior in modern Russia 133

A.M. Kanunnikova
International trade in educational services in the conditions of digital transformation 140

A.A. Madyarov
Ensuring competitiveness in the XXI century: development of organizational skills in the conditions of the internet economy 149

N.N. Musinova
Functioning features of the labor market in St. Petersburg 158

S.V. Simonov
Russian regions' formation and the problems of their balanced development under sanctions 168

A.N. Timokhovich, E.V. Samokhodkin, A.A. Elzon
Forming consumer loyalty of scientific and technical information: the results of a study 176

FINANCE AND BANKING

Djaouida B., Chafia K.
Analysing the reality and importance of issuing Islamic sukuk in Malaysia 185

E.A. Kirova, T.V. Perminova
Innovative methods of evaluating the counterparty during the organization internal control 200

M.B. Kitinov
D. Ricardo's theory of comparative advantages as applied to interest rate swaps in the financial market 208

V.V. Kuznetsova, O.I. Larina
Capital flow management as a tool for ensuring financial stability 216

SOCIAL TECHNOLOGIES AND PROCESSES

O.V. Kuchmaeva, L.A. Davletshina
Accessibility parameters of psychological assistance for children and their parents (according to the activity of the children's helpline) 224

R.M. Sadykov, N.L. Bolshakova
Social policy of the Scandinavian countries in relation to women victims of domestic violence 236

CURRENT TRENDS IN PSYCHOLOGY

M.M. Basimov
Deficit fear as a modulator of disbelief in the framework of self-perception among students at the stage of self-isolation 244

A.A. Ugryumova, L.E. Pautova
Professional digital competencies' development of specialists in the reclamation industry 255

УДК 332.05 JEL R11 DOI 10.26425/1816-4277-2023-9-5-11

Вызовы многоуровневой конвергенции регионального экономического развития

Строев Владимир Витальевич
Д-р экон. наук, ректор
ORCID: 0000-0003-2887-1767, e-mail: vv_stroev@guu.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Настоящее исследование посвящено анализу конвергенции в экономическом развитии регионов, и эти аспекты рассмотрены в статье во взаимоувязке с общим трендом отхода от экономической глобализации и переходом к новому регионализму. Рассмотрены общая тенденция нового регионализма в современном мире, проявление внутрирегиональных диспропорций не только на уровне интеграционного объединения стран, но и на внутристрановом уровне. Установлено, что значимым мотивом в пользу регионализации является укрепление отношений и стратегического партнерства между «дружественными» странами, которое изменяет сложившиеся ранее модели международного экономического сотрудничества и делает акцент на региональных приоритетах социально-экономического развития. Анализ региональной конвергенции показал, что такая конвергенция имеет исторический тренд к замедлению, которое в целом проявляется на международном и внутристрановом уровнях, что отчасти связано с неоднородными моделями роста регионов. Странам и регионам в будущем потребуются новые механизмы адаптации к кризисам и турбулентности глобальной экономики.

Ключевые слова

Конвергенция, региональное экономическое развитие, глобализация, регионализм, международная торговля, регионализация, глобальные кризисы

Для цитирования: Строев В.В. Вызовы многоуровневой конвергенции регионального экономического развития // Вестник университета. 2023. № 9. С. 5–11.

© Строев В.В., 2023.
Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Multi-level convergence challenges of regional economic development

Vladimir V. Stroev
Dr. Sci. (Econ.), Rector
ORCID: 0000-0003-2887-1767, e-mail: vv_stroev@guu.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

This study is devoted to the analysis of convergence in the economic development of regions, and these aspects are considered in the article in conjunction with the general trend of departure from economic globalization and transition to a new regionalism. The general trend of the new regionalism in the modern world, the manifestation of intraregional imbalances not only at the level of the integration association of countries, but at the intra-country level are considered. It is established that a significant motive in favor of regionalization is the strengthening of relations and strategic partnership between "friendly" countries, which changes the previously established models of international economic cooperation, and focuses on regional priorities of socio-economic development. The analysis of regional convergence has shown that such convergence has a historical trend towards a slowdown, which is generally manifested at the international and domestic levels, which is partly due to heterogeneous models of regional growth. In the future, countries and regions will need new mechanisms to adapt to crises and turbulence of the global economy.

Keywords

Convergence, regional economic development, globalization, regionalism, international trade, regionalization, global crises

For citation: Stroev V.V. (2023) Multi-level convergence challenges of regional economic development. *Vestnik universiteta*, no. 9, pp. 5–11.

© Stroev V.V., 2023.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

Тренд на регионализацию в мире отчетливо стал проявляться после 1990-х гг., когда между странами было заключено большое количество соглашений о региональной экономической интеграции, обозначив собой эпоху нового регионализма. В классических исследованиях принято акцентировать внимание на динамических и статических аспектах нового регионализма, а также их увязке с конкурентной либерализацией на региональном уровне [1]. Современная эскалация геополитической напряженности и глобальные кризисы разворачивают обратно тенденцию экономической глобализации, складывавшуюся в последние десятилетия, создавая серьезный риск раскола глобальной экономики на отдельные конкурирующие блоки. Наступает эпоха деглобализации, когда государственная политика ключевых стран все меньше соответствует идеям мировых, ничем не ограниченных рынков.

В этих условиях актуализируются проблемы социально-экономического сближения отдельных регионов как на уровне мировой экономики в целом, так и во внутристрановом контексте. Целью настоящего исследования являются анализ и обобщение проблем конвергенции регионального экономического развития, в котором на разных уровнях сложились неоднозначные тенденции.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НОВЫЙ РЕГИОНАЛИЗМ

Необходимо также понимание того, о каком регионализме идет речь – о поверхностном или глубинном. В первом случае страны лишь устраняют тарифы в торговле между собой. При глубоком регионализме межстрановые соглашения не только связаны с либерализацией торговли, но и охватывают правила конкуренции, инвестиции, защиту интеллектуальной собственности [2]. Если региональная интеграция между странами неглубока, то это позволяет им сохранить значительное влияние во всех аспектах экономики, тогда как глубокий регионализм, как справедливо полагает Р. Трэшэр, ограничивает возможности национальных государств к формированию стратегий финансовой стабильности и экономического роста [3]. Европейский союз (далее – ЕС) – наиболее успешный и очевидный пример глубокой региональной интеграции. Разница между поверхностными и глубинными региональными интеграционными группировками в основном обнаруживается с точки зрения масштаба и эффективности, однако эта разница также может проявляться и в контексте воздействия таких объединений на благосостояние [4].

Существенный вызов для международной торговли произошел с начала пандемии, а затем – вследствие российско-украинского конфликта. Вместе с тем международная торговля имеет свойство быстро восстанавливаться после кризисов и в дальнейшем ускоряться. Аналогично быстро имеют свойство возобновляться трансграничные прямые инвестиции. По мере сокращения международных потоков капитала и торговли значительно растут трансграничные потоки данных. Однако дело даже не в том, как складывается динамика отдельных показателей, характеризующих международные экономические отношения. Гораздо острее обстоит проблема разобщения стран: уже ставший хроническим торговый конфликт между Соединенными Штатами Америки (далее – США) и Китаем усиливает напряженность в экономиках тех стран, которые связаны с указанными ключевыми державами. Эксперты отмечают сокращение внимания США и Китая к взаимным потокам товаров, услуг и факторов производства, хотя объемы торговли и движения капитала между странами пока остаются высокими [5].

Перебои в работе экономики во время пандемии в комбинации с усилением геополитической напряженности в последние полтора года обусловили продвижение нарратива о том, что в мире наблюдается уход от глобализации в сторону большей регионализации международных экономических отношений, которые все сильнее будут замыкаться между отдельными регионами, а не строиться в формате единого мирового рынка. Однако пока рано говорить о таком сдвиге в пользу регионализации, поскольку большая часть международной торговли и международного движения капитала, как и прежде, осуществляется на большие расстояния. В пользу регионализации международной торговли и трансграничных инвестиций свидетельствует все большая ориентация международных компаний на так называемый «ниаршоринг» (то есть значительное приближение производства к потребителю), как это отмечает Ш. Эшкрофт [6]. С другой стороны, следует отметить существенную регионализацию некоторых международных потоков, например, в Азии, и этот аспект служит детерминантой, ограничивающей дальнейшую регионализацию. Регионализация продолжает свое развитие вследствие усиливающегося торгового протекционизма между странами, а также повышения контроля правительств отдельных стран над международными инвестициями в целях национальной безопасности.

Следует отметить, что классические теории международной торговли идут вразрез с усилиями по регионализации, поскольку региональные соглашения чаще всего регулируют торговлю, что ставит под сомнение реализацию сравнительных преимуществ в открытой экономике. Исторически, например, индустриализация была связана с региональным развитием за счет бурного преобразования внутриотраслевой торговли. Тем не менее в группе развивающихся стран лишь государствам Восточной Азии удалось продемонстрировать успех регионального сотрудничества и развития внутрирегиональных связей. Несмотря на неудачи, региональные интеграционные соглашения не снимаются с повестки ни в Латинской Америке, ни в Африке.

В целом одним из препятствий повестки современного международного сотрудничества является региональная интеграция вне зависимости от того, как она происходит – эволюционно или путем создания торгово-экономических соглашений. Идеи региональной интеграции в последние два десятилетия получили новый импульс вследствие интереса к ней со стороны развивающихся стран: особенное внимание сосредоточивается на межрегиональных торговых соглашениях [7]. Новый этап формального регионализма связан с усилением международных торговых связей внутри обширной группы развивающихся стран, а также с акцентом на финансирование регионального развития. Однако остается ряд ключевых вопросов по поводу перспектив современных усилий по регионализации. Во-первых, имеется объективный разрыв между регионализмом долгосрочного развития и формальным регионализмом, особенно в условиях развития мегарегиональных торговых соглашений. В настоящее время формируется множество соглашений между странами, однако под вопросом остается их способность обеспечивать устойчивые экономические развитие и рост. Во-вторых, имеет место проблема институциональной устойчивости, глубины и адаптивности регионализма в тех формах, в которых он чаще всего реализуется.

ГЛОБАЛЬНАЯ КОНВЕРГЕНЦИЯ В УСЛОВИЯХ НОВОГО РЕГИОНАЛИЗМА

Современная глобальная конвергенция в условиях нового регионализма протекает крайне неравномерно. Сокращение разрыва в развитии регионов – задача, глобальная по охвату, исследуемая повсеместно Всемирным банком, эксперты которого полагают, что сокращение разрыва в уровнях жизни людей возможна за счет корректировки экономической политики и оптимальной комбинации инфраструктур [8]. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) также в своих документах долгие годы указывала на необходимость использования потенциала регионального роста и реализации политики сбалансированного регионального развития. Аналогичные стратегии продвигаются в региональной политике стран ЕС, США и Китая.

Между тем для внутристранового экономического роста за последние 30 лет была характерна высокая пространственная концентрация, а темпы конвергенции между регионами внутри стран начали замедляться с 1980 г., а к 2010 г. эта конвергенция в большинстве стран затормозилась. Снижение такой конвергенции отчасти следует связывать с экономическим развитием и трансформацией структуры экономики в сторону увеличения доли услуг. Сфера услуг в большей степени, чем другие сектора (сельское хозяйство и промышленность), регионально сконцентрирована. Оценки моделирования, проведенного коллективом исследователей во главе с С. Чаттерджи, показывают, что по мере того, как экономика страны трансформируется в сторону услуг, экономическая деятельность все более пространственно концентрируется, а конвергенция регионов уменьшается, усиливая в итоге как структурные трансформации в сфере услуг, так и глобальное экономическое неравенство [9].

Существует немало классических исследований, посвященных структурной трансформации экономики и переходу от сельского хозяйства к промышленности (в частности, на примере США это прослеживается в одном из исследований F. Caselli, W.J. Coleman [10]). Хотелось бы предположить, что развитие сферы услуг способствовало бы снижению региональной конвергенции, тем более что, учитывая пример такой крупной страны, как Индия, подтверждено усиление внутристранового неравенства вследствие развития сферы услуг, что, впрочем, также вызывало бы бурный экономический рост страны [11]. Вероятнее всего, в структурной трансформации есть своя географическая детерминанта, то есть концентрация экономики страны в нескольких ключевых местах способна изменить характер экономического роста.

Исследователи проанализировали данные 34 стран (включая почти 700 регионов) за 1980–2015 гг. и доказали, что в среднем в стране региональная конвергенция со временем снижается, что вступает в противоречие с более ранними выводами о том, что бедные страны догоняют остальной мир быстрее, чем

это было ранее [9]. Глобальная конвергенция, таким образом, идет крайне неравномерно. Структурная трансформация и переход экономики от сельского хозяйства к промышленности обусловили большую конвергенцию, чем наблюдается за счет перехода экономики в сторону развития сферы услуг. Это важный аспект с точки зрения ответа на вопрос: «Каковы последствия для глобального роста несет уменьшение региональной конвергенции?»

На уровне самого успешного интеграционного объединения (а именно ЕС) в последние годы сложился ряд вызовов для региональной конвергенции. Недавно экономическая интеграция в ЕС столкнулась с рядом противоречий, что, в частности, выражается в росте евроскептицизма, особенно после глобального кризиса 2008 г. [12]. Отчасти эти проблемы объясняются упадком в социально-экономическом развитии отдельных регионов, которые некогда считались процветающими. В. Шмидт отмечает, что стагнация в экономике и демографические факторы привели к утрате динамизма в развитии некоторых регионов [13]. К. Ленци и Г. Перучча указывают, что люди, живущие в таких регионах, ощущают себя в ловушке, поскольку считают, что у них нет будущего [14]. Экономические перспективы этих регионов значительно ухудшились, и регионы, оказавшиеся в ловушке развития, испытывают меньший экономический рост (измеряемый валовым внутренним продуктом на душу населения, производительностью и занятостью), чем в среднем по ЕС. После кризиса 2008 г. число таких регионов в ЕС возросло, а ранее для них был характерен всплеск роста и достижение среднего уровня доходов, однако теперь они находятся в состоянии стагнации (при этом риск попадания в ловушку развития выше для регионов со средним уровнем дохода).

Следует указать, что преодоление внутрирегиональной конвергенции в ЕС во многом зависит от характера и интенсивности ловушки регионального развития, которая определена А. Димером как состояние, когда регион начинает сталкиваться с серьезными структурными проблемами с точки зрения восстановления экономической динамики либо повышения благосостояния людей [15]. Фактором такой ловушки, помимо демографической и экономической стагнации, стала адаптация регионов к вызовам глобализации, региональной экономической интеграции, переходу к «зеленой» экономике и цифровизации. В частности, в исследовании А. Пайка были отмечены регионы, утратившие свои позиции в промышленном производстве и экономическом росте [16]. А. Родригез-Позе обоснованно полагает, что анализ ловушек регионального развития требует расширения по нескольким аспектам, особенно в части причин таких ловушек и механизмов их преодоления [17]. Преодоление ловушек возможно за счет развития сферы образования, увеличения инноваций и повышения качества государственного управления, однако региональная специфика будет детерминировать комбинацию инвестиций и указанных мер. Также необходимо принимать во внимание интенсивность ловушки, поскольку люди в регионах с наибольшими потерями доходов и наименьшими перспективами трудоустройства, многолетней стагнацией производительности полагают, что у них отсутствуют перспективы преодоления ловушки. Очевидно, что ловушка регионального развития в большей степени поражает менее развитые страны ЕС – страны Прибалтики, Румынию, Словакию, Чехию. Внутри указанных стран, не таких больших по территории и населению, имеются значительные межрегиональные контрасты. Вместе с тем интенсивность ловушки в этих странах ниже, тогда как она выше в депрессивных регионах Франции, Италии, а особенно – в Греции и Хорватии.

ПРОБЛЕМЫ НЕСБАЛАНСИРОВАННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ НЕКОТОРЫХ СТРАН

Хорошим наглядным примером для анализа внутристрановой конвергенции являются страны с большой территорией и ярко выраженными социально-экономическими диспропорциями в развитии отдельных регионов. Так, история свидетельствует, что неравномерное развитие регионов и скачки в региональном развитии стали классической проблемой для Китая, и межрегиональное развитие этой страны претерпевало со временем ряд стабильных и нестабильных периодов [18]. Дискуссия о несбалансированном развитии регионов рассматривалась в ряде исследований китайских специалистов, и отдельного внимания заслуживают работы, посвященные конвергенции регионального развития [19; 20]. Опыт Китая убедительно свидетельствует о том, что для развивающихся стран по мере их перехода в статус развитых экономик сбалансированное региональное развитие должно отражаться в росте уровня и качества жизни людей, отвечая многогранным, многоуровневым и диверсифицированным потребностям.

Инновации в свою очередь должны способствовать улучшению экономической и производственной структуры региона, выстраиванию эффективной социальной системы. Кроме того, исследователи указывают на необходимость оптимизации региональных функций и промышленного планирования [16].

Пример Российской Федерации (далее – РФ, Россия) не менее показателен, и ученые, изучающие региональное развитие, уделяют особое внимание РФ ввиду значительного регионального разнообразия и неравенства, а также проблем региональной конвергенции. Большинство таких научных работ посвящено именно гипотезе о существовании конвергенции и оценке ее скорости. Однако современные исследования сходятся в том, что для регионов (или стран) характерны разные модели и пути роста и конвергенция может происходить по-разному. В одном из таких исследований на основе данных о душевом валовом региональном продукте в 1996–2017 гг. в России выделяется четыре так называемых «клуба конвергенции» [21]. Они могут формироваться вследствие воздействия разных факторов – внешних эффектов, несовершенства рынков капитала (в частности, в научной литературе разрабатывались разные методики определения таких клубов) [22]. В период после 2000 г. тенденция к ярко выраженной региональной конвергенции в России не сложилась, но здесь свою роль играют огромное число регионов, их широкое разнообразие с точки зрения природно-географических условий, национально-культурной специфики, накопления капитала. В связи с этим для отдельных регионов РФ стали характерны неоднородные модели роста, и при совершенствовании методологии оценки динамики регионального роста необходимо учитывать данную неоднородность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом международное сотрудничество стран испытывает серьезные ограничения из-за сложностей с достижением региональной конвергенции на разных уровнях – международном, внутрирегиональном и внутристрановом. Открытый регионализм развития, если такой стратегии придерживаются страны-участницы, позволяет им, осуществляя сотрудничество, не отклоняться от стратегий устойчивого и инклюзивного развития, а именно – создавать рабочие места за счет технологической модернизации и экономической диверсификации, ускорять рост производительности [7]. Если страны активно управляют региональной торговлей, это может предохранить их от неблагоприятного воздействия экзогенных шоков. Открытый регионализм развития может также защитить страны от усложняющегося мирового порядка и геополитической нестабильности.

Вследствие усложнения мировых экономических кризисов и их большей взаимосвязанности политические решения должны направляться на защиту от потрясений в будущем и на снижение глобального и внутристранового неравенства. Рост геополитической напряженности и экономическая нестабильность усложняют многосторонний диалог по разрешению глобальных вопросов и, безусловно, будут тормозить решение проблем региональной конвергенции на внутристрановом уровне. В связи с этим странам и их регионам необходимы механизмы адаптации к вызовам финансовых и экономических кризисов нового типа.

Библиографический список / References

1. Baier S.L., Bergstrand J.H., Egger P. The New Regionalism: Causes and consequences. *Économie international*, 2007;109:9–29.
2. Kang Y. Development of Regionalism: New Criteria and Typology. *Journal of Economic Integration*. 2016;31(2):234–274.
3. Thrasher R.D. *Constraining Development: The Shrinking of Policy Space in the International Trade Regime*. New York: Anthem Press; 2021. 250 p.
4. Capaldo J. *Mega-Regional Trade Agreements Implications for Inclusive Development. Multi-year Expert Meeting on Enhancing the Enabling Economic Environment at All Levels in Support of Inclusive and Sustainable Development (2nd session) Towards an enabling multilateral trading system for inclusive and sustainable development, Geneva, 8–9 December 2014, UNCTAD*. https://unctad.org/system/files/non-official-document/cimem5_2014_Capaldo.pdf (accessed 22.06.2023).
5. Altman S.A., Bastian C.R. *The State of Globalization in 2023*. https://hbr.org/2023/07/the-state-of-globalization-in-2023 (accessed 16.06.2023).
6. Ashcroft S. *Nearshoring happening "faster than expected", says Gartner*. https://supplychaindigital.com/supply-chain-risk-management/nearshoring-happening-faster-than-expected-says-gartner (accessed 24.06.2023).
7. UNCTAD. *Trade and Development Report 2022: Development prospects in a fractured world: Global disorder and regional responses*. N.Y. & Geneva: UNCTAD; 2022. Pp. 114–124.
8. Aoyama Y., Horner R. World development report 2009: Reshaping economic geography, by the World Bank. *Journal of Regional Science*. 2010;50(5):1001–1004.

9. Chatterjee S., Giannone E., Kuno K. Unequal Global Convergence. *World Bank Working Paper*. 2022:39.
10. Caselli F., Coleman W.J. The US Structural Transformation and Regional Convergence: A Reinterpretation. *Journal of Political Economy*. 2001;109(3):584–616.
11. Fan T., Peters M., Zilibotti F. Growing Like India: The Unequal Effects of Service-Led Growth. *NBER Working Paper Series*. 2022;28551:45.
12. Dijkstra L., Poelman H., Rodríguez-Pose A. The geography of EU discontent. *Regional Studies*. 2020;54(6):737–753.
13. Schmidt V.A. The discursive construction of discontent: varieties of populist anti-system ideas and discursive interactions in Europe. *Journal of European Integration*. 2022;44(2):165–182.
14. Lenzi C., Perucca G. People or places that don't matter? Individual and contextual determinants of the geography of discontent. *Economic Geography*. 2021;97(5):415–445.
15. Albanese G., Barone G., De Blasio G. Populist voting and losers' discontent: Do es redistribution matter? *European Economic Review*. 2022;141:104000.
16. Pike A. Coping with deindustrialization in the global North and South. *International Journal of Urban Sciences*. 2022;26(1):1–22.
17. Rodríguez-Pose A., Dijkstra L., Poelman H. *The geography of EU discontent and the regional development trap. European Commission Working Paper*. Luxembourg: Publications Office of the European Union; 2023. 44 p.
18. Deng X. et al. A review of the balance of regional development in China from the perspective of development geography. *Journal of Geographical Sciences*. 2022;32:3–22.
19. Liu B.L., Zhu J.F., Zhou Y.L. The evolution of China's regional economic theory and its future prospects. *Management World*. 2020;36(2):182–194.
20. Hong G.Z, Hu H.Y, Li X. Analysis of regional growth convergence with spatial econometrics in China. *Acta Geographica Sinica*. 2010;65(12):1548–1558.
21. Taymaz E. Regional Convergence or Polarization: The Case of the Russian Federation. *Regional Research of Russia*. 2022;12:469–482.
22. Phillips P.C.B., Sul D. Economic transition and growth. *Journal of Applied Econometrics*. 2009;24 (7):1153–1185.

УДК 336.1 JEL E62 DOI 10.26425/1816-4277-2023-9-12-20

Совершенствование управления государственными расходами на социальную поддержку семей с детьми в контексте обеспечения стратегического развития Российской Федерации

Балынин Игорь Викторович

Канд. экон. наук, доц. Департамента общественных финансов Финансового факультета
ORCID: 0000-0002-5107-0784, e-mail: Igorbalynin@mail.ru

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена тем, что в условиях снижения рождаемости населения на 28 % (за период 2014–2021 гг.) и серьезной ограниченности бюджетных средств (при запланированном дефиците федерального бюджета на 2023 г. в объеме 2,93 трлн руб.) необходимо достичь национальные цели развития Российской Федерации (далее РФ) на период до 2030 г. Целью исследования является разработка обоснованного перечня рекомендаций по совершенствованию управления государственными расходами на социальную поддержку семей с детьми с точки зрения обеспечения стратегического развития РФ, учитывая современные социально-экономические реалии. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: проанализировать существующую практику социальной поддержки семей с детьми; показать ее значение для обеспечения стратегического развития РФ; сформулировать предложения для модернизации управления государственными расходами на социальную поддержку семей с детьми, принимая во внимание современную социально-экономическую обстановку. Методы исследования основаны на анализе и синтезе числовых данных, а также текстовой информации. Перспективными направлениями исследования являются вопросы, связанные с оценкой влияния реализации бюджетной политики в области социальной поддержки семей с детьми на рынок труда и пенсионную систему РФ (и наоборот). По итогам исследования сделан вывод, что обеспечение стратегического развития РФ требует решения проблем воспроизводства населения посредством разработки мер социальной поддержки семей с детьми, которые не формируют увеличение расходных обязательств РФ. Авторские предложения могут быть использованы в практической деятельности Министерства финансов РФ, Министерства труда и социальной защиты РФ.

Ключевые слова

Бюджетная политика, социальная поддержка, стратегическое развитие, стратегическая бюджетная политика, материнский капитал, демография

Для цитирования: Балынин И.В. Совершенствование управления государственными расходами на социальную поддержку семей с детьми в контексте обеспечения стратегического развития Российской Федерации // Вестник университета. 2023. № 9. С. 12–20.

© Балынин И.В., 2023.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Improving the management of public spending on social support for families with children in the context of ensuring the strategic development of the Russian Federation

Igor V. Balynin

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Public Finance Department of the Finance Faculty
ORCID: 0000-0002-5107-0784, e-mail: Igorbalynin@mail.ru

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract

The study relevance is due to the fact that in the conditions of a decrease in the birth rate of the population by 28% (for the period 2014–2021) and serious budget constraints (with a planned deficit of the federal budget for 2023 in the amount of 2.93 trillion rubles) it is necessary to achieve the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030. The study purpose is to develop a reasonable list of recommendations for improving the management of public spending on social support for families with children in context of ensuring strategic development of the Russian Federation, considering modern socio-economic realities. To achieve this goal, it is necessary to solve the following tasks: to analyze the existing practice of social support for families with children; to show its importance for ensuring the strategic development of the Russian Federation; to formulate proposals for modernizing management of public spending on social support for families with children, taking into account the current socio-economic situation. The research methods are based on the analysis and synthesis of numerical data, as well as textual information. Promising areas of research are issues related to assessment of the implementation impact of budgetary policy in field of social support for families with children on labor market and pension system (and vice versa). According to the results of the study, it is concluded that ensuring the strategic development of the Russian Federation requires solving the problems of population reproduction through the development of social support measures for families with children that do not form an increase in the expenditure obligations of the Russian Federation. The author's proposals can be used in the practical activities of the Ministry of Finance of the Russian Federation, the Ministry of Labor of the Russian Federation.

Keywords

Budget policy, social support, strategic development, strategic budget policy, maternity capital, demography

For citation: Balynin I.V. (2023) Improving the management of public spending on social support for families with children in the context of ensuring the strategic development of the Russian Federation. Vestnik universiteta, no. 9, pp. 12–20.

© Balynin I.V., 2023.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

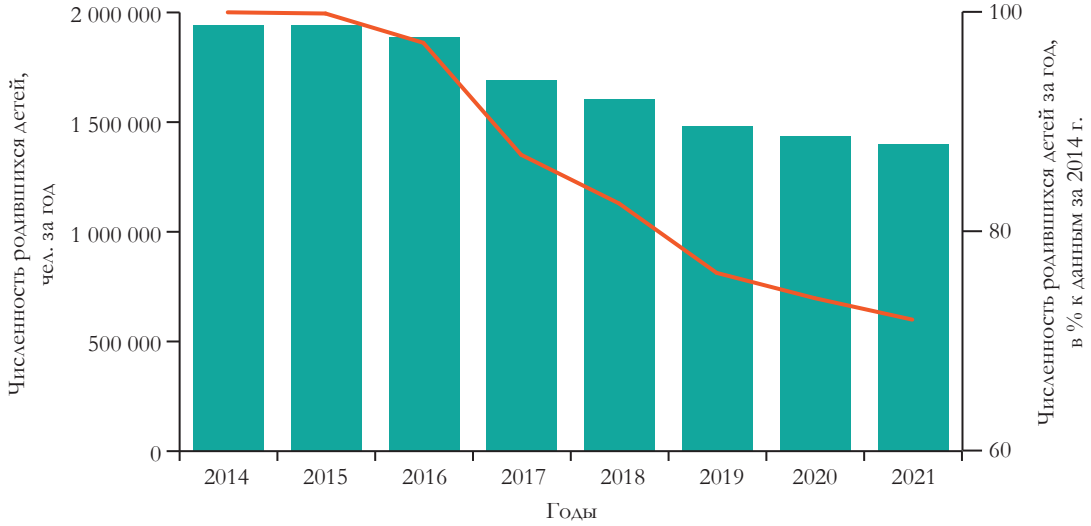
Актуальность исследования вопросов модернизации социальной поддержки семей с детьми в контексте обеспечения стратегического развития Российской Федерации (далее – РФ) подтверждается как минимум следующими фактами:

1) Указом Президента РФ от 29.05.2017 г. № 240 период 2018–2027 гг. объявлен десятилетием детства [1];

2) среди национальных целей развития РФ на период до 2030 г. содержатся задачи по увеличению численности населения (1.1.), по снижению уровня бедности (1.3.), по улучшению жилищных условий семей (3.1), по обеспечению устойчивого роста доходов (4.2) и др. [2];

3) численность населения РФ снижается. Так, в 2021 г. сокращение составило более 1 млн чел., а в 2022 г. – свыше 500 тыс. чел.;

4) численность родившихся детей с 2014 г. ежегодно снижается (например, в 2021 г. родившихся детей стало практически на 30 % меньше, чем в 2014 г.): результаты анализа приведены на рис. 1.



Составлено автором по материалу источника [3]

Рис. 1. Численность родившихся детей (2014–2021 гг.)

Целью исследования выступает разработка комплекса рекомендаций по совершенствованию управления расходами федерального бюджета на социальную поддержку семей с детьми в контексте обеспечения стратегического развития РФ. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1) проанализировать существующую практику мер социальной поддержки семей с детьми;

2) показать значение социальной поддержки семей с детьми для обеспечения стратегического развития РФ;

3) сформулировать предложения для улучшения управления расходами федерального бюджета в области социальной поддержки семей с детьми, учитывая современные социально-экономические реалии.

Научная статья содержит:

– обзор научных публикаций по вопросам организации бюджетной политики в области обеспечения социальной поддержки семей с детьми;

– определение ключевых предпосылок успешности реализации бюджетной политики в данной области с последующим определением конкретных мероприятий по ее улучшению.

ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Проведенный анализ научной литературы по рассматриваемым вопросам показал сосредоточенность авторов на следующих вопросах:

1) на модернизации бюджетной политики РФ в современных социально-экономических условиях, в том числе учет региональных особенностей развития [4–9];

2) на повышении информационной открытости органов государственной власти в сфере социальной защиты населения [10];

3) на проблемах воспроизводства населения в сельских территориях [11];
4) на доступности жилья [12];
5) на повышении адресности социальной поддержки семей с детьми [13];
6) на организации молодежной политики [14];
7) на факторах и инструментах повышения рождаемости населения [15–20].

Важно подчеркнуть, что в научных публикациях не рассматриваются аспекты, связанные с обеспечением формирования комплекса мероприятий по организации социальной поддержки семей с детьми в условиях ограниченности финансовых ресурсов и в контексте стратегического развития РФ.

ПРЕДПОСЫЛКИ УСПЕШНОСТИ БЮДЖЕТНОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ

В настоящей статье автор определяет ряд предпосылок успешности бюджетной политики в области социальной поддержки семей с детьми.

1. Ключевое ограничение успешности реализации мероприятий по росту рождаемости в РФ – половозрастная пирамида (численность населения в возрасте 20–29 лет в 1,67 раза ниже численности населения в возрасте 30–39 лет).

2. В мировой практике активно проводятся мероприятия, требующие расходов бюджетов публично-правовых образований (в том числе в форме налоговых расходов), при этом их эффективность определяется преимущественно менталитетом и качеством реализации, а не самим содержанием.

3. Откладывание решения по рождению 1-го ребенка зачастую не связано с ощущением нехватки денежных средств (построение карьеры и т.п., что обусловливает необходимость влияния на систему ценностей), а по рождению 2-го и последующих детей, наоборот, обусловлено данной проблемой.

4. Недостаточность в российской практике мер по моральному стимулированию роста рождаемости.

Также необходимо отметить, что в настоящее время объем расходов на социальную поддержку семей с детьми достаточно значителен: только из федерального бюджета в 2022 г. было направлено свыше 1,5 трлн руб. (по плановым данным, в 2023 г. – свыше 2 трлн руб.). Вместе с тем на 2023–2025 гг. запланировано исполнение федерального бюджета с ежегодным дефицитом свыше 1 трлн руб. (в частности, 2,93 трлн руб.; 2,19 трлн руб. и 1,26 трлн руб. соответственно), а объем государственных заимствований ежегодно будет увеличиваться (1,75 трлн руб.; 1,94 трлн руб. и 2 трлн руб. соответственно), что создаст ограничения для дальнейшего наращивания расходов на цели, связанные с социальной поддержкой семей с детьми.

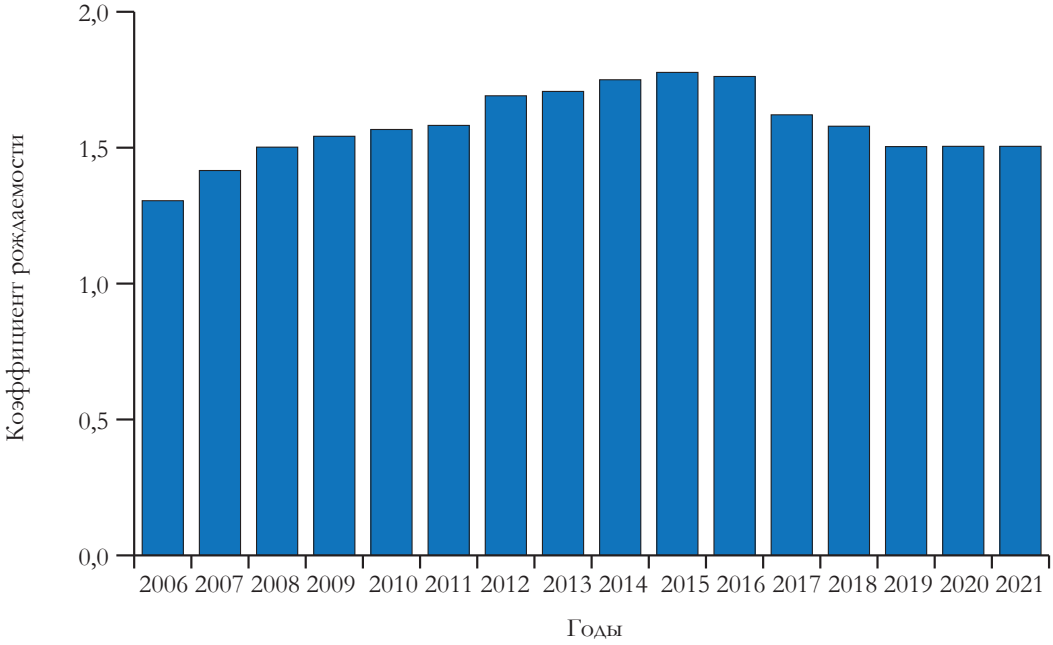
ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ БЮДЖЕТНОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ

Принимая во внимание все вышеизложенное, а также факты, отмеченные во введении, представляется целесообразным, с одной стороны, обеспечивать модернизацию бюджетной политики в области социальной поддержки семей с детьми, требующей достижения наилучших результатов, а, с другой стороны, предоставлять социальную поддержку таким семьям посредством использования наименьшего объема финансовых ресурсов.

В связи с этим автор предлагает сосредоточить усилия на тех мероприятиях, которые позволяют с минимальными денежными затратами достичь наибольшего результативного эффекта в обеспечении роста рождаемости населения в РФ.

Анализ статистических данных показал, что после введения материнского (семейного) капитала численность родившихся детей увеличилась на 8,82 %. При этом в 2015 г. численность родившихся была выше численности родившихся в 2006 г. на 28,55 %, что свидетельствует о наличии положительного эффекта от реализации социальной программы по поддержке семей с детьми [3]. Важно подчеркнуть, что в 2022 г. численность родившихся была ниже показателей 2015 г. практически на 27 %. Более того, как видно из рис. 2, суммарный коэффициент рождаемости в 2021 г. упал до 1,505 по сравнению с 2015 г. (тогда он составлял рекордные 1,777), но пока еще остается выше значения 2006 г. (в 1,305) [3]. В свою очередь, анализ востребованности направлений материнского (семейного) капитала демонстрирует тот факт, что наибольший интерес представляет улучшение жилищных условий (93 % материнского капитала направляется на решение данной задачи [21]). В связи с этим желание удовлетворить

данную потребность будет сопряжено с принятием решения родителями о многодетности при условии, что им будет предоставлена значимая сумма материальной поддержки (впоследствии это будет учтено при корректировке условий и сумм назначаемой социальной помощи в виде семейного капитала).



Составлено автором по материалу источника [3]

Рис. 2. Суммарный коэффициент рождаемости (2006–2021 гг.)

Поэтому необходимо начать с трансформации условий предоставления материнского (семейного) капитала, являющегося самой крупной социальной выплатой семьям с детьми в РФ. В частности, необходим отказ от предоставления материнского (семейного) капитала на 1-го ребенка ввиду необходимости стимулирования рождения 2-го и последующих детей (в противном случае добиться решения проблемы низкой рождаемости не представляется возможным). К тому же важно подчеркнуть, что в целях обеспечения роста числа многодетных семей необходимо обеспечить возможность получения материнского капитала неограниченное количество раз, при этом увязывая сумму выплат с очередностью рождения ребенка. Принимая во внимание проведенные автором расчеты, результаты которых учитывают отсутствие роста расходов федерального бюджета на предоставление соответствующего межбюджетного трансферта бюджету Фонда пенсионного и социального страхования РФ, представляется возможной следующая градация: на 1-го ребенка – 100 000 руб., на 2-го ребенка – 300 000 руб., на 3-го ребенка – 700 000 руб., на 4-го ребенка – 1 000 000 руб., на 5-го ребенка – 1 500 000 руб. Указанные суммы являются новой модификацией параметров семейного капитала, предоставляемого в настоящее время на федеральном уровне (данное решение не затрагивает региональные меры поддержки).

Следует также учитывать тот факт, что успешность достижения национальных целей развития РФ требует участия абсолютно всех субъектов экономической деятельности. Поэтому представляется целесообразным стимулировать работодателей к добровольному участию в софинансировании выплат многодетным семьям. Так, при осуществлении выплаты родителю ребенка со стороны работодателя суммы, эквивалентной размеру материнского (семейного) капитала, автор настоящей статьи предлагает предоставлять бесплатную разовую рекламу в средствах массовой информации (с государственным участием) и в общественном транспорте. При наличии 1 000 (с учетом экспертной оценки можно выбрать любое другое число) подобных выплат, работодателю предлагается бесплатная реклама в государственных и муниципальных учреждениях и (или) реклама (с повторами) в средствах массовой информации, а также в общественном транспорте. Важно отметить, что имеется в виду не принуждение работодателей, а исключительно поощрение органами государственной власти РФ и субъектов РФ действий, направленных на улучшение финансового благополучия многодетных семей. При этом реализация предложения не требует расходов бюджетной системы РФ, что особенно важно в современных социально-экономических условиях.

Еще один вариант, который автор предлагает использовать при реализации бюджетной политики в области социальной поддержки семей с детьми, – это запуск социальной рекламы. Следует применять формы как прямого влияния (видеоролики, плакаты, сообщения в общественном транспорте, в государственных и муниципальных учреждениях), так и косвенного (по принципу 25-го кадра: в фильмах, в новостях, в видеоклипах, в учебниках). Важным условием реализации данной идеи является наличие яркого и короткого лозунга, способствующего формированию желания по заведению ребенка. Его разработка должна быть осуществлена по итогам конкурса среди студентов, обучающихся на маркетологов, социологов и психологов. Положительные эффекты от реализации такой инициативы носят многогранный характер:

1) обеспечивается внимание населения к решению задачи по повышению рождаемости населения;

2) студенты, обучающиеся по указанным выше направлениям, получают возможность практического воплощения своих идей (что станет дополнительным мотивационным стимулом для их обучения и инструментом их дальнейшего профессионального продвижения);

3) в процесс создания рекламы вовлекаются в первую очередь граждане, являющиеся главной целевой группой (это повышает результативность рекламы среди других лиц аналогичного возраста, а также стимулирует участников конкурса выявлять для себя ключевые положительные характеристики от формирования многодетных семей).

В условиях недостаточно активного развития мер моральной поддержки населения в РФ автором предлагается:

– в целях стимулирования увеличения числа семей с 3 и 4 детьми следует награждать абсолютно всех родителей, родивших 3 и 4 ребенка соответственно, за вклад в достижение национальных целей развития РФ и за обеспечение ее экономической безопасности. Реализация данного мероприятия не создает серьезного увеличения объемов расходов бюджетной системы РФ;

– в целях стимулирования увеличения семей с 5 детьми необходимо понижать установленное требование к количеству детей для награждения орденом «Родительская слава». При этом для недопущения роста расходов федерального бюджета осуществление денежного поощрения можно оставить на текущих условиях: начиная с 7-го ребенка.

По мнению автора, для формирования положительного образа многодетных семей и активизации мер моральной поддержки населения следует организовать электронную доску почета. В данной доске почета по желанию граждан отражаются все родители, имеющие 5 и более детей (может быть установлено любое количество, исходя из параметров, приоритетов демографической политики). Также может быть организован показ фотографий многодетных семей из доски почета по телевизору, в общественном транспорте и в рекламных видеобаннерах.

Запуск электронной доски почета не требует серьезных денежных средств, даже, если для этого сформировать отдельный сайт, то потребуется не более 25 тыс. руб. в год (вместе с хостингом и арендой сервера; при этом можно использовать существующие сервера для доменов gov.ru). К тому же в случае формирования доски почета на одном из действующих сайтов или в домене «gov.ru» дополнительные расходы бюджета не потребуются (в том числе можно будет использовать существующие сервера для хранения фотографий). Автор предлагает осуществить разработку дизайна и интерфейса сайта или вкладки на существующем сайте непосредственно в высших учебных заведениях (для этого представляется целесообразным объявить Всероссийский конкурс). Дополнительным эффектом от реализации данной инициативы станет повышение уровня практической направленности образовательного процесса в вузах и востребованности работ обучающихся (что будет являться дополнительным мотивационным инструментом к качественному освоению образовательных программ).

Для повышения качества работы органов государственной власти в регионах автор предлагает установление мер морального и материального стимулирования должностных лиц субъектов РФ. Учитывая региональную дифференциацию по показателям рождаемости и при условии наличия позитивной динамики по таким показателям, в соответствующем субъекте РФ должны применяться меры морального и материального стимулирования должностных лиц субъектов РФ, ответственных за реализацию демографической политики. Также среди механизмов реализации может быть осуществлено построение рейтингов. В целях недопущения роста нагрузки на федеральный бюджет результаты реализации демографической политики могут учитываться в рамках существующих систем материальной мотивации

(англ. key performance indicator – ключевой показатель эффективности, KPI) высших должностных лиц РФ и при распределении межбюджетных трансфертов региональным бюджетам (в том числе сопряженных с реализацией национального проекта «Демография»).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, по итогам проведенного исследования следует сделать следующие выводы. Для поддержания стратегического развития России автор считает крайне важным обеспечить проведение работы по модернизации бюджетной политики РФ в области социальной поддержки семей с детьми с учетом значимых аспектов:

– во-первых, ограниченности финансовых ресурсов (запланирован дефицит федерального бюджета на 2023 г. в объеме 2,93 трлн руб.; более того, по фактическим данным, на 15.06.2023 г. дефицит федерального бюджета составляет практически 4 трлн руб.);

– во-вторых, особенности текущей демографической ситуации (снижение рождаемости детей на 28 % за период 2014–2021 гг.);

– в-третьих, недостаточности развития мер неденежной поддержки семей с детьми (анализ показал практически полное отсутствие использования данного инструмента).

В числе потенциальных дальнейших направлений исследования могут быть рассмотрены вопросы, связанные с оценкой влияния реализации бюджетной политики в области социальной поддержки семей с детьми на рынок труда и пенсионную систему РФ (и наоборот). При этом особое внимание следует обратить на половозрастные различия (с учетом демографических волн) в региональном преломлении. Представляется, что это имеет огромное значение для обеспечения достижения национальных целей развития РФ на период до 2030 г.

Библиографический список

1. Президент Российской Федерации. *Указ Президента Российской Федерации «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства»*. http://www.kremlin.ru/acts/bank/41954 (дата обращения: 23.05.2023).
2. Президент Российской Федерации. *Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях развития России до 2030 года»*. http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728 (дата обращения: 23.05.2023).
3. Федеральная служба государственной статистики. *Официальный сайт*. https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 24.05.2023).
4. Солянникова С.П. Современные трансформации концепций и институциональных основ управления финансами государственного сектора. *Финансы*. 2022;9:17–22.
5. Солянникова С.П. Надлежащая бюджетная политика для меняющейся экономики. *Мир новой экономики*. 2021;15(2):6–15.
6. Буздалина О.Б. Отдельные аспекты совершенствования инструментов управления государственными финансами. *Аудиторские ведомости*. 2019;4:36–41.
7. Сергиенко Н.С. Зарубежная практика региональной поддержки малого и среднего бизнеса в условиях пандемического кризиса. *Аудит и финансовый анализ*. 2021;4:50–55.
8. Полякова О.А., Ложечко А.С. Трансформация подходов к организации внутреннего финансового аудита в государственном секторе в Российской Федерации. *Экономика и предпринимательство*. 2021;3(128):60–66.
9. Кашбразиев Р.В., Панасюк М.В., Трофимов А.М. Теория и модели управления социально-экономическими региональными системами. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. 2005;5:7–14.
10. Ромайкин П.Д. Информационная открытость органов власти в сфере социальной защиты населения в условиях цифровой трансформации: проблемы и направления модернизации. *Аудиторские ведомости*. 2021;2:217–219.
11. Гайнутдинова Е.А., Осипов А.К., Кондратьев Д.В. Проблемы воспроизводства человеческих ресурсов сельской местности региона. *Фундаментальные исследования*. 2020;8:12–16.
12. Сухинина А.Р., Королева Е.В., Ефимов Е.А., Благой Н.А. Доступность жилья и определяющие ее факторы в регионах России. *Вестник Академии*. 2022;2:70–81.
13. Ромайкин П.Д. К вопросу об усилении адресности мер социальной поддержки семей с детьми в Российской Федерации. *Самоуправление*. 2021;1(123):405–408.
14. Сергиенко Н.С. Программный подход в реализации государственной молодежной политики: зарубежная практика. *Самоуправление*. 2022;3(131):661–664.

15. Ильдарханова Ч.И., Ершова Г.Н., Ершова Ю.Н., Ибрагимова А.А. Экономические факторы повышения рождаемости в Приволжском федеральном округе: ретроспективный анализ (2000-2020 гг.). *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. 2022;13(2):288–303.
16. Корнев Д.В., Рожков Р.С., Рожков С.Н. Экономические механизмы стимулирования рождаемости как инструмент повышения устойчивого функционирования региона (на примере Амурской области). *Научные известия*. 2022;26:189–193.
17. Капитонов В.Ф., Ли-Ги-Ру С.Ю. Рождаемость и потенциальные меры повышения ее уровня. *Социальные аспекты здоровья населения*. 2021;67(2):10.
18. Торцев А.М., Студенов И.И. Инструменты стимулирования рождаемости в арктических регионах России. *Региональная экономика: теория и практика*. 2021;19(7):1382–1402.
19. Кулькова И.А. Факторы и направления влияния повышения пенсионного возраста на рождаемость. *Modern Economy Success*. 2020;6:84–88.
20. Щербаков А.И. Повышение рождаемости – основная цель демографической политики России. *Социально-трудовые исследования*. 2019;3(36):143–152.
21. Счетная палата Российской Федерации. *Выступление Сергея Штогрина в Госдуме по исполнению бюджетов ФСС и ПФР*. https://ach.gov.ru/news/vystuplenie-sergeya-shtogrina-v-gosdume-po-ispolneniyu-byudzhetov-fss-i-pfr (дата обращения: 25.05.2023).

References

1. The President of the Russian Federation. *Decree of the President of the Russian Federation "On the declaration of the Decade of Childhood in the Russian Federation"*. http://www.kremlin.ru/acts/bank/41954 (accessed 23.05.2023). (In Russian).
2. The President of the Russian Federation. *Decree of the President of the Russian Federation "On the national development Goals of Russia until 2030"*. http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728 (accessed 23.05.2023). (In Russian).
3. Solyannikova S.P. Modern transformations of concepts and institutional foundations of public sector financial management. *Finance*. 2022;9:17–22. (In Russian).
4. Solyannikova S.P. Appropriate budget policy for a changing economy. *World of New Economics*. 2021;15(2):6–15. (In Russian).
5. Buzdalina O.B. Separate aspects of improving public finance management tools. *Auditorskie Vedomosti*. 2019;4:36–41. (In Russian).
6. Sergienko N.S. Foreign practice of regional support for small and medium-sized businesses in a pandemic crisis. *Audit and financial analysis*. 2021;4:50–55. (In Russian).
7. Polyakova O.A., Lozhechko A.S. Transformation of approaches to the organization of internal financial audit in the public sector in the Russian Federation. *Economics and Entrepreneurship*. 2021;3(128):60–66.(In Russian).
8. Kashbraziev R.V., Panasyuk M.V., Trofimov A.M. Theory and models of management of socio-economic regional systems. *Izvestia of the Russian Academy of Sciences. Geographic series*. 2005;5:7–14. (In Russian).
9. Romaikin P.D. Information openness of authorities in the field of social protection of the population in the context of digital transformation: problems and directions of modernization. *Auditorskie Vedomosti*. 2021;2:217–219. (In Russian).
10. Gainutdinova E.A., Osipov A.K., Kondratiev D.V. Problems of reproduction of human resources in rural areas of the region. *Fundamental research*. 2020;8:12–16. (In Russian).
11. Sukhinina A.R., Koroleva E.V., Efimov E.A., Blagoy N.A. Availability of housing and its determining factors in the regions of Russia. *Bulletin of the Academy*. 2022;2:70–81. (In Russian).
12. Romaikin P.D. To the question of strengthening the targeting of measures of social support for families with children in the Russian Federation. *Self-management*. 2021;1(123):405–408. (In Russian).
13. Sergienko N.S. Program approach in the implementation of state youth policy: foreign practice. *Self-management*. 2022;3(131):661–664. (In Russian).
14. Ildarkhanova Ch.I., Ershova G.N., Ershova Yu.N., Ibragimova A.A. Economic factors for increasing the birth rate in the Volga Federal District: a retrospective analysis (2000-2020). *MID (Modernization. Innovations. Development)*. 2022;13(2):288–303. (In Russian).
15. Kornev D.V., Rozhkov R.S., Rozhkov S.N. Economic mechanisms for stimulating the birth rate as a tool to improve the sustainable functioning of the region (on the example of the Amur Region). *Nauchnye Izvestiya*. 2022;26:189–193. (In Russian).
16. Kapitonov V.F., Li-Gi-Ru S.Yu. Fertility and potential measures to increase its level. *Social aspects of public health*. 2021;67(2):10. (In Russian).
17. Tortsev A.M., Studenov I.I. Instruments for stimulating the birth rate in the Arctic regions of Russia. *Regional Economics: Theory and Practice*. 2021;19(7):1382–1402. (In Russian).

18. Kulkova I.A. Factors and directions of the impact of raising the retirement age on the birth rate. *Modern Economy Success*. 2020;6:84–88. (In Russian).
19. Shcherbakov A.I. Increasing the birth rate - the main goal of the demographic policy of Russia. *Social and labor research*. 2019;3(36):143–152. (In Russian).
20. Federal State Statistics Service. *Official website*. https://rosstat.gov.ru / (accessed 24.05.2023). (In Russian).
21. The Accounts Chamber of the Russian Federation. *Sergey Shtogrin's speech in the State Duma on the execution of the budgets of the Federal Social Service and the FIU*. https://ach.gov.ru/news/vystuplenie-sergeya-shtogrina-v-gosdume-po-ispolneniyu-byudzhetov-fss-i-pfr (accessed 25.05.2023). (In Russian).

УДК 339.13 JEL M16 DOI 10.26425/1816-4277-2023-9-21-29

Повышение международной конкурентоспособности вузов в глобальном цифровом пространстве

Бондаренко Владимир Викторович

Д-р экон. наук, дир. Пензенского филиала, проф. каф. менеджмента, информатики и общегуманитарных наук
ORCID: 0000-0002-6716-1963, e-mail: VVBondarenko@fa.ru

Таишева Ксения Сергеевна

Соискатель, зав. учебной частью Пензенского филиала
ORCID: 0000-0001-6222-3857, e-mail: KSTaisheva@fa.ru

Тампей Татьяна Валерьевна

Студент
ORCID: 0000-0002-2265-2312, e-mail: tatyana.tampei@yandex.ru

Пензина Дарья Петровна

Студент магистратуры
ORCID: 0000-0003-2919-8404, e-mail: darya.pitaikina@yandex.ru

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

Аннотация

В настоящей статье рассмотрено понятие конкурентоспособности вузов, представленное современными исследователями. Выявлены и проанализированы важнейшие факторы повышения международной конкурентоспособности вузов в глобальном цифровом пространстве. Установлена значимость процесса интернационализации преподавательского и студенческого состава, а также внедрения в образовательные программы вузов международных практик с использованием цифровых технологий. Представлены результаты социологического опроса обучающихся в российских высших учебных заведениях. Определены факторы, оказывающие наибольшее влияние на выбор студентами вуза и образовательной программы. Изучено отношение студентов к получению опыта международного обучения в цифровом образовательном пространстве, и подготовлены практико-ориентированные рекомендации по повышению международной конкурентоспособности вузов. Кроме того, при составлении рекомендаций были учтены внешнеполитические факторы, оказывающие влияние на интенсивность международной деятельности российских высших учебных заведений.

Ключевые слова

Конкурентоспособность вузов, международное образовательное пространство, интернационализация, глобальное цифровое пространство, цифровизация образования

Благодарности. Статья подготовлена в рамках научно-учебной лаборатории в структуре факультетов/филиалов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации «Стратегии повышения конкурентоспособности международной деятельности вузов в глобальном цифровом образовательном пространстве» (Приказ №1216/о от 28 мая 2021 г.).

Для цитирования: Бондаренко В.В., Таишева К.С., Тампей Т.В., Пензина Д.П. Повышение международной конкурентоспособности вузов в глобальном цифровом пространстве // Вестник университета. 2023. № 9. С. 21–29.

© Бондаренко В.В., Таишева К.С., Тампей Т.В., Пензина Д.П., 2023.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Improving the international competitiveness of universities in the global digital space

Vladimir V. Bondarenko
Dr. Sci. (Econ.), Director of the Penza branch, prof. at the Department of Management, Computer Science and General Humanitarian Sciences
ORCID: 0000-0002-6716-1963, e-mail: VVBondarenko@fa.ru

Ksenia S. Taisheva
Applicant, Head of the Educational Department in the Penza branch
ORCID: 0000-0001-6222-3857, e-mail: KSTaisheva@fa.ru

Tatiana V. Tampey
Student
ORCID: 0000-0002-2265-2312, e-mail: tatyana.tampei@yandex.ru

Darya P. Penzina
Graduate student
ORCID: 0000-0003-2919-8404, e-mail: darya.pitaikina@yandex.ru

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract

The article examines the competitiveness concept of universities, presented by modern researchers. The most important factors of increasing the international competitiveness of universities in the global digital space are identified and analyzed. The internationalization importance of teaching personnel and student staff, as well as the introduction of international practices using digital technologies into the universities educational programs' is established. The results of a sociological survey of students in Russian higher educational institutions are presented. The factors that have the greatest influence on the choice of university and educational program by students are determined. The attitude of students to gaining international learning experience in the digital educational space has been studied and practice-oriented recommendations for improving the international competitiveness of universities have been prepared. In addition, foreign policy factors influencing the intensity of international activity of Russian higher education institutions were taken into account when making recommendations.

Keywords

Competitiveness of universities, international educational space, internationalization, global digital space

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the scientific and educational laboratory in the structure of faculties/branches of the Financial University under the Government of the Russian Federation "Strategies for increasing the competitiveness of international activities of universities in the global digital educational space" (Order no. 1216/o dated May 28, 2021).

For citation: Bondarenko V.V., Taisheva K.S., Tampey T.V., Penzina D.P. (2023) Improving the international competitiveness of universities in the global digital space. *Vestnik universiteta*, no. 9, pp. 21–29.

© Bondarenko V.V., Taisheva K.S., Tampey T.V., Penzina D.P., 2023.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

В связи с глобальными экономическими угрозами высшие учебные заведения (далее – вуз) в Российской Федерации (далее – РФ) функционируют в сложных социально-экономических и международных условиях. Уменьшение численности абитуриентов, сокращение бюджетного финансирования образовательной деятельности способствуют повышению уровня как конкурентной борьбы между вузами, так и трансформации факторов международной конкурентоспособности.

В условиях пандемии, вызванной коронавирусной инфекцией, многие российские вузы стали использовать в образовательном процессе цифровые технологии. Следовательно, применение дистанционных технологий стало одним из критериев конкурентоспособности при выборе вуза иностранными и российскими абитуриентами. Кроме того, произошли некоторые изменения в конъюнктуре рынка в связи с обострением политической обстановки в мире. Все перечисленное оказывает влияние на стратегию продвижения вуза на международном рынке.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

Для понимания сущности понятия конкурентоспособности вузов следует обратиться к мнению исследователей и специалистов. В научных работах авторов фигурируют различные определения понятия «конкурентоспособность вузов», приведенные в табл. 1.

Таблица 1

Теоретические определения понятия «конкурентоспособность вузов»

Исследователи	Трактовка понятия
Д.Л. Кузнецов	«…определение конкурентоспособности предполагает реальную и потенциальную способность высшего учебного заведения удовлетворять запрос потребителей образовательных услуг в сфере определенных профессиональных знаний, умений и навыков в условиях рыночной конкуренции» [1, с.117]
В.М. Московкин, Чжан Хэ, М.В. Садовски	«Под конкурентоспособностью университетов понимают способность занимать и удерживать устойчивые позиции на определенных сегментах глобального рынка образовательных услуг и продуктов интеллектуальной деятельности благодаря эффективной реализации интеллектуального потенциала, развитой инновационной инфраструктуре и достаточности финансовых ресурсов, обеспечивающих высокий уровень и качество как обучения, так и научных исследований, что, в свою очередь, формирует репутацию вуза среди студентов и работодателей» [2, с.39]
М.А. Танина, В.В. Бондаренко, В.А. Юдина, О.Н. Лескина	«Конкурентоспособность университета как субъекта и участника информационных, технологических, экономических процессов определяется его позиционированием в глобальных рыночных сетях, охваченных цифровизацией» [3, с.62]
Д.И. Маннатова, В.А. Шамшин	«Конкурентоспособность университетов определяется нами как подготовка высококвалифицированных специалистов в соответствии с требованиями рынка труда; наличие у вуза конкурентных преимуществ; удовлетворенность запросов потребителей согласно достижению соответствующего уровня образования; обеспеченность качественных образовательных услуг» [4, с.405]

Составлено авторами по материалам источников [1–4]

В современных реалиях, в условиях глобализации успешное конкурентное функционирование вузов невозможно без ориентации на международное сотрудничество и на повышение уровня цифровой адаптации.

В исследованиях Е.В. Пироговой было дано подробное описание концепции управления конкурентоспособностью вузов, включающее в себя основные цели повышения конкурентоспособности, принципы обеспечения конкурентоспособности, а также функции, методы и инструменты. Одной из мер увеличения экспорта российского образования ученый видит рост финансирования человеческого капитала [5].

По мнению И.В. Захаровой, конкурентоспособность вузов включает в себя не только «борьбу за потребителя», но и усилия по повышению позиций в международных рейтингах [6].

Определяя понятие международной конкурентоспособности вуза в глобальном цифровом пространстве, следует отметить, что это, прежде всего, – способность образовательной организации разрабатывать конкурентоспособные на международном уровне инновации в области образования с использованием цифровых технологий и адаптации к непрерывным изменениям в среде образовательных услуг на мировом рынке. Авторским коллективом под инновациями в области образования понимаются новые идеи, средства, педагогические и управленческие технологии в эпоху цифровизации, в результате которых повышаются показатели достижений структурных компонентов образования, происходит переход системы в качественно иное состояние.

Изучив аспекты международной конкурентоспособности вузов, можно сделать вывод, что в данном понятии следует выделять 5 основных факторов: финансово-экономический, маркетинговый, материально-технический, кадровый и социально-политический. Рассмотрим подробнее каждый из них.

1. Финансово-экономический фактор международной конкурентоспособности, по мнению авторов настоящей статьи, подразумевает конкурентные преимущества вуза, связанные с финансовыми ресурсами. Такими преимуществами могут выступать эффективность вложения и использования финансовых ресурсов, а также устойчивые источники финансирования.

2. Маркетинговый фактор характеризуется конкурентными преимуществами вуза на международном рынке образовательных услуг, связанными с грамотным позиционированием университета или института и адаптивными программами по привлечению абитуриентов.

3. Материально-технический фактор определяется конкурентными преимуществами вуза на международном рынке образовательных услуг, сопряженными с технологической оснащенностью, новшеством оборудования, эффективностью использования материальных ценностей и технологий.

4. Кадровый фактор международной конкурентоспособности имеет связь с конкурентными преимуществами вуза, основанными на высоком научном, образовательном и социальном потенциале трудовых ресурсов (таких как стоимость, оплата и эффективность труда в образовательном учреждении).

5. Социально-политический фактор международной конкурентоспособности вузов базируется на эффективной воспроизводственной политике во всех сферах деятельности вуза, на разработке эффективных программ обучения и социального обеспечения международных студентов.

Научным коллективом под руководством А.А. Астафьевой в качестве фактора конкурентопособности вуза была выделена ориентация на реальный сектор экономики, выражающаяся в укомплектованности рабочих мест кадрами соответствующей квалификации, в повышении конкурентоспособности не только предприятий за счет использования интеллектуального потенциала персонала, но и отрасли, в которой функционируют предприятия [7].

По мнению Плахина А.Е., роль сферы высшего образования в рамках национальной экономической системы заключается в формировании специфических продуктов в виде нового знания и профессиональных компетенций, формируемых у лиц, прошедших обучение. В качестве результатов, продуцируемых системой высшего образования, автор выделяет группу критериев «обмен знаниями и эффекты интернационализации высшего образования», в которую входят следующие показатели: количество программ мобильности, число иностранных студентов и преподавателей [8]. Повышение качественного уровня национальной системы высшего образования позволит не только улучшить экономические показатели, но и повысить имидж российских вузов за рубежом.

ТЕОРИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

С целью повышения уровня международной конкурентоспособности вуза и укрепления его международных позиций следует осуществлять более активный процесс интернационализации, что подразумевает собой интеграцию в образовательные учреждения иноязычных образовательных программ, создание мультиязычной и мультикультурной образовательной среды, а также очное и дистанционное обучение, реализуемое как на отечественных, так и на международных онлайн-платформах. Так, по плану развития национальной программы «Образование» 29 549 образовательных организаций внедрят цифровую образовательную среду до 2024 г. Кроме того, согласно паспорту национального проекта «Образование», к 2024 г. в 7 российских вузах должны обучаться 425 тыс. иностранцев, что позволит российскому образованию выйти на новый уровень в условиях глобализации и цифровизации [9].

В настоящее время обучение иностранных студентов в вузе является одним из ведущих показателей международной конкурентоспособности. Увеличение числа иностранных студентов на очную форму обучения в образовательные учреждения РФ свидетельствует, в первую очередь, о том, что образование и пребывание в России считается перспективным среди иностранных граждан (табл. 2). К тому же привлечение к обучению студентов из разных стран вносит разнообразие в состав студенческого сообщества с точки зрения не только нации, но и культуры. Таким образом, местные студенты, которые предпочли остаться учиться на родине, получают международный опыт.

По данным Министерства науки и высшего образования РФ ежегодно на бюджетные отделения российских вузов поступает около 15 тыс. иностранных студентов [10].

Таблица 2

Количество иностранных студентов, обучающихся в высшем учебном заведении России на период 2017–2021 гг.

Учебный год	Количество иностранных студентов, обучающихся в российском вузе, тыс. чел.	Динамика, %
2017–2018гг.	291	–
2018–2019 гг.	297,9	102,4
2019–2020 гг.	315	105,8
2020–2021 гг.	270	85,7

Составлено авторами по материалам исследования

Обращаясь к статистическим данным, заметно, что количество иностранных студентов постепенно увеличивалось до 2020 г., а затем резко сократилось. Безусловно, значительное влияние на такой фактор оказала пандемия Covid-19. На данный момент ключом к повышению международной конкурентоспособности вузов (в том числе в период пандемии) в России является внедрение технологий дистанционного цифрового обучения.

В 2020 г. пандемия коронавируса способствовала оперативной перестройке системы высшего образования в тех странах, в которых ощущалось значительное отставание в развитии дистанционных образовательных технологий. Переход потребовал внедрения как новых технологий в образовательный процесс и совершенствования уже имеющихся форм, методов преподавания, так и приобретения новых навыков от преподавателей и студентов. В рамках национального проекта «Образование» Россия стремится к большему объему цифровизации образования: ведется работа по оснащению организаций современным технологичным оборудованием и по развитию цифровых сервисов для образовательной деятельности [11].

Проведенный анализ позволил выявить основные положительные и отрицательные стороны цифровизации образования и ее влияние на международное образование. Начнем с положительных факторов:

1) возможность обучаться удаленно в любом вузе мира;
2) наличие условий для непрерывного обучения;
3) адаптивно-гибкое расписание обучения;
4) возможность совмещения учебы с основной деятельностью;
5) доступность учебно-методических материалов в онлайн-формате;
6) технологичность и эффективность, грамотное построение процесса обучения.

К отрицательным факторам следует отнести:

1) возрастание объема рабочей нагрузки преподавателей и студентов;
2) уменьшение объема личного контакта, неполный процесс социализации;
3) недостаточность технологических навыков онлайн-формата обучения;
4) низкий контроль за самостоятельностью выполнения учебной работы.

Экспертами было проведено исследование, направленное на определение стран, которые на данный момент лидируют в сфере онлайн-образования. В пятерку лидеров вошли Нидерланды, Люксембург, Швеция и Дания. На первом месте – Норвегия, а Россия на 32 месте [12].

Авторский коллектив данной статьи считает, что в настоящий момент эффективное онлайн-обучение предоставляет странам преимущество в международной конкуренции в сфере образования. Дистанционное образование позволяет получать знания из любой точки мира. Следовательно, конкурентоспособно такое высшее учебное заведение, в котором онлайн-обучение работает эффективно и более доступно для студентов. Безусловно, учиться и приобретать опыт онлайн-образования должны не только студенты, но и преподаватели учебных заведений.

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ

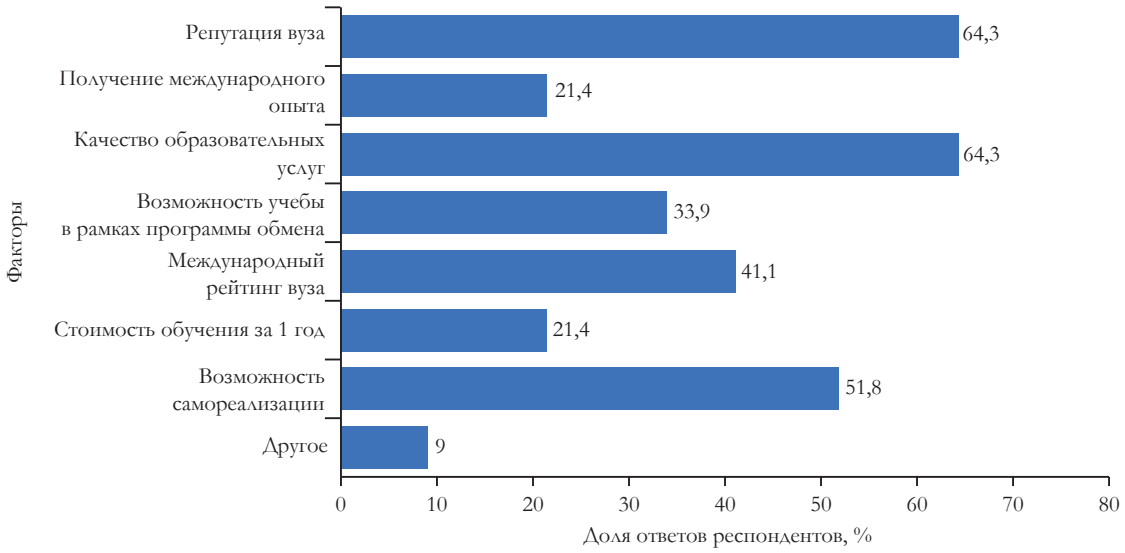
Авторами было проведено социологическое исследование, задача которого состояла в оценке влияния факторов международной конкурентоспособности вузов на выбор студентов и стремление молодого населения к получению международного опыта в сфере образования. Методом исследования выступал социологический опрос обучающихся российских вузов по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры и аспирантуры с использованием облачного сервиса Google Forms. Всего в опросе приняли участие 157 студентов (выборка составила 7 %).

Для большей части опрошенных (86,3 %) использование технологий дистанционного обучения в вузах представляется адаптивным. 5,3 % студентов отметили недостаточный уровень подготовленности персонала вуза для данного типа обучения. Также выявлены несовершенство технологий цифрового образования, отсутствие должного уровня социализации и мотивации к обучению.

52,9 % респондентов планируют получение высшего образования за пределами РФ, при этом 54,9 % опрошенных не выбрали бы российский вуз, если бы у них была возможность выбрать любую высшую школу мира и обучаться в ней с помощью цифровых технологий. Необходимо выделить следующие причины, по которым респонденты не рассматривали российские программы цифрового обучения: качество образования в зарубежных вузах более высокое, чем в российских (20,9 %); приоритет очного образования (6,2 %); неготовность педагогического коллектива к полному переходу на онлайн-обучение (15,3 %); недостаточная возможность обучения и практики иностранных языков (12,5 %).

Из 100 % опрошенных нет ни одного человека, с которым в вузе не учился бы иностранный студент. При этом распределение ответов на вопрос «Важно ли для Вас, чтобы обучение в Вашем высшем учебном заведении было международным?» показало, что большему числу студентов в целом это не очень важно (69,8 %).

Ответы на вопрос «Чем Вы руководствовались при выборе вуза и образовательной программы?» распределились следующим образом на (см. рис. 1).

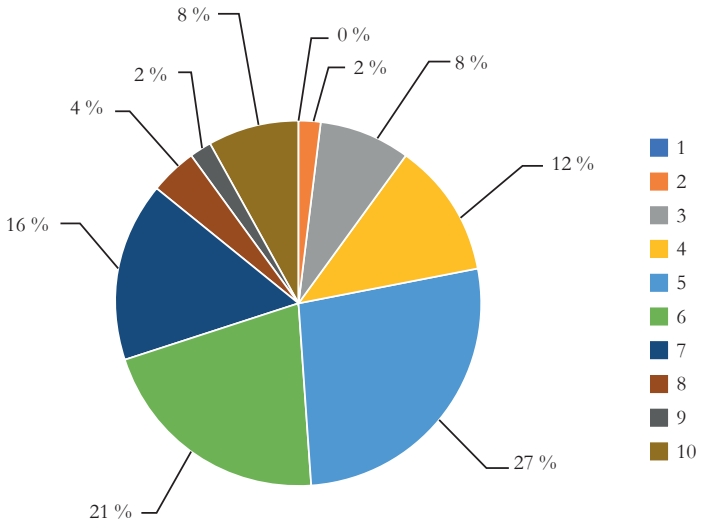


Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Факторы, влияющие на выбор вуза студентами

Стоит отметить, что для большинства студентов, отметивших для себя наиболее значимым фактором репутацию вуза (64,3 %), важен и международный рейтинг вуза.

Также студенты оценили уровень интернационализации российского высшего образования по шкале от 1 до 10, где 1 – очень низкий; 10 – очень высокий. Результаты представлены на рис. 2.



Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 2. Оценка уровня интернационализации российского высшего образования студентами высших учебных заведений

Из вышеуказанной диаграммы видно, что большинство опрошенных отметило уровень интернационализации российского высшего образования как средний (27 %) и выше среднего (21 %).

Опрос показывает, что высшее образование с использованием цифровых технологий актуально и находит отклик у студентов, но в то же время нуждается в непрерывном совершенствовании. Процесс разработки программ цифрового обучения сложен, он требует от вузов не только внедрения инновационных форм информационных технологий, но и креативности, адаптивности и нацеленности на социализацию через повышение доверия обучающихся.

Цифровая трансформация образовательного процесса в системе вузов в рамках реализации стратегии международной конкурентоспособности должна способствовать сокращению территориальных барьеров при выборе высшего образовательного учреждения иностранными абитуриентами. Исходя из данных, полученных в ходе исследования, авторами разработаны практико-ориентированные рекомендации по повышению международной конкурентоспособности вузов в глобальном цифровом пространстве:

– расширение международного сотрудничества с зарубежными вузами-партнерами. Необходимо осуществлять совместные образовательные программы, стажировки, летние школы и др., в большей степени проводимые с применением дистанционных образовательных технологий. При этом разрабатываемые учебные программы должны учитывать международные тренды развития и постоянно совершенствоваться (к примеру, увеличение финансирования программ по обмену и участие в таких программах не только студентов, но и преподавателей, поскольку такой подход уже активно практикуется в Европе, США и Японии);

– ведение совместной научно-исследовательской деятельности с вузами других стран. Следует проводить исследования на примере стран-партнеров, совместные конкурсы и предоставлять гранты для талантливых студентов и преподавателей. Научное сотрудничество поднимает престиж университета, его рейтинг и востребованность у абитуриентов в долгосрочной перспективе;

– реализация дистанционных образовательных и совместных образовательных программ с зарубежным вузом-партнером для иностранных студентов на английском или ином другом иностранном языке (по данным на 2020 г., в Россию приезжает наибольшее количество учащихся из Китая и стран Содружества Независимых Государств [13; 14]). Совместные образовательные программы способствуют сокращению периода пребывания в стране партнера с учетом перезачета результатов, полученных в зарубежной образовательной организации;

– проведение ознакомительных программ, семинаров, круглых столов, онлайн-курсов, дней карьеры и др., а также расширение линейки дополнительных профессиональных программ (курсов повышения квалификации и профессиональной переподготовки в дистанционном формате для иностранных граждан);

– продвижение вуза в востребованных социальных сетях и интернет-ресурсах для иностранной аудитории, разработка качественных рекламных кампаний, направленных на международный контингент (с учетом социокультурных особенностей стран), разработка комфортного сайта для иностранных абитуриентов на английском и других языках потенциальных партнеров[15];

– создание максимально комфортных условий социализации иностранных студентов при обучении в российском вузе, в том числе и на дистанционном формате обучения (например, организация дополнительных курсов русского языка, культуры, этики, проведение онлайн-игр и др.), с целью повышения уровня лояльности иностранных абитуриентов к образовательной организации;

– повышение профессиональных компетенций у преподавателей и сотрудников вуза, работающих напрямую с иностранными абитуриентами, студентами и представителями; выстраивание долгосрочных партнерских взаимоотношений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время повышение международной конкурентоспособности невозможно без цифровой трансформации всех бизнес-процессов, что в глобальном цифровом образовательном пространстве является актуальной задачей отечественных вузов. Приоритетным направлением является международное сотрудничество в сфере высшего образования с дружественными странами. В условиях повышения конкуренции на мировом рынке образовательных услуг программы российских университетов должны быть востребованы потенциальными иностранными абитуриентами, что, в свою очередь, будет положительно влиять не только на конкурентоспособность, но и на международный рейтинг отечественных вузов.

Библиографический список

1. Кузнецов Д.Л. Факторы конкурентоспособности вуза. *Инновации и инвестиции*. 2021;3:116–120.
2. Московкин В.М., Чжан Хэ, Садовски М.В. Влияние репутации университетов на стоимость обучения иностранных студентов и вклад иностранных студенческих инвестиций в экономику стран. *Оригинальные исследования*. 2021;11(4):37–96.
3. Танина М.А., Бондаренко В.В., Юдина В.А., Лескина О.Н. Отечественные практики повышения международной конкурентоспособности российских высших учебных заведений в условиях глобальных вызовов и угроз. *Вестник университета*. 2021;6:61–69.
4. Маннатова Д.И., Шамшин В.А. Некоторые вопросы развития Высших учебных заведений в свете межвузовской конкуренции. *Научные междисциплинарные исследования*. 2021;4: 402–408.
5. Пирогова Е.В. О концепции управления конкурентоспособностью Высшего учебного заведения. *Вестник университета*. 2023;1:48–55.
6. Захарова И.В. Конкурентоспособность региональных вузов: учет мнений потребителей. *Вестник университета*. 2019;11:168–175.
7. Астафьева А.А., Коршунова Е.Д., Окоракова А.А. Управление циклом взаимодействия «вуз – промышленное предприятие» на основе использования принципов краудфандинга. *E-Management*. 2023;6(1):4–16.
8. Плахин А.Е., Новиков С.В., Счисляева Е.Р. Управление продуцентностью сферы высшего образования в развитии отраслей национальной экономики. E-Management. 2023; 6(2):102–113. https://doi.org/10.26425/2658-3445-2023-6-2-102-113
9. Министерство просвещения Российской Федерации. *Официальный сайт*. https://edu.gov.ru (дата обращения: 03.06.2023).
10. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. *Официальный сайт*. https://minobrnauki.gov.ru (дата обращения: 03.06.2023)
11. Страны, которые лучше всего подготовлены к переходу на онлайн-обучение – портал Preply. https://preply.com/en/d/e-learning-index (дата обращения 07.06.2023)
12. Арефьев А.Л. (ред.). Образование и наука в России: состояние и потенциал развития: Ежегодник. Выпуск №5. *Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН*. https://doi.org/10.19181/obrnaukru.2020
13. Интернет-портал СНГ. *Иностранные студенты в России*. https://e-cis.info/news/566/82934/ (дата обращения: 05.06.2023).
14. Интернет-портал СНГ. *Сетевой университет Содружества Независимых Государств*. https://e-cis.info/cooperation/3063/78389/ (дата обращения 05.06.2023).
15. Бондаренко В.В., Таишева К.С., Лескина О.Н., Пензина Д.П. Цифровой инструментарий как адаптивный механизм реализации международного сотрудничества вузов. *Самоуправление*. 2022;5(133). С.207-211.

References

1. Kuznetsov D.L. Factors of university competitiveness. *Innovations and investments*. 2021;3:116–120.(In Russian).
2. Moskovkin V.M., Zhang He, Sadowski M.V. The impact of the reputation of universities on the cost of education of foreign students and the contribution of foreign student investment in the economy of countries. *Original research*. 2021;11(4):37–96. (In Russian).
3. Tanina M.A., Bondarenko V.V., Yudina V.A., Leskina O.N. Domestic practices of increasing the international competitiveness of Russian higher education institutions in the context of global challenges and threats. *Vestnik universiteta*. 2021;6:61–69. (In Russian).
4. Mannatova D.I., Shamshin V.A. Some issues of the development of higher educational institutions in the light of interuniversity competition. *Scientific interdisciplinary research*. 2021;4: 402–408. (In Russian).
5. Pirogova E.V. About the concept of managing the competitiveness of a higher educational institution. *Vestnik universiteta*. 2023;1:48–55. (In Russian).
6. Zakharova I.V. Competitiveness of regional universities: taking into account consumer opinions. *Vestnik universiteta*. 2019;11:168–175. (In Russian). https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-11-168-175
7. Astafyeva A.A., Korshunova E.D., Okorakova A.A. Managing the cycle of interaction "university – industrial enterprise" based on the use of crowdfunding principles. *E-Management*. 2023;6(1):4–16. (In Russian). https://doi.org/10.26425/2658-3445-2023-6-1-4-16
8. Plakhin A.E., Novikov S.V., Schislyaeva E.R. Managing the productiveness of higher education in the development of national economy sectors. *E-Management*. 2023; 6(2):102–113. (In Russian). https://doi.org/10.26425/2658-3445-2023-6-2-102-113
9. Ministry of Education of the Russian Federation. *Official website*. https://edu.gov.ru (accessed 03.06.2023). (In Russian).
10. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. *Official website*. https://minobrnauki.gov.ru (accessed 03.06.2023). (In Russian).
11. The countries that are best prepared for the transition to online training - the Preply portal. URL: https://preply.com/en/d/e-learning-index (accessed 07.10.2022).
12. Arefyev A.L. (ed.). Education and science in Russia: status and development potential: Yearbook. Issue no. 5. Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences. https://doi.org/10.19181/obrnaukru.2020
13. CIS Internet portal. *International students in Russia*. https://e-cis.info/news/566/82934/ (accessed 05.06.2023). (In Russian).
14. CIS Internet portal. *Network University of the Commonwealth of Independent States*. https://e-cis.info/cooperation/3063/78389/ (accessed 05.06.2023). (In Russian).
15. Bondarenko V.V. Taisheva K.S., Leskina O.N., Penzina D.P. Digital tools as a mechanism for the implementation of international cooperation of universities. *Self-government*. 2022;5(133):207–211. (In Russian).

УДК 378.141.213.3-022.324:005.2 JEL I25, M12, M53 DOI 10.26425/1816-4277-2023-9-30-37

Практика наставничества как условие непрерывного бизнес-образования

Канке Алла Анатольевна

Канд. экон. наук, зав. каф. управления бизнес-системами
ORCID: 0000-0003-2641-0748, e-mail: aa_kanke@guu.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

В данной статье представлено описательное исследование практики наставничества в бизнес-образовании. Рассмотрены подходы, потребности и проблемы наставничества в сфере предпринимательства как фактора социально-экономического развития страны. Основное внимание уделяется выпускникам программ бизнес-образования, в частности магистрам делового администрирования (англ. master of business administration, далее – MBA), которые обладают высоким уровнем полученных знаний, хорошим образованием и опытом, занимают довольно высокие позиции или руководят собственным бизнесом. Кроме того, отмечено, что предпринимательское наставничество необходимо осуществлять и строить через формальный и организованный процесс. При этом достижение целей и инициатив устойчивого развития во всех сферах жизни зависит от эффективного наставничества людей, которые играют двустороннюю роль, внося свой вклад в личностное развитие, в навыки, в таланты, в опыт и образование для развития других индивидуумов, а также и для общества в целом. Сформулирован вывод о том, что наставничество предлагает потенциально преобразующее влияние на карьерную направленность выпускников программ бизнес-образования, положительно воздействует на возможности открытия, становления и развития устойчивости бизнеса. В исследовании предложены варианты поиска наставника для выпускника программы MBA с точки зрения общественных инициатив, участия в работе акселераторов или специальных проектов и программ, использования платных ресурсов по менторству, а также развития собственных менторских программ на базе бизнес-школы. Автор заключает, что предложенные варианты позволят менти (англ. mentee – ученик ментора) более уверенно осуществлять руководство бизнес-процессами и обеспечивать развитие компании, тем самым повышая свою профессиональную ценность.

Ключевые слова

Бизнес-образование, наставничество, профессиональное развитие, менторская программа, предпринимательство, устойчивое развитие, образовательный дефицит, программа MBA, менти

Для цитирования: Канке А.А. Практика наставничества как условие непрерывного бизнес-образования // Вестник университета. 2023. № 9. С. 30–37.

© Канке А.А., 2023.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Mentoring practice as a condition of continuous business education

Alla A. Kanke

Cand. Sci, (Econ), Head of the Business Systems Management Department
ORCID: 0000-0003-2641-0748, e-mail: aa_kanke@guu.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The article presents a descriptive study of the mentoring practice in business education. The approaches, needs and problems of mentoring in the field of entrepreneurship as a factor of socio-economic development of the country are considered. The article focuses on graduates of MBA programs who have a high level of acquired knowledge, good education and experience, occupy fairly high positions or run their own business. In addition, it was noted that entrepreneurial mentoring should be implemented and built through a formal and organized process. At the same time, the achievement of sustainable development goals and initiatives in all spheres of life depends on the effective mentoring of people who play a two-way role, contributing to personal development, skills, talents, experience and education for the development of other individuals, as well as for society as a whole. It is concluded that mentoring offers a potentially transformative impact on the career orientation of business education programs graduates', positively affects the opportunities for opening, formation and development of business sustainability. The study suggests options for finding a mentor for an MBA graduate in terms of public initiatives, participation in accelerators or special projects and programs, the use of paid mentoring resources, as well as the development of their own mentoring programs based on a business school. The author concludes that the proposed options will allow mentee to more confidently manage business processes and ensure the development of the company, thereby increasing their professional value.

Keywords

Business education, mentoring, professional development, mentoring program, entrepreneurship, sustainable development, educational deficit, MBA program, mentee

For citation: Kanke A.A. (2023) Mentoring practice as a condition of continuous business education. *Vestnik universiteta*, no. 9, pp. 30–37.

© Kanke A.A., 2023.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы идеи наставничества получили широкое распространение и поддержку государства. Тенденция затронула не только процессы школьного образования, но в большой степени и профессионального образования, включая дополнительное. Призыв о возрождении института наставничества прозвучал из уст президента В.В. Путина 23 декабря 2013 г. на совместном заседании Государственного совета Российской Федерации по мониторингу достижения целевых показателей социально-экономического развития. В 2018 г. по результатам Всероссийского форума «Наставник» в феврале того же года был сформирован перечень поручений Президента Российской Федерации, посвященный возрождению и развитию наставничества. При этом наставничество рассматривается как серьезный фактор социально-экономического развития страны.

Тема наставничества в образовании хорошо представлена в известном национальном проекте «Образование» и в федеральных проектах «Современная школа», «Успех каждого ребенка», «Молодые профессионалы», «Социальные лифты для каждого». Такие проекты посвящены в основном школьному и среднему профессиональному образованию, поддержке развития детей и молодежи [1–3].

Наставничество популярно и результативно не только в целях развития школьников и студентов вузов, профессионального совершенствования рабочих и служащих предприятий, компаний. Предпринимательство, бизнес, менеджмент – это сферы, где менторинг (или наставничество) оказывает действенное влияние на различные процессы и уровень профессионализма их участников.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Результаты исследования, проведенного YBI (англ. Youth Business International – международная организация, которая занимается развитием добровольного наставничества), позволяют сделать убедительные выводы о положительном воздействии наставничества на возможности открытия, становления и развития устойчивости бизнеса [4].

Опрос проводился в 2 этапа: первый – в феврале-марте 2016 г. и второй – в июне-октябре 2017 г. В ходе второго этапа исследования 57 % менти (учеников менторов) заявили, что без участия в программе, изменения в их бизнесе не произошли бы настолько быстро, не были бы довольно глубокими или вовсе не имели бы места. В результате был зафиксирован рост бизнеса с 60 % до 74 % и оборотов предприятия с 37 % до 78 %.

Что, по мнению опрошенных молодых предпринимателей, дала им менторская программа? Рассмотрим следующие результаты:

1) более уверенное ведение бизнеса (74 %);
2) развитие существующего бизнеса (74 %);
3) более компетентное принятие решений (72 %);
4) понимание своих сильных сторон и того, над чем надо еще работать (71 %).

Из этого следует вывод о значительном количественном и качественном влиянии менторства на компетенции и деловую активность начинающих предпринимателей.

К другому важному заключению следует отнести тот факт, что результат сотрудничества пары «ментор-менти» зависит от поставленных перед наставничеством задач, решение которых может быть рассчитано как на короткий период времени, так и на результат в длительной перспективе, как это представлено в настоящем труде (исследование заняло 18 месяцев, что дало возможность наблюдать динамику изменения оценок анкетируемых в достаточно длительном периоде).

Дополняя вышесказанное, правомерно использовать обе пары названий участвующих в наставничестве сторон: наставник-наставляемый и ментор-менти. При этом последняя пара используется чаще в применении к сфере предпринимательства, к специалистам в области управления и менеджмента, к руководителям, к деловой сфере. Та же ситуация обстоит и с использованием понятия «наставничество» и «менторинг» (англ. mentoring, mentorship) [5; 6].

Итак, краткосрочные программы наставничества могут быть не всегда эффективными, все зависит от задач. Серьезные проекты по развитию бизнеса и решению его проблем требуют длительного сопровождения, примем этот факт во внимание.

В настоящее время большое внимание уделяется корпоративному наставничеству. Оно отлично себя зарекомендовало в отношении рабочих профессий и специалистов уровня среднего специального образования. Следовательно, возникает ряд вопросов. Можно ли с уверенностью говорить о таком же успехе

в отношении менеджеров среднего звена, руководителей, представителей среднего и малого бизнеса? Что должно обеспечить менторство такого уровня, и в чем его недостатки? Обсудим далее.

Существующие возможности для поисков наставника исследовались на основе анализа содержания работы следующих организаций, чья деятельность, предположительно, должна была быть связана с наставничеством: общественная организация «Объединение наставников», Национальный ресурсный центр наставничества «Ментори», профессиональное сообщество «Союз наставников России».

Рассматривались задачи, деятельность и результаты реализации таких национальных проектов и программ, как «Мой бизнес», «Бизнес-наставник». Кроме того, изучались содержание работы в рамках этих проектов и география событий.

Для оценки возможностей платных ресурсов проверены условия сотрудничества по подбору менторов на площадках «Getmentor», «No Flame No Game», «Solvery.io», «Эйч», «Айти Кадр», «United Mentors», «Клуб менторов», «Experum», «Mentor Service» и др. [7].

Проанализирована наставническая деятельность крупнейших бизнес-школ России из рейтинга популярности портала MBA.SU.

Е.Г. Мазурова в своей статье определяет деятельность наставника как восполнение того или иного образовательного дефицита наставляемого [8]. Можно поспорить о точности такого определения, как «образовательный дефицит». Перечисляя дефициты, тормозящие работу отдельного специалиста, можно выявить среди них не только те, которые относятся к образовательной сфере. Итак, дефициты, с которыми приходится сталкиваться специалисту/менеджеру следующие: образовательный дефицит (недостаток конкретных профессиональных знаний), дефицит используемых наставляемым практик, информационный дефицит, ресурсный дефицит, дефицит уверенности в себе, дефицит способности к осознанному анализу сложившейся проблемной ситуации или своих личных способностей, дефицит деловых связей, дефицит финансов.

Все эти и другие дефициты открывают широкое поле для деятельности наставника, и не все они образовательные. Более того, не все эти дефициты возможно устранить наставнику, особенно если речь идет о подопечных – выпускниках программы MBA (англ. master of business administration – магистр делового администрирования, далее – MBA) с высоким уровнем полученных знаний. Данные представители выступают очень интересной категорией потенциальных менти, обладающих хорошим образованием и опытом, занятых на довольно высоких позициях или руководящих собственным бизнесом. Эта категория чрезвычайно любопытна для представителей бизнес-школ, которые следят за успехами своих выпускников и стремятся соответствовать их ожиданиям, обещая личное и профессиональное развитие, дальнейший карьерный рост, развитие деловых связей и вместе с тем – увеличение доходов. Справятся ли выпускники самостоятельно с решением задач такого уровня? Этот вопрос требует тщательного рассмотрения.

Надо отметить, что качественные признанные программы MBA способны сократить образовательные дефициты в менеджменте почти по всем пунктам. Тем не менее не все слушатели учатся одинаково усердно, они допускают пробелы в силу объективных или субъективных причин. Выпускникам бизнес-школы приходится сталкиваться с проблемами и задачами, которые не были изучены, не входили в рассмотренные во время учебы кейсы, практики и практикумы. Они нуждаются в наставнике и даже не потому, что не в состоянии решить проблему, а потому, что решить ее надо быстро и безошибочно.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Итак, иногда выпускнику программы MBA необходим наставник. Возникает вопрос: «Как найти наставника?» Для ответа на этот вопрос рассмотрим несколько вариантов поиска наставника.

Вариант 1. В компании действует программа наставничества, и наставника могут назначить. В данной ситуации можно столкнуться со следующими проблемами:

- уровень наставника не соответствует уровню менти (выпускника MBA);
- наставнику может не хватать навыков работы с людьми;
- типы личности наставника и наставляемого не подходят друг другу;
- чрезмерное давление ментора может привести к некоторой безответственности менти;
- менти может предпочесть учиться на своих собственных ошибках;
- ментор (наставник) склонен к психологическому давлению, несправедливому отношению, принижению роли менти в успешном решении;

– ментор будет препятствовать продвижению менти по карьерной лестнице (потому как наставничество обязательное и оплачиваемое, ментор не захочет потерять свой дополнительный доход);

– ментор относится к наставничеству как к необязательной формальной нагрузке, не проявляет интерес и не принимает участие в развитии менти и т.д.

Такое наставничество может нанести вред.

Подбор пары ментор-менти – это серьезный и важный процесс. Работу по организации такого процесса нужно организовывать вдумчиво, тщательно, без спешки. Формализм в этой процедуре навредит. На производстве не всегда есть время для тщательного подбора, и ответственный человек за такой процесс может отнестись к процедуре подбора легкомысленно, лишь бы побыстрее выполнить задачу.

Вариант 2. Наставника не назначают или потенциальный менти (он же выпускник МВА) решается найти его самостоятельно. Следовательно, поднимается вопрос о том, где можно найти наставника.

Далее необходимо рассмотреть возможности поиска наставника.

1. Общественные инициативы, возникшие на волне возрождения института наставничества.

Существует ряд профессиональных организаций, направленных на развитие института наставничества, на повышение производительности труда и поддержку талантов. Следует рассмотреть их подробнее:

– общественная организация «Объединение наставников». Такая организация осуществляет поддержку проектов. Объединение формулирует свою цель следующим образом: «Находим наставников молодым лидерам и реализуем программу поддержки для генерации, упаковки и раскрутки проекта!»[9]. Сначала в этом объединении фокусируются на проекте, а затем на поиске наставника. Для предпринимателей, представителей среднего и малого бизнеса ресурс может быть полезным. Однако такая программа окажется неподходящей для операционных менеджеров, руководителей отделов или предпринимателей, у которых уже есть действующий проект;

– национальный ресурсный центр наставничества «Ментори». Информационный портал ориентирован на школьников и студентов вузов [10]. В данном ресурсе невозможно найти наставников для сферы менеджмента и развития бизнеса;

– профессиональное сообщество «Союз наставников по повышению производительности труда» (Союз наставников России). Инициатором данного формирования выступает некоммерческое партнерство «Центральный Институт Труда». Цель этого объединения – развитие наставничества в производственной сфере экономики России в условиях современных трудовых отношений. Направления работы Союза включают формирование сообществ наставников, экспертов, консультантов по внедрению системы наставничества; подготовку нормативно-правовых актов по наставничеству; организацию международного сотрудничества по вопросам наставничества; создание единой цифровой коммуникативной площадки (цифровой платформы [11]).

Задачи поставлены хорошие, но по состоянию ресурса видно, что сообщество наставников пока полностью не сформировалось и помощи в поиске наставников там получить невозможно.

2. Участие в работе акселераторов или специальных проектов и программ.

Следует рассмотреть такой пример, как акселератор «Формула роста» (2021 г.). Под руководством опытных экспертов, трекеров, наставников были масштабированы проекты 42 социальных предпринимателей из 4 регионов. Им удалось на треть увеличить оборот, создать 220 рабочих мест, некоторые смогли выйти на европейский рынок [12].

Это одна из самых эффективных форм участия бизнес-наставников. Акселераторы, концентрируя на своих площадках несколько инструментов решения деловых вопросов и используя команды экспертов и наставников, а также представителей финансовой сферы и кураторов из органов власти, помогут достаточно быстро справиться с проблемами запуска бизнеса. Такая форма отлично подходит для стартапов (то есть подходит не всем) и ограничена временными рамками. Но существует недостаток данной формы – информирование заинтересованной аудитории об акселераторах и специальных проектах пока не налажено в необходимом объеме. Но большие усилия в этом направлении прилагает государственный портал поддержки малого и среднего бизнеса «Мой бизнес». Трудно перечислить все мероприятия, проводимые под эгидой центров «Мой бизнес» (и акселераторы в их числе), направленные на поддержку и развитие бизнеса. Данная платформа демонстрирует разнообразие примеров деловой активности [13; 14].

В феврале 2021 г. стартовала программа «Бизнес-наставники», в которой могли принять участие представители малого и среднего бизнеса. Формой реализации программы был двухэтапный менторинг: групповой

на первом этапе (диагностика бизнеса и определение точек роста) и индивидуальный на втором (разработка стратегии бизнеса и выхода из кризиса). О работе программы говорили участники Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ-2021). Руководитель центра молодежных инициатив АСИ (Агентства стратегических инициатив по продвижению новых проектов) Александр Вайно обратил внимание на необходимость масштабирования и информирования о программах по поддержке бизнеса. Александр Вайно заметил: «Мы видим молодых, активных и заинтересованных ребят, но тех, кто знает о подобных программах бизнес-наставничества, крайне мало – порядка 2 %» [15].

Следовательно, можно сделать вывод, что руководителям программ по наставничеству стоит поработать над взаимодействием как с другими менторскими программами, так и с бизнес-школами. В таком случае появится результат.

3. Платные ресурсы по подбору менторов.

Они предоставляют возможность найти ментора по требуемому направлению. Число таких ресурсов, предлагающих услуги в России, не меньше 10, среди них есть и международные. Порталы содержат базы для подбора менторов/консультантов из объединений в количестве от 26 до 800 специалистов из самых различных сфер деятельности. Как правило, услуги таких менторов платные. Оплата осуществляется либо по часам, либо за встречи продолжительностью от 1 до 2 часов. Например, такое предложение может включать 4 встречи в месяц длительностью 1,5 часа и стоимостью от 100 тыс. руб. (до 500 тыс.) руб. Существует также и помесячная оплата (500 евро в месяц). Площадки могут брать комиссионный сбор, оказывать или не оказывать услуги по подбору. Очевидно, что такие услуги содержат определенную долю риска и сомнений по уровню квалификации менторов. Риски, отсутствие доверия, сомнения в квалификации менторов и высокая стоимость составляют минусы обращения к платным ресурсам.

4. Развитие собственных менторских программ на базе бизнес-школы.

Такие программы есть в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики», на факультете Высшей школы бизнеса Московского Государственного университета им. М.В. Ломоносова и в институте Высшей школы менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета. Имеется ассоциация менторов в Московской Школе Управления «СКОЛКОВО» . Это образовательное учреждение является частным, но под его руководством развиваются и некоторые региональные программы бесплатно, например МРИБИ (Мурманский региональный инновационный бизнес-инкубатор).

С лета 2022 г. менторская программа начала работать в Высшей школе бизнеса Государственного университета управления (далее – ГУУ). Это программа добровольного менторинга. Пары «ментор-менти» тщательно подбираются из преподавателей, слушателей и выпускников программы МВА Высшей школы бизнеса ГУУ с учетом взаимных деловых интересов. Подбор начинается с анкетирования и дополняется коллективными и индивидуальными встречами, т.е. это продолжительный процесс, в котором возможны отказы. Очень важно, чтобы пары были подобраны с перспективой продолжительного сотрудничества, которое предполагает достаточное время для решения возникающих проблем и анализа результатов их исхода.

Участие добровольное и на этапе становления проекта бесплатное. Оплата возможна, но она является объектом частной договоренности между ментором и менти. Время сотрудничества в паре определяется индивидуально, совместная работа может продолжаться достаточно долго. Длительность будет определять пара. Это может быть как «дружба на всю жизнь», так и кратковременное сотрудничество по реализации конкретного проекта. Добровольность участия в программе менторинга снимает многие отрицательные эффекты обязательных наставнических программ:

– устраняется риск несоответствия;
– у менти нет страха выглядеть некомпетентным в глазах коллег;
– сторонний ментор не сможет снизить чувство ответственности у менти за принятые решения;
– исключено несправедливое отношение к менти (существуют этические нормы, которые обе стороны обязуются выполнять);
– отсутствует чрезмерное давление на наставляемого или принижение его роли в преодолении проблемы.

Участие обеих сторон в программе обучения МВА позволяет общаться на одном языке, оперировать сходными понятиями и т.д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из вышесказанного, необходимо отметить достоинства бизнес-наставничества.

1. Закрепление и развитие знаний, полученных при обучении по программе MBA.
2. Преодоление разрыва между теорией и практикой; формирование новых знаний и компетенций.
3. Приобретение положительного опыта по применению новых знаний.
4. Возможность избежать критических ошибок в профессиональной деятельности.
5. Положительное влияние на карьеру, улучшение своей позиции в глазах коллег и руководства, а также личное продвижение.
6. Получение оперативной актуальной помощи.
7. Расширение деловых связей.
8. Возможность нарастить обороты и прибыль компании.
9. Содействие в формировании видения миссии и целей организации (своеобразного «взгляда сверху» [16; 17]).

Все вышеперечисленное вместе позволит менти более уверенно осуществлять руководство бизнес-процессами, обеспечивать развитие компании и тем самым повышать свою профессиональную ценность.

Академическая наука обладает существенной, критической инерцией и не справляется с отражением быстрых изменений, происходящих в мировой экономике. Для актуального бизнес-образования недостаточно формирования только понятийного мышления, поскольку даже само формирование понятий не успевает за ходом событий. Нужны новые, динамичные формы обучения, оперативно реагирующие на изменения, позволяющие перестраиваться быстро и давать практические результаты. Наставничество в бизнесе и менеджменте становится одной из таких форм, особенно если подразумевается добровольная форма наставничества, которая позволяет гибко и точно отвечать на запросы настоящего времени. Программа менторства отлично справляется с решением таких задач.

В настоящей работе автору хотелось избежать излишней теоретизации и придать информации максимальную практическую направленность.

Библиографический список

1. Министерство просвещения Российской Федерации. *Национальный проект «Образование»*. https://edu.gov.ru/national-project (дата обращения: 25.05.2023).
2. Блинов В.И., Есенина Е.Ю., Сергеев И.С. Наставничество в образовании: нужен хорошо заточенный инструмент. *Профессиональное образование и рынок труда*. 2019;3:4–18.
3. Руденко И.В., Саркисова И.В. Наставничество как форма научно-методического сопровождения профессионального развития будущих педагогов. *Научный вектор на Балканите*. 2021;5(2):15–20.
4. YBI – Youth Business International. *Исследование воздействия добровольного бизнес-наставничества на молодых предпринимателей*. http://www.iblfrussia.org/upload/iblock/663/issledovanie-vozdeystviya-dobrovolnogo-biznes-nastavnichestva-na-molodykh-predprinimateley.pdf (дата обращения: 25.05.2023).
5. Общественная палата Российской Федерации. *Наставничество: эффективный инструмент поддержки бизнеса в новой экономической реальности*. https://www.oprf.ru/news/nastavnichestvo-effektivnyy-instrument-podderzhki-biznesa-v-novoy-ekonomicheskoy-realnosti (дата обращения: 25.05.2023).
6. Бондалетов В.В., Бондалетов Е.В. Становление и развитие наставничества как формы корпоративного обучения персонала в России и за рубежом. *Современные технологии управления персоналом*. 2019;3(28):23–39.
7. Арлашкина О., Перова А., Базылева О. (2 апреля 2021). Bitobe. Мировые тренды наставничества и менторинга. *Как обеспечить рост производительности своими ресурсами*. https://blog.bitobe.ru/article/mirovye-trendy-nastavnichestva-i-mentoringa/ (дата обращения: 27.05.2023).
8. Мазурова Е.Г. (18 декабря 2019). *Наставничество, как стратегия непрерывного развития*. https://iro86.ru/images/documents/1/Наставничество-стратегия_непрерывного_развития.pdf (дата обращения: 26.05.2023).
9. Общественная организация «Объединение наставников». *Официальный сайт*. http://www.nastavniki.com/ (дата обращения: 27.05.2023).
10. Национальный ресурсный центр наставничества «Ментори». *Официальный сайт*. https://newtonfalls.org/content/tutorcom (дата обращения: 28.05.2023).
11. Некоммерческое партнерство «Центральный Институт Труда». *Союз наставников по повышению производительности труда*. https://www.cit.org.ru (дата обращения: 30.05.2023).

12. Портал «Новый бизнес». *Итоги акселератора «Формула роста» – 2021*. http://nb-forum.ru/news/reportages/itogi-akseleratora-formula-rosta-2021 (дата обращения: 30.05.2023).
13. Портал поддержки малого и среднего бизнеса «Мой бизнес». *Официальный сайт*. https://мойбизнес.рф (дата обращения: 01.06.2023).
14. Инютина Е.А. Необходимость поддержки малого предпринимательства в России на современном этапе. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2023;5–1(80):246–252.
15. Агентство стратегических инициатив. *Эксперты назвали бизнес-наставничество эффективным инструментом поддержки предпринимательства*. https://asi.ru/news/181786/ (дата обращения: 01.06.2023).
16. Environmental Conscience. *25 Key pros and cons of mentoring*. https://environmental-conscience.com/mentoring-pros-cons/ (дата обращения: 02.06.2023).
17. Локтюхина Н.В., Назарова У.А., Шабаева С.В. Развитие системы наставничества: российский и зарубежный опыт. *Непрерывное образование: XXI век*. 2019;4(28):1–15. https://doi.org/10.15393/j5.art.2019.5155

References

1. Ministry of Education of the Russian Federation. *National project "Education"*. https://edu.gov.ru/national-project (accessed 25.05.2023). (In Russian).
2. Blinov V.I., Yesenina E.Yu., Sergeev I.S. Mentoring in education: you need a well-sharpened tool. *Professional education and the labor market*. 2019;3:4–18. (In Russian).
3. Rudenko I.V., Sarkisova I.V. Mentoring as a form of scientific and methodological support for the professional development of future teachers. *Scientific vector in Balkanite*. 2021;5(2):15–20. (In Russian).
4. YBI – Youth Business International. *A study of the impact of voluntary business mentoring on young entrepreneurs*. http://www.iblfrussia.org/upload/iblock/663/issledovanie-vozdeystviya-dobrovolnogo-biznes-nastavnichestva-na-molodykh-predprinimateley.pdf (accessed 25.05.2023). (In Russian).
5. Civic Chamber of the Russian Federation. *Mentoring: an effective tool to support business in the new economic reality*. https://www.oprf.ru/news/nastavnichestvo-effektivnyy-instrument-podderzhki-biznesa-v-novoy-ekonomicheskoy-realnosti (accessed 25.05.2023).
6. Bondaletov V.V., Bondaletov E.V. Formation and development of mentoring as a form of corporate training for personnel in Russia and abroad. *Modern technologies of personnel management*. 2019;3(28):23–39.
7. Arlashkina O., Perova A., Bazyleva O. (2 April 2021). Bitobe. *Global trends in mentoring and mentoring. How to ensure productivity growth with your resources*. https://blog.bitobe.ru/article/mirovye-trendy-nastavnichestva-i-mentoringa / (accessed 27.05.2023). (In Russian).
8. Mazurova E.G. (18 December 2019). *Mentoring as a continuous development strategy*. https://iro86.ru/images/documents/1/Наставничество-стратегия_непрерывного_развития.pdf (accessed 26.05.2023). (In Russian).
9. Public organization "Association of mentors". *Official website*. http://www.nastavniki.com / (accessed 27.05.2023). (In Russian).
10. National Mentoring Resource Center "Mentori". *Official website*. https://newtonfalls.org/content/tutorcom (accessed 28.05.2023). (In Russian).
11. Non-profit partnership "Central Institute of Labor". *Union of Mentors for Improving Labor Productivity*. https://www.cit.org.ru (accessed 30.05.2023). (In Russian).
12. Portal "New business". *The results of the accelerator "Growth Formula" – 2021*. http://nb-forum.ru/news/reportages/itogi-akseleratora-formula-rosta-2021 (accessed 30.05.2023). (In Russian).
13. Portal of support for small and medium-sized businesses "My business". *Official website*. https://мойбизнес.рф (accessed 01.06.2023). (In Russian).
14. Inyutina E.A. The need to support small businesses in Russia at the present stage. *International journal of humanities and natural sciences*. 2023;5-1(80):246–252. (In Russian).
15. Agency for Strategic Initiatives. *Experts called business mentoring an effective tool to support entrepreneurship*. https://asi.ru/news/181786 / (accessed 01.06.2023). (In Russian).
16. Environmental Conscience. *25 Key pros and cons of mentoring*. https://environmental-conscience.com/mentoring-pros-cons/ (accessed 02.06.2023).
17. Loktyukhina N.V., Nazarova U.A., Shabaeva S.V. Development of the mentoring system: Russian and foreign experience. *Continuing education: the XXI century*. 2019;4(28):1–15. (In Russian). https://doi.org/10.15393/j5.art.2019.5155

УДК 338.242 JEL M31 DOI 10.26425/1816-4277-2023-9-38-47

Маркетинговый подход к масштабированию бизнеса инновационного стартапа

Азоев Геннадий Лазаревич
Д-р экон. наук, зав. каф. маркетинга
ORCID: 0000-0002-5627-3097, e-mail: gl_azoev@guu.ru

Сумарокова Екатерина Викторовна
Канд. экон. наук, доц. каф. маркетинга
ORCID: 0000-0001-8963-6774, e-mail: ev_sumarokova@guu.ru

Котова Анастасия Николаевна
Магистрант
ORCID: 0000-0002-5627-3097, e-mail: an_kotova@guu.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Высокотехнологичные продукты и инновационные стартапы находятся в зоне высоких рисков. Механизмы их минимизации являются важным условием коммерческого успеха инновации. Данный тезис особенно актуален в период масштабирования бизнеса. В качестве ключевого критерия коммерческого успеха такого масштабирования предлагается показатель массы извлекаемой прибыли. Для ее роста представлено разложение формулы прибыли на три сомножителя: емкость целевого рынка, рыночная доля стартапа, целевая рентабельность продаж. В предлагаемом подходе разработка проекта масштабирования бизнеса для инновационного стартапа строится на основе маркетинговых мероприятий, способствующих росту указанных сомножителей. В связи с высокими рисками не всегда инновационный продукт располагает достаточной емкостью рынка, часто ему сложно конкурировать за значимую рыночную долю, следовательно, невозможно наращивать рентабельность. В таком случае проект не проходит фильтрацию по критерию потенциальной прибыли, которую можно получить в результате масштабирования, и откладывается. Для проектов, которые преодолевают фильтрацию по трем ключевым составляющим прибыли, определяются плановые результаты каждого мероприятия, сроки их реализации, исполнители и необходимый бюджет.

Ключевые слова

Инновации, продукт, стартап, масштабирование, емкость рынка, рыночная доля, рентабельность, прибыль

Благодарности. Научная работа выполнена в рамках гранта ГУУ (НИР № 1010–23).

Для цитирования: Азоев Г.Л., Сумарокова Е.В., Котова А.Н. Маркетинговый подход к масштабированию бизнеса инновационного стартапа // Вестник университета. 2023. № 9. С. 38–47.

© Азоев Г.Л., Сумарокова Е.В., Котова А.Н., 2023.
Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Marketing approach to scaling the business of an innovative startup

Gennady L. Azoev
Dr. Sci. (Econ.), Head of the Marketing Department
ORCID: 0000-0002-5627-3097, e-mail: gl_azoev@guu.ru

Ekaterina V. Sumarokova
Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Marketing Department
ORCID: 0000-0001-8963-6774, e-mail: ev_sumarokova@guu.ru

Anastasiya N. Kotova
Graduate student
ORCID: 0000-0002-5627-3097, e-mail: an_kotova@guu.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

High-tech products and innovative startups are at high risk. Mechanisms of their minimization are an important condition for the commercial success of innovation. This thesis is especially relevant in the period of business scaling. As a key criterion for the commercial success of the scaling, an indicator of the mass of the extracted profit is proposed. For its growth, the decomposition of the profit formula into 3 factors is presented: the capacity of the target market, the market share of the startup, the target profitability of sales. In the proposed approach, the development of a business scaling project for an innovative startup is based on marketing activities that contribute to the growth of these factors. Due to high risks an innovative product does not always have sufficient market capacity, it is often difficult for it to compete for a significant market share, therefore, it is impossible to increase profitability. In this case the project is not filtered by the criterion of potential profit that can be obtained as a result of scaling, and is postponed. For projects that overcome filtering by 3 key components of profit, the planned results of each event, the timing of their implementation, the performers and the necessary budget are determined.

Keywords

Innovation, product, startup, scaling, market capacity, market share, profitability, profit

Acknowledgements. The scientific work was carried out within the framework of the SUM grant (Research no. 1010–23).

For citation: Azoev G.L., Sumarokova E.V., Kotova A.N. (2023) Marketing approach to scaling the business of an innovative startup. *Vestnik universiteta*, no. 9, pp. 38–47.

© Azoev G.L., Sumarokova E.V., Kotova A.N., 2023.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

В Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации ключевой задачей современных научных исследований и технических разработок являются ускорение инноваций и создание новых эффективных решений актуальных задач развития промышленности [1]. Поток инновационных проектов и стартапов увеличивается, однако многие из них не преодолевают барьеры, препятствующие масштабированию. В этой связи появляются риски, которые в значительной степени связаны с отсутствием должной проработки концепций, моделей и методов масштабирования бизнеса для стартапов в приоритетных инновационных областях. В результате около 80 % масштабируемых стартапов терпят коммерческий провал. И одной из первоочередных причин является слабое развитие хай-тек маркетинга, учитывающего специфику венчура.

Для решения данной проблемы необходимы маркетинговые модели, позволяющие сократить риски и на самых ранних этапах развития высокотехнологичной компании ориентировать ее на рынок в будущем, создать условия для формирования масштабного и прибыльного инновационного бизнеса в приоритетных областях развития науки и техники. Это особенно актуально для стартапов, занятых снижением материалоемкости, повышением энергоэффективности и улучшением качества медицинского обслуживания населения. Технологические компании могут придать консолидированный импульс в выделенных секторах экономики, но без него сложно рассчитывать на качественное улучшение ситуации в инновационной индустрии России.

ИССЛЕДОВАНИЯ БАРЬЕРОВ МАСШТАБИРОВАНИЯ

Когда поднимается вопрос о масштабировании, имеется в виду стремительный рост в рекордные сроки, то есть быстрое преодоление фазы стратапа и выход на масштабное производство и сбыт, совместимые с пониятием как минимум серийного производства [2–4]. Под стремительным ростом понимается быстрое прохождение 5-ти стадий: от идеи/инициативы к опытным образцам, к созданию компании и от нее к крупному производству, а затем, при успехе, – к экосистеме [5]. В этом переходе большинство исследователей выделяют ключевое звено – методы и технологии преодоления сопротивлений (барьеров роста) с помощью алаптированной бизнес-модели, которая формируется на основе тщательного экономического анализа и амбиций роста предпринимателей [6–13].

Исследования в области состояния коммерциализации и масштабирования технологических инноваций, освещенные в трудах представителей современных теорий маркетинга, инноваций, менеджмента и экономики, позволили выявить 7 основных барьеров, возникающих на пути построения эффективной маркетинговой модели масштабирования бизнеса инновационных стартапов [14].

1. Понятия и категории. Существование смешения понятий масштабирования, коммерциализации, диффузии, замещения и трансфера технологических инноваций затрудняет внесение необходимой конкретики в процесс масштабирования. В.А. Антонец, Г.Г. Балаян, Н.Н. Бондарева, Т.Ф. Гареев, Д. Гибсон, О.В. Зонова, Н.И. Комков, И.Л. Леонтьев, А.С. Маева, Н.В. Нечаева, Г. Пильнов, О. Тарасова, В.В. Шведова, В.И. Черенков, К.А. Хомкин, А. Яновский и др. занимались глубоким изучением такой проблемы.

2. Концепции и подходы. Доминирование традиционного (производственного) подхода к масштабированию технологических инноваций значительно ограничивает возможности рыночной оценки данного процесса и построения маркетинговой системы управления им («движение от рынка»). В.А. Антонец, Д.С. Демиденко, А.И. Каширин, Э.А. Козловская, Н.В. Нечаева, А.С. Семенов, К.А. Хомкин, В.В. Шведова, Е.А. Яковлева и др. ученые освещали данный барьер в своих трудах.

3. Модели диффузии инноваций, технологии их коммерциализации и масштабирования ограничены в основном концептуальными решениями, требующими детализации и разработки конкретных приложений. Ф. Басс, К. Кристенсен, Дж. Мур, Э. Роджерс и др. авторы сосредоточились на рассмотрении этой темы.

4. Проблема сопротивлений внедрению и масштабированию инноваций рассматривается недостаточно применительно к отраслевым рынкам (англ. business to business – бизнес для бизнеса, далее – B2B) в отличие от сопротивлений, возникающих в процессе диффузии на потребительских рынках (англ. business to consumer – бизнес для потребителя, далее – B2C), что осложняет процесс поиска путей по их преодолению. Исследователями данного направления выступают Дж. Мур, С. Слейтер, С. Рам, Э. Роджерс и др.

5. Методы оценки инновационных товаров и услуг не учитывают сопротивления, возникающие как на B2B, так и на B2C рынках. В.А. Антонец, А. Бретт, П. Бэйки, Д. Кингхэм, Ф. Котлер, Н.В. Нечаева, Г. Пильнов, Д. Рэй, О. Тарасова, Б. Твисс, В.В. Шведова, Р.А. Фатхутдинов, К.А. Хомкин, А. Яновский и др. углубились в изучение этой темы в своих исследованиях.

6. Стратегии и инструменты масштабирования в рамках «квантового общества» не касаются вновь созданных инновационных компаний (стартапов). Д. Зохар, К. Кристенсен, И. Маршалл, М. Рейнор, Ч. Файн, Г. Хамел и др. в своих трудах детально рассматривали такую проблему.

7. Проблема поиска решения. Комплексные решения задачи масштабирования бизнеса инновационного стартапа на основе технологий маркетинга практически не представлены в современной зарубежной, российской научной и научно-практической литературе.

Немногочисленные профильные исследования в настоящее время ведутся в известных зарубежных научных центрах (табл. 1).

Таблица 1

Направления исследований ведущих зарубежных научных центров в области преодоления барьеров масштабирования

Наименование университета, учебного центра	**Проблемы, исследуемые университетами и консалтинговыми компаниями**			
	Преодоление стартапом «долины смерти» (выход на безубыточность) и акционирование стартапа	**Привлечение крупного инвестора, взаимодействие стартапов с централизованными фондами и местными властями, купля/продажа стартапов**	**Сетевое взаимодействие стартапов**	**Масштабирование инновационного бизнеса в сферах IT и биотехнологий**
1. Стэндфордский Университет (США)	•		•	•
2. Университет Калифорнии в Беркли (США)		•		
3. Государственный университет Сан-Хосе (США)				•
4. Массачусетский Технологических институт (США)	•	•		•
5. Гарвардский университет (США)	•			•
6. Государственный университет Северной Каролины (США)			•	•
7. Университет в Осаке (Япония)		•		
8. Университет Тохоку (Япония)	•			
9. Университет Мейдзи (Япония)	•			
10. BCC Research (США)		•	•	•
11. Lux Research (США)			•	•
12. Cientifica (Великобритания)		•		

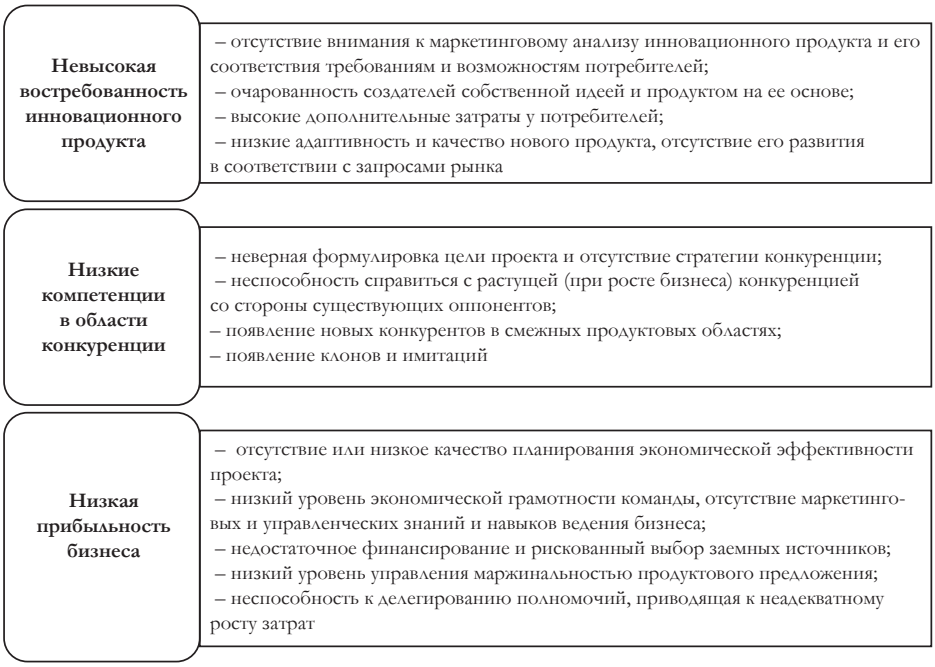
Составлено авторами по материалам исследования

Важно отметить, что отдельные успешные (как правило, зарубежные) решения редко публикуются в научной и научно-практической литературе, так как охраняются авторами от тиражирования как источники получения доходов от консалтинга в хайтек индустрии.

Поиск решений представленной задачи продолжается, к сожалению и главным образом, за рубежом. Практика бизнеса вынуждает технологически развитые страны заниматься данной проблемой как в теоретическом, так и в практическом плане. Есть возможность использовать данный опыт и с учетом российской специфики построить более адекватные отечественным реалиям механизмы масштабирования бизнеса отечественных стартапов на основе современных маркетинговых технологий, ориентирующих новые инновационные компании на высокие социально-экономические результаты.

ВЫДЕЛЕНИЕ РИСКОВ МАСШТАБИРОВАНИЯ

Отталкиваясь от сделанных заключений относительно состояния проблемы, авторы предлагают маркетинговый подход к масштабированию бизнеса инновационного стартапа. Ключевая идея, положенная в основу последующих построений, базируется на необходимости минимизации/преодоления ключевых рисков данного процесса. Для удобства следующих рассуждений риски сгруппированы в трех ключевых плоскостях (рис. 1).



Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Группы рисков масштабирования бизнеса инновационного стартапа

Одним из характерных рисков для инновационных стартапов является очарованность создателей собственной идеей/продуктом. Конечный продукт нравится разработчику, но не имеет достаточного количества потребителей, похожих на создателя, что критически сокращает потенциал рынка.

Даже предварительная высокая оценка спроса на продукт на стадии опытного образца не является панацеей. Продукт должен быть гибким. Необходимо понимать, что выход на новый рынок и расширение в рамках текущего могут потребовать изменения самого продукта, масштабов его производства и дистрибуции.

Критически важно объективно оценивать свой продукт, текущий и прогнозируемый рынок, а также соответствие продукта в его фактической комплектации и планируемом объеме рыночным возможностям. В первую очередь, в фокусе внимания должен быть потребитель. Нельзя игнорировать его возможности и ограничения. Например, часто, когда инновационный продукт предназначен для рынка B2B, его внедрение требует дополнительных капиталовложений со стороны промышленного потребителя, что останавливает или резко сокращает продажи масштабируемого стартапа.

Рыночная конкуренция как внешний фактор является генератором множества рисков. Неспособность компании отследить деятельность конкурентов и оперативно разработать стратегии конкурирования для захвата планируемой рыночной доли является серьезным препятствием, которое не преодолевают

многие стартапы. Причинами такой ситуации часто являются некорректная бизнес-модель и отсутствие в ней стратегии конкуренции, что приводит к неверному позиционированию относительно конкурентов, к отсутствию инструментов поддержания конкурентоспособности продуктов, к «застыванию» компании на стадии «новичка для битья». Так происходит, например, при появлении конкурентов в смежных областях или при возникновении клонов и имитаторов.

Компетентное планирование экономических результатов масштабирования является обязательным условием успеха проекта. Цель, измеренная экономическими показателями, и обоснованные инструменты ее достижения часто, к сожалению, являются второстепенным объектом внимания для разработчиков продукта, уверенных в успехе. Как правило, это связано с низким уровнем экономической грамотности команды, с отсутствием маркетинговых и управленческих знаний и навыков ведения бизнеса. Коллектив стартапа, как правило, небольшой, сотрудники берут на себя сразу несколько функций, от этого чаще всего страдает экономика.

Перечисленные риски ведут к низкой прибыльности стартапа. Однако риски прибыльности могут возникать также из-за недостаточного финансирования, вызванного неумелым подсчетом всех возможных затрат на расширение производства, дистрибуцию, работу персонала, маркетинг. Как показывает практика, недостаточное финансирование может стать решающим фактором не только для развития, но и для возможности существования стартапа. Неверный выбор «дорогих» источников финансирования приводит к аналогичному результату. Особые риски вызывает неумение управлять маржинальностью за счет развития продуктового предложения.

Отсутствие систем и структур (как физических, так и организационных), способных выдержать усложнение коммуникации, и процессов принятия решений, вызванных ростом и увеличением кадрового состава, отрицательно отражается на процессе работы и на конечном продукте. При этом делегирование полномочий как метод позволяет сократить затрачиваемые ресурсы и передать часть задач более компетентным сотрудникам, в том числе на аутсорсинг. Часто страх за свою интеллектуальную собственность, продукт и бизнес не дает предпринимателям разумной свободы в подобных решениях, что в итоге приводит к понижению прибыльности.

ФОРМУЛА МАСШТАБИРОВАНИЯ, МИНИМИЗИРУЮЩАЯ РИСКИ

Обобщая представленные выше риски, очевидно, что большинство из них связаны с тремя экономическими критериями:

– емкость рынка инновационных продуктов стартапа (Е), обеспечивающая потенциал продаж;

– рыночная доля стартапа на рынке профильных продуктов (Д), определяющая насколько быстро в процессе конкуренции осваивается емкость рынка;

– целевая (нормативная, плановая) рентабельность продукции стартапа (Р), определяющая насколько экономически эффективно используются ресурсы и осуществляются продажи в процессе роста.

В результате несложных арифметических действий нетрудно доказать, что рост данных показателей обеспечивает увеличение массы прибыли стартапа (П), что в конечном счете является главным критерием успешного масштабирования инновационного, коммерчески ориентированного бизнеса:

$$П = Е \cdot Д \cdot Р \qquad (1)$$

Очевидность равенства в данной формуле легко доказать, раскрыв формулы рыночной доли и целевой рентабельности (двух последних сомножителей в формуле 1). Формула 2 имеет следующий вид:

$$П = Е \cdot \frac{О}{Е} \cdot \frac{П}{О}, \qquad (2)$$

где О – объем продаж стартапа.

В результате сокращений равенство преобразуется в тождество.

Таким образом, успех масштабирования констатируется в результате роста емкости рынка, рыночной доли и рентабельности, то есть в результате роста прибыли. В таком разложении формулы прибыли нет ничего нового. Данную формулу впервые использовал В.В. Портных в книге «Стратегия бизнеса» в контексте построения концепции стратегического управления маркетингом [15]. Авторы статьи предложили развитие и детализацию такой концепции применительно к проблеме масштабирования бизнеса стартапа. В отличие от существующих подходов, предлагаемый подход оперирует основными составляющими прибыли, за которые отвечает маркетинг в процессе масштабирования бизнеса.

ФИЛЬТРАЦИЯ ПРОЕКТА МАСШТАБИРОВАНИЯ НА ОСНОВЕ ОЦЕНКИ СОМНОЖИТЕЛЕЙ ФОРМУЛЫ

Из формулы 1 видно, что максимизация прибыли возможна при одновременном наращивании емкости целевого рынка, рыночной доли и целевой рентабельности. Все перечисленные составляющие (и их рост) являются ключевыми ориентирами маркетинга.

Если на завершающем этапе разработки проекта масштабирования будут определены все необходимые мероприятия, и оценены затраты проекта масштабирования (выявлены содержание деятельности в рамках проекта и необходимые инвестиции), то на начальном этапе нужно получить ответ на вопрос – будут ли эти будущие затраты экономически целесообразны, насколько они будут прибыльны?

Первый элемент формулы – емкость рынка нового продукта, она же является первым фильтром перед началом работ по масштабированию. Расчет емкости рынка представлен в многочисленных публикациях авторов (например, в учебнике «Маркетинг: модели, технологии, инструменты»[16]). Отдельную позицию в этом ряду занимает очень точный и малозатратный метод оценки емкости рынка инновационных цифровых продуктов с использованием баз данных федеральных операторов мобильной связи и элементов искусственного интеллекта [17]. Метод многократно апробирован и регистрируется как ноу-хау («секрет производства»). Результаты апробации такого метода представлены в труде «Краткосрочное прогнозирование спроса на новые цифровые продукты: опыт Института маркетинга ГУУ» [18].

Оценка емкости с заданной статистической ошибкой (не более ≈ 3%) даст основания для продолжения или остановки работ над проектом масштабирования. Все будет зависеть от результатов оценки. Величина емкости должна быть достаточной для возврата инвестиций за период масштабирования. Конечно, емкость рынка – это всего лишь потенциальный объем продаж (а не прибыль), который еще нужно достичь, в том числе за счет специальных маркетинговых акций, которые также требуют затрат. Но это первый фильтр, который укажет на экономическую целесообразность проекта масштабирования и, как показывает практика, во многих случаях убережет от ненужных затрат начинающих инноваторов.

Второй фильтр сложнее. Он заключается в оценке рыночной доли, которую может занять инновационный продукт среди аналогичных сервисов или их заменителей. В действительности, данная оценка напрямую связана с конкурентоспособностью как самого продукта, так и команды стартапа. Для того чтобы приступить к оценке, целесообразно разработать конкурентную карту рынка [19]. Пример такой карты представлен на рис.2.

Рыночная доля, Дi / Темп прироста рыночной доли, Ti				Классификационные группы			
				I	II	III	IV
				Лидеры рынка	Компании с сильной конкурентной позицией	Компании со слабой конкурентной позицией	Аутсайдеры рынка
				I	II	III	IV
Классификационные группы	I	Компании с быстро улучшающейся конкурентной позицией	I	1	5	9	13
	II	Компании с улучшающейся конкурентной позицией	II	2	6	10	14
	III	Компании с ухудшающейся конкурентной позицией	III	3	7	11	15
	IV	Компании с быстро ухудшающейся конкурентной позицией	IV	4	8	12	16

Составлено авторами по материалам источника [19]

Рис. 2. Пример конкурентной карты рынка

В сущности, это состав реальных и потенциальных конкурентов, их рыночные доли и темпы их роста. На основе анализа конкурентной карты устанавливается плановое значение рыночной доли. Такое значение рыночной доли стартап может/должен занять в процессе масштабирования бизнеса с составом мероприятий, в которых ключевым содержательным элементом являются инструменты конкурирования, и, конечно, затраты на реализацию стратегии конкуренции.

Размер рыночной доли и ее рост определяются возможностью стартапа конкурировать по характеристикам назначения и ценам с аналогами и заменителями. Инструментарий конкуренции является ключевым элементом маркетинга стартапа.

Третий фильтр – это рентабельность продуктов масштабируемого бизнеса.

Целевая (плановая) рентабельность продаж задается в процентах к отпускной цене продукта. Никто лучше маркетолога не сможет определить на чем можно сэкономить без ущерба для продаж. «Чистка» затрат на разработку, производство, логистику, маркетинг, рекламу, продажи является не только средством роста маржи, но и инструментом, позволяющим шире использовать возможности ценовой борьбы с конкурентами. Кроме того, маркетинг располагает стратегиями роста маржинальности предложения за счет развития продуктового портфеля и сопутствующих услуг с целью повышения добавленной стоимости и цены. Все мероприятия, связанные с обеспечением плановой рентабельности, должны быть продуманы и просчитаны с точки зрения затрат.

СТРУКТУРНЫЕ СВЯЗИ КОМПОНЕНТ ФОРМУЛЫ, МАРКЕТИНГОВЫХ ЦЕЛЕЙ И ЗАДАЧ СТАРТАПА НА ЭТАПЕ МАСШТАБИРОВАНИЯ

При успешном прохождении представленных выше трех фильтров важно установить связи между составляющими формулы (1) с конкретными маркетинговыми мероприятиями, которые будут способствовать росту составных сомножителей формулы. В конечном счете имеется в виду состав мероприятий, который необходимо реализовать в процессе внедрения проекта масштабирования, определив исполнителей, результаты, бюджет и сроки (рис. 3).

Рост емкости рынка	**Рост рыночной доли**	**Рост рентабельности**
– полное освоение существующей рыночной ниши; – расширение ассортимента за счет дополняющей продукции, обеспечивающей комплексное использования инновации; – наращивание ассортимента за счет сопутствующих услуг; – создание дополнительного сегмента за счет модификации продукта и выхода к новым группам потребителей; – расширение каналов продаж (опт, розница); – развитие рынка за счет партнерств и коллабораций; – развитие франшизы, открытие филиалов и представительств на новых географических рынках страны; – выход на зарубежные рынки с исходным и новым продуктом; – организация продаж на цифровых рынках	– обеспечение конкурентоспособности продукта по характеристикам назначения и качеству за счет инновационных конструкторских и технологических решений; – продвижение информации о превосходстве характеристик назначения продукта в целевых группах потребителей; – обеспечение конкурентоспособности цены продукта за счет снижения себестоимости; – развитие клиентоориентированности продаж; – непрерывный бенчмаркинг конкурирующих продуктов и технологий продаж конкурентов; – формирование инструментов повторных продаж; – повышение лояльности потребителей	Экономия затрат на: – приобретение/строительство производственного помещения за счет его аренды; – приобретение дорогостоящего оборудования за счет его лизинга; – отдельные операции технологического процесса за счет использования возможностей центров коллективного пользования; – управлении за счет аутсорсинга юридического сопровождения, бухгалтерского учета, доставки сырья и материалов, поставки готовой продукции; – на персонал за счет агрегирования функций управления; – приобретение (аренду) офисного помещения за счет дистанционной работы. Рост маржинальности продуктового предложения за счет: – использования ценовой стратегии «снятия сливок»; – развития премиального и сезонного ассортимента; – предложение кастомизированных продуктов; – развития персонофицированных и клиентоориентированных продаж; – предложения премиальных опций к стандартному продукту; – предложение высокомаржинальных расходных материалов и кросс-селлинг блоков; – повышения частоты покупок
Результаты, исполнители, сроки, бюджет		

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 3. Мероприятия плана масштабирования, направленные на увеличение массы прибыли за счет роста целевой емкости рынка, рыночной доли и рентабельности

Представленный состав мероприятий не является исчерпывающим. Более того, каждое из предложенных действий должно предварительно «настраиваться» на особенности инновационного продукта и целевого рынка. Авторы удостоверились в необходимости такой кастомизации проекта масштабирования в ходе частичной апробации предлагаемого подхода на примере 50 новых цифровых продуктов/сервисов, разрабатываемых в Институте маркетинга Государственного университета управления (табл.1) [18].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Апробация предлагаемых решений дала положительные результаты и определила направления возможного использования модели, а также выделила потенциальных пользователей:

– разработка планов масштабирования бизнеса руководителями и участниками инновационного стартапа;

– фильтрация стартапов при рассмотрении заявок на их финансирование инвестиционными фондами и банками;

– создание/покупка инновационных стартапов крупными компаниями, связывающими свое развитие с инновациями;

– диверсификация бизнеса оборонно-промышленного комплекса, направленная на создание стартапов для организации производства и продаж гражданской продукции с использованием инновационных технологий и продуктов.

Работа над детализацией решений в рамках предлагаемого маркетингового подхода к масштабированию бизнеса инновационных стартапов продолжается в направлении конкретизации инструментов расширения емкости рынка, повышения рыночной доли и рентабельности. Общая цель заключается в разработке типового проекта масштабирования, минимизирующего риски и направленного на максимизацию прибыли.

Библиографический список

1. Президент Российской Федерации. *Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 №642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»*. https://base.garant.ru/71551998/ (дата обращения: 26.05.2023).
2. Хоффман Р., Йе К., Гейтс Б. *Блиц-масштабирование. Как создать крупный бизнес со скоростью света*. М.: Альпина Паблишер; 2019. 400 с.
3. Skala A. Characteristics of Startups. *Digital Startups in Transition Economies*. 2018.C.41–91.
4. Mahadevan G., Chejarla K. Lean Management for Small and Medium Sized Enterprises. *Springer Singapore*; 2023. 341 c.
5. Tippmann E., Ambos T., Giudice M., Monaghan S., Ringov D. Scale-ups and scaling in an international business context. *Journal of World Business*. 2023;58(1):101397. https://doi.org/10.1016/j.jwb.2022.101397
6. Сафин Р.И. Основные риски масштабирования бизнеса: сущность и особенности минимизации. *Актуальные научные исследования в современном мире*. 2021;12–8(80):160–162.
7. Mulder J. *Scaling the Business with Enterprise Architecture. Using DevSecOps and Cloud-Native in Large Enterprises*. CA: Apress Berkeley; 2023. 205 p.
8. Cavallo A., Cosenz F., Noto G. Business model scaling and growth hacking in digital entrepreneurship. *Journal of World Business*. 2023;58(1):8. https://doi.org/10.1080/00472778.2023.2195463
9. Никонов О.К. Бизнес-модели масштабирования как стратегия развития иностранных и российских компаний. *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. 2022;12(4–1):350–357.
10. Sharma S., Meyer K. *Industrializing innovation – the next revolution*. Springer Cham; 2019. 216 p.
11. Shepherd D., Gruber M. The lean startup framework: closing the academic–practitioner divide. *Entrepreneurship: Theory and Practice*. 2021;45(2):967–998.
12. Hultberg E., Pal R. Exploring Scalability from a Triple Bottom Line Perspective: Challenges and Strategic Resources for Fashion Resale. *Circular Economy and Sustainability*. 2023. https://doi.org/10.1007/s43615-023-00267-0
13. Kleinert S. The promise of new ventures growth ambitions in early-stage funding: on the crossroads between cheap talk and credible signals. *Entrepreneurship: Theory and Practice*. 2023.
14. Быкова М.К. Маркетинговая модель коммерциализации нанотехнологических инноваций. Дис. … канд. экон. наук: 08.00.05. М.: Государственный университет управления; 2013. 233 с.
15. Портных В.В. *Стратегия бизнеса*. М.: Дашков и К; 2017. 276 с.
16. Азоев Г.Л. (ред.), Окольнишникова И.Ю., Старостин В.С. и др. *Маркетинг: модели, технологии, инструменты: учебник для вузов*. СПб.: Питер; 2023. 544 с.

17. Азоев Г.Л., Хохлов Д.А. Формирование модели прогнозирования спроса на проектируемые цифровые продукты. *Маркетинг и маркетинговые исследования*. 2021;1:18–27.
18. Азоев Г.Л., Сумарокова Е.В. Краткосрочное прогнозирование спроса на новые цифровые продукты: опыт Института маркетинга ГУУ. *Маркетинг и маркетинговые исследования*. 2021;4:248–257.
19. Азоев Г.Л. *Конкурентные преимущества фирмы*. М.: типография «Новости»; 2000. 256 с.

References

1. The President of the Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation dated 01.12.2016 no. 642 *"On the Strategy of scientific and technological development of the Russian Federation"*. https://base.garant.ru/71551998/ (accessed 26.05.2023). (In Russian).
2. Hoffman R., Ye K., Gates B. Blitz scaling. How to create a large business at the speed of light. Moscow: Alpina Publisher; 2019. (In Russian).
3. Skala A. Characteristics of Startups. *Digital Startups in Transition Economies*. 2018. Pp.41–91.
4. Mahadevan G., Chejarla K. Lean Management for Small and Medium Sized Enterprises. *Springer Singapore*. 2023.
5. Tippmann E., Ambos T., Giudice M., Monaghan S., Ringov D. Scale-ups and scaling in an international business context. *Journal of World Business*. 2023;58(1):101397. https://doi.org/10.1016/j.jwb.2022.101397
6. Safin R.I. The main risks of business scaling: the essence and features of minimization. *Current scientific research in the modern world*. 2021;12–8(80):160–162. (In Russian).
7. Mulder J. *Scaling the Business with Enterprise Architecture. Using DevSecOps and Cloud-Native in Large Enterprises*. CA: Apress Berkeley; 2023. 205 p.
8. Cavallo A., Kozentz F., Noto G. Business model scaling and growth hacking in digital entrepreneurship. *Journal of World Business*. 2023;58(1):8. https://doi.org/10.1080/00472778.2023.2195463
9. Nikonov O.K. Business models of scaling as a strategy for the development of foreign and Russian companies. *Economy: yesterday, today, tomorrow*. 2022;12(4–1):350–357. (In Russian).
10. Sharma S., Meyer K. *Industrializing innovation – the next revolution*. Springer Cham; 2019. 216 p.
11. Shepard D., Gruber M. The lean startup framework: closing the academic–practitioner divide. *Entrepreneurship: Theory and Practice*. 2021;45(2):967–998.
12. Hultberg E., Pal R. Exploring Scalability from a Triple Bottom Line Perspective: Challenges and Strategic Resources for Fashion Resale. *Circular Economy and Sustainability*. 2023. https://doi.org/10.1007/s43615-023-00267-0
13. Kleinert S. The promise of new ventures growth ambitions in early-stage funding: on the crossroads between cheap talk and credible signals. *Entrepreneurship: Theory and Practice*. 2023.
14. Bykova M.K. *Marketing model of commercialization of nanotechnological innovations*. Diss. ... Cand. Sci. (Econ.): 08.00.05. Moscow: State University of Management; 2013. 233 p. (In Russian).
15. Portnykh V.V. *Business strategy*. Moscow: Dashkov and K; 2017. (In Russian).
16. Azoev G.L. (ed.), Okolnishnikova I.Yu., Starostin V.S. et al. *Marketing: models, technologies, tools: textbook for universities*. St. Petersburg: Piter. (In Russian).
17. Azoev G.L., Khokhlov D.A. Formation of a demand forecasting model for projected digital products. *Marketing and marketing research*. 2021;1:18–27. (In Russian).
18. Azoev G.L., Sumarokova E.V. Short-term forecasting of demand for new digital products: the experience of the Marketing Institute of SUM. *Marketing and marketing research*. 2021;4:248–257. (In Russian).
19. Azoev G.L. *Competitive advantages of the company*. Moscow: Novosti printing house; 2000. (In Russian).

УДК 338 JEL O12 DOI 10.26425/1816-4277-2023-9-48-56

Формирование стратегического плана строительной организации в целях устойчивого проектного управления

Зозуля Павел Валерьевич

Канд. экон. наук, доц. каф. управления проектом
ORCID: 0000-0002-6804-5681, e-mail: docent2002@mail.ru

Зозуля Антон Валериевич

Канд. экон. наук, доц. каф. управления проектом
ORCID: 0000-0002-5617-4857, e-mail: zozula2004@mail.ru

Мезина Татьяна Владимировна

Канд. экон. наук, доц. каф. управления проектом
ORCID: 0000-0003-0908-6659, e-mail: Mezinatv@mail.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Сегодня актуально развитие стратегического управления в проектно-ориентированных компаниях, к которым в том числе относятся и строительные организации, где необходимо соединение проектного менеджмента с механизмами стратегического управления. Для управления проектами строительной компании и с целью обеспечения ее устойчивого развития следует использовать модели, методы и средства управления проектами, которые необходимо интегрировать в общую систему стратегического управления компанией. В статье представлена система стратегического планирования коммерческой компании в сфере строительства, и охарактеризованы ее подсистемы. Изучена взаимосвязь стратегического управления организацией и проектами в строительной организации. В целях устойчивого проектного управления авторами сформирован стратегический план строительной организации, включающий в себя определенные этапы, которые рассмотрены подробно. В заключении статьи даны краткие выводы.

Ключевые слова

Проект, устойчивость проектного управления, строительные организации, стратегия, стратегическое планирование, стратегическое управление

Благодарности. Научная статья подготовлена по результатам научно-исследовательской работы, выполненной в 2023 г. членами коллектива кафедры управления проектом, по теме «Совершенствование системы стратегического управления проектами строительной организации».

Для цитирования: Зозуля П.В., Зозуля А.В., Мезина Т.В. Формирование стратегического плана строительной организации в целях устойчивого проектного управления// Вестник университета. 2023. № 9. С. 48–56.

© Зозуля П.В., Зозуля А.В., Мезина Т.В., 2023.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Strategic plan formation of a construction organization for sustainable project management

Pavel V. Zozulya
Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Project Management Department
ORCID: 0000-0002-6804-5681, e-mail: docent2002@mail.ru

Anton V. Zozulya
Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Project Management Department
ORCID: 0000-0002-5617-4857, e-mail: zozula2004@mail.ru

Tatiana V. Mezina
Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Project Management Department
ORCID: 0000-0003-0908-6659, e-mail: Mezinatv@mail.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

Today it is important to develop strategic management in project-oriented companies, which include construction organizations, where it is necessary to combine project management with strategic management mechanisms. To manage the projects of a construction company and in order to ensure its sustainable development, it is necessary to use models, methods and project management tools that need to be integrated into the overall strategic management system of the company. The article presents the strategic planning system of a commercial company in the field of construction and describes its subsystems. The interrelation of strategic management of the organization and project management in a construction organization is studied. In order to ensure sustainable project management, the authors have formed a strategic plan for a construction organization, which includes certain considered in detail stages. The final part of the article contains brief conclusions.

Keywords

Project, sustainability of project management, construction organizations, strategy, strategic planning, strategic management

Acknowledgements. The scientific article was prepared based on the results of research project carried out in 2023 by members of the Project Management Department staff on the topic "Improving the strategic project management system of a construction organization".

For citation: Zozulya P.V., Zozulya A.V., Mezina T.V. (2023) Strategic plan formation of a construction organization for sustainable project management. *Vestnik universiteta*, no. 9, pp. 48–56.

© Zozulya P.V., Zozulya A.V., Mezina T.V., 2023.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

В условиях системного кризиса мировой экономической системы и экономики Российской Федерации (как ее неотъемлемой части) проблемы стратегического управления приобретают особую актуальность. Как известно, стратегическое управление предприятием предполагает длительные сроки планирования, а также проведения проектов и программ развития. Поэтому реализация стратегического менеджмента в условиях высокого уровня неопределенности внешней среды является особенно проблематичной, так как планы развития компании должны быть составлены с учетом возможности адаптации к меняющимся условиям внешней среды.

Таким образом, проблему исследования можно сформулировать следующим образом. Каковы направления и инструменты совершенствования стратегического управления в проектно-ориентированных компаниях в условиях высокого уровня неопределенности внешней среды?

Исследование проблемы основывается на научной и методологической основе, разработанной и апробированной авторами, в частности, Р.А. Кадыровым, О.А. Марковой, М.Н. Барбарской, М.Н. Гусевой, И.С. Брикошиной, А.П. Бирюковым, В.И. Тиняковой.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Одним из важных аспектов устойчивого проектного управления организацией является стратегическое планирование. Оно представляет собой процесс формирования долгосрочных целей развития и определения мероприятий, необходимых для их достижения. Особо важна функция менеджмента в строительстве – отрасли экономики, сопряженной с высокими рисками и существующей в условиях значительной неопределенности внешней среды. Благодаря стратегическому планированию руководство строительной компании получает информацию, необходимую для принятия ключевых управленческих решений, разработки инвестиционных проектов, составления финансовых программ и краткосрочных планов, на которые в дальнейшем опираются тактический менеджмент и оперативное управление. Кроме того, в ходе создания стратегических планов вырабатываются объективные критерии оценки поставленных задач, без которых не может быть создана эффективная система мотивации сотрудников по всей иерархии управления [1].

Таким образом, стратегическое планирование обеспечивает информационное сопровождение и ресурсообеспечение всех функций менеджмента в строительной организации [2]. В условиях наступающего мирового кризиса, связанного с коронавирусом, падением цен на нефть и обостряющейся геополитической борьбой США и Китая, стратегическое планирование становится жизненно необходимым и принципиально важным инструментом управления для российских компаний, пытающихся конкурировать с высоко капитализированными иностранными корпорациями.

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ

Схематично система стратегического планирования коммерческой компании в сфере строительства представлена на рис. 1.

Рассмотрим указанные на рис. 1 подсистемы стратегического планирования более подробно:

1) главная задача подсистемы мониторинга – собирать сведения о процессах, происходящих во внешней среде (динамика цен, тенденции развития, актуальные запросы рынка и т.п.), а также внутри самого предприятия (статистические показатели, движение информационных и материальных потоков, состояние корпоративной среды и т.п.);

2) данные, собранные подсистемой мониторинга, отправляются в аналитический центр предприятия. Сотрудники, обладающие профессиональными компетенциями и специальными знаниями, обрабатывают поступившую информацию и на основе проведенного анализа составляют рекомендации по принятию стратегических решений для высшего менеджмента компании;

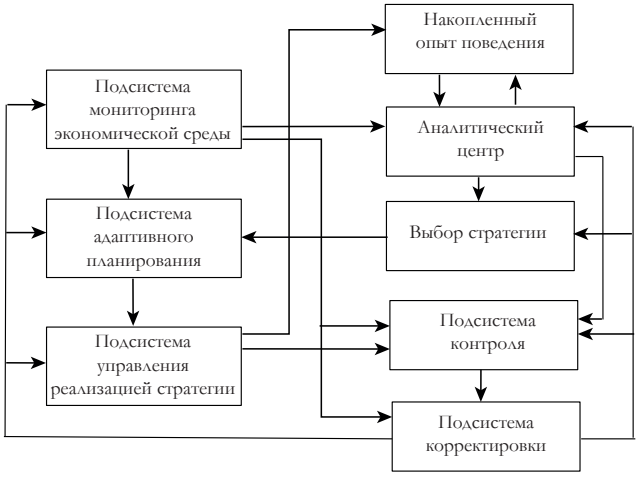
3) в подсистеме выбора стратегии ответственные лица, представленные собственниками, директорами или топ-менеджерами, на основе данных из аналитического центра составляют набор допустимых стратегий развития компании. В дальнейшем для каждого варианта определяются потенциальные риски и возможности, а также рассчитывается суммарная эффективность, исходя из которой выбирается оптимальная стратегия развития;

4) получив готовую концепцию стратегии из подсистемы выбора, подсистема адаптивного планирования разрабатывает под нее конкретный план реализации с учетом временных и ресурсных ограничений. Главная особенность составленного стратегического плана – его вариативность. На ключевых этапах плана разработчики делают разветвления, движение по которым зависит от состояния внешней и внутренней среды предприятия на момент выполнения данного этапа [2].

5) подсистема управления реализацией стратегии, подсистема контроля и корректировки представляют собой неразрывную триаду взаимозависимых и взаимообусловленных элементов. Подсистема реализации стратегии устанавливает подсистеме контроля критерии оценки для каждого этапа выполнения проекта. Подсистема контроля на регулярной основе проверяет состояние строительного производства на предмет соответствия стратегическим планам и в случае обнаружения несоответствий передает информацию системе корректировки. Причинами для корректировки текущих мероприятий чаще всего являются:

– незапланированное изменение конъюнктуры внешней среды, спровоцировавшее переработку стратегического плана;

– перманентные изменения внешней среды, вследствие которых изначально сформулированные стратегические цели перестают быть актуальными.



Составлено авторами по материалам источника [2]

Рис. 1. Система стратегического планирования процесса развития домостроительного предприятия

Источником для разработки стратегического плана строительной компании является конкурентный анализ. Вначале составляется прогноз долгосрочного развития внешней среды, затем выявляются потенциально сильные стороны компании, на которые можно опираться в борьбе за завоевание доли рынка, и в итоге определяются главные цели, для каждой из которых прописывается собственный план достижения.

Следует сказать, что особенностью строительных организаций является то, что система стратегического управления организацией у них тесно связана со стратегическим управлением проектами, в том числе объединенными в портфели проектов.

Составлено авторами по материалам источника [3]

Рис. 2. Взаимосвязь стратегического управления организацией и управления проектами в строительной организации

Таким образом, необходимо отличать понятия стратегического управления строительной организацией и стратегического управления проектом в строительной организации.

Стратегическое управление строительной организацией – это важнейшая функция управления организацией, ориентированная на достижение долгосрочных целей и предусматривающая комплекс мер и подходов, направленных на эффективное использование ресурсного потенциала, на устойчивое развитие и повышение уровня конкурентоспособности на рынке строительных услуг.

Стратегическое управление проектом в строительной организации представляет собой технологию достижения запланированных результатов проекта не только с учетом установленных целей и задач проекта, но и с ориентацией на миссию и стратегические цели строительной организации (т.е. интеграция проекта в стратегический план развития строительной компании).

Управление проектами в качестве структурного элемента стратегического менеджмента организации представлено на рис. 2.

Как видно из рис. 2, стратегическое управление в строительной организации разделяется на 2 равнозначные области – это стратегическое планирование и управление непосредственно развитием организации и управление портфелем проектов [4].

В целях устойчивого проектного управления разработка стратегического плана, в том числе в строительных организациях, является важной составляющей. Следовательно, формирование стратегического плана в строительной организации, по мнению авторов настоящей статьи, должно включать в себя следующие этапы (рис. 3).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 3. Формирование стратегического плана строительной организации

Рассмотрим каждый из таких этапов более подробно. Первым этапом стратегического планирования является мониторинг регионального рынка. Важность мониторинга объясняется тем, что в ходе его реализации аккумулируется информация, от которой зависят все последующие решения, связанные с планированием.

1. Мониторинг и маркетинговые исследования регионального рынка строительства и его связей с различными рынками страны. Исследование факторов окружающей среды позволяет выявить наиболее вероятные риски и заранее адаптировать предприятие к их возможному наступлению, то есть подготовить альтернативные планы действий, создать резервные источники ресурсообеспечения, сделать систему управления более гибкой. На основе регионального анализа рынка высший менеджмент может сравнить текущее и перспективное состояние предприятия, разработать «дорожную карту» трансформации из одного состояния в другое, а также выявить угрозы и возможности развития бизнеса во всех семи группах факторов:

– экономические факторы. Общее состояние экономической системы оказывает прямое влияние на все ее элементы, поэтому для стратегического планирования учитывать такой фактор строго необходимо. Исследованию подлежат валютные курсы, ситуация на биржах, темпы инфляции и др. В зависимости от характера и специфики деятельности предприятия каждый из них может быть интерпретирован как угроза или возможность;

– политические факторы. Любая капиталистическая структура на пике своего финансового развития становится структурой государственной власти, создающей широкое поле возможностей для определенных бизнес-групп и массу угроз для своих конкурентов. Поэтому кроме простого отслеживания изменений в нормативной документации успешные предприятия должны постоянно искать возможности для лоббирования собственных интересов в политике и предугадывать действия в этом направлении со стороны конкурирующих организаций;

– рыночные факторы. Как и другие группы факторов, рыночные могут в разных ситуациях как открывать для предприятия новые возможности (снижение цен на сырье, рост доходов потенциальных потребителей, выход из сегмента принципиального конкурента и т.д.), так и создавать новые угрозы, требующие экстренного реагирования (снижение барьеров входа в отрасль, появление корпоративных игроков с высоким уровнем капитализации и т.п.);

– технологические факторы. В современной экономической среде инновации и достижения научно-технического прогресса могут стать для предприятия ключевым преимуществом в конкурентной борьбе или причиной разорения. Поэтому строительная компания должна постоянно следить за новинками рынка, обновлять оборудование и осваивать новые технологии;

– факторы конкуренции. Конкурентный анализ помогает компании изначально сформировать правильное направление развития, в котором были бы учтены ошибки и успехи других строительных компаний;

– бихевиористические факторы. Исследование этого аспекта внешней среды позволяет предсказать будущую смену предпочтений среди потребителей и предугадать социальные тенденции, чтобы воспользоваться их преимуществом при построении бизнес-модели;

– международные факторы. Менеджмент строительной компании при планировании бизнеса должен учитывать внешнеполитическую ситуацию, особенно если фирма функционирует не только на отечественном, но и на международном рынке. Анализ существующих международных факторов позволяет спрогнозировать среднесрочные экономические тенденции и успеть принять меры для приспособления к ним [5].

Качественный стратегический план должен учитывать не только различные факторы влияния внешней среды и характеристики конкурентов, но и особенности самого предприятия. Грамотное использование сильных и слабых сторон собственного бизнеса позволяет добиться успеха в условиях открытых рыночных систем [6].

Анализ внутренней среды строительной организации проводится с учетом пяти основных ее аспектов:

– общая оценка экономического положения компании;

– динамика эффективности предприятия в долгосрочном периоде;

– соответствие организационной структуры существующим и перспективным потребностям организации;

– оценка эффективности системы менеджмента с точки зрения использования имеющегося потенциала фирмы;

– корпоративная культура и деловая атмосфера на предприятии.

На основе анализа всех перечисленных аспектов составляется список из 10–15 самых влиятельных факторов внутренней среды, формирующих текущую повестку дня и задающих вектор дальнейшего развития предприятия. Таким образом, разрабатывается перспективная модель строительной компании.

2. Анализ тенденций развития рынка, перспектив конкурентов и собственных потенциальных возможностей. Еще один важный прием стратегического планирования – это анализ внешней среды с точки зрения контрагентов, который включает определение репутации компании у поставщиков строительных материалов, кредитных учреждений, заказчиков и т.д.; выявление потребностей потенциальных клиентов, их ожиданий от строительной отрасли, а также потребительских предпочтений; формирование списка строительных объектов, пользующихся наибольшим спросом, в которые можно заложить максимальную прибавочную стоимость [2].

3. Формирование стратегических целей и постановка производственных задач строительного предприятия. Следующая фаза стратегического планирования – целеполагание, в которое входит формулирование миссии и стратегических целей. Миссия – наиболее общий ориентир, определяющий направление развития организации, поэтому миссия должна быть прописана таким образом, чтобы в течение всего жизненного цикла предприятие сохраняло движение в ее направлении, но никогда не достигало в полной мере. Стратегические цели деятельности определяются, исходя из миссии, но формулируются более конкретно: повысить оборот до определенного объема, занять долю сегмента рынка, расширить спектр предлагаемых строительных услуг и т.п.

Стоит отметить, что главным аспектом в стратегическом планировании можно считать правильный выбор миссии компании. В первую очередь руководство должно четко обозначить, для чего необходима организация, для какой цели она существует. Такой аспект очень важен для того, чтобы предупредить превалирование собственных ценностей над ценностями компании [7].

4. Балансировка различных целей и задач стратегического развития, строительных проектов. Цели в крупных и мелких строительных организациях отличаются. Зачастую небольшие компании планируют свою деятельность и ставят определенные цели, принимая во внимание практически всегда собственные возможности при разработке и дальнейшей реализации продукта.

Достижение долгосрочных целей связано с окончанием производственного цикла. Завершается этап стратегического управления организацией установлением задач, позволяющих достичь цели. После определения миссии и целей организация обозначает стратегию своей деятельности. В целом стратегия деятельности строительной организации должна быть направлена на повышение эффективности использования своего потенциала и на его дальнейшее развитие [8].

5. Построение различных альтернативных вариантов плана стратегического развития строительного предприятия. На данном этапе определяются различные альтернативы стратегий достижения поставленной стратегической цели, в том числе отказ от достижения цели.

6. Определение критериев оценки и выбора наиболее рационального плана развития строительного предприятия из числа принятых альтернатив. Важным этапом стратегического планирования является определение критериев оценки и выбора наиболее рационального плана развития строительного предприятия из числа принятых альтернатив. Основными критериями среди прочих должны быть: достижимость стратегической цели, соответствие современной ситуации, создание конкурентного преимущества, обоснованность, приемлемость, гармоничность, реализуемость, последовательность.

7. Выбор стратегического плана развития. Следующим этапом является выбор стратегического плана развития. В практике деятельности строительной организации выработан ряд научных и практических подходов обоснования стратегий развития. В основу содержания и методологии исследования стратегического потенциала строительной организации входят технико-экономический анализ, финансовый анализ и диагностика деловой активности, стратегический анализ и прогнозирование, а именно: SWOT–анализ (англ. srtrengths, weaknesses, opportunities, threats – достоинства, недостатки, возможности и угрозы), 5х5 – пять основных критериев оценки внешней среды и PEST-анализ (англ. economic, social and technological analysis – анализ политической, экономической, социальной и технологической ситуации), маркетинговый анализ [9]. Помимо основной задачи (обеспечение достижения поставленной цели), стратегический план должен соответствовать косвенным функциям реализации выбранной стратегии. К таковым следует отнести:

– составление иерархии управленческих задач в соответствии с их удельным весом в реализации стратегии предприятия;

– подчинение производственных и административных процессов единой стратегической цели;

– создание оптимальной управленческой методологии и ее согласование с намеченным вектором развития.

8. Имитационное моделирование или анализ методом дерева решений процесса реализации выбранного плана стратегического развития строительного предприятия. Далее наступает фаза контроля выбранной стратегии, которая заключается в ее исследовании на предмет соответствия стратегическим целям предприятия, а в случае выявления несовпадений разрабатываются мероприятия по их устранению. Анализ соответствия стратегического плана цели организации удобней всего осуществлять методом имитационного моделирования или дерева решений [10].

9. Анализ результатов моделирования, корректировка при необходимости, принятие окончательного решения. Закономерным итогом процесса стратегического управления организацией становится оценка результатов моделирования по достижению стратегией цели строительной организации, которая проводится по нескольким критериям: последовательность и внутренняя непротиворечивость сформулированной стратегии, соответствие стратегии условиям окружающей среды, а также наличие у предприятия финансовых, человеческих и других ресурсов для ее реализации.

Немаловажным аспектом оценки стратегии предприятия, функционирующего в сфере строительства, является учет возможных рисков. Необходимость взвешенного и качественного прогнозирования рисковых событий объясняется крайне высокой лабильностью рынка строительства и чрезвычайно низкой адаптивностью предприятий к возникающим изменениям. Возможные угрозы должны быть ранжированы по вероятности наступления и по силе воздействия. Для каждой из угроз необходимо проработать два типа мероприятий:

– предотвращающие или снижающие вероятность возникновения угроз;
– мероприятия, снижающие воздействие негативных последствий от наступления рисковых событий [11].

Для сохранения конкурентной позиции в условиях перманентной угрозы кризиса, возрастающей конкуренции и постоянного сокращения рынка строительная компания должна планировать стратегию, делая акцент на своих стратегических преимуществах и возможностях, уменьшая влияние своих слабых сторон и стараясь предугадывать тенденции окружающей среды [12].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом стратегическое планирование в строительстве – это важнейшая часть устойчивого проектного управления строительных организаций, однако важно не только создать план стратегического развития предприятия, но и обеспечить его реализацию путем осуществления проектов строительной компании. Проекты, основанные на принципах устойчивости, обладают значительным конкурентным преимуществом, поскольку они с большей вероятностью будут рассмотрены инвесторами и заинтересованными сторонами. Стратегические планы, базирующиеся на устойчивом проектном менеджменте, помогают минимизировать потери, сохраняя при этом быстрое и точное достижение результатов. Это не только приводит к увеличению прибыли, но и повышает удовлетворенность клиентов.

Сформированные стратегические планы строительных организаций улучшают качество проекта, что, в свою очередь, помогает снизить амортизацию проекта, тем самым обеспечивая ценность для заинтересованных сторон.

Кроме того, стратегические планы строительных организаций, базирующиеся на принципах устойчивого развития в управлении проектами, повышают лояльность клиентов, мотивируют сотрудников, а также поддерживают их моральный дух и увеличивают производительность.

Следовательно, процедура формирования стратегического плана строительной организации позволяет провести полный комплекс работ в рамках устойчивого проектного управления.

Библиографический список

1. Барбарская М.Н. Савоскина Е.В. Стратегическое планирование деятельности строительной организации. В кн.: *Инновационные стратегии развития экономики и управления.* Самара: Самарский государственный архитектурно-строительный университет; 2017. С. 179–184.
2. Кадыров Р.А., Дуллуева Р.М. Стратегическое планирование в управлении развитием домостроительных предприятий. *Вестник ДГТУ. Технические науки.* 2014;1:108–117.
3. Марков О.А. Управление портфелем проектов в строительстве на стратегическом уровне. *Синергия.* 2016;5:115–126.
4. Зозуля А.В. Зозуля П.В., Мезина Т.В., Малышкин Н.Г. Обоснование разработки мер по нейтрализации санкционного давления и дальнейшему развитию экономики России. *Вестник евразийской науки.* 2023;15(2):1–14. https://doi.org/10.15862/45ECVN223
5. Зозуля П.В., Зозуля А.В., Малышкин Н.Г. *Управление техническими аспектами обеспечения качества проекта: учебное пособие для подготовки бакалавров по направлению 38.03.02 Менеджмент.* М.: Издательский дом ГУУ; 2023. 199 с.
6. Мезина Т.В., Зозуля А.В., Зозуля П.В., Чернова Т.Ф., Плетнева А.В. Влияние индустрии 4.0 на экономику и производство. *Вестник университета.* 2022;2:71–76.
7. Геокчакян А.Г. Роль национальных проектов в устойчивом социально-экономическом развитии Российской Федерации. *Менеджмент в России и за рубежом.* 2022;4:3–11.
8. Гусева М.Н., Брикошина И.С., Зозуля А.В., Бирюков А.П., Зозуля П.В. *Оценка эффективности и надежности проектно-ориентированных систем управления: учебное пособие.* М.: ГУУ; 2021. 84 с.
9. Зозуля А.В., Зозуля П.В., Титов С.А., Титова Н.В., Мезина Т.В. Эффективность использования цифровых технологий в производственных процессах угольной промышленности. *Уголь.* 2022;9:47–52.
10. Лялин А.М., Коготкова И.З., Брикошина И.С., Зозуля А.В., Зозуля П.В. и др. *Совершенствование знаний, умений и навыков в области проектной деятельности: практикум для подготовки бакалавриата всех направлений.* М.: ГУУ; 2022. 103 с.
11. Зозуля П.В., Зозуля А.В., Малышкин Н.Г., Мезина Т.В. *Управление рисками проекта (на базе руководства PMBOK): учебное пособие для подготовки бакалавров по направлению 38.03.02 Менеджмент.* М.: Издательский дом ГУУ; 2023. 123 с.
12. Бирюков А.П., Тинякова В.И., Червонцева М.А. Разработка и выбор стратегии управления результатами интеллектуальной деятельности малого инновационного промышленного предприятия. *Экономика и предпринимательство.* 2023;2:885–888.

References

1. Barbarskaya M.N. Savoskina E.V. Strategic planning of the activity of a construction organization. In: *Innovative strategies for the development of economics and management: collection of articles*. Samara: Samara State University of Architecture and Civil Engineering; 2017. Pp. 179–184. (In Russian).
2. Kadyrov R.A., Dullueva R.M. Strategic planning in the management of the development of house-building enterprises. *Bulletin of the DSTU. Technical sciences*. 2014;1:108–117. (In Russian).
3. Markov O.A. Project portfolio management in construction at the strategic level // Synergy. – 2016. – No.5. - pp. 115-126.
4. Zozulya, A.V., Zozulya P.V., Mezina T.V., Malyshkin N.G. Substantiation of the development of measures to neutralize sanctions pressure and further development of the Russian economy. *Bulletin of Eurasian Science*. 2023;15(2):1–14. (In Russian). https://doi.org/10.15862/45ECVN223
5. Zozulya P.V., Zozulya A.V., Malyshkin N.G. *Management of technical aspects of project quality assurance: textbook for bachelor's degree preparation in the direction of 38.03.02 Management*. Moscow: SUM Publishing House; 2023. (In Russian).
6. Mezina T.V., Zozulya A.V., Zozulya P.V., Chernova T.F., Pletneva A.V. The impact of industry 4.0 on the economy and production. *Vestnik universiteta*. 2022;2:71–76. (In Russian).
7. Geokchakian A.G. The role of national projects in the sustainable socio-economic development of the Russian Federation. *Management in Russia and abroad*. 2022;4:3–11. (In Russian).
8. Guseva M.N., Brikoshina I.S., Zozulya A.V., Biryukov A.P., Zozulya P.V. *Evaluation of efficiency and reliability of project-oriented management systems: textbook*. M.: SUM; 2021. (In Russian).
9. Zozulya A.V., Zozulya P.V., Titov S.A., Titova N.V., Mezina T.V. Efficiency of using digital technologies in production processes of the coal industry. *Coal*. 2022;9:47–52. (In Russian).
10. Lyalin A.M., Kogotkova I.Z., Brikoshina I.S., Zozulya A.V., Zozulya P.V. et al. *Improving knowledge, skills and abilities in the field of project activity: a workshop for bachelor's degree preparation in all directions*. Moscow: SUM; 2022. (In Russian).
11. Zozulya P.V., Zozulya A.V., Malyshkin N.G., Mezina T.V. *Project risk management (based on the PMBOK management): textbook for bachelor's degree preparation in the direction of 38.03.02 Management*. Moscow: SUM Publishing House; 2023. (In Russian).
12. Biryukov A.P., Tinyakova V.I., Chervontseva M.A. Development and choice of a strategy for managing the results of intellectual activity of a small innovative industrial enterprise. *Economics and Entrepreneurship*. 2023;2:885–888.

УДК 331.1 JEL O2, O33, J24 DOI 10.26425/1816-4277-2023-9-57-64

Job crafting как инструмент повышения мотивации и вовлеченности персонала

Кауфман Наталья Юрьевна

Канд. экон. наук, доц. каф. государственного и муниципального управления и управления персоналом
ORCID: 0000-0002-7385-9276, e-mail: ntlrus@gmail.com

Зеленцова Светлана Юрьевна

Канд. экон. наук, доц. каф. государственного и муниципального управления и управления персоналом
ORCID: 0000-0002-6803-3082, e-mail: svetlana-zel@yandex.ru

Сургутский государственный университет, г. Сургут, Россия

Аннотация

Предметом исследования в статье являются инструменты мотивации и вовлеченности персонала в организации. В исследовании рассмотрены теоретические аспекты мотивации и вовлеченности персонала, определена актуальность саморазвития потенциала сотрудников современных организаций. Показана перспектива развития базовых навыков персонала в 21 в., включающая кроме традиционно-необходимых профессиональных жестких навыков (англ. hard skills) и мягких навыков (англ. soft skills), также экзистенциональные навыки, содержащие способность к саморазвитию и самообучению. Предложена концепция джоб-крафтинга как инструмента саморазвития персонала, основная идея которой заключается в том, что сотруднику для вовлеченности в рабочий процесс, необходимо пересмотреть отношение к работе по следующим критериям: подход к выполнению задач, характер взаимодействий с коллегами, мышление при выполнении работы. Проведен сравнительный анализ джоб-крафтинга и концепции кайдзен (применяется, когда организации необходимы преобразования для повышения конкурентоспособности). Джоб-крафтинг актуален как мотивационный инструмент, когда сотрудники сами инициируют изменения и формируют собственную рабочую среду таким образом, чтобы она соответствовала их индивидуальным потребностям путем корректировки преобладающих требований работы и ресурсов.

Ключевые слова

Джоб-крафтинг, обучение, саморазвитие, персонал, вовлеченность, мотивация, организация, сотрудники, эффективность

Для цитирования: Кауфман Н.Ю., Зеленцова С.Ю. Job crafting как инструмент повышения мотивации и вовлеченности персонала // Вестник университета. 2023. № 9. С. 57–64.

© Кауфман Н.Ю., Зеленцова С.Ю., 2023.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Job crafting as a tool to increase motivation and employee engagement

Natalya Yu. Kaufman

Cand. Sci, (Econ.), Assoc. Prof. at the Department of State and Municipal Administration and Personnel Management
ORCID: 0000-0002-7385-9276, e-mail: ntlrus@gmail.com

Svetlana Yu. Zelentsova

Cand. Sci, (Econ.), Assoc. Prof. at the Department of State and Municipal Administration and Personnel Management
ORCID: 0000-0002-6803-3082, e-mail: svetlana-zel@yandex.ru

Surgut State University, Surgut, Russia

Abstract

The subject of the research in the article is the tools of motivation and involvement of personnel in the organization. The study examines the theoretical aspects of motivation and involvement of personnel, determines the relevance of self-development of the employees' potential of modern organizations. The development perspective of personnel basic skills in the 21st century is shown, which includes, in addition to the traditionally necessary professional hard skills and soft skills, also existential skills containing the ability to self-development and self-learning. The concept of job crafting as a tool for staff self-development is proposed, the main idea of which is that in order for an employee to be involved in the workflow, it is necessary to reconsider the attitude to work according to the following criteria: the approach to completing tasks, the nature of interactions with colleagues, thinking when doing work. A comparative analysis of job crafting and the concept of kaizen (which is used when an organization needs changes to increase competitiveness) is carried out. Job crafting is relevant as a motivational tool when employees initiate changes themselves and form their own working environment in such a way that it meets their individual needs by adjusting the prevailing requirements of work and resources.

Keywords

Job crafting, training, self-development, personnel, involvement, motivation, organization, employees, efficiency

For citation: Kaufman N.Yu., Zelentsova S.Yu. (2023) Job crafting as a tool to increase motivation and employee engagement. *Vestnik universiteta*, no. 9, pp. 57–64.

© Kaufman N.Yu., Zelentsova S.Yu., 2023.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

Современная экономика формируется на тенденциях развития цифровизации, искусственного интеллекта. Происходит трансформация всех бизнес-процессов, образуются новые знания и компетенции. В современном мире конкурентоспособность организации зависит от многих факторов. Объектом внимания руководства являются не только наличие финансовых и производственных ресурсов, но и имеющийся трудовой потенциал компании, который играет очень важную роль в условиях конкуренции. Адаптация сотрудников к новым процессам, умение работать на опережение, инвестиции во внутреннее развитие и профессиональный рост сотрудников позволяют сформировать сильную команду, которая способна реализовывать самые смелые идеи и работать на результат – приносить компании стабильную прибыль. При этом основную роль в этом процессе играет развитие внутреннего потенциала сотрудников [1].

Активность работников и результаты деятельности организации зависят от того, насколько правильно спланирована система мотивации персонала. Именно система мотивации в некоторой степени позволит реализовать потенциал работника и от него будет зависеть, насколько эффективно будут достигаться поставленные цели организации.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Мотивация – мощный инструмент в руках владельца и руководителя бизнеса. Этот инструмент ведет сотрудников к вовлеченности и связан с потребностями человека. Мотивирующие программы необходимы каждой организации, так как их наличие ведет к эффективному функционированию компаний [2].

В этой связи представляется актуальным рассмотреть понятия мотивации и вовлеченности, их влияние на эффективность как компании, так и самих сотрудников в условиях нарастающей компьютеризации. Многие работодатели стремятся, чтобы персонал не просто автоматически выполнял свои обязанности. Руководители перестраивают корпоративную культуру, проводят тимбилдинги, внедряют новые инструменты и технологии, чтобы вовлеченность персонала в работу была неискусственной. Необходимо выяснить, что мешает повышать мотивацию и вовлеченность персонала, а также следует выявить инструменты, повышающие данные показатели.

ТЕОРИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании использованы методы контент-анализа в аспекте идентификации особенностей вовлеченности и мотивации персонала в рабочие процессы, методы сравнительного анализа, систематизация информации на аргументативно-дедуктивном исследовательском подходе.

В эпоху смены технологий, большого потока новой информации значимость человеческих ресурсов возрастает, соответственно, возникает необходимость развития трудового потенциала персонала для эффективного функционирования организации.

По мнению А.И. Чупаевой, вовлеченность – это показатель взаимоотношений «Работодатель –Работник», показывающий желание сотрудника эффективно выполнять свои обязанности, нацеленный на перспективу личного и профессионального роста [3].

Вовлеченность персонала также рассматривают как процесс адаптации во внутренней и внешней среде на двух уровнях: на уровне организации и на индивидуальном уровне сотрудника [4].

Таким образом, вовлеченность персонала – это процесс, интерес сотрудников в выполнении своих задач, сопричастность и осознание своей ценности для компании в процессе взаимной реализации целей. Для вовлеченности необходимы мотивирующие инструменты.

Мотивация – это психологический процесс, который вызывает у человека стремление к действию и побуждение к достижению определенных целей [5].

Мотивация, в отличие от вовлеченности, обладает побудительными установками сотрудника, зависит от конечной цели, намеченного результата и удовлетворения возникшей потребности.

Процессы цифровизации, формирование новой экономики, «бросают вызов» системам образования, которые становятся центральными элементами для инновационных решений, так как развитие, самообразование и новый образ мышления являются неотъемлемой частью современности. Особенность HR-управления настоящего периода заключается в том, что для эффективной реализации кадровых процессов заимствуются инструменты разных направлений в управлении организацией.

Одним из трендов настоящего времени является саморазвитие сотрудников – это постоянное совершенствование профессиональных качеств в соответствии с концепцией BANI-мира, развивающейся в условиях нестабильности и глобальных перемен. Также, выход на рынок труда представителей поколения Z (лица 1997 г. рождения и младше) уже показал, что молодые сотрудники нацелены на:

– личностный рост;
– на баланс рабочего и личного времени;
– на вовлеченность в процесс работы через использование современных инструментов;
– на применение технологических навыков, являющихся последствиями диджитализации (англ. digital natives – цифровое поколение) [6].

Джоб-крафтинг (англ. job crafting – проработка профессии) – это осознанный подход к тому, чем люди зарабатывают на жизнь. Профессор Мичиганского университета Джейн Э. Даттон и Эми Вжесневски рассматривали джоб-крафтинг через призму трех составляющих: крафтинг задач, крафтинг отношений и когнитивный крафтинг [7].

Крафтинг задач – изменение должностных обязанностей сотрудника вследствие сложившихся обстоятельств. Крафтинг отношений – изменение взаимодействий в отношениях с другими членами коллектива и переход на другой уровень. Когнитивный крафтинг – изменение отношения сотрудника к выполняемым задачам, в результате чего действия работника приобретают новый смысл.

Джастин Берг, доцент Стэнфордского университета, продолжил исследования, чтобы разобраться, как некоторые сотрудники подстраивают работу под свои желания. В результате Джастин Берг вместе с Джейн Э. Даттон создали методику под названием «Создай свою работу» (job crafting), которую используют многие компании [8].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Согласно проведенным исследованиям агентства Gallup, в конкурентоспособных компаниях, лидирующих в своей деятельности, уровень вовлеченности сотрудников достигает 90 %, в развивающихся и достаточно стабильных компаниях вовлеченность составляет примерно 60 % [9; 10]. Следовательно, вовлеченность персонала – необходимый показатель любой компании, влияющей на ее эффективность.

Повышение вовлеченности – это не только задача организации, но и самого сотрудника. Наращивание трудового потенциала персонала в компании является одним из мотивирующих факторов карьерного роста, развития новых компетенций. Не каждая компания имеет программы развития сотрудников, упуская тот важный момент, что для конкурентоспособного потенциала организации необходимо мотивировать и вовлекать сотрудников, учитывая потенциал для развития каждой единицы персонала.

Автоматизация рабочих мест во всех секторах экономики ведет к тому, что многие сотрудники столкнутся с необходимостью повысить уровень решаемых ими когнитивных задач и генерирования новых решений. Обучение персонала в HR-процессах должно быть эффективным, так как от него зависит не только производительность труда в компании, но и выполнение всех функций [11]. Для работы в современных сферах деятельности, с инновационными технологиями, задачами необходимы новые навыки. На рис. 1 представлены базовые навыки персонала в 21 в.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Базовые навыки персонала в 21 в.

Как мы видим, формируется новая модель навыков, которая включает не только жесткие навыки (англ. hard skills), которые были необходимы

персоналу на протяжении многих десятилетий, но и мягкие навыки (soft skills), которые стали желательным элементом в выполнении профессиональных задач, не связанных напрямую с профессией. Современная модель навыков дает новую интерпретацию имеющихся компетенций специалистов, подчеркивая необходимость дополнительных умений относительно выполнения обычных профессиональных задач. Это экзистенциональные навыки, необходимые в любой профессии, которые будут актуальны на протяжении всей рабочей деятельности, и не только в профессиональной сфере. Такие навыки включают способность ставить цели и достигать их, осознанность, метапознание, способность к саморазвитию, самообучению [12].

Одним из современных инструментов саморазвития персонала является джоб-крафтинг, основная идея которого заключается в изменении восприятия работы. Оставаясь в той же роли, мы можем с помощью разных методов и подходов получить от работы больше смысла, меняя то, что мы делаем и «суть», стоящую за этим процессом. Например, в компании Google применение джоб-крафтинга дает возможность сотрудникам персонализировать свою работу, делая ее более значимой и одновременно продуктивной [13].

Данная концепция предлагает три основных способа:

1) переработка задач. Создание новых задач при выполнении ежедневной «рутины» поможет при желании изменить характер своих обязанностей, проведя частично реорганизацию отдельных функциональных обязанностей;

2) переработка отношений. Это означает изменить характер взаимодействий, выстроить удобную и эффективную коммуникационную сеть при выполнении обязанностей, отличающуюся от прежней. Другими словами, построение отношений может включать смену тех лиц, с кем мы работаем над разными задачами, с кем мы общаемся и взаимодействуем на регулярной основе. Это позволит по-другому увидеть причинно-следственные связи при выполнении своих обязанностей;

3) переработка восприятия. Изменение мышления (когнитивная часть) заключается в следующем. Изменив отношение к выполняемым задачам и используя нелинейный подход к своему развитию, сотрудник может найти новые возможности для анализа своей работы и выйти на новый уровень.

Таким образом, изменения в работе являются копинг-стратегией, которую можно использовать для создания позитивной корпоративной культуры, для погружения персонала в стратегию компании. К тому же при создании индивидуальных планов развития сотрудников использование джоб-крафтинга положительно отразится на вовлеченности и мотивации.

Джоб-крафтинг – это самостоятельный инструмент сотрудника, и он особенно актуален, когда организации необходимы перемены и выход на новый, более конкурентоспособный уровень развития.

Организационные изменения в современной переменчивой экономике нужны каждой компании. Существует японская система кайдзен, направленная на непрерывное совершенствование процессов производства и управления. В ее основе заложены такие элементы, как командная работа, самодисциплина работника и разумное расходование ресурсов, высокий моральный дух, мотивационные инструменты в рабочем процессе и генерация постоянных улучшений. Применение такой системы дает определенные преимущества организации без значительных финансовых затрат внедрять ежедневные улучшения на рабочем месте (от менеджера до рабочего). Система кайдзен уже доказала свою эффективность и применимость во многих компаниях, она также влияет на процесс вовлеченности персонала [14].

В табл. 1 проведен сравнительный анализ метода кайдзен и джоб-крафтинга.

Таблица 1

Отличие концепции кайдзен от джоб-крафтинга

Признаки	**Джоб-крафтинг**	**Кайдзен**
Родина концепции	Америка	Япония
Перевод	С англ. – создание работы	С японского – непрерывное улучшение
Основная идея	«Преобразовать» работу со стороны сотрудника, не меняя ее радикально, но пересмотрев отношение к ней	Постепенный непрерывный процесс совершенствования деятельности во всех сферах компании

Окончание табл. 1

Признаки	Джоб-крафтинг	Кайдзен
Цель	Повысить самоэффективность сотрудника	Увеличить эффективность организации через непрерывное улучшение всех процессов
Задача	Помогает сотруднику раскрыть свои таланты, сильные стороны и увлечения	Непрерывные изменения направлены на долгосрочную перспективу, а не на быструю выгоду
Эффективность	Работает на индивидуальном уровне, но более эффективна при поддержке руководства	Сотрудники должны работать вместе на благо общей цели
Ориентация	Направлена на активный поиск и внедрение изменений самим сотрудником, меняя процесс и результат. Ориентирована на личную вовлеченность сотрудника	Направлена на мышление, ориентированное на процесс, а не на результат. Позволяет поднять внутреннюю мотивацию сотрудников, ценность и приверженность компании
Различия	Изменения инициированы самим сотрудником, чтобы достигнуть и/или оптимизировать свои личные рабочие цели и в процессе реализовать цели организации	Изменения инициируются руководством в соответствии с целями организации

Составлено авторами по материалам исследования

Таким образом, «переосмысление работы» может предприниматься как на индивидуальном уровне сотрудника, так и на уровне организации. Такой процесс происходит не только на производстве, в рабочих процессах, но и при выполнении управленческих функций. На самом деле многие сотрудники используют направления джоб-крафтинга, интуитивно переосмысливая рабочие задачи, находят новый смысл в выполнении обязанностей, выстраивают эффективные коммуникации в компании.

Применение инструмента джоб-крафтинга может инициироваться со стороны руководства компании при выполнении следующих условий:

– если сотрудник знаком с ценностями компании, смысл выполняемых работ становится «прозрачнее» и яснее;

– программы по тимбилдингу, проводимые на постоянной основе, позволяют переосмыслить взаимоотношения в коллективе;

– активное продвижение менторинга и наставничества дает понимание профессионального роста молодым сотрудникам, подчеркивает возможность адаптации в новых условиях и стимул к развитию и самосовершенствованию;

– вовлеченность в обучающие программы позволяет не только получить новые знания, но и актуализировать их на своем рабочем месте.

Вовлеченность персонала в компании через инструменты развития также подтверждается моделью компетенций T-Shaped Skills, согласно которой люди-Т являются уникальными специалистами «будущего», способными стать для компании лидерами абсолютно нового уровня [15]. T-Shaped Skills предполагает наличие компетенций на двух уровнях: вертикальном и горизонтальном. Вертикальное направление показывает глубину компетенций специалиста, обозначающих профессиональные знания, полученные в конкретном направлении, а горизонтальные знания – это компетентность на стыке смежных направлений деятельности. Такой подход приобретения знаний дает преимущества, так как сотрудники с надпрофессиональными навыками востребованы и конкурентоспособны, отличаются быстрой обучаемостью и адаптацией к постоянно изменяющимся условиям бизнеса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Следовательно, саморазвитие с использованием джоб-крафтинга является инструментом вовлеченности в процесс выполнения профессиональных задач, облегчая согласование рабочих ресурсов и требований, личных потребностей и собственных возможностей работников, что само по себе мотивирует, то есть способствует личностному росту сотрудников и помогает достигать целей организации.

Изменения свойственны любой организации. Занять лидирующие позиции и сохранить конкурентные преимущества возможно не только за счет технологий, но и с помощью умения применять их в своей деятельности. Квалифицированные продуктивные сотрудники – это основной капитал компании, и здесь руководству важно понимать, что эффективность персонала зависит и от отношения к выполняемым обязанностям, и от того, как работники преодолевают организационные барьеры, а также от наличия мотивационных инструментов и степени вовлеченности.

Библиографический список

1. Костенко Е.П. Трансформация роли и функций HR в условиях новых экономических вызовов. *Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики)*. 2021;12(4):94-109. https://doi.org/10.17835/2078-5429.2021.12.4.094-109
2. Кауфман Н.Ю. Преимущества программ Upskilling для развития персонала в эпоху цифровой трансформации экономики. *Актуальные вопросы управления персоналом и экономики труда: материалы VIII научно-практической конференции.* М.: Государственный университет управления; 2022. С. 143–147.
3. Чупаева А.И. Вовлеченность персонала компании. *Вестник магистратуры*. 2019;4–1(91):55–56.
4. Юсупова С.М. Факторы вовлеченности персонала в организации. *Гуманитарный научный журнал*. 2022;1:3–13.
5. Лымарева О.А., Юденко В.И. Мотивация и стимулирование персонала организации. *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2023;1(1):177–180. https://doi.org/10.24412/2411-0450-2023-1-1-177-180
6. Герчикова Т.Я, Дегтярёв Н.И., Кириленко В.В. Развитие цифровых компетенций персонала. *Экономика труда*. 2021;8(6):585–600. https://doi.org/10.18334/et.8.6.112185
7. Wrzesniewski A., Dutton J.E. Crafting a job: revisioning employees as active crafters of their work. *Academy of management review*. 2001;25:179–201.
8. Positive Psychology. Catherine Moore. *What is job crafting? (Incl. 5 Examples and Exercises)*. https://positivepsychology.com/job-crafting/ (дата обращения: 27.05.2023).
9. Хабр. *Как удержать ценных сотрудников в компании: изучаем статистику вовлеченности.* https://habr.com/ru/companies/ncloudtech/articles/741920/ (дата обращения: 29.05.2023).
10. HR-director. Кулагина Е. *Вовлеченность персонала: как оценить и повысить*. https://www.hr-director.ru/article/67505-vovlechennost-personala-kak-otsenit-i-povysit (дата обращения: 27.05.2023).
11. Кауфман Н.Ю., Зеленцова С.Ю. Взаимодействие HR Tech и обучения персонала. *Вестник университета*. 2022;6:23–30. https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-6-23-30
12. Global Education Futures. Навыки будущего. *Что нужно знать и уметь в новом сложном мире*. https://futuref.org/futureskills_ru (дата обращения: 28.05.2023).
13. Царева Н.А. *I Инновационный подход к управлению человеческими ресурсами: концепция «job crafting intervention». АНИ: экономика и управление*. 2017;2(19): 295–298.
14. Хайруллина М.В., Кислицына О.А. Персонал в системе непрерывных улучшений производственных систем (инструмент кайдзен). *Вопросы инновационной экономики*. 2019;9(2):607–618. https://doi.org/10.18334/rp.20.5.40640
15. CFI Education. Helen Wale. T-*Shaped Skills*. https://corporatefinanceinstitute.com/resources/management/t-shaped-skills/ (дата обращения: 30.05.2023).

References

1. Kostenko E.P. Transformation of the role and functions of HR in the context of new economic challenges. *Journal of Economic Regulation (Issues of Economic Regulation)*. 2021;12(4):94–109. (In Russian). https://doi.org/ 10.17835/2078-5429.2021.12.4.094-109
2. Kaufman N.Yu. Advantages of Upskilling programs for personnel development in the era of digital transformation of the economy. *Actual issues of personnel management and labor economics: materials of the VIII scientific and practical conference.* Moscow: State University of Management; 2022. Pp. 143–147. (In Russian).
3. Chupaeva A.I. Involvement of the company's personnel. *Bulletin of the Magistracy.* 2019;4–1(91):55–56. (In Russian).
4. Yusupova S.M. Factors of personnel involvement in the organization. *Humanitarian Scientific Journal.* 2022;1:3–13. (In Russian).
5. Lymareva O.A., Yudenko V.I. Motivation and stimulation of the organization's personnel. *Economics and Business: theory and practice.* 2023;1(1):177–180. (In Russian). https://doi.org/10.24412/2411-0450-2023-1-1-177-180
6. Gerchikova T.Ya, Degtyarev N.I., Kirilenko V.V. Development of digital competencies of personnel. *Labor economics.* 2021;8(6):585–600. (In Russian). https://doi.org/10.18334/et.8.6.112185
7. Wrzesniewski A., Dutton J.E. Crafting a Job: Revisioning Employees as Active Crafters of Their Work. *Academy of Management Review*. 2001;25:179–201.

8. Positive Psychology. Catherine Moore. *What is Job Crafting? (Incl. 5 Examples and Exercises)*. 2019. https://positivepsychology.com/job-crafting / (accessed 27.05.2023).
9. Habr. *How to retain valuable employees in the company: studying engagement statistics*. https://habr.com/ru/companies/ncloudtech/articles/741920/ (accessed 29.05.2023). (In Russian).
10. HR-director. Kulagina E. *Staff involvement: how to evaluate and improve*. https://www.hr-director.ru/article/67505-vovlechennost-personala-kak-otsenit-i-povysit (accessed 27.05.2023). (In Russian).
11. Kaufman N.Yu., Zelentsova S.Yu. Interaction of HR Tech and personnel training. *Vestnik universiteta*. 2022;6:23–30. (In Russian). https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-6-23-30
12. Global Education Futures. *Skills of the future. What you need to know and be able to do in a new complex world*. https://futuref.org/futureskills_ru (accessed 28.05.2023). (In Russian).
13. Tsareva N.A. Innovative approach to human resource management: the concept of "job crafting intervention". *ANI: Economics and Management*. 2017;2(19): 295–298. (In Russian).
14. Khairullina M.V., Kislitsyna O.A. Personnel in the system of continuous improvement of production systems (kaizen tool). *Issues of innovative economy*. 2019;9(2):607–618. (In Russian). https://doi.org/10.18334/rp.20.5.40640
15. CFI Education. Helen Wale. *T-Shaped Skills*. https://corporatefinanceinstitute.com/resources/management/t-shaped-skills / (accessed 30.05.2023).

УДК 005.342:342.552 JEL O30 DOI 10.26425/1816-4277-2023-9-65-74

Инновационная активность в разрезе федеральных округов Российской Федерации: современное состояние и направления развития

Погребцова Елена Александровна

Канд. экон. наук, доц. каф. менеджмента и маркетинга
ORCID: 0000-0002-4323-5753, e-mail: ea.pogrebtsova@omgau.org

Омский государственный аграрный университет имени П.А. Столыпина, г. Омск, Россия

Аннотация

В современных реалиях развитие страны невозможно без внедрения инновационных разработок в производство. Поэтому выявление уровня инновационной активности в разрезе всех федеральных округов позволяет оценить возможности каждого субъекта страны и на основе данного мониторинга сформировать стратегию инновационного развития. Учитывая определенные показатели, характеризующие результативную составляющую инновационного потенциала, автором проведена сравнительная оценка федеральных округов Российской Федерации, выявлены тенденции и направления развития. Сделаны выводы о проблемах и возможностях инновационного развития. Целью исследования выступает выявление направления развития инновационной активности Российской Федерации по основным федеральным округам. Для достижения цели были определены следующие задачи: оценить объем производимых инновационных товаров по федеральным округам; выявить затраты на данную деятельность; определить факторы, сдерживающие инновационное развитие.

Ключевые слова

Инновационная активность, федеральный округ, индикатор, инновационный потенциал, фактор

Для цитирования: Погребцова Е.А. Инновационная активность в разрезе федеральных округов Российской Федерации: современное состояние и направления развития // Вестник университета. 2023. № 9. С. 65–74.

© Погребцова Е.А., 2023.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Innovative activity in the context of the federal districts of the Russian Federation: current state and directions of development

Elena A. Pogrebtsova

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Department of Management and Marketing
ORCID: 0000-0002-4323-5753, e-mail: ea.pogrebtsova@omgau.org

Omsk State Agrarian University named after P.A. Stolypin, Omsk, Russia

Abstract

In modern realities the development of the country is impossible without the introduction of innovative developments in production. Therefore, identifying the level of innovation activity in the context of all federal districts makes it possible to assess the capabilities of each subject of the country and based on this monitoring to form an innovation development strategy. Considering certain indicators which characterize the productive component of the innovation potential, the author conducted a comparative assessment of the federal districts of the Russian Federation, identified trends and directions of development. Conclusions are drawn about the problems and opportunities of innovative development. The purpose of the study is to determine the innovative activity development direction of the Russian Federation in the main federal districts. To achieve the goal, the following tasks were identified: to assess the volume of innovative goods produced by federal districts; to define the costs of this activity; to find the factors constraining innovative development.

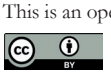
Keywords

Innovation activity, federal district, indicator, innovation potential, factor

For citation: Pogrebtsova E.A. (2023) Innovative activity in the context of the federal districts of the Russian Federation: current state and directions of development. *Vestnik universiteta*, no. 9, pp. 65–74.

© Pogrebtsova E.A., 2023.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).



ВВЕДЕНИЕ

Современная государственная политика Российской Федерации (далее – РФ) направлена на развитие инновационной активности через формирование привлекательности исследований и стимулирование инновационных процессов. Однако инновационный потенциал федеральных округов страны существенно отличается своим масштабом использования.

Р.Д. Габдуллин и А.Б. Михайлов подчеркивают, что целесообразность применения имеющихся местных ресурсов возможно при абсолютном учете всех экономических, политических, социальных, демографических и других особенностей районов и при создании государством стабильных макроэкономических условий [1].

Главной задачей страны является постоянная оценка эффективных уровней инновационной деятельности. Для оценки региональной инновационной активности М.Г. Иванова и др. рекомендуют базироваться на методологические подходы, соответствующие современным российским стандартам государственной статистики [2]. Лишь на основе постоянного мониторинга индикативных показателей субъектов федеральных округов возможно сформировать прогноз изменений инновационной активности под вызовы времени.

Целью исследования является определение особенностей инновационной активности федеральных округов РФ с учетом сложившейся ситуации.

Авторская гипотеза состоит в том, что инновационная активность федеральных округов РФ неравномерна, однако данная стратегия обосновывается как наиболее эффективная для настоящего времени.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Выработанный механизм инновационной активности регионов, как и страны в целом, должен способствовать повышению их конкурентных преимуществ. В сфере инноваций реальными конкурентами России становятся не только лидеры, но и многие развивающиеся страны. Анализ инновационного потенциала РФ, проведенный О.Н. Кораблевой, О.В. Калимуллиной и В.Р. Магомедовой, позволил назвать относительные преимущества страны: высокие показатели сетевой готовности и уровень развития информационно-коммуникационных технологий, доступности образования и человеческого развития. Однако по показателям развития институтов, внутреннего рынка, бизнеса и экономической свободы Россия значительно отстает [3].

Стратегии и программы РФ, действующие в рамках инновационного развития, формируют направления исследований и разработок, создают стабильно действующую инфраструктуру, изменяют в положительную сторону социально-экономические показатели. Однако инновационная активность различных федеральных округов РФ остается неоднородной. И.Н. Поспелова в своем труде подчеркивает, что в России на макро- и мезоуровнях необходима разработка государственной политики в области поддержки научно-технической деятельности и инновационного предпринимательства [4].

Как отметил М.В. Шавлюк, роль регионов в инновационном развитии заключается в использовании имеющихся у них ресурсов согласно принятой стратегии, схеме территориального планирования [5]. Мониторинг инновационной активности в период с 2000 г. по 2012 г. показал, что число организаций, выполнявших исследования и разработки, сократилось на 13 % (с 4 099 до 3 566), при этом в предпринимательском секторе снижение было еще более значительным – на 40 %. В целом в России в 2012 г. инновационную активность проявляли только 10,3 % организаций [6].

О. Кораблева и О. Калинина отмечают, что в течение 2010–2016 гг. в России произошло улучшение инновационной среды, были созданы различные государственные программы поддержки инноваций, выделялись значительные бюджетные средства. Как показывает цифровой материал, видимого роста инновационной активности не произошло из-за введения санкций, уменьшения цен на энергетические ресурсы и ограничения доступа к рынкам капитала [3]. В результате в 2017 г. уровень инновационной активности вырос до 14,6 %, а в последние три года снизился до 10,8 % [7].

Положительные и отрицательные тенденции в инновационной деятельности организаций подчеркиваются и в работе Л.В. Шалаевой [8]. Рост доли организаций, осуществляющих технологические инновации, приводит к снижению уровня инновационной активности российских организаций [8].

Действующая практика консервирует отрыв науки от инновационной деятельности [9]. Поэтому при выявлении инновационной активности субъектов РФ необходимо учитывать их специфику. Данное мнение находит свое отражение при формировании системы управления инновациями.

ОПИСАНИЕ МЕТОДОЛОГИИ

Методологическую основу изучения составили исследования отечественных и зарубежных ученых, официальные статистические данные, научные статьи. Значительный вклад в изучение проблем инновационной активности внесен целым рядом авторов: О.Н. Кораблевой, О.В. Калимуллиной, В.Р. Магомедовой, А.Р. Ахмедулловой, З.И. Латышевой, М.Н. Наджафовой, Л.В. Шалаевой и другими. Однако в условиях изменчивости окружающей среды инновационные показатели требуют постоянного изучения. Основной базой исследования является системный подход, а также в статье применяются методы сравнительного анализа, обработки данных и обобщения.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ АНАЛИЗ

Результативную составляющую инновационной активности можно оценить с помощью объема инновационных товаров в общем объеме товара, затрат на инновационную деятельность, создания инновационных технологий и пр. При оценке был взят временной интервал в 11 лет с целью прослеживания динамики изменения ситуации. Лидерами по этому показателю остаются Приволжский (1 860,8 млрд руб.) и Центральный (1 980,9 млрд руб.) федеральные округа (табл. 1). При этом эксперты Института статистических исследований и экономики знаний в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» отметили, что Россия продвинулась на шесть позиций в инновационном рейтинге стран «Глобальный инновационный индекс». РФ занимает 47 строчку в списке 132 стран. Несмотря на сложную ситуацию, складывающуюся из-за пандемии и усиления санкционного воздействия за последние года, замедленное наращивание ресурсов тормозит улучшение инновационных показателей. Согласно индексу 2022 г., инновационный потенциал страны используется всего на 61 %, аналогичная ситуация складывается и в федеральных округах страны [10].

Таблица 1

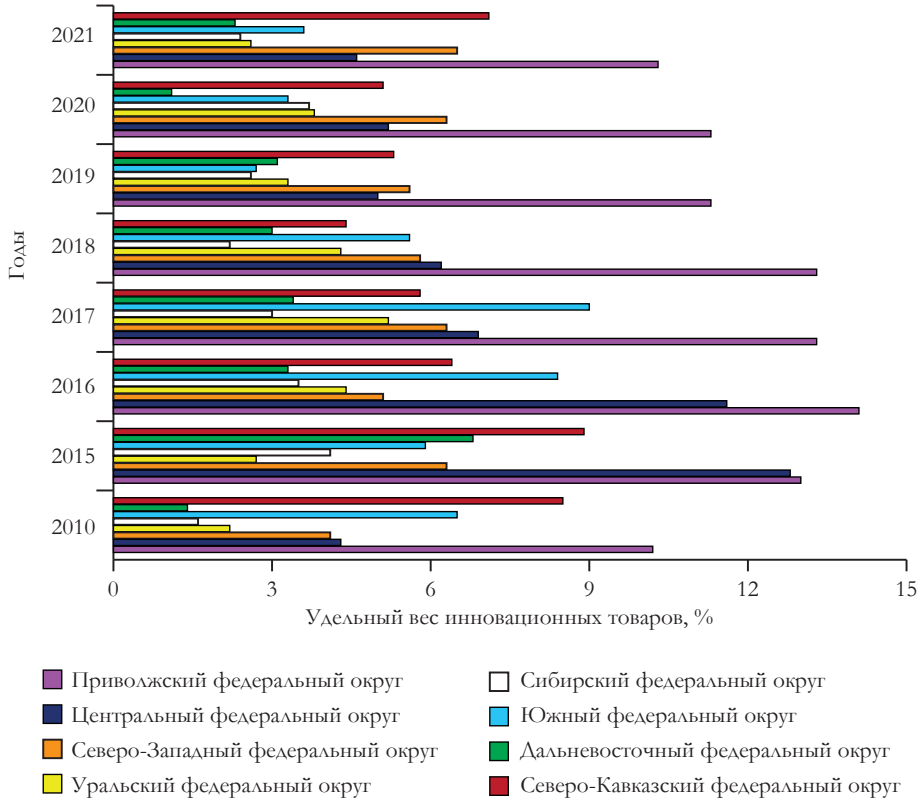
Объем инновационных товаров по федеральным округам Российской Федерации

Федеральный округ	Показатели объема инновационных товаров, млрд руб.								
	2010 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	Изменение
Приволжский	1 417,5	1 179,5	1 198,9	1 418,3	1 445,6	1 778,7	1 716,5	1 860,8	+443,3
Центральный	290,8	1 491,5	1 677,9	1 119,9	1 181,4	1 425,7	1 653,4	1 980,9	+1 690,1
Северо-Западный	120,1	375,6	337,2	458,8	487,7	591,7	676,3	939,5	+819,4
Уральский	109,6	216,4	363,8	507,7	526,8	501,1	500,7	485,1	+375,5
Сибирский	46,3	217,1	198,2	201,9	176,1	248,6	382,1	312,2	+265,9
Южный	86,6	149,2	246,8	304,5	207,8	196,6	172,9	210,1	+123,5
Дальневосточный	16,8	153,3	85,1	93,8	117,1	138,9	153,0	138,0	+121,2
Северо-Кавказский	27,7	41,4	37,0	34,7	40,6	44,2	44,3	76,8	+52,1
По РФ	**1 243,7**	**3 843,4**	**4 364,3**	**4 166,9**	**4 516,3**	**4 863,4**	**5 189,0**	**6 003,3**	**+4 759,6**

Составлено автором по материалам источника [11]

Северо-Западный, Уральский и Сибирский федеральные округа масштабно внедряют инновационные товары. Пассивный вектор инновационного развития остается у Северо-Кавказского федерального округа (76,8 млрд руб.), что обусловлено инвестиционным кризисом и неразвитостью инфраструктуры. Приволжский, Северо-Западный и Центральный федеральные округа продемонстрировали положительную динамику по производству инновационных товаров в общем объеме производства (рис. 1). В 2016 г. в Приволжском федеральном округе данный показатель составил 14,1 %, а уже к 2020 г. – 11 %. Сибирский, Южный, Дальневосточный федеральные округа имеют удельный вес инновационных товаров от 1,1 до 3,7 %. В целом по РФ (5,8 %) ситуация аналогична по федеральным округам. Удельный

вес инновационных товаров остается достаточно низким из-за воздействия негативных факторов (пандемия, санкционное воздействие, специальная военная операция).



Составлено автором по материалам источника [12]

Рис. 1. Удельный вес инновационных товаров в общем объеме продукции по федеральным округам Российской Федерации

В стратегии пространственного развития РФ до 2025 г. рассматривается инновационный потенциал как вектор устойчивого развития территории [13]. Для регионов эта информация является основной точкой поиска своего места в инновационном ландшафте страны [13]. Важно выявлять тенденции и уточнять перечень перспективных видов экономической деятельности (табл. 2).

Таблица 2

Объем инновационных товаров по видам экономической деятельности в Российской Федерации

Вид экономической деятельности	Объем инновационных товаров, млрд руб.					Затраты на инновационную деятельность, млрд руб.				
	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Сельское хозяйство	28,42	33,64	69,56	57,77	66,36	15,82	21,97	49,55	39,83	32,1
Выращивание однолетних культур	10,6	10,1	26,4	30,5	25,8	8,3	13,3	39,0	22,6	16,6
Выращивание многолетних культур	0,44	0,49	0,85	–	–	0,11	0,05	0,06	3,6	4,7
Выращивание рассады	0,46	0,48	0,09	–	–	0,01	0,22	0,12	–	–
Животноводство	16,6	21,7	40,9	26,0	39,6	6,4	6,5	10,0	13,0	9,3
Смешанное сельское хозяйство	–	0,21	1,04	0,61	0,52	–	0,7	0,07	0,23	–

Окончание табл. 2

Вид экономической деятельности	Объем инновационных товаров, млрд руб.					Затраты на инновационную деятельность, млрд руб.				
	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Деятельность вспомогательная	0,32	0,66	0,28	0,66	0,44	1,0	1,2	0,3	0,4	1,5
Промышленное производство	3 403,1	3 693,1	3 871,5	3 999,4	4 582,4	848,0	886,8	984,4	1 168,5	1 307,3
Добыча полезных ископаемых	489,5	603,1	663,3	485,8	874,4	184,8	156,7	154,6	121,8	180,5
Обрабатывающие производства	2 832,8	2 995,9	2 986,6	3 429,9	3 659,8	610,2	665,0	760,2	960,7	1 053,9
Инженерные услуги	1,0	0,73	3,9	3,2	8,4	1,1	0,7	3,2	17,2	33,7
Информационно-консультационные технологии	181,1	226,9	288,9	320,6	490,0	83,7	89,8	125,5	141,6	181,2
Средства массовой информации	0,27	0,45	0,54	1,1	0,7	0,2	0,2	0,3	1,6	0,5
Информационные технологии	34,0	48,8	113,5	120,4	154,3	18,7	19,0	50,6	50,0	72,6
Производство товаров для детей	–	19,8	29,4	66,1	69,6	–	5,0	2,8	4,9	5,6

Составлено автором по материалам источника [11]

Решение продовольственной безопасности в условиях санкционного воздействия и специальной военной операции затрагивает внедрение инновационных разработок в отрасль сельского хозяйства. Объем товаров не значителен, и более 50 % научно-технических разработок остаются невостребованными. В животноводстве за рассматриваемый период произошло увеличение объема инновационных товаров всего на 56,6 %, в растениеводстве – в 2 раза. В 2021 г. наблюдается спад объема производства в сельском хозяйстве, что связано с отставанием технологического инновационного потенциала отрасли от экономических и производственных требований. Особыми проблемами являются низкая доходность сельского производства и неблагоприятный инвестиционной климат. Наибольшую долю составили затраты на приобретение новых машин и оборудования. А.Е. Немцов конкретизирует, что государственные программы развития должны быть нацелены на инновационное развитие отрасли, на ускорение перехода к использованию новых высокопроизводительных и ресурсосберегающих технологий [14]. Инновационный потенциал в сельском хозяйстве используется не более чем на 5 %.

Наибольший объем инновационных товаров представлен в промышленном производстве. В 2021 г. наблюдается увеличение производства инновационных товаров на 34,6 %, а затрат существенно на 54,1 % с 2017 г. по 2021 г. Данная тенденция сохраняется долгий период времени. Так, крупные вложения осуществлялись в производство нефтепродуктов (в 2003 г. – 43,4 %, в 2008 г. – 31,9 %), в химическое производство (в 2003 г. – 25,9 %, в 2008 г. – 22,6 %). В изготовлении пищевых продуктов, в текстильном, швейном, а также в обувном производстве технологические инновации инициируются самими предприятиями за счет собственных источников. Данные предприятия имеют низкий уровень инновационной активности [15].

В рамках цифровизации активно стали развиваться информационно-консультационные технологии и отрасль информационных технологий. Объем инновационных товаров увеличился в 2,7 раза и в 4,5 раза соответственно, а затраты повышены в 2,2 раза и в 3,8 раза соответственно.

Устойчивое развитие всей экономической деятельности должно базироваться на инновационной составляющей. Следовательно, инновации требуют основательных капиталовложений (табл. 3).

Таблица 3

Затраты на инновационную деятельность организаций в разрезе федеральных округов Российской Федерации

Федеральный округ	Показатели затрат на инновационную деятельность организаций, млрд руб.						
	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Приволжский	300,1	258,8	337,0	397,3	437,2	516,4	589,8
Центральный	411,5	528,2	457,5	494,9	844,3	890,7	1 038,7
Северо-Западный	87,9	115,3	142,7	133,3	186,8	178,4	209,7
Уральский	120,1	153,9	186,3	142,5	110,9	120,0	158,1
Сибирский	137,5	95,3	128,6	170,0	174,6	180,7	167,9
Южный	70,7	66,3	82,7	41,1	79,5	124,0	75,0
Дальневосточный	70,0	58,9	61,4	86,5	115,5	118,6	133,1
Северо-Кавказский	5,9	7,9	9,0	7,1	5,2	5,2	7,5
По РФ	**1 203,6**	**1 284,6**	**1 405,0**	**1 472,8**	**1 954,1**	**2 134,0**	**2 379,8**

Составлено автором по материалам источника [11]

Низкий уровень инновационной активности отечественных организаций связан с недостаточным финансированием в сферу исследований и разработок. В целом по России в 2015 г. затраты на инновации организаций составили 1 203,6 млрд руб., а в 2021 г. увеличились на 97,7 %. Вместе с тем такие затраты не соответствуют инновационным потребностям экономики и незначительно влияют на рост инновационной активности. В Центральном федеральном округе этот показатель в 2021 г. составил 1 038,7 млрд руб., в Приволжском – 589,8 млрд руб., в Сибирском – 167,9 млрд руб., в Северо-Западном – 209,7 млрд руб., в Южном – 75 млрд руб., в Уральском– 158,1 млрд. руб., в Дальневосточном – 133,1 млрд руб., в Северо-Кавказском – 7,5 млрд. руб.

Основными источниками финансирования инноваций в организациях являются собственные средства (табл. 4). С.Ю. Фридлянова и К.А. Дитковский отметили, что в 2019 г. доля собственных средств составила 56,3 % от общего объема расходов на инновационную деятельность. Бюджетная поддержка в целом обеспечивается за счет федерального бюджета (23,2 %), а также за счет бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов (1,2 %). Всего 0,6 % составляет доля иностранных инвестиций и 0,1 % – средства фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности [16].

Таблица 4

Источники финансирования инновационной деятельности Российской Федерации

Источники финансирования	Показатели финансирования инновационной деятельности, млрд руб.						
	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Бюджеты всех уровней	398,9	396,8	429,6	420,0	471,7	479,4	524,3
Федеральный бюджет	390,6	381,6	417,3	406,4	456,7	446,0	504,4
Собственные средства организаций	599,9	809,9	100,8	99,2	127,8	123,8	155,4
Средства государственных организаций	50,4	62,4	53,4	64,6	72,9	85,5	80,5

Окончание табл. 4

Источники финансирования	Показатели финансирования инновационной деятельности, млрд руб.						
	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Средства предпринимательских организаций	93,3	104,0	108,2	112,4	102,4	104,5	113,8
Прочие	24,8	25,8	26,8	21,36	29,6	38,9	31,9

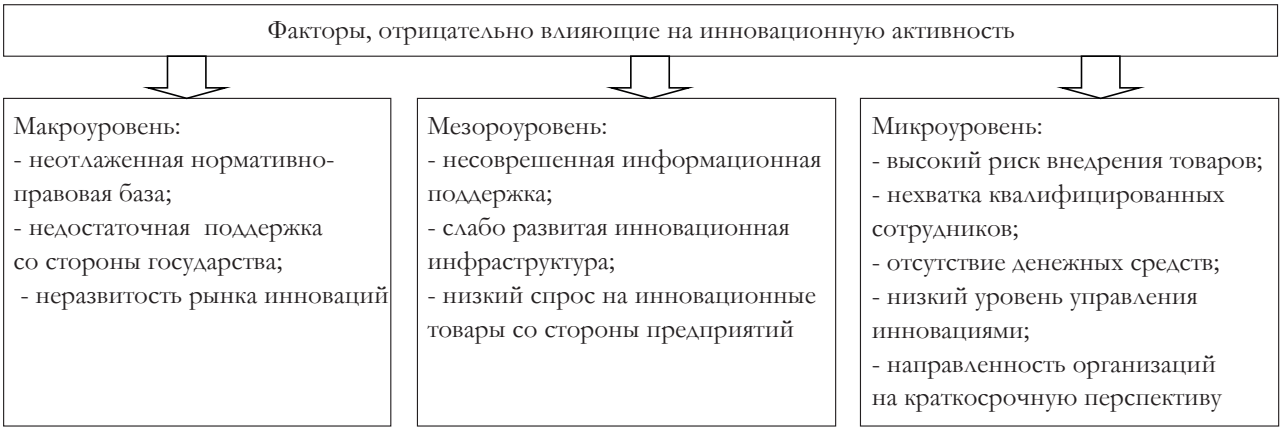
Составлено автором по материалам источника [11]

За рассматриваемый период произошло увеличение ассигнований на инновационные разработки из федерального бюджета на 29,1 % или 504,4 млрд руб. Из бюджетов субъектов федеральных округов и местных бюджетов финансирование происходит незначительное. В 2015 г. было выделено 8,3 млрд руб., в 2021 г. – 19,9 млрд руб. Внутренние затраты на исследования и разработки в 2020 г. в Сибирском федеральном округе составили 86,5 млрд руб. (7,4 %), внутренние текущие затраты – 82,1 млрд руб. [17]. Эта ситуация объяснима, так как государству не хватает средств для эффективного выполнения своих функций в сложных условиях [18]. Развитие инноваций финансируется из бюджетов различных уровней по остаточному принципу.

Другим источником являются собственные средства организаций государственного и предпринимательского сектора. Увеличение инвестирования в инновационные разработки составило 59,7 % и 21,9 % соответственно. В целом наблюдается постепенное увеличение объемов финансирования инновационной деятельности.

При мониторинге инновационной активности выявлены основные сдерживающие факторы (рис. 2).

За рассматриваемый период уровень инновационной активности организаций в стране снизился на 2,7 %. Все федеральные округа РФ можно разделить на три группы. К первой группе относятся Приволжский и Центральный федеральные округа с наивысшим уровнем инновационной активности. Указанные округа финансово и ресурсно обеспечиваются, имеют развитую инновационную инфраструктуру и результативную научно-техническую деятельность.



Составлено автором по материалам источников [2; 8; 19, 20]

Рис. 2. Сдерживающие факторы инновационной активности субъектов Российской Федерации

В Северо-Западном, Южном, Сибирском и Уральском федеральных округах выявлен средний уровень инновационной активности. Данные округа представляют вторую группу, которая характеризуется современными экономическими условиями и высоким уровнем прикладной науки. Государственные и коммерческие предприятия не проявляют заинтересованности во внедрении инноваций в производство.

К третьей группе с низкими показателями инновационной активности стоит отнести Дальневосточный и Северо-Кавказский федеральные округа. Эти административные единицы отличаются низким уровнем развития промышленности и инновационной привлекательностью территории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За рассмотренный период были приняты правительственные нормативно-правовые документы, в которых отображены подходы к формированию и реализации инновационной политики. В качестве приоритетных отраслей выделены наукоемкие и импортозамещающие производства в различных федеральных

округах РФ с учетом имеющихся ресурсов. Стратегия научно-технологического развития России заключается в поэтапном увеличении затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы до уровня не менее чем 2 % от ВВП к 2035 г. Это станет возможным благодаря стартапам и созданию инновационной инфраструктуры.

В статье инновационная активность рассматривается как основной фактор, способствующий развитию страны и определяющий ее конкурентоспособность. Каждый субъект федерального округа выбирает свою стратегию инновационной активности в зависимости от имеющихся внешних и внутренних ресурсов, а также выбранных основных отраслей промышленности. Такая стратегия является целесообразной в инновационном направлении, так как позволяет уйти от импортозамещения и развивать отечественную промышленность, создавать рабочие места, увеличивать доходы населения. Разработка и экономическое обоснование инструментария в области стимулирования инновационной активности определяют тематику дальнейших исследований.

Библиографический список

1. Габдуллин Р.Д., Михайлов А.Б. Формирование механизма государственной поддержки социально-экономического развития субъектов Российской Федерации в условиях импортозамещения. В кн.: *Промышленная политика регионов России: курс на импортозамещение: сборник трудов Международной научно-практической конференции*. Казань: Казанский национальный исследовательский технологический университет; 2018. С. 256–259.
2. Иванова М.Г., Александрова А.В., Аникеева М.Ю., Александров Ю.Д. Рейтинг как инструмент оценки инновационной и патентной активности региона (на примере Воронежской области). *Российский экономический интернет-журнал*. 2020;3(50):83–89.
3. Кораблева О.Н., Калимуллина О.В., Магомедова В.Р. Оценка инновационной активности стран на основе индексации и формирования рейтингов: проблемы и перспективы. *Управление экономическими системами*. 2017;6(100):27.
4. Поспелова И.Н. Экономико-статистическое исследование инновационной активности регионов Сибирского федерального округа. В кн.: *Инновационное развитие Российской экономики: IX международная научно-практическая конференция*. Москва: Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова; 2016. С. 88–92.
5. Шавлюк М.В. Роль регионов в инновационном развитии России. *Современные научные исследования и инновации*. 2016;12.
6. Ахмедуллова А.Р. Инновационная составляющая активности российских предприятий. В кн.: *Актуальные проблемы социально-экономических наук: материалы II Международной научно-практической конференции: сборник научных трудов*. Таганрог: Перо; 2016. С. 39–42.
7. Латышева З.И., Наджафова М.Н. Инновационная активность в России в условиях санкций. *Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии*. 2022;8:207–213.
8. Шалаева Л.В. Оценка инновационной активности российских организаций в разрезе федеральных округов. *Экономика, предпринимательство и право*. 2022;12(10):2821–2834.
9. Галиуллина Г.Ф. *Проблема модернизации российской системы в санкционных условиях: монография*. Уфа: Аэтерна; 2021. 91 с.
10. Петрова В. Коммерсант. *Российская Федерации осталась при своих инновациях*. https://www.kommersant.ru/doc/5583979 (дата обращения: 27.05.2023).
11. Федеральная служба государственной статистики. *Официальный сайт*. https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 28.05.2023).
12. Абашкин В.Л., Абдрахманова Г.И., Бредихин С.В. *Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации*. М.: НИУ ВШЭ; 2021. 274 с.
13. Правительство Российской Федерации. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13.02.2019 № 207-р *«Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года»*. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/006fb940f95ef67a1a3fa7973b5a39f78dac5681/ (дата обращения: 27.05.2023).
14. Немцев А.Е. Техника – основа развития агропромышленного комплекса. *Инновации и продовольственная безопасность*. 2015;2:60–64
15. Баяндурян Г.Л., Осадчук Л.М., Осадчук М.С. Экономические инструменты повышения инновационной активности промышленных предприятий региона. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика*. 2010. №4.
16. Фридлянова С.Ю., Дитковский К.А. Инвестиции в инновации в России. *Наука. Технологии. Инновации*. https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/448682801.pdf (дата обращения: 31.05.2023).
17. Научно-исследовательский институт – Республиканский исследовательский научно-консультационный центр экспертизы. *Инновационное развитие Российской Федерации в 2020 году. Сибирский федеральный округ*. https://www.miiris.ru/digest/Analitika_SibFO_2020.pdf (дата обращения 31.05.2023).

18. Смирнов А.Ю. Финансирование инновационной деятельности в России: современное состояние и перспективы. *Beneficium*. 2022;3(44):27–32.
19. Погребцова Е.А. Мониторинг инновационной активности субъектов Сибирского федерального округа как вектор устойчивого развития. *Вопросы инновационной экономики*. 2022;12(4): 2285-2298.
20. Ежов А.Ю. Современные проблемы внедрения и управление инновациями в РФ. *Iнновации и инвестиции*. 2020; 2:12–14.

References

1. Gabdullin R.D., Mikhailov A.B. Formation of the mechanism of state support for the socio-economic development of the subjects of the Russian Federation in the context of import substitution. In: *Industrial policy of Russian regions: the course on import substitution: proceedings of the International Scientific and Practical Conference*. Kazan: Kazan National Research Technological University; 2018. (In Russian).
2. Ivanova M.G., Alexandrova A.V., Anikeeva M.Yu., Alexandrov Yu.D. Rating as a tool for assessing innovation and patent activity in the region (on the example of the Voronezh region). Russian Economic Internet Journal. 2020;3(50):83–89. (In Russian).
3. Korableva O.N., Kalimullina O.V., Magomedova V.R. Assessment of innovative activity of countries based on indexing and rating formation: problems and prospects. *Management of economic systems*. 2017;6(100):27. (In Russian).
4. Pospelova I.N. Economic and statistical research of innovation activity of the regions of the Siberian Federal District. In: *Innovative development of the Russian economy: IX International scientific and practical conference*. Moscow: Plekhanov Russian University of Economics; 2016. (In Russian).
5. Shavlyuk M.V. The role of regions in the innovative development of Russia. *Modern scientific research and Innovation*. 2016;12. (In Russian).
6. Akhmedullova A.R. Innovative component of the activity of Russian enterprises. In: *Actual problems of socio-economic sciences: materials of the II International scientific and practical conference: collection of scientific papers*. Taganrog: Pero; 2016. (In Russian).
7. Latysheva Z.I., Najafova M.N. Innovative activity in Russia under sanctions. *Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy*. 2022;8:207–213. (In Russian).
8. Shalaeva L.V. Assessment of innovative activity of Russian organizations in the context of federal districts. *Economics, entrepreneurship and law*. 2022;12(10):2821–2834. (In Russian).
9. Galiullina G.F. *The problem of modernization of the Russian system in the conditions of migration: monograph*. Ufa: Aeterna; 2021. (In Russian).
10. Petrova V. Kommersant. *The Russian Federation remained with its innovations*. https://www.kommersant.ru/doc/5583979 (accessed 27.05.2023). (In Russian).
11. Federal State Statistics Service. Official site. https://rosstat.gov.ru/ (accessed 28.05.2023). (In Russian).
12. Abashkin V.L., Abdrakhmanova G.I., Bredikhin S.V. *Rating of innovative development of the subjects of the Russian Federation*. Moscow: HSE; 2021. (In Russian).
13. The Government of the Russian Federation. *Decree of the Government of the Russian Federation no. 207-r dated 13.02.2019 "On Approval of the Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the period up to 2025"*. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/006fb940f95ef67a1a3fa7973b5a39f78dac5681 / (accessed 27.05.2023). (In Russian).
14. Nemtsev A.E. Technology – the basis of the development of the agro-industrial complex. *Innovations and food security*. 2015;2:60–64. (In Russian).
15. Bayanduryan G.L., Osadchuk L.M., Osadchuk M.S. Economic tools for increasing the innovative activity of industrial enterprises in the region. *Bulletin of the Adygea State University. Series 5: Economics*. 2010. №4. (In Russian).
16. Fridlyanova S.Yu., Ditkovsky K.A. Investments in innovations in Russia. *Nauka. Technologies. Innovation*. https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/448682801.pdf (accessed 31.05.2023). (In Russian).
17. Scientific Research Institute – Republican Research Scientific and Consulting Center of Expertise. *Innovative development of the Russian Federation in 2020. Siberian Federal District*. https://www.miiris.ru/digest/Analitika_SibFO_2020.pdf (accessed 31.05.2023). (In Russian).
18. Smirnov A.Yu. Financing of innovation activity in Russia: current state and prospects. *Beneficium*. 2022;3(44):27–32. (In Russian).
19. Pogrebtsova E.A. Monitoring of innovative activity of the subjects of the Siberian Federal District as a vector of sustainable development. *Issues of innovative economy*. 2022;12(4): 2285-2298. (In Russian).
20. Yezhov A.Yu. Modern problems of implementation and management of innovations in the Russian Federation. *Innovations and investments*. 2020; 2:12–14. (In Russian).

УДК 338.242 JEL O00 DOI 10.26425/1816-4277-2023-9-75-82

Проблемы управления цифровой зрелостью бизнеса в условиях технологического разрыва

Прохорова Инна Сергеевна

Канд. экон. наук, доц. каф. управления инновациями
ORCID: 0000-0001-8132-7184, e-mail: is_prokhorova@guu.ru

Елхова Анна Валерьевна

Магистрант
ORCID: 0000-0002-5307-6274, e-mail: elhovaa@gmail.com

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются современное состояние российской экономики, находящейся на стадии активного роста пятого технологического уклада, и связанные с таким укладом проблемы управления цифровой зрелостью и цифровой трансформацией бизнеса. Существующий технологический разрыв между российской и мировой экономиками оказывает непосредственное влияние на уровень распространения цифровых технологий среди представителей всех отраслей экономики и замедляет процесс цифровой трансформации, препятствуя переходу к цифровой экономике. Предметом исследования выступает управление цифровой зрелостью бизнеса в современных технико-технологических и экономических условиях. Цель исследования состоит в определении сдерживающих факторов цифровой трансформации российского бизнеса в условиях технологического отставания. В исследовании применялись эмпирический, логический, сравнительный методы. Научная новизна результатов исследования состоит в рассмотрении проблемы влияния технологического отставания ИТ сектора на управление цифровой трансформацией бизнеса в новых геополитических условиях.

Ключевые слова

Технологический разрыв, цифровая зрелость, цифровая трансформация, цифровая экономика, информационные технологии, программное обеспечение

Для цитирования: Прохорова И.С., Елхова А.В. Проблемы управления цифровой зрелостью бизнеса в условиях технологического разрыва // Вестник университета. 2023. № 9. С. 75–82.

© Прохорова И.С., Елхова А.В., 2023.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

The challenges of managing digital business maturity in the technological gap

Inna S. Prokhorova
Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Department of innovation management
ORCID: 0000-0001-8132-7184, e-mail: is_prokhorova@guu.ru

Anna V. Elkhova
Graduate student
ORCID: 0000-0002-5307-6274, e-mail: elhovaa@gmail.com

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The article examines the current state of the Russian economy, which is at the active growth stage of the fifth technological order, and the related problems of managing digital maturity and digital business transformation. The existing technological gap between the Russian and global economies has a direct impact on the level of digital technology diffusion among representatives of all sectors of the economy and slows down the process of digital transformation, hindering the transition to a digital economy. The study subject is the management of business digital maturity in the current technical, technological and economic conditions. The study purpose is to identify the constraining factors of the digital transformation of Russian business in the conditions of technological lag. Empirical, logical, and comparative methods were used in the study. The scientific novelty of the research results consists in the problem consideration of the impact of technological lag of the IT sector on the management of business digital transformation in the new geopolitical conditions.

Keywords

Technology gap, digital maturity, digital transformation, digital economy, information technology, software

For citation: Prokhorova I.S., Elkhova A.V. (2023) The challenges of managing digital business maturity in the technological gap. *Vestnik universiteta*, no. 9, pp. 75–82.

© Prokhorova I.S., Elkhova A.V., 2023.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

Конкурентоспособность государства на мировой арене обеспечивается применением цифровых технологий на государственном уровне, а использование таких технологий ведет к развитию нового этапа экономики – цифровой экономики.

Необходимость цифровой трансформации была определена Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [1]. Одним из приоритетов стратегии является обеспечение государственных интересов в сфере цифровой экономики. Готовность хозяйствующих субъектов к цифровой трансформации определяется уровнем их цифровой зрелости (уровнем внедрения цифровых технологий в бизнес-процессы). Главный критерий эффективности цифровой экономики – уменьшение затрат при производстве товаров и оказании услуг в структуре добавленной стоимости [1].

Развитие цифровой экономики и цифровых технологий непосредственно связано с процессом перехода к новому технологическому укладу для Российской Федерации (далее – РФ), что в совокупности представляется стратегической задачей развития российской экономики в настоящее время. Проблема отставания России от мирового технологического уклада является широко обсуждаемой: главенствующий во всем мире пятый технологический уклад находится на стадии роста в РФ [2; 3]. Наличие технологического разрыва между эффективностью технологий пятого технологического уклада в мировой экономике и в российской экономике является серьезным препятствием к достижению цифровой зрелости российского бизнеса.

Целью исследования является определение сдерживающих факторов цифровой трансформации российского бизнеса в условиях технологического отставания. В статье применяются эмпирические и логические методы исследования в процессе сравнительного анализа для выявления влияния уровня развития IT-технологий на экономику и промышленность РФ.

Научная новизна результатов исследования заключается в применении методологии технологического разрыва в управлении инновациями при анализе проблем широкой диффузии информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) в российской экономике. Это позволило систематизировать комплекс проблем управления цифровой зрелостью бизнеса в условиях технологического разрыва. Методология технологического разрыва строится на определении различий в результативности экспортно-импортных технологий, применяемых в промышленном производстве страны и определяющих драйвер экономического роста. Инструментом оценки технологического разрыва выступает результативность информационных технологий (далее – ИТ).

Анализ результативности технологий в РФ в секторе ИТ показывает недостаточную эффективность инвестиций в развитие технологий сектора ИКТ в связи с высокой импортозависимостью экономики от иностранного программного обеспечения, применяемого в промышленном производстве. Переход к системному управлению цифровой зрелостью бизнеса возможен только после системного этапа подхода к отечественному софту. При этом российская отрасль производства средств ИКТ имеет критическое значение для перехода к цифровой экономике. Анализ нормативно-правовых, организационных и финансовых решений в развитии технологического базиса цифровой экономики показал достаточно высокое понимание проблем цифровизации бизнеса на государственном уровне.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ РАЗРЫВ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Мировая экономика находится на стадии завершения пятого технологического уклада (далее – ТУ) благодаря диффузии телекоммуникационных и ИТ [4]. В 2020 г. мировой рынок ИКТ достиг примерно 3,9 трлн долл. США, в котором лишь 0,6 % приходится на долю России (0,25 трлн долл. США) [5]. Цифровая экономика набирает обороты, начинается переход к «Индустрии 4.0»: повышается необходимость цифровых технологий, не только для бизнеса, но и для страны в целом, поскольку от распространения данных технологий (роботизация, искусственный интеллект, большие данные, аддитивные технологии) зависит положение национальной экономики в борьбе за технологическое лидерство в следующем ТУ.

По результатам исследований на 2010 г. в российской экономике технологии пятого ТУ находились на уровне 10 % (в США – 50 %), 50% приходилось на технологии четвертого ТУ (в США – 20%) [3]. В 2018 г. аналогичное распределение передовых производственных технологий в экономике РФ составило 21 % (четвертый ТУ) и 72 % (пятый ТУ) [3]. Отмечен экспоненциальный рост российской экономики

в преодолении технологического разрыва с мировой экономикой. Однако пребывание пятой части промышленного сектора в рамках четвертого ТУ ограничивает его инновационный потенциал для внедрения цифровых технологий. Это значительно снижает позиции страны в глобальной конкуренции и в целом сдерживает цифровую трансформацию бизнеса для достижения его цифровой зрелости.

Глубина технологического разрыва экономики определяется разницей в результативности технологий в отрасли-драйвере инновационного развития, то есть в соотношении вложений к результату старой и новой технологии [3]. Субъектом новейших технологий в пятом ТУ является ИТ отрасль. Как показывает статистика, объем инвестиций в ИТ сектор РФ увеличился с 2010 г. практически в 30 раз, в том числе после принятия национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». При этом российский сектор ИКТ остается отраслью с низкой инновационной активностью: доля расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (далее – НИОКР) по отношению к выпуску продукции не превышает 2,15 % [6]. Кроме того, в России темпы роста сектора ИКТ за период 2010–2021 гг. не превышали темпы роста Валового внутреннего продукта (далее – ВВП): доля внутренней добавленной стоимости данного сектора в структуре ВВП оставалась на уровне 3,2 % при объеме в 2 трлн руб. и 6,3 трлн руб. на начало и конец периода соответственно [5]. Рынок телекомуслуг демонстрировал стагнацию, исключение составил рынок цифровых и ИТ-услуг, продемонстрировавший рост практически в 6 раз за период, занимая 40 % в объеме ИКТ сектора. При этом среди 539 крупнейших в мире наукоемких цифровых компаний доля расходов на НИОКР насчитывает примерно 450 млн долл. США, темпы роста мирового сектора ИКТ составляют 5,5 % в 2020 г. при темпе роста мирового ВВП в 2,2 %[5; 6].

Существует проблема сдерживания технологического прорыва. Основной причиной является замедленное внедрение отечественных сектора ИТ-разработок в экономике страны в связи с высокой импортозависимостью от зарубежных ИТ и программного обеспечения (далее – ПО), применяющегося на промышленных производствах. По материалам агентства Tadviser и согласно данным Правительства РФ, на июнь 2022 г. доля импортного ПО в промышленном производстве составляла более 75 % [7].

Высокая зависимость российских производств от импортного оборудования и ПО приводит к сдерживанию темпов развития сектора ИКТ как основного сектора технологического прорыва экономики. Российская отрасль производства аппаратных средств растет намного медленнее сектора услуг: рост добавленной стоимости в 2021 г. составил примерно 80 % к уровню 2010 г., а доля в секторе ИКТ увеличилась до 18 % [6]. Это связано с программами импортозамещения в первую волну антироссийских санкций в 2014 г., когда государственные компании были обязаны осуществить переход на отечественные программные продукты. В 2016 г. был создан реестр отечественного ПО, а также утверждена программа «Развитие электронной и радиоэлектронной промышленности на 2013–2025 годы», предоставляющая субсидии производителям интегрированных микросхем[6; 8].

Российская отрасль производства средств ИКТ имеет критическое значение для перехода к цифровой экономике. Импорт ИКТ-товаров в 2021 г. имел значение в 29,4 % при уровне экспорта в 2,7 %. В структуре импорта 37 % занимают компьютеры и периферийное оборудование с динамикой роста в 18 % ежегодно [9]. В настоящее время наблюдаются серьезные проблемы с производством отечественных компьютеров из-за отсутствия в стране производственной базы для создания микросхем и процессоров. Отечественные компьютеры сейчас представляют собой технику, собранную на территории РФ, поскольку принятые ранее меры по заключению соглашения с китайской компанией об организации сборки российских процессоров были сорваны [10]. Тем не менее на рынке представлены компьютеры российского производства, однако все они функционируют на иностранной операционной системе Linux с добавлением отечественных дистрибутивов Эльбрус, Astra, Lotus, тем самым получая название «российской ОС» и на импортных процессорах. Сейчас такие компьютеры преимущественно используются в государственном секторе, а также нацелены на оборонный сектор для обеспечения кибербезопасности [10].

Наиболее используемые отраслевые программные продукты, применяемые для реализации цифровых технологий, представляют собой системы немецкой компании SAP, а именно: ERP-системы по управлению ресурсами предприятия и производством; CRM-системы – инструмент для управления взаимоотношениями с клиентами, SCM-системы – способ управления цепочками поставок, что значительно снижает цифровой потенциал российского бизнеса. Ярким примером является ПАО «Северсталь»: компания находилась на заключительном этапе внедрения ERP-системы во все бизнес-процессы, когда немецкая

компания решила уйти с российского рынка и прекратить обновление ПО. Компания Oracle, предоставляющая решения для хранения данных, бизнес-аналитики, гибридных облаков, машинного обучения, также приостановила свою деятельность в России [11; 12].

В настоящее время прямых аналогов зарубежных ERP-систем не существует. Отечественные системы представляют собой решения для отдельных бизнес-процессов (управление ресурсами, поставками, талантами). Единственной российской системой, схожей с SAP, можно назвать систему 1С, включающую в себя не только готовый продукт, но и специалистов по внедрению и поддержке [13]. Переход на аналоговые системы несет в себе ряд издержек. Процесс интеграции в новое ПО занимает длительное время (от 2 до 5 лет) и требует изменений всех связанных систем. Отмечается нехватка специалистов по внедрению нового ПО, отечественные программные продукты зачастую дороже импортных. Существует не только риск неготовности российского ПО к требуемым нагрузкам, но и отставания по функционалу, что вызывает определенные страхи управляющего персонала о связанных простоях и финансовых потерях [13].

Таким образом, суть технологического разрыва состоит в низком качестве внедрения российского ПО в промышленный бизнес. Переход к системному управлению цифровой зрелостью бизнеса в новых геополитических условиях возможен только при масштабной диффузии российских ИТ.

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ЗРЕЛОСТЬЮ ПРИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ РАЗРЫВЕ

Цифровая зрелость, являясь неотъемлемым условием цифровой трансформации, требует глубоких, системных изменений во всех структурных элементах бизнеса [14]. Глубина изменений, доступных каждому отдельному хозяйствующему субъекту, ограничивается прежде всего сложившимся технологическим разрывом с мировым уровнем цифровой зрелости бизнеса. Высокая зависимость от импортного оборудования и комплектующих значительно усложняет применение существующих цифровых технологий, абсолютно препятствуя появлению новых. Вместо вложений в исследования и разработки компании направляют свои силы на подбор замещающих технологий, например, на поиск отечественных поставщиков ПО, на интеграцию с которыми потребуется несколько лет, а возможные риски перевешивают ожидаемые эффекты [13].

Технологический разрыв также накладывает свой отпечаток на понимание бизнесом необходимости встраивания цифровой трансформации в общую стратегию предприятия для определения узких мест и возможностей развития. В совокупности с постоянным мониторингом достижения ключевых показателей эффективности повсеместно применяется автоматизация отдельных бизнес-процессов, но повышение цифровой зрелости требует также и изменения бизнес-модели, т.е. перехода к созданию экосистемы бизнеса [3].

Технологическое отставание российской экономики является причиной отсутствия цифровой культуры в организациях, что определяется неимением гибкости персонала к необходимым изменениям – недостаточная мотивация, недостаток компетенций и навыков, а также неготовность к ожиданию результатов от внедрения технологий [15].

Таким образом, для эффективного управления цифровой зрелостью организации и последующего перехода к цифровой трансформации в современных условиях технологического разрыва между российской и мировой экономиками требуется создание единой цифровой среды предприятия. Такая цифровая среда должна объединять как накопленную базу компетенций в сфере цифровизации, так и разработку системы повышения квалификации сотрудников всех уровней для вовлечения в процесс трансформации в сфере разработки и распространения российского ПО.

ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗРЫВА ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ЗРЕЛОСТИ БИЗНЕСА

Для обеспечения технологического прорыва в пятом ТУ в новых геополитических условиях сегодня предпринят ряд нормативно-правовых, организационных и финансовых решений в развитии технологического базиса цифровой экономики, а именно в развитии российского софта.

Для развития ИТ сектора также разрабатываются дополнительные меры государственной поддержки, направленные на финансирование проектов по разработке и внедрению российского ПО. Например, Некоммерческая организация Фонд развития Центра разработки и коммерциализации новых технологий (Фонд «Сколково») увеличивает размеры грантов со 120 млн руб. до 300 млн руб., а Российский

фонд развития информационных технологий теперь предоставляет гранты до 500 млн руб. при снижении доли финансирования проекта за счет собственных средств с 50 % до 20 % [16].

Увеличение доли роста использования российского ПО напрямую связано с переходом на него государственных компаний, как уже отмечалось выше, для обеспечения национальной кибербезопасности. В этой области разработаны такие нормативные акты, как Приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 20 сентября 2018 г. №486, утверждающий «Методические рекомендации по цифровой трансформации государственных корпораций и компаний с государственным участием»; Постановление Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2015 г. №1236 «Об установлении запрета на допуск программного обеспечения, происходящего из иностранных государств, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [17; 18]. Тем не менее в настоящее время доля российского ПО в государственном секторе оценивается на уровне 30 % [16].

Для достижения технологического суверенитета РФ в области программного обеспечения разрабатываются дорожные карты по развитию этого сектора ИТ-рынка. В 2021 г. Правительство РФ утвердило дорожную карту «Новые производственные технологии», рассчитанную до 2024 г. [7]. Суть такой дорожной карты заключается в импортозамещении наиболее востребованных отраслевых решений, а именно: ERP, CRM-систем, систем автоматизированного проектирования, управления оборудованием и документооборотом. Данная мера должна устранить основной риск промышленных предприятий – сложность интеграции и длительность перехода с импортных систем на российские. Кроме того, в план мероприятий по достижению технологической независимости промышленности входит подготовка квалифицированных кадров для внедрения отечественного софта, что является одним из факторов, тормозящих процесс перехода. Наконец важным стимулом продвижения российского софта является программное заявление Президента РФ перед Федеральным собранием РФ о предоставлении налоговых скидок для бизнеса с коэффициентом 1,5 при покупке российского ПО.

Единый реестр российского ПО насчитывает более 13 тыс. продуктов [9]. Наиболее стремительно завоевать рынок удалось отечественным решениям в сфере информационной безопасности – импортозамещение антивирусов оценивается экспертами в 100 %. В первую очередь это связано с отсутствием обновлений используемых на предприятиях ИТ-решений. Такое отсутствие вызвано уходом импортных поставщиков, поскольку невозможность обновления программного продукта значительно повышает его уязвимость, тем самым увеличивая риски утечки данных и кибератак. Так, в первом полугодии 2022 г. специалисты АО «Лаборатория Касперского» наблюдали увеличение киберинцидентов в 4 раза по сравнению с аналогичным периодом 2021 г. [16].

Принятые на государственном уровне меры стимулирования цифровой трансформации бизнеса уже сейчас позволяют отметить динамику импортозамещения и увеличение инновационной активности в сфере ИКТ благодаря росту отечественных разработок ПО для промышленных предприятий. В частности, появляются российские системы по управлению проектами, системы предиктивной аналитики, системы на базе искусственного интеллекта и машинного зрения для оптимизации производства, в том числе отраслевые решения для горно-металлургического и энергетического комплекса, а также нефтегазовой и золотодобывающей промышленности. Несмотря на принимаемые меры, стимулирования разработки и внедрения отечественного софта, импортозависимость отрасли ИКТ в целом (отсутствие производственной базы микропроцессоров, использование иностранных операционных систем для создания на их базе российских) не позволяет в полной мере достичь технологического потенциала отрасли. Отечественные решения на 60–70 % состоят из иностранных компонентов, то есть разработчики не обладают стопроцентными интеллектуальными правами на такие решения, что несет в себе определенные риски [19].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате исследования управления цифровой зрелостью бизнеса можно сделать следующие выводы о сдерживающих факторах цифровой трансформации российского бизнеса в новых геополитических условиях:

1) основная причина технологического разрыва между эффективностью технологий пятого ТУ в мировой экономике и российской экономике – низкая результативность российского ПО в экономике;

2) причины низкой результативности – недостаточная апробация в бизнесе в связи с высокой импортозависимостью от зарубежного ПО как бизнеса, так и непосредственно отечественных в области ИТ-решений

3) причины низкой востребованности в бизнесе российского ПО невозможность в настоящее время объединения систем в единую цифровую среду; высокие финансовые и временные затраты (отечественное ПО дороже импортного и требует несколько лет на доработку и полную интеграцию); недостаток кадров для внедрения новых систем;

4) возможности преодоления технологического разрыва предопределяются условиями продвижения и внедрения в российской экономике отечественных решений в области ИТ для ускорения цифровой трансформации отраслей.

Направлением дальнейших исследований может стать оценка достижения целевых показателей стратегии импортозамещения ПО в совокупности с анализом конкурентоспособности отечественных программных продуктов.

Библиографический список

1. Президент Российской Федерации. *Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»*. https://base.garant.ru/71670570/ (дата обращения: 28.05.2023).
2. Прохорова И.С. Технологический потенциал развития инновационной экономики в России: пределы и ограничения шестого технологического уклада. *Вестник университета*. 2020;2:68–75. https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-2-68-75
3. Prokhorova I. S. Innovative Potential of the National Innovation System of the Russian Economy for Building a Digital Economy. *Proceedings of the International Scientific Conference "FarEastCon" (ISCFEC 2020): Series: Advances in Economics, Business and Management Research, Vladivostok, 01–04 October 2019*. Vladivostok: Atlantis Press; 2020. https://doi.org/10.2991/aebmr.k.200312.109
4. Гуреев П.М., Дуненкова Е.Н., Онищенко С.И. *Формирование и развитие инновационной среды в условиях цифровой экономики*. Москва: Русайнс; 2020. 206 с.
5. АО АК «Деловой профиль». *IT-отрасль в России и в мире: как растет рынок информационных технологий*. https://delprof.ru/press-center/open-analytics/it-otrasl-v-rossii-i-v-mire-kak-rastet-rynok-informatsionnykh-tekhnologiy/ (дата обращения: 30.05.2023).
6. Ганичев Н.А., Кошовец О.Б. Цифровая экономика России: к стратегии развития в условиях санкций. *Проблемы прогнозирования*. 2022;6(195):94–108. https://doi.org/10.47711/0868-6351-195-94-108
7. Tadviser. *Импортозамещение информационных технологий в промышленности*. https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Импортозамещение_информационных_технологий_в_промышленности (дата обращения: 30.05.2023).
8. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. *Реестр российского программного обеспечения*. https://reestr.digital.gov.ru/ (дата обращения: 01.06.2023).
9. Абдрахманова Г.И., Васильковский С. А., Вишневский К. О., Гершман М. А., Гохберг Л. М. и др. *Цифровая трансформация: ожидания и реальность: доклад к XXIII Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022 г.* М.: Высшая школа экономики; 2022. 221 с.
10. ICL Техно. *Настольные компьютеры российского производства: виды и типы*. https://icl-techno.ru/about/articles/nastolnye-kompyutery-rossiyskogo-proizvodstva-vidy-i-tipy/ (дата обращения: 01.06.2023).
11. РБК. *Как достичь цифрового суверенитета в металлургии?* https://tv.rbc.ru/archive/plu_sfi/637207562ae5961f42ad6df0 (дата обращения: 02.06.2023).
12. РБК. *SAP объявила о прекращении сотрудничества с российскими компаниями*. https://www.rbc.ru/technology_and_media/03/03/2022/622074b79a7947777f0a6bb9 (дата обращения: 02.06.2023).
13. IBS. *Вы решили заменить SAP на отечественные решения. К чему готовиться*. https://ibs.ru/media/media/vy-reshili-zamenit-sap-na-otechestvennye-resheniya-k-chemu-gotovitsya/ (дата обращения: 03.06.2023).
14. Кафиятуллина Ю.Н., Курочкин Д.А., Сердечный Д.В. Принципы цифровой трансформации бизнеса в современных условиях. Часть I. *Вестник университета*. 2022;(6):74–82. https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-6-74-82
15. Кафиятуллина Ю.Н., Курочкин Д.А., Сердечный Д.В. Принципы цифровой трансформации бизнеса в современных условиях. Часть II. *Вестник университета*. 2022;7:46–53. https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-7-46-53
16. ГАРАНТ.РУ. *Импортозамещение ПО в России – 2022*.https://www.garant.ru/article/1542142(дата обращения: 03.06.2023).
17. Российская Федерация. *Приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ от 20 сентября 2018 г. № 486 «Об утверждении методических рекомендаций по переходу государственных компаний на преимущественное использование отечественного программного обеспечения, в том числе отечественного офисного программного обеспечения»*. https://base.garant.ru/72154938/ (дата обращения: 30.05.2023).
18. Российская Федерация. *Постановление Правительства РФ от 16 ноября 2015 г. № 1236 «Об установлении запрета на допуск программного обеспечения, происходящего из иностранных государств, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд»*. https://base.garant.ru/71252170/#p_1874 (дата обращения: 06.06.2023).

19. Ведомости. *Российскую промышленность срочно избавят от иностранного ПО*. https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2021/07/27/879777-rossiiskii-soft-promishlennosti (дата обращения: 06.06.2023).

References

1. The President of the Russian Federation. *Presidential Decree of May 9, 2017. no. 203 "On the Strategy for the Development of Information Society in the Russian Federation for 2017-2030"*. https://base.garant.ru/71670570/ (accessed 28.05.2023). (In Russian).
2. Prokhorova I.S. Technological potential for the development of innovation economy in Russia: limits and limitations of the sixth technological mode. *Vestnik universiteta*. 2020;2:68–75. (In Russian). https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-2-68-75
3. Prokhorova I. S. Innovative Potential of the National Innovation System of the Russian Economy for Building a Digital Economy. *Proceedings of the International Scientific Conference "FarEastCon" (ISCFEC 2020): Series: Advances in Economics, Business and Management Research, Vladivostok, 01–04 October 2019*. Vladivostok: Atlantis Press; 2020. https://doi.org/10.2991/aebmr.k.200312.109
4. Gureev P.M., Dunenkova E.N., Onishchenko S.I et al. *Formation and development of innovation environment in the digital economy*. Moscow: Rusains; 2020. (In Russian).
5. Business Profile Group. *IT-industry in Russia and in the world: how the information technology market grows*. https://delprof.ru/press-center/open-analytics/it-otrasl-v-rossii-i-v-mire-kak-rastet-rynok-informatsionnykh-tekhnologiy/ (accessed 30.05.2023). (In Russian).
6. Ganichev N.A., Koshovets O.B. Russia's Digital Economy: Toward a Development Strategy in the Context of Sanctions. *Problems of Forecasting*. 2022;6(195):94–108. (In Russian). https://doi.org/10.47711/0868-6351-195-94-108
7. Tadviser. *Import substitution of information technologies in industry*. https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Импортозамещение_информационных_технологий_в_промышленности (accessed 30.05.2023). (In Russian).
8. Ministry of Digitalization of the Russian Federation. *Register of Russian software*. https://reestr.digital.gov.ru/ (accessed 01.06.2023). (In Russian).
9. Abdrakhmanova I.G., Vasilkovsky S.A., Vishnevskiy K.O., Gershman M.A., Gokhberg L.M. et al. *Digital transformation: expectations and reality: report to XXIII Yasinskaya (April) international scientific conference on the problems of economic and social development, Moscow, 2022*. Moscow: The Higher School of Economics; 2022. (In Russian).
10. ICL Techno. *Desktop computers of Russian production: types and kinds*. https://icl-techno.ru/about/articles/nastolnye-kompyutery-rossiyskogo-proizvodstva-vidy-i-tipy/ (accessed 01.06.2023). (In Russian).
11. RBC. *How to achieve digital sovereignty in metallurgy?* https://tv.rbc.ru/archive/plu_sfi/637207562ae5961f42ad6df0 (accessed 02.06.2023). (In Russian).
12. RBC. *SAP announced the termination of cooperation with Russian companies*. https://www.rbc.ru/technology_and_media/03/03/2022/622074b79a7947777f0a6bb9 (accessed 02.06.2023). (In Russian).
13. IBS. *You decided to replace SAP with domestic solutions. What to prepare for*. https://ibs.ru/media/media/vy-reshili-zamenit-sap-na-otechestvennye-resheniya-k-chemu-gotovitsya/ (accessed 03.06.2023). (In Russian).
14. Kafiyatullina Y.N., Kurochkin D.A., Serdetsky D.V. Principles of digital transformation of business in modern conditions. Part I. *Vestnik universiteta*. 2022;(6):74-82. (In Russian). https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-6-74-82
15. Kafiyatullina Y.N., Kurochkin D.A., Serdechny D.V. Principles of digital transformation of business in modern conditions. Part II. *Vestink universiteta*. 2022;7:46–53. (In Russian). https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-7-46-53
16. GARANT.RU. *Software Import Substitution in Russia – 2022*. https://www.garant.ru/article/1542142 (accessed 03.06.2023). (In Russian).
17. Russian Federation. *Order of the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Communications of the Russian Federation of September 20, 2018 no. 486 "On approval of methodological recommendations for the transition of state companies to the preferential use of domestic software, including domestic office software"*. https://base.garant.ru/72154938/ (accessed 30.05.2023). (In Russian).
18. Russian Federation. *Decree of the Government of the Russian Federation of November 16, 2015 no. 1236 "On Establishing a Ban on the Admission of Software Originating in Foreign Countries for the Purposes of Procurement for State and Municipal Needs"*. https://base.garant.ru/71252170/#p_1874 (accessed 06.06.2023). (In Russian).
19. Vedomosti. *Russian industry will be urgently rid of foreign software*. https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2021/07/27/879777-rossiiskii-soft-promishlennosti (accessed 06.06.2023). (In Russian).

УДК 338 JEL Q56 DOI 10.26425/1816-4277-2023-9-83-92

Арктический мультиуниверситет: «Полярный банк» интеллектуального капитала России в условиях современных угроз и рисков

Родионов Александр Сергеевич[1]
Д-р техн. наук, проф. каф. безопасности жизнедеятельности, гл. науч. сотр. института цифровых технологий, дир. аналитического центра научно-информационного консалтинга в сфере БЖД[1]
ORCID: 0000-0002-5109-6810, e-mail: rod-ionov@bk.ru

Вишнякова Светлана Петровна[1,2]
Д-р экон. наук, член Комиссии РАН по изучению научного наследия выдающихся ученых[2], гл. науч. сотр., проф. каф. безопасности жизнедеятельности[1]
ORCID: 0000-0002-0564-7626, e-mail: svetlkiseleva@yandex.ru

Вишняков Яков Дмитриевич[1,2,3]
Д-р техн. наук, член Комиссии РАН по изучению научного наследия выдающихся ученых[2], проф. каф. экономики и управления в топливно-энергетическом комплексе[3], вед. науч. сотр.[1]
ORCID: 0000-0003-0656-140X, e-mail: vishnyakov1@yandex.ru

[1]Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

[2]Российская академия наук, г. Москва, Россия

[3]Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Статья посвящена проблематике трансформации отечественного образовательного пространства экономики знаний цифрового общественно-экономического уклада с учетом современных угроз и рисков. Целью исследования являются формирование и обоснование авторской парадигмы системы сетевых мультиуниверситетов для подготовки кадров в интересах устойчивого развития Арктической зоны России и обеспечения национальной безопасности страны. Авторами обоснована необходимость междисциплинарного и практико-ориентированного перехода к мультиуниверситетской сетевой организации вузов в целях устойчивого развития кадрового обеспечения России. Обозначены проблемные вопросы, требующие специального внимания и безотлагательного разрешения в сфере подготовки кадров для устойчивого развития Арктического региона. Представлены концептуально-теоретические и научно-методические основы трансформации отечественного образовательного пространства в интересах гармонизации отношений между рынком и государством, индивидом и обществом. В качестве объекта полевого эксперимента предлагается создать Арктический мультиуниверситет как «Полярный банк» интеллектуального капитала России. В случае успеха предложенного полевого эксперимента накопленный опыт можно будет распространить на территории всей России как пример воссоздания наукоградов цифровой экономики знаний. Авторами использованы общие и частные методы исследования единства в противоположности естественных и гуманитарных наук. Методология исследования опирается на ключевые положения теории рисков, теории эколого-ориентированного инновационного развития с учетом экологического императива технологического развития.

Ключевые слова

Арктика, интеллектуальный капитал, мультиуниверситет, национальная безопасность, повышение конкурентоспособности, риск, риск-ориентированное образование, угроза, устойчивое развитие, экологический императив, экологический императив технологического развития, эколого-ориентированное образование

Благодарности. Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. В статье отражены результаты прикладной научно-исследовательской работы по теме «Разработка механизмов обеспечения устойчивого развития территорий в арктической зоне», выполняемой в 2023 г.

Для цитирования: Родионов А.С., Вишнякова С.П., Вишняков Я.Д. Арктический мультиуниверситет: «Полярный банк» интеллектуального капитала России в условиях современных угроз и рисков // Вестник университета. 2023. № 9. С. 83–92.

© Родионов А.С., Вишнякова С.П., Вишняков Я.Д., 2023.
Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Arctic multiuniversity: "Polar bank" of Russia's intellectual capital in the context of modern threats and risks

Alexander S. Rodionov[1]
Dr. Sci. (Engr.), Prof. at the Life Safety Department, Chief Researcher at the Institute of Digital Technologies, Director of the Analytical Center for Scientific and Information Consulting in the field of Life Safety[1]
ORCID: 0000-0002-5109-6810, e-mail: rod-ionov@bk.ru

Svetlana P. Vishnyakova[1,2]
Dr. Sci. (Econ.), Member of the Russian Academy of Sciences Commission for the Study of the Scientific Heritage of Outstanding Scientists[2], Chief Researcher, Prof. at the Life Safety Department[1]
ORCID: 0000-0002-0564-7626, e-mail: svetlkiseleva@yandex.ru

Yakov D. Vishnyakov[1,2,3]
Dr. Sci. (Engr.), Member of the Russian Academy of Sciences Commission for the Study of the Scientific Heritage of Outstanding Scientists[2], Prof. at the Department of Economics and Management in the Fuel and Energy Complex [3], Leading Researcher[1]
ORCID: 0000-0003-0656-140X, e-mail: vishnyakov1@yandex.ru

[1]Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

[2]Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

[3]State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The article is devoted to the problems of transformation of the domestic educational space of the knowledge economy of the digital socio-economic structure considering modern threats and risks. The study purpose is to form and substantiate the author's system paradigm of network multiuniversitates for training personnel in the interests of sustainable development of the Arctic zone of the Russia and ensuring national security of the country. The authors substantiate the need for an interdisciplinary and practice-oriented transition to a multi-university network organization of universities for the sustainable development of human resources in Russia. The problematic issues that require special attention and urgent resolution in the field of personnel training for the sustainable development of the Arctic region are identified. The conceptual-theoretical and scientific-methodological foundations of the transformation of the domestic educational space in the interests of harmonization of relations between the market and the state, the individual and society are presented. As an object of the field experiment, it is proposed to create an Arctic multiuniversity as a "Polar Bank" of Russia's intellectual capital. If the proposed field experiment is successful, the accumulated experience can be spread throughout Russia as an example of recreating the science cities of the digital knowledge economy. The authors used general and particular methods of unity research in contrast to natural sciences and humanities. The research methodology is based on the key provisions of risk theory, the theory of eco-oriented innovative development, taking into account the ecological imperative of technological development.

Keywords

Arctic, intellectual capital, multiuniversity, national security, competitiveness enhancement, risk, risk- focused education, threat, sustainable development, ecological imperative, ecological imperative of technological development, environmental-focused education

Acknowledgements. The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation. The article reflects the results of applied research work on the topic "Development of mechanisms for ensuring sustainable development of territories in the Arctic zone", carried out in 2023.

For citation: Rodionov A.S., Vishnyakova S.P., Vishnyakov Ya.D. (2023) Arctic multiuniversity: "Polar bank" of Russia's intellectual capital in the context of modern threats and risks. Vestnik universiteta, no. 9, pp. 83–92.

© Rodionov A.S., Vishnyakova S.P., Vishnyakov Ya.D., 2023.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

Ценность и важность образования в самом широком понимании не отрицала ни одна цивилизация [1]. На современном этапе образование стало еще более привлекательным для вложения сил и средств как богатыми слоями населения – для удержания господствующего положения в обществе и мировой элите, так и бедными – в целях подъема по социальной лестнице государственной и мировой иерархии. Главное богатство любой страны – национальные кадры, делающие все возможное для процветания своей Родины.

В древности для устойчивого развития научно-технического прогресса (далее – НТП), его гуманитарной, духовной и политической составляющих было достаточно появления отдельных выдающихся личностей с энциклопедическими знаниями (как у Леонардо да Винчи или Теслы), но сегодня требуются наукограды, подобные Кремниевой долине. В условиях современных угроз и рисков чрезвычайно важным является подготовка кадров, которая будет способствовать развитию Арктического региона, защите национальных интересов Российской Федерации (далее – РФ). Это обуславливает необходимость безотлагательного развития эколого- и риск-ориентированного образования для подготовки высококвалифицированных специалистов и руководителей, готовых ответить на современные вызовы и угрозы [2].

Целью настоящего исследования являются формирование и обоснование авторской парадигмы системы сетевых мультиуниверситетов для подготовки профессиональных кадров в интересах устойчивого развития Арктической зоны РФ, обеспечения национальной безопасности страны в целом.

МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для формирования авторской парадигмы системы сетевых мультиуниверситетов в интересах устойчивого развития Арктической зоны РФ применены общие (теоретические, универсальные) и частные (эмпирические, практические) методы исследования единства в противоположности естественных и гуманитарных наук. Теоретические методы данного исследования объединены в дефиниции синергии (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, формализация, классификация, абстрагирование, обобщение, конкретизация) дивергентного и конвергентного мышления. В свою очередь, частные и узкоспециализированные методы проведенного исследования обобщены в нарративе феноменологии (сравнение, наблюдение, описание, редукция, практическое моделирование, эволюционизм, циклические и волновые модели динамики изменений, ряд других методов прикладных наук, таких как математическая теория эксперимента). Методология исследования опирается на ключевые положения теории рисков и эколого-ориентированного инновационного развития с учетом экологического императива технологического развития [3; 4].

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

КРЕАТИВНЫЙ КЛАСС И ЕГО ПОДГОТОВКА В ЭКОНОМИКЕ ЗНАНИЙ

Драйвером НТП цифровой эпохи становятся новые слои общества, где значимую роль играет креативный класс. Креативный класс (англ. creative class – творческий класс) – понятие, предложенное Ричардом Флоридой, для обозначения социальной группы населения, включенной в постиндустриальный сектор экономики. Творческий класс представляет собой часть среднего класса, ставшая самой влиятельной и массовой социальной группой в развитых государствах и странах (к примеру, в США их доля составляет 30 % всех работающих) [5]. Его зеркальным отражением, «оборотной стороной медали» в мире светлого будущего по западной идеологеме будут прекариаты (нем. Prekariat, англ. precariat, ← precarious ← лат. precarium – нестабильный, негарантированный + пролетариат) – класс социально неустроенных людей, не имеющих полной гарантированной занятости [6]. Социальный слой прекариата олицетворяет отчуждение от результатов труда и от всего общества значительных социальных групп, испытывающих особо изощренные формы эксплуатации их труда, знаний, квалификации и в конечном итоге качества жизни. Перед Россией стоят задачи политической, экономической, а также военной защиты границ своей приарктической территории и акватории. В то же время такой театр военных действий (далее – ТВД) как Арктика, учитывая, что войны выигрывают школьные учителя, требует пристального внимания к подготовке профессиональных кадров, отвечающих приоритетным требованиям НТП.

Следует отметить, что в настоящий период в сфере образования проходит третья фундаментальная трансформация общества. Первая (материальная) случилась после появления на Земле «огня Прометея».

Вторая (энергетическая) прошла благодаря изобретению переменного тока Николой Тесла. Третья (информационная) цивилизация обязана сети «Интернет» (далее – Интернет) от Билла Гейтса. Россия – родина первооткрывателей и изобретателей первого спутника и Большой электронно-счетной машины (БЭСМ-6), на порядок опередившей по быстроте вычислений знаменитые американские IBM. Такая машина не добилась широкомасштабного внедрения своих новинок, уступила первенство США, мировому гегемону в реализации достижений НТП. Сегодня вся доменная (феодальная) власть, все правила и законы оцифрованной экономики служат Pax Americana. Россия в очередной раз кровью, жизнью своих лучших сыновей и дочерей отстаивает суверенное право на самоопределение: от Запада до Востока, от Юга до Арктики.

Как после Великой Октябрьской социалистической революции, так и сейчас в стране присутствует «кадровый голод». Сегодня это, в первую очередь, касается представителей креативного класса специалистов в области информационных технологий (далее – ИТ). Они оказались чрезвычайно востребованы в странах «золотого миллиарда» и, получив фундаментальную подготовку в российских ведущих вузах, эмигрировали. Подобные примеры хорошо известны: наши соотечественники уезжали и уезжают в США, делая эту страну великой, оставляя нам «сизифов труд» изобретателей. И все это во многом стало реальным именно из-за пробелов в системе образования и воспитания будущих поколений россиян и элиты многонациональной России государственного предназначения, а также из-за непростительно затянувшегося решения проблемных вопросов настоящего и будущего в создании креативного класса инноваторов и предпринимателей нового технологического уклада НТП.

В порядке дискуссии обозначим проблемные вопросы, требующие специального внимания и безотлагательного разрешения в интересах подготовки кадров для обеспечения устойчивого развития территорий Арктической зоны РФ.

Проблемный вопрос №1: обоснование количества, качества и уровня подготовки специалистов, требуемых для технологического прорыва

Если потребность в выпускниках медицинских вузов 300 тыс. чел., то почему из вузов выпускаются только 30 тыс. чел.? В то же время для пополнения когорты юристов требуется ежегодно 30 тыс. выпускников, но юристами становятся 300 тыс. чел. Ответ прост: кто платит, тот и заказывает специальность по личному усмотрению. При этом ценятся не столько приобретенные знания, сколько невысокая трудоемкость получения вузовского диплома в сочетании с общеизвестной престижностью самого вуза. Сегодня торжествуют рыночный критерий качества предоставляемой образовательной услуги – преподаватель глазами студента (далее – ПГС). Профессиональное сообщество не уделяет должного внимания труду педагога, жесткий «отсев» студентов за неуспеваемость ушел в прошлое. На повестке дня «бережливое производство» выпускников, умение понравиться каждому студенту превалирует над навыками подготовки высококвалифицированного специалиста. Студент, внесший плату за обучение, сразу становится важным клиентом «образовательного фастфуда», а профессор – услужливым официантом. Более того, только с таким показателем ПГС, как более 8 баллов из 10 возможных, педагог вуза материально поощряется. Постепенное снижение планки профессиональных знаний выпускника в целях поддержания «рентабельности вуза» неминуемо демотивирует желание профессионального роста у преподавателей (например, в Союзе Советских Социалистических Республик ценился не потребительский критерий ПГС удовлетворенности клиента-студента, а 15-летний педагогический стаж, который поощрялся материальной надбавкой к окладу за профессиональный рост каждые 5 лет). Умение преподавателя произвести хорошее впечатление на студентов становится в системе обучения более значимым, чем его интеллектуальный капитал. Вузовский диплом сегодня не гарантирует обязательное трудоустройство молодого специалиста.

Проблемный вопрос №2: университетский кругозор или технократический профессионализм (каких специалистов нужно готовить в первую очередь – с узкой специализацией или с широкой, универсальной)

В медицине этот вопрос решен. Есть терапевты и хирурги, окулисты, стоматологи, неврологи, урологи. В военно-полевой хирургии врач – универсальный специалист. В гражданской медицине доктор – уникальный профессионал с узкой специализацией. Концептуальное решение проблемы подготовки креативного (инновационного, предпринимательского) класса с масштабным мышлением и глубиной специальных знаний является как никогда актуальным для России. Потребуется примерно 15 лет с момента старта до охвата минимум 50 % населения и перехода на NBICS-технологии половины производственных мощностей, что

является необходимым условием попадания НТП страны в тренд шестого технологического уклада. Форсированная подготовка за более короткий промежуток времени потребует государственной поддержки и финансирования мегаобразовательного проекта на уровне космических, атомных и оборонных предприятий.

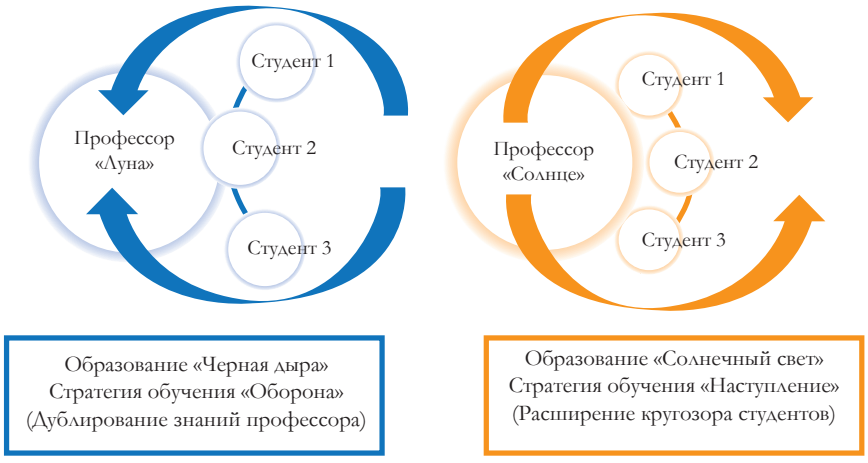
Проблемный вопрос № 3: развитие эколого-ориентированного и риск-ориентированного образования по всем направлениям подготовки кадров

В условиях современных вызовов имманентной компонентой обеспечения устойчивого развития территорий в Арктической зоне РФ являются охрана окружающей среды и обеспечение безопасности Арктического региона. В государственной документах, регулирующих вопросы обеспечения устойчивого развития и безопасности Арктической зоны РФ, России в целом, уделено значительное внимание экологическим аспектам[7–10]. Экологическая компонента отражена в перечне основных национальных интересов РФ, угроз национальной безопасности в Арктике, а также в списке целей, основных направлений и задач государственной политики РФ в Арктике. В условиях экологических и климатических рисков возникновения чрезвычайной ситуации (далее – ЧС) в Арктическом регионе гарантированной базой для устойчивого развития является система эколого- и риск-ориентированного образования с учетом экологического императива технологического развития [4; 11–13]. Человеческий фактор имеет определяющее значение при ЧС на любой стадии жизненного цикла потенциально опасных объектов техногенной сферы. Анализ современного состояния подготовки специалистов и руководителей показывает, что функционирующая система образования слабо реагирует на новые вызовы и угрозы, не дает глубокие знания и умения по минимизации экономических, техногенных, эколого-климатических, социокультурных и других рисков, по обеспечению национальной безопасности в целом. Требуется безотлагательная подготовка современных рискологически, экономически и экологически грамотных профессионалов (и руководителей) для Арктического региона РФ [2; 4].

МУЛЬТИПРЕДМЕТЫ МУЛЬТИОБРАЗОВАНИЯ: ПРИБЫЛЬ VS БЛАГОПОЛУЧИЕ

Сегодня противоборство за право на свободную, суверенную жизнедеятельность происходит на всех уровнях эксплуатации человеческой и природной энергии. Гибридно-боевые столкновения проходят одновременно на реальном, дополненном и виртуальном ТВД, который стал общепланетарным. В этой войне духа и интеллекта России нужна передовая сетецентрическая система управления (далее – СЦСУ) образованием для подготовки и воспитания кадров [14]. Сетецентрическая война – концепция ведения войны, при которой все участники боевых действий (командование, военная техника, живая сила) объединены в единую информационную сеть.

Переход на новую систему можно представить как единство в борьбе противоположностей «профессор – студент», когда конвергентная схема познания мира («Луна», Инь, познание) дополняется дивергентным мышлением студента («Солнце», Ян, действие). Многократное усиление результативности предложенной концепции в режиме реального времени даст сетецентричное управление всем процессом обучения. Качественно иной, проактивный отклик на внешние вызовы и угрозы утраты передовых позиций НТП позволит своевременно реагировать на ситуацию и принимать безотлагательные меры по предотвращению нежелательных последствий (рис.1).



Составлено А.С. Родионовым по материалам источников [6; 15]

Рис.1. Синергия знаний, искусства, мастерства, умений и навыков в системе «студент – жизнедеятельность – вуз – профессор»

Проблема мультипредметности в мультиобразовании требует постановки конкретных задач, решение которых позволит найти пути устойчивого продвижения НТП. Важно обратить особое внимание на нарушение пропорции между

знаниями учителя и ученика. В древности мудрость и знания учителя не подвергались сомнению, но, получив интернет-поддержку, ученик стал превосходить учителя по быстроте ответа на любой грамотно сформулированный вопрос. Однако в вузах продолжают излагать знания, а не умения и навыки грамотно формулировать для поисковиков запрос. Аналогично на зачетах и экзаменах проверяют и оценивают память студента, а не уровень мышления. В современных условиях необходимо учить студентов мыслить, самостоятельно формулировать задачи для решения проблемы, научить искать и находить правильные решения. В авторской парадигме новая (старая советская) идеологема названа «Инь Ян» или «Луна Солнце» в сфере образования. На фазе «Луна» студент учится, накапливает знания в библиотечной тиши вуза; на фазе «Солнце» студент продвигает свои идеи через структуру и руководство компании (выбранной во время преддипломной практики), приобретая профессиональные умения и навыки.

В рамках развития эколого- и риск-ориентированного образования на территориях Арктической зоны РФ требуется ускоренная экологизация образовательных программ по всем направлениям подготовки, которая должна подразумевать как включение в образовательные программы обязательных для изучения дисциплин в области обеспечения экологической безопасности, рационального природопользования, ресурсосбережения и управления рисками, так и экологической и рискологической компоненты (в т.ч. в программы всех дисциплин и практик, итоговой аттестации) специалитета, бакалавриата, магистратуры по различным направлениям подготовки кадров. Включение экологической компоненты в образовательные программы требует экологизации учебной и учебно-методической, научно-исследовательской и воспитательной деятельности в интересах устойчивого развития Арктического региона. Развитие эколого-ориентированного и риск-ориентированного образования требует соответствующей институциализации, необходимой для развития основных сфер обеспечения научно-образовательной деятельности (организационной, нормативно-правовой, учебно-методической, информационной, кадровой и др.). Требуются специально подготовленные кадры профессорско-преподавательского и административно-управленческого персонала, способные обеспечить развитие обозначенных сфер. Необходимы учебно-методическая и материально-техническая базы, обуславливающие возможности модернизации и реализации образовательных программ по подготовке современных эколого-ориентированных и риск-ориентированных кадров в интересах устойчивого развития Арктического региона. Важным является тот факт, что в условиях технологического развития требуются специалисты и руководители, которые могут подходить к данным проблемам системно, комплексно, многосторонне и по-современному перспективно. Необходимо обратить особое внимание на подготовку специалистов и руководителей, отвечающих за системные исследования проблем безопасности, снижения рисков ЧС и защищенности критически важных объектов [2–4].

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основная проблема в подготовке специалистов – это отсутствие периферийного зрения при глубоком фокусе только на своей локальной проблеме. Восполнить этот пробел позволяет технология «обучения действием» без отрыва от производства. Практически всегда, когда возникает потребность в широкомасштабной подготовке профессионалов для уникальных и/или новых отраслей промышленности, именно «обучение действием» дает максимально быстрый эффект образования. В советские годы реализация «обучения действием» для подготовки кадров хорошо зарекомендовала себя в системе «завод – ВТУЗ». Позднее в 1990-е гг. вузы стали заниматься коммерциализацией и в конкурентной борьбе за извлечение прибыли и самофинансирование потеснили и практически выдавили из сферы образования «фабрично-заводские университеты». Осознавая важность подготовки квалифицированных работников для своего уникального производства, крупные компании стали создавать свои собственные корпоративные университеты (далее – КУ). В России это были, как правило, программы MBA (англ. master of business administration – магистр делового администрирования) для высшего и среднего управленческого звена. В создании и реализации совместно с Московской международной высшей школой бизнеса «МИРБИС» (Институт) одной из таких программ для компании ООО «НПП „ГАРАНТ-СЕРВИС“» автор статьи, профессор А.С. Родионов принимал непосредственное участие (2000–2005 гг.). За рубежом мировую известность приобрел «Университет гамбургерологии» (Hamburger University) компании McDonald's. В Арктической зоне ярким примером эффективной ценности связи обучения с производством многие годы демонстрирует «завод-ВТУЗ» (на данный момент является структурным подразделением

Московского государственного машиностроительного университета) по обучению уникальным технологиям создания и ремонта атомных подводных лодок (далее – АПЛ) в Северодвинске.

Отсутствие «обучения действием» – не единственная проблема вузовского образования, которую нужно преодолеть в Арктическом мультиуниверситете. Не менее важным следует считать возможность интеграции ресурсов различных министерств и ведомств в едином проекте, как это было при прорыве в космос и покорении атома. В экономике знаний ведомственные барьеры тормозят НТП из-за роста иерархических уровней согласований в его организационной структуре реализации. По мнению авторов, ведомственные барьеры в первую очередь нужно разрушить в учебном процессе. Применительно к Арктическим территориям можно создать временный творческий коллектив (далее – ВТК) преподавателей и научных сотрудников из разных вузов. Кафедры экологии, экономики, социологии, культурологии и политологии станут важнейшими частями этого проекта.

К сожалению, многофакторное многомерное фазовое пространство значимых аргументов жизнедеятельности сегодня имеет только одну функцию отклика – валовой внутренний продукт (далее – ВВП), что, очевидно, не отвечает современным запросам и потребностям общества. Благополучие в авторской парадигме имеет три фазы развития, которые не противоречат экономическим теориям развития общественно-экономических формаций [6; 15]: благосостояние; благоденствие; благотворение, которые рассмотрены подробно в работах автора статьи, профессора А.С. Родионова.

В интересах развития эколого-ориентированного и риск-ориентированного образования, а также для устойчивого развития Арктического региона и обеспечения национальной безопасности РФ в условиях современных угроз и рисков предлагается использовать многофакторную ЭГОЭРГОЭКО матрицу фокуса и уровней глубины подготовки будущих выпускников Арктического Мультиуниверситета (указанная матрица разработана авторами настоящей статьи на основе работ [6; 15]) [2; 15–25].

Политический климат в экономике знаний должен отражать системообразующие условия трансформации научного наследия естествознания в конституционное благополучие общества как результат синергии естественных и гуманитарных основ цивилизации в «колбе» политической силы воли государства и социума [6; 15]. Успех или неуспех, а также реализация разработанных положений во многом зависят от политического климата в стране и в мире.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С момента зарождения цивилизации шло освоение новых территорий, морей и океанов, устанавливались границы между отдельными странами и континентами. Периодически, с завидным постоянством возникали вооруженные конфликты из-за несоблюдения государственных границ, перестающие в войны от локальных до мировых масштабов. Для защиты национальных интересов, преодоления новых вызовов, освоения технологий будущего всегда были нужны профессионалы своего дела. Арктический Мультиуниверситет призван стать полигоном для отработки новейших технологий, «кузницей кадров» для реализации нового технологического уклада в полярных условиях. Особенные климатические и географические условия развития Арктического региона диктуют потребность в уникальных людях, открытиях и технологиях жизнедеятельности.

Прологом и нарративом стартапа по созданию сетецентрического полярного университета, а также ядром и фокус-группой подготовки кадров шестого технологического уклада (2010–2060) служит история Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (далее – САФУ). САФУ совершил большой и плодотворный путь устойчивого развития, но говорить, что этот вуз полностью отвечает всем требованиям качественного прорыва в шестой технологический уклад рано.

При создании Арктического Мультиуниверситета важно учесть достижения российских научных школ, изучающих, развивающих и популяризирующих научное наследие выдающихся ученых (В.И. Вернадского Н.Д. Кондратьева, Н.И. Вавилова, Н.Н. Моисеева и др.). Такие российские научные школы являются опорой российской науки, методологическими и научно-практическими точками роста не только научных идей, знаний, но и новых научных направлений и технологий. [2]

Для развития эколого-ориентированного и риск-ориентированного образования в рамках Арктического Мультиуниверситета необходимо использовать опыт эколого-ориентированного образования, который накоплен в следующих технических университетах РФ: Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС», Воронежский государственный технический университет, Пермский

национальный исследовательский политехнический университет, Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А., Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина) и др. Значительное внимание экологическому образованию уделяется в классических университетах, среди которых можно выделить Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, Российский химико-технологический университет имени Д.И. Менделеева, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тюменский государственный университет, Государственный университет просвещения и др. Среди университетов, уделяющих особое внимание экологическому образованию, отдельно стоит отметить Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН) [2].

Более слабо обстоит дело с эколого-ориентированным образованием в нетехнических университетах: гуманитарных, экономико-управленческих, юридических и др. Среди нетехнических университетов ярким представителем в сфере эколого-ориентированного образования являлся Международный независимый эколого-политологический университет (далее – МНЭПУ), существовавший с 1992 г. по 2018 г. (одним из создателей и первым президентом МНЭПУ стал академик Н.Н. Моисеев). Одним из немногих нетехнических университетов, который в течение 25 лет по-современному решал проблемы эколого-ориентированного образования администраторов и экономистов, являлся до 2020 г. Государственный университет управления (далее – ГУУ). Инновационное эколого-ориентированное управленческое образование в ГУУ с 1994 г. до 2020 г. реализовывала кафедра управления природопользованием и экологической безопасностью (далее – УПиЭБ), являясь одной из ведущих кафедр в России в области развития и реализации концепции управленческого эколого-ориентированного образования и воспитания в интересах устойчивого развития экономики. На протяжении 25 лет (1994–2019 гг.) кафедра УПиЭБ выступала активным ядром Научной школы «Управление рисками и обеспечение безопасности социально-экономических и общественно-политических систем и природно-техногенных комплексов» (основателем и руководителем Научной школы является Заслуженный деятель науки РФ, профессор, доктор технических наук Вишняков Яков Дмитриевич) [2].

Все необходимые условия для создания современного Арктического Мультиуниверситета есть. Силу воли к его воплощению должны проявить заинтересованные лица и патриотически настроенные люди.

Библиографический список

1. Захаров М.Ю., Шишкова А.В. Управление цифровой трансформацией образования как часть китайского национального проекта общества Всеобщего Единения. *Вестник университета*. 2023;1:199–206.
2. Вишняков Я.Д., Киселева С.П. *Научная школа «Управление рисками и обеспечение безопасности социально-экономических и общественно-политических систем и природно-техногенных комплексов»: брошюра*. М.: Мир науки; 2021. 131 с.
3. Вишняков Я.Д., Радаев Н.Н. *Общая теория рисков: учебное пособие для студентов высших учебных заведений*. Москва: Академия; 2008. 368 с.
4. Вишняков Я.Д., Киселева С.П. *Экологический императив технологического развития России: научная монография*. Ростов-на-Дону: Терра; 2016. 296 с.
5. Хапров С. *Цифровой коммунизм*. М.: Московский финансово-промышленный университет «Синергия»; 2013. 184 с.
6. Родионов А.С. Экономика чрезвычайных ситуаций: от ликвидации последствий к нормальной жизнедеятельности. *Экономика. Бизнес. Банки*. 2020;2(40):9–35.
7. Российская Федерация. *Основы государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года (утв. Указом Президента РФ от 30.04.2012)*. https://base.garant.ru/70169264/?ysclid=l82zhxouhm266671989 (дата обращения: 01.06.2023).
8. Российская Федерация. *Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года (утв. Указом Президента Российской Федерации от 26 октября 2020 г. № 645)*. http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972 (дата обращения: 01.06.2023).
9. Российская Федерация. *Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19.04.2017 г. №176)*. https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71559074/?ysclid=l82zjbghxe309333833 (дата обращения: 02.06.2023).
10. Российская Федерация. *Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации»*. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/?ysclid=l82zg70tnu29822038 (дата обращения: 02.06.2023).

11. Бедрицкий А.И. Устойчивое развитие Арктической зоны Российской Федерации и климатические аспекты экологической и гидрометеорологической безопасности. *Энергетическая политика*. 2018;4:3–10.
12. Моисеев Н.Н. *Избранные труды*. М.: Тайдекс Ко; 2003. 304 с.
13. Моисеев Н.Н. *Экологический императив*. М.: МГВП КОКС; 1995. 376 с.
14. Коэльо П. *Книга воина Света*. М.: АСТ; 1997. 60 с.
15. Родионов А.С. Интеллектуальные метрики экономики нормальной жизнедеятельности. *Экономика. Бизнес. Банки*. 2021;2(52):8–23.
16. Разовский Ю.В., Савельева Е.Ю. и др. Арктический путь. *Уголь*. 2019;4(1117):36–38.
17. Семенов А.В., Разовский Ю.В., Макаркин Ю.Н. Источники формирования природного капитала Арктики. *Бурение и нефть*. 2014;12:50–53.
18. Семенов А.В., Руденко Ю.С., Разовский Ю.В. Стратегические приоритеты арктической геополитики России. *Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление*. 2014;5(11):3–10.
19. Максимова Д.Д. Устойчивое развитие Арктической зоны Российской Федерации: проблемы и перспективы. *АРКТИКА – 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения*. 2020;2(2):30–37.
20. Коданева С.И. Устойчивое развитие российской Арктики: основные направления, проблемы и перспективы. *Экономические и социальные проблемы России*. 2022;2:80–100.
21. Осипов В.И. Устойчивое развитие. Экологический аспект. *Вестник Российской академии наук*. 2019;89(7):718–727.
22. Мудрецов А.Ф., Тулупов А.С. Проблемы устойчивого развития России. *Проблемы теории и практики управления*. 2016;5:23–30.
23. Махутов Н.А. и др. Безопасность России. *Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. Человеческий фактор в проблемах безопасности: коллективная научная монография*. М.: Знание; 2008. 688 с.
24. Абросимов Н.В., Махутов Н.А., Овсяник А.И., Шустов Б.М. и др. Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. *Наука и технологии комплексной безопасности: постановка проблем: коллективная научная монография. Сводный том по выпуску 60-томной серии «Безопасность России»*. М.: Знание; 2021. 576 с.
25. Чеботарев С.С., Овсяник А.И., Родионов А.С., Юсупов Р.М. *Экономика чрезвычайных ситуаций: теория*. М. Русайнс:, 2021. 174 с.

References

1. Zakharov M.Yu., Shishkova A.V. Management of digital transformation of education as part of the Chinese national project of the Society of Universal Unity. *Vestnik universiteta*. 2023;1:199–206. (In Russian).
2. Vishnyakov Ya.D., Kiseleva S.P. *Scientific School "Risk management and security of socio-economic and socio-political systems and natural and man-made complexes": brochure*. Moscow: The World of Science; 2021. (In Russian).
3. Vishnyakov Ya.D., Radaev N.N. *General theory of risks: textbook for students of higher educational institutions*. Moscow: Academy; 2008. (In Russian).
4. Vishnyakov Ya.D., Kiseleva S.P. *Ecological imperative of technological development of Russia: scientific monograph*. Rostov-on-Don: Terra; 2016. (In Russian).
5. Khaprov S. *Digital communism*. Moscow: Moscow Financial and Industrial University "Synergy"; 2013. (In Russian).
6. Rodionov A.S. Economics of emergency situations: from elimination of consequences to normal life. Economics. Business. Banks. 2020;2(40):9–35. (In Russian).
7. Russian Federation. *Fundamentals of state policy in the field of environmental development of Russia for the period up to 2030 (approved by the Decree of the President of the Russian Federation dated 30.04.2012)*. https://base.garant.ru/70169264/?ysclid=l82zhxouhm266671989 (accessed 01.06.2023). (In Russian).
8. The Russian Federation. *The Strategy for the Development of the Arctic Zone of the Russian Federation and ensuring National Security for the period up to 2035 (approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 645 of October 26, 2020)*. http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972 (accessed 01.06.2023). (In Russian).
9. The Russian Federation. *The Strategy of environmental Safety of the Russian Federation for the period up to 2025 (approved by the Decree of the President of the Russian Federation dated 19.04.2017 no. 176)*. https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71559074/?ysclid=l82zjbghxe309333833 (accessed 02.06.2023). (In Russian).
10. Russian Federation. *Decree of the President of the Russian Federation no. 400 dated 02.07.2021 "On the National Security Strategy of the Russian Federation"*. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/?ysclid=l82zg70tnu29822038 (accessed 02.06.2023). (In Russian).
11. Bedritsky A.I. Sustainable development of the Arctic zone of the Russian Federation and climatic aspects of environmental and hydrometeorological safety. *Energy policy*. 2018;4:3–10. (In Russian).

12. Moiseev N.N. *Selected works*. Moscow: Tydex Co.; 2003. (In Russian).
13. Moiseev N.N. *Ecological imperative*. Moscow: MGVP COX; 1995. (In Russian).
14. Coelho P. *The Book of the Warrior of Light*. M.: AST Publishing House; 1997. (In Russian).
15. Rodionov A.S. Intellectual metrics of the economy of normal life. *Economics. Business. Banks*. 2021;2(52):8–23. (In Russian).
16. Razovsky Yu.V., Savelyeva E.Yu. et al. The Arctic way. *Coal*. 2019;4(1117):36–38. (In Russian).
17. Semenov A.V., Razovsky Yu.V., Makarkin Yu.N. Sources of formation of the natural capital of the Arctic. *Drilling and oil*. 2014;12:50–53. (In Russian).
18. Semenov A.V., Rudenko Yu.S., Razovsky Yu.V. Strategic priorities of Russia's Arctic Geopolitics. *Bulletin of the S.Y. Witte Moscow University. Series 1: Economics and Management*. 2014;5(11):3–10. (In Russian).
19. Maksimova D.D. Sustainable development of the Arctic zone of the Russian Federation: problems and prospects. *ARCTIC–2035: topical issues, problems, solutions*. 2020;2(2):30–37. (In Russian).
20. Kodaneva S.I. Sustainable development of the Russian Arctic: main directions, problems and prospects. *Economic and social problems of Russia*. 2022;2:80–100. (In Russian).
21. Osipov V.I. Sustainable development. Ecological aspect. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2019;89(7):718–727. (In Russian).
22. Mudretsov A.F., Tulupov A.S. Problems of sustainable development of Russia. *Problems of theory and practice of managemen*t. 2016;5:23–30. (In Russian).
23. Makhutov N.A. et al. *Security of Russia. Legal, socio-economic, scientific and technical aspects. The human factor in security problems: a collective scientific monograph*. Moscow: Znanie; 2008. (In Russian).
24. Abrosimov N.V., Makhutov N.A., Ovsyanik A.I., Shustov B.M. et al. *Security of Russia. Legal, socio-economic, scientific and technical aspects. Science and technologies of complex security: problem statement: a collective scientific monograph*. Summary volume on the release of the 60-volume series "Security of Russia". Moscow: Znanie; 2021. (In Russian).
25. Chebotarev S.S., Ovsyanik A.I., Rodionov A.S., Yusupov R.M. *Emergency economics: theory*. Moscow: Rusains; 2021. (In Russian).

РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕВОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

УДК 338 JEL F51, Q30 DOI 10.26425/1816-4277-2023-9-93-102

Трансформация топливно-энергетического комплекса для обеспечения энергетической безопасности России в эпоху санкционных ограничений

Афанасьев Валентин Яковлевич

Д-р экон. наук, зав. каф. экономики и управления в топливно-энергетическом комплексе
ORCID: 0000-0002-2151-898X, e-mail: vy_afanasyev@guu.ru

Большакова Ольга Ильинична

Канд. физ.-мат. наук, доц. каф. экономики и управления в топливно-энергетическом комплексе
ORCID: 0009-0001-0048-9729, e-mail: olgabolsh@mail.ru

Романцов Александр Алексеевич

Студент
ORCID: 0009-0007-5646-7696, e-mail: romantsov2016@bk.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

В связи с тем, что санкционный режим западных стран направлен на разрушение внешнеторговых отношений России и сдерживание экономического развития нашей страны, в статье рассмотрена возросшая значимость основных аспектов энергетической стабильности, и представлена оценка состояния энергетической безопасности Российской Федерации в совокупности с энергетической доступностью и экологической устойчивостью с помощью индекса энергетической трилеммы. Выявлен ряд актуальных проблем, возникших в топливно-энергетическом комплексе в результате санкционного воздействия. Представлена общая схема трансформации топливно-энергетического комплекса, и приводятся возможные пути решения проблем. Обоснована необходимость проведения совокупности мероприятий по трансформации топливно-энергетического комплекса, включающих в себя краткосрочные и среднесрочные меры, необходимые для обеспечения состояния энергетической безопасности и устойчивого экономического развития России.

Ключевые слова

Топливно-энергетический комплекс, санкционный режим, энергетическая безопасность, технологический суверенитет, импортозамещение, цифровизация, офсетные контракты, диверсификация путей поставок, индекс энергетической трилеммы

Для цитирования: Афанасьев В.Я., Большакова О.И., Романцов А.А. Трансформация топливно-энергетического комплекса для обеспечения энергетической безопасности России в эпоху санкционных ограничений // Вестник университета. 2023. № 9. С. 93–102.

© Афанасьев В.Я., Большакова О.И., Романцов А.А., 2023.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Transformation of the fuel and energy complex to ensure Russia's energy security in the era of sanctions restrictions

Valentin Ya. Afanasiev

Dr. Sci. (Econ.), Head of the Department of Economics and Management in the Fuel and Energy Complex
ORCID: 0000-0002-2151-898X, e-mail: vy_afanasyev@guu.ru

Olga I. Bolshakova

Cand. Sci. (Phys. and Math.), Assoc. Prof. at the Department of Economics and Management in the Fuel and Energy Complex
ORCID: 0009-0001-0048-9729, e-mail: olgabolsh@mail.ru

Alexandr A. Romantsov

Student
ORCID: 0009-0007-5646-7696, e-mail: romantsov2016@bk.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

Due to the fact that the sanctions regime of Western countries is aimed at destroying Russia's foreign trade relations and restraining the economic development of Russia, the article considers the increased importance of the main aspects of energy stability and presents a state assessment of Russian Federation energy security in conjunction with energy availability and environmental sustainability using the energy trilemma index. A number of urgent problems that have arisen in the fuel and energy complex as a result of sanctions have been identified. The general scheme of fuel and energy complex transformation is presented and possible ways of solving problems are given. The necessity of carrying out a set of measures for the transformation of the fuel and energy complex, including short- and medium-term measures necessary to ensure the state of energy security and sustainable economic development of Russia is substantiated.

Keywords

Fuel and energy complex, sanctions regime, energy security, technological sovereignty, import substitution, digitalization, offset contracts, diversification of supply routes, energy trilemma index

For citation: Afanasiev V.Ya., Bolshakova O.I., Romantsov A.A. (2023) Transformation of the fuel and energy complex to ensure Russia's energy security in the era of sanctions restrictions. *Vestnik universiteta*, no. 9, pp. 93–102.

© Afanasiev V.Ya., Bolshakova O.I., Romantsov A.A., 2023.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

Топливно-энергетический комплекс (далее – ТЭК), в соответствии с Доктриной энергетической безопасности России, является основой энергетики, вносит существенный вклад в обеспечение энергетической безопасности и занимает одну из ключевых позиций в формировании экономики нашей страны [1]. Доля ТЭК в валовом внутреннем продукте (далее – ВВП) России в последние годы была около 25 %, а в связи с уменьшением спроса и низкими ценами на углеводороды из-за пандемии коронавирусной инфекции в 2020 г. составила 20,8 % [2].

Происходящие с 2014 г. события делают ТЭК Российской Федерации (далее – РФ) заложником геополитических изменений, сопровождающихся появлением новых угроз не только для устойчивого развития и существования организаций ТЭК, но и для состояния энергетической безопасности РФ. Основное внимание санкций направлено на нефтегазовые компании, осуществляющие экспортные поставки углеводородного сырья за рубеж.

Санкционный режим обозначил необходимость оперативного внедрения новых механизмов в режим функционирования и развития ТЭК РФ для обеспечения устойчивости энергетической системы по ключевым направлениям деятельности в современных условиях. Содействие в принятии решений может оказать объективная оценка энергетического положения России с использованием методики Мирового энергетического совета.

ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ НА ОСНОВЕ ПРИМЕНЕНИЯ ИНДЕКСА МИРОВОГО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОВЕТА

Мировой энергетический совет применяет комплексный индекс энергетической трилеммы (англ. World energy trilemma index, далее – МЭТИ) для определения состояния энергетической устойчивости различных стран в глобальной системе на основе показателей энергетической безопасности, энергетического равенства (доступности) и экологической устойчивости. Индекс показывает, насколько хорошо каждая страна справляется с энергетической трилеммой, и отражает совокупный эффект энергетической политики, проводимой с течением времени. Основные положения МЭТИ представлены в табл. 1.

Таблица 1

Основные положения индекса энергетической трилеммы

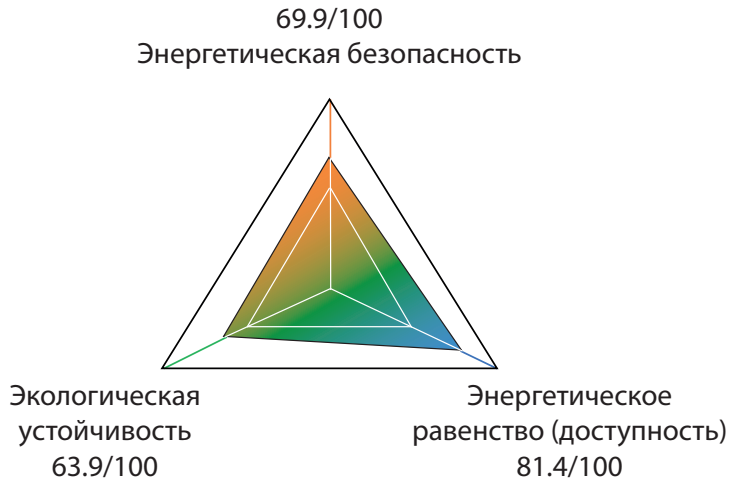
Показатели индекса энергетической трилеммы		
Энергетическая безопасность	Энергетическое равенство (доступность)	Экологическая устойчивость
Определяет возможности конкретной страны в области удовлетворения текущего и будущего спроса на энергию	Выявляет способности страны в обеспечении беспрерывного доступа к недорогостоящей энергии	Определяет результативность энергетической системы в предотвращении нанесения потенциального ущерба окружающей среде
Оценка, применяемая для определения энергетической устойчивости страны		
Класс	Ранг (позиция)	Счет
A (25 % лучших стран); B (от 25 % до 50 %); C (от 50 % до 75 %); D (от 75 % до 100 %) Первая буква отражает энергетическую безопасность Вторая – энергетическую справедливость Третья – экологическую устойчивость	1 – лучший показатель 125 – худший	100 – лучший результат 0 – худший

Составлено авторами по материалам источника [3]

Согласно документу, представленному Мировым энергетическим советом в 2022 г. (по данным с 1998 г. по 2021 г.), Россия занимает 29 позицию в рейтинге МЭТИ (рис. 1) и обладает следующими показателями, которые расшифровываются с использованием табличных данных: сбалансированная оценка

по классу – ABC, оценка по счету – 69.6, ранг – 29 [4]. Класс ABC позволяет сделать вывод об устойчивом положении России среди 25 % лучших стран в области обеспечения энергетической безопасности, а энергетическое равенство (доступность) РФ находится в диапазоне между 25 % и 50 %, следуя за лидерами.

Наблюдается отставание по показателю экологической устойчивости, однако общая характеристика оценивается положительно. Позиция по рангу и счету свидетельствует о вхождении РФ в перечень энергетически наиболее устойчивых стран.



Составлено авторами по материалам источника [4]

Рис. 1. Параметры России в рейтинге World energy trilemma index 2022 (отражающим данные с 1998 г. по 2021 г.)

Используемая методика анализа, особенности различных стран и современное состояние нестабильности не позволяют в полной мере с помощью индекса энергетической трилеммы объективно оценивать и сравнивать устойчивость, а также надежность энергетических систем стран. Даже в документе, представленном Мировым энергетическим советом (далее – Совет) в 2022 г., говорится о готовности Совета переосмыслить методологию сбора данных и анализа показателей энергетической трилеммы. Кроме того, в отчете Совета указано, что, например, в 2021 г. использовалась пересмотренная с 2019 г. методология для расчета показателей [3]. При этом отмечается, что использование усовершенствованной методологии привело к созданию нового набора относительных рейтингов эффективности, подкрепленных анализом исторических тенденций, и подчеркивается, что результаты, публикуемые из года в год, напрямую несопоставимы из-за изменений в методологии.

Тем не менее полезность индекса неоднократно находила реальные подтверждения. Так, публикация МЭТИ в 2021 г. на основе данных предыдущих лет показала, что в части оценки энергетической безопасности индекс либо снижался, либо стагнировал в большинстве стран мира. Получается, что ценовой мировой энергетический кризис 2021 г. был связан с тем, что в большинстве стран не уделяли достаточного внимания такому важному показателю, как энергетическая безопасность, а сосредотачивались на экологических аспектах энергетического перехода.

Поэтому при решении проблем энергетики России на современном этапе необходимо так выбирать пути трансформации ТЭК и меры государственной поддержки, чтобы не допустить серьезных ухудшений, а по возможности способствовать сбалансированным улучшениям по основным направлениям индекса энергетической трилеммы [5].

Например, необходимо учитывать и стремиться к сбалансированности по основным направлениям МЭТИ при разработке и реализации проектов использования возобновляемых источников энергии на удаленных территориях, проектов водородной энергетики, при утилизации отходов для решения задач энергообеспечения из биоресурсов (учитывая экологические преимущества биогаза в сравнении с традиционным бензином и дизельным топливом), а также при отборе проектов для поддержки импортозамещения оборудования, в частности, заключая офсетные контракты. Особую значимость имеет социальная газификация, положительно влияющая на состояние энергетической безопасности, на экологическую устойчивость и энергетическую доступность.

Следует отметить соответствие Доктрины энергетической безопасности России основным положениям МЭТИ [1]. Стратегический документ объединяет все необходимые для обеспечения устойчивой и конкурентоспособной энергетики факторы. В целях сохранения и улучшения показателей устойчивости энергетической системы среди остальных стран необходимо осуществлять модернизацию ТЭК России, учитывая проблематику и определяя наиболее приоритетные направления деятельности при трансформации ТЭК на современном этапе.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЭК РОССИИ

Перечень санкционных ограничений по отношению к России зафиксирован в 2014 г. Регламентом Совета Европейского союза (далее – ЕС) №833/2014 [6]. Впоследствии ограничения были усилены Постановлением Совета ЕС 2022/428 от 15 марта 2022 г., в соответствии с которым применяется запрет на участие зарубежного капитала в отечественных нефтегазодобывающих компаниях, включая предоставление российским предприятиям займов и кредитов [7]. Постановлением Совета ЕС 2022/2367 от 3 декабря 2022 г. список ограничений был дополнен установлением предельной цены за баррель российской нефти, перевозимой по морю, с 5 декабря 2022 г. и запретом на импорт российских нефтепродуктов, превышающих ценовой потолок, с 5 февраля 2023 г. [8].

Постановление Совета ЕС 2022/576 запрещает продавать, передавать или экспортировать на территорию РФ любые товары и технологии, пригодные для сжижения природного газа, вне зависимости от страны происхождения [9]. Применяемые против России санкции ограничивают финансовые операции между банками, в связи с этим японский консорциум Mitsui и JOGMEC, владеющий 20 % долей в проекте «Арктик СПГ-2», заморозил инвестиции, а французская компания Total Energies прекратила предоставлять капитал, оставив ПАО «НОВАТЭК» проект с китайскими фирмами «CNPC» и «CNOOC». Предприятия по производству сжиженного природного газа (далее – СПГ) в процессе строительства приобретали преимущественно технику западных стран, включая компрессоры Siemens, теплообменники Linde и турбины Baker Hughes [10]. Сформировавшийся санкционный режим ограничивает доступ российских производств к западному оборудованию, усиливая вызовы реализации проектов по производству крупнотоннажного СПГ. Несмотря на это, ПАО «НОВАТЭК» уже обладает патентом на технологию крупнотоннажного сжижения, позволяющую использовать оборудование российских производителей [11].

Санкции вносят коррективы в структуру нефтесервисного рынка России. В 2021 г. 82 % приходилось на российские компании, среди которых доля подразделений ВИНК (вертикально интегрированная нефтяная компания) составляла 48 %. А зарубежные компании, такие как Schlumberger, Weatherford, Baker Hughes и Halliburton, привлекающиеся отечественными организациями ТЭК для удовлетворения потребностей в высокотехнологичном оборудовании, занимали 18 % нефтесервисного рынка [12]. В 2022 г. большинство этих компаний покинули отечественный рынок, при этом компания Schlumberger продолжила свою деятельность, увеличив число сотрудников в российском подразделении на 70 чел., а также выручку на рынке России и Центральной Азии в третьем квартале 2022 г. на 25 % по сравнению с предыдущим кварталом [13]. Однако основная задача отрасли заключается в развитии собственных технологий.

Тенденция снижения влияния западных компаний на нефтесервис повышает потребность в координации деятельности данной отрасли ТЭК. Упорядоченное взаимодействие отечественных нефтесервисных компаний с научно-исследовательскими институтами и органами власти позволит выявлять наиболее актуальные потребности и находить пути решения проблем, а также создавать собственную концепцию стандартов и сертификации, которая впоследствии вытеснит созданную совместно с недружественными странами систему. Такой подход будет способствовать импортозамещению в оборудовании и развитию российских технологий.

Анализ проблем, связанных со снижением экспорта и невозможностью мгновенно заместить высокотехнологичную продукцию западных компаний, показывает необходимость в комплексной трансформации ТЭК России, которая позволит ускорить темпы адаптации отрасли и обеспечить устойчивое экономическое развитие нашей страны.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЭК РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Санкционный режим обозначил ряд наиболее острых проблем ТЭК России, способных оказывать негативное влияние на состояние энергетической безопасности страны [14]. Эффективное воздействие на вызовы возможно осуществлять, применяя комплекс мероприятий по трансформации ТЭК в новых условиях существования. Такой комплекс должен учитывать концепцию энергетической устойчивости, применяемую в мировой практике, и включать совершенствование нормативно-правовой базы, оптимизацию транспортных и логистических цепей поставок, площадки формирования промышленных заказов, поступающих от нефтегазовых и энергетических компаний, а также обеспечивать централизованный доступ к современным технологиям на базе единовременного внедрения элементов автоматизации и цифровой трансформации ТЭК.

Общая схема трансформации ТЭК для обеспечения энергетической безопасности в условиях жестких санкционных ограничений представлена на рис. 2, где в качестве примера координации деятельности представителей бизнеса, науки и органов власти показан Индустриальный центр компетенций (далее – ИЦК). В число таких ИЦК входит «Нефтегаз, нефтехимия и недропользование», более подробная информация о котором будет приведена далее.

В качестве индикатора, отражающего состояние устойчивости энергетической системы, выше уже рассматривался показатель МЭТИ, используемый Международным энергетическим советом. Экспертная оценка данного показателя производится на основании статистических данных, способствующих выявлению наиболее актуальных сценариев развития энергетики в различных странах и регионах. МЭТИ представляет совокупность фундаментальных аспектов энергетической устойчивости (табл. 1), необходимых для высокоэффективного функционирования ТЭК. Взаимосвязь элементов трансформации ТЭК РФ позволяет выделить приоритетные направления развития, необходимые для достижения технологического суверенитета и снижения негативного влияния на экологию.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 2. Общая схема трансформации ТЭК

Эффективным механизмом трансформации ТЭК в современных условиях является развитие внутреннего рынка углеводородного сырья, сопровождающееся увеличением использования природного газа на территории России (рис. 2). Снижение экспортных поставок голубого топлива по магистральным газопроводам обозначило необходимость модернизации используемой ранее модели развития газовой отрасли и существенного увеличения потребления газа на внутреннем рынке, учитывая важность применения СПГ на удаленных от единой системы газоснабжения территориях, для автономной газификации и в качестве газомоторного топлива, которое является более экологичным, в отличие от нефтепродуктов, характеризующихся высоким уровнем выброса диоксида углерода в атмосферу. Дорожная карта по развитию рынка малотоннажного СПГ и газомоторного топлива в РФ на период до 2035 г. предполагает увеличение суммарной мощности малотоннажных объектов производства СПГ и расширение количества объектов газозаправочной инфраструктуры. Так, например, ООО «Аврора СПГ» строит на территориях опережающего развития Дальнего Востока два завода по производству СПГ, которые планирует ввести в 2023–2025 гг. В среднесрочных планах компании намечаются строительство малотоннажных комплексов СПГ общей производительностью 227 тыс. т в год, создание сети криогенных заправочных станций и реализация проектов автономной газификации на СПГ [15]. Реализация перспективных проектов с использованием отечественного оборудования позволит увеличить доступность СПГ на территории России, газифицировать остро нуждающиеся регионы и нарастить экспортные поставки в зарубежные страны, что окажет положительное влияние на все основные аспекты МЭТИ, включая энергетическую доступность и экологическую устойчивость России.

В условиях современного санкционного режима, сократившего возможности импорта продукции и технологий на территорию России, для реализации механизмов трансформации ТЭК необходимо активнее использовать рабочие группы, состоящие из представителей бизнеса, науки и органов власти. В настоящее время в условиях жестких санкционных ограничений сопровождение реализации особо значимых проектов по импортозамещению программных продуктов осуществляется на площадке АНО «Цифровая экономика». Правительством РФ определены приоритетные отрасли для поддержки разработки отраслевых решений, создан и работает комплекс из 35 ИЦК, контролируемый отраслевыми

комитетами [16]. В число таких ИЦК входит «Нефтегаз, нефтехимия и недропользование» (отраслевой комитет – Нефтегазовый и угольный комплекс). Центры специализируются на определении приоритетных направлений в области разработки современных отечественных программных продуктов. Совместная работа в рамках ИЦК позволяет выработать унифицированные требования, формировать заказы и постепенно снижать долю импорта в стратегически значимых отраслях экономики. Так, в рамках деятельности ИЦК «Нефтегаз, нефтехимия и недропользование» в «первую волну» импортозамещения сформировано около 50 приоритетных проектов, 28 проектов получили статус особо значимых.

Цифровая трансформация способна влиять на повышение эффективности взаимодействия компаний ТЭК, предприятий из смежных с ним отраслей и органов государственной власти, а также совершенствовать производственные процессы, снижая риски аварийности, негативного влияния на окружающую среду, и может положительно сказываться на стоимости производимой продукции, то есть способствовать улучшению показателей энергетической доступности, экологической устойчивости и в целом благоприятствовать развитию экономики страны [17; 18].

Представляется целесообразным более активно заключать на взаимовыгодных условиях для государства и бизнеса офсетные контракты, предусматривающие инвестирование в модернизацию существующей и создание новой отраслевой инфраструктуры со стороны частного сектора с предельно минимальным риском, поскольку государство гарантирует предоставление долгосрочных контрактов на закупку товаров и услуг. Применение таких механизмов позволяет ускоренными темпами развивать проекты по импортозамещению, стимулируя развитие отечественных технологий.

В сложившейся ситуации особую значимость представляет решение логистических проблем наряду с диверсификацией путей поставок преимущественно в дружественные страны. Ограничения, введенные в 2022 г., стимулируют переориентацию маршрутов транспортировки углеводородного сырья с Европейского региона на Дальневосточный, однако относительно низкие темпы модернизации Восточного полигона не позволяют оперативно перенаправить все грузовые потоки. Прогнозные данные ОАО «Российские железные дороги», свидетельствуют о том, что в 2024 г. провозная способность Восточного полигона составит 180 млн т, но этого недостаточно для полноценного транзита стремительно увеличивающихся объемов поставок в Азиатско-Тихоокеанском направлении, учитывая транспортировку значительных объемов угля по железной дороге в Китай [19]. В связи с этим активизируются темпы расширения железнодорожного полотна и рассматриваются способы увеличения доли перевозимой сельскохозяйственной и другой продукции. В частности, Министерством транспорта РФ в 2023 г. принято решение об использовании речных портов Красноярска и Лесосибирска для последующей перевозки угля через акваторию Северного морского пути [20]. Данное решение позволит разгрузить сухопутные транспортные коридоры, но это в очередной раз подчеркивает востребованность строительства собственных судостроительных верфей на территории России для совершенствования флота. Морские перевозки становятся крайне востребованными и позволяют в короткий срок перенаправлять грузовые потоки, не дожидаясь завершения строительства сухопутной транспортной инфраструктуры.

Объемы государственного финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (далее – НИОКР) имеют привязку к ВВП, соответственно, темпы научных исследований и разработок зависят от экономического положения России. Разрешение накопившихся проблем в области НИОКР возможно с помощью увеличения инвестирования со стороны государства. На состоявшемся в апреле 2023 г. заседании Государственного Совета РФ предложили увеличить отчисления на проведение НИОКР в 2024 г. до 1,5 % ВВП и нарастить ежегодные объемы финансирования до 3 % к 2030 г. [21]. Увеличение вложений должно способствовать развитию современных высокотехнологичных производств, позволит вовлекать в работу частный сектор, способный оказывать поддержку центрам фундаментальных исследований [22]. Серьезную поддержку в развитии НИОКР окажут комплексные научно-технические проекты, в том числе «Нефтехимический кластер», который позволит разрабатывать и выпускать на рынок готовую высокотехнологичную продукцию, соответствующую экологическим нормам и способную заместить импортные товары, объединяя интересы государства, науки и бизнеса. «Нефтехимический кластер» получит из бюджета около 20 %, остальное финансирование обеспечат внебюджетные средства, однако планируемый годовой оборот продукции сможет значительно превзойти уровень затрат из бюджета и принести в бюджет более 16 млрд руб. к 2030 г. [23]. При этом необходимо, чтобы при выделении средств из бюджета для реализации такого рода проектов и при предоставлении

субсидий на НИОКР, как и при других формах государственной поддержки, учитывалось возможное влияние на энергетическую безопасность России в совокупности с энергетической доступностью и экологической устойчивостью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная эпоха санкционных ограничений способна оказать негативное влияние на основные аспекты устойчивости энергетической системы России, представляющей собой взаимосвязь энергетической безопасности, доступности энергии и экологической устойчивости.

На текущем этапе в центре внимания находится состояние энергетической безопасности, оказывающее непосредственное влияние на предоставление бесперебойного доступа к надежным и недорогим источникам энергии для всех потребителей, а также на обеспечение способности энергетической системы снижать уровень негативного воздействия на экологию, предотвращая потенциальные последствия изменения климата.

Скоординированная работа по представленным в данной статье направлениям трансформации ТЭК позволит сформировать условия, необходимые для обеспечения энергетической устойчивости и будет способствовать решению сложных проблем, стоящих перед ТЭК России.

Библиографический список

1. Министерство энергетики Российской Федерации. *Доктрина энергетической безопасности Российской Федерации*. https://minenergo.gov.ru/node/14766 (дата обращения: 30.05.2023).
2. Министерство энергетики Российской Федерации. *Коллегия Минэнерго России 2021*. https://minenergo.gov.ru/node/20322 (дата обращения: 30.05.2023).
3. World Energy Council. *World Energy Trilemma Index*. https://trilemma.worldenergy.org/reports/main/2022/World%20Energy%20Trilemma%20Index%202022.pdf (дата обращения: 28.05.2023).
4. World Energy Council. *WEC Trilemma: country profile*. https://trilemma.worldenergy.org/#!/country-profile?country=Russia&year=2022 (дата обращения: 25.05.2023).
5. Гостева А.О., Серегина А.А. Влияние климатической повестки на развитие топливно-энергетического комплекса России. *Вестник университета*. 2023;1(6):48–57. https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-6-48-57
6. An official website of the European Union. *Council Regulation (EU) no. 833/2014*. https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2014/833/oj (дата обращения: 01.06.2023).
7. An official website of the European Union. *Council Regulation (EU) no. 2022/428*. https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32022R0428 (дата обращения: 01.06.2023).
8. An official website of the European Union. *Council Regulation (EU) no. 2022/2367*. https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32022R2367 (дата обращения: 01.06.2023).
9. An official website of the European Union. *Council Regulation (EU) no. 2022/576*. https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/576/oj (дата обращения: 02.06.2023).
10. ЦДУ ТЭК. Р*оссийское оборудование для заводов СПГ*. https://www.cdu.ru/tek_russia/issue/2022/4/1012/ (дата обращения: 02.06.2023).
11. Коммерсант. *НОВАТЭК получил патент на усовершенствованную СПГ-технологию «Арктический каскад»*. https://www.kommersant.ru/doc/5928379 (дата обращения: 05.06.2023).
12. VYGON Consulting. *Нефтесервисный рынок России*. https://vygon.consulting/products/issue-1952/ (дата обращения: 03.06.2023).
13. Reuters. *SLB wins Russia business as oilfield rivals exit after Ukraine invasion*. https://www.reuters.com/markets/commodities/slb-wins-russia-business-oilfield-rivals-exit-after-ukraine-invasion-2023-01-19/ (дата обращения: 02.06.2023).
14. Пыхов П.А. Топливно-энергетический комплекс России в условиях санкционных ограничений. *Московский экономический журнал*. 2022;2:147–157.
15. Интерфакс. *«Аврора СПГ» планирует ввести заводы в Приморском и Хабаровском краях в 2023–2025 гг*. https://www.interfax.ru/business/896695 (дата обращения: 05.06.2023).
16. Роспатент. *Сформировано 35 индустриальных центров компетенций по замещению зарубежных отраслевых цифровых продуктов и решений*. https://rospatent.gov.ru/ru/news/35-industrialnyh-centrov-11072022 (дата обращения: 10.06.2023).
17. Балашова А.Д., Большакова О.И. Влияние цифровизации бизнеса на коэффициент извлечения нефти и повышение эффективности деятельности нефтегазовых компаний. *Вестник университета*. 2019;(5):73–79. https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-5-73-79

18. Байкова О.В., Громыко Е.О. Эффекты цифровой трансформации в нефтегазовом комплексе. *Вестник университета*. 2021;(6):77–81. https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-6-77-81
19. ОАО «Российские железные дороги». *Восточный полигон – Транссиб и БАМ*. https://cargo.rzd.ru/ru/9787/page/103290?id=19722#main-header (дата обращения: 07.06.2023).
20. Коммерсант. *Минтранс РФ планирует экспорт угля через красноярские порты по Севморпути*. https://www.kommersant.ru/doc/5825147 (дата обращения: 07.06.2023).
21. ТАСС. *На заседании Госсовета предложили увеличить финансирование НИОКР до 3% ВВП к 2030 году*. https://tass.ru/ekonomika/17445509 (дата обращения: 07.06.2023).
22. Линник В.Ю., Линник Ю.Н. Барьеры на пути инновационного развития научно-исследовательских организаций нефтегазодобывающей отрасли. *Вестник университета*. 2018;(12):37–42. https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-12-37-42
23. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. *КНТП «Нефтехимический кластер»*. https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/nauka/53692/ (дата обращения: 08.06.2023).

References

1. Ministry of Energy of the Russian Federation. *Energy Security Doctrine of the Russian Federation*. https://minenergo.gov.ru/node/14766 (accessed 30.05.2023). (In Russian).
2. Ministry of Energy of the Russian Federation. *Board of the Ministry of Energy of Russia 2021*. https://minenergo.gov.ru/node/20322 (accessed 30.05.2023). (In Russian).
3. World Energy Council. *World Energy Trilemma Index*. https://trilemma.worldenergy.org/reports/main/2022/World%20Energy%20Trilemma%20Index%202022.pdf (accessed 28.05.2023).
4. World Energy Council. *WEC Trilemma: country profile*. https://trilemma.worldenergy.org/#!/country-profile?country=Russia&year=2022 (accessed 25.05.2023). (In Russian).
5. Gosteva A.O., Seregina A.A. The impact of the climate agenda on the fuel and energy complex development in Russia. *Vestnik universiteta*. 2023;1(6):48–57. (In Russian). https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-6-48-57
6. An official website of the European Union. *Council Regulation (EU) No. 833/2014*. https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2014/833/oj (accessed 01.06.2023).
7. An official website of the European Union. *Council Regulation (EU) No. 2022/428*. https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32022R0428 (accessed 01.06.2023).
8. An official website of the European Union. *Council Regulation (EU) No. 2022/2367*. https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32022R2367 (accessed 01.06.2023).
9. An official website of the European Union. Council Regulation (EU) No. 2022/576. https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/576/oj (accessed 02.06.2023).
10. CDU TEK. *Russian equipment for LNG plants*. https://www.cdu.ru/tek_russia/issue/2022/4/1012/ (accessed 02.06.2023). (In Russian).
11. Kommersant. *NOVATEK received a patent for an improved Arctic Cascade LNG technology*. https://www.kommersant.ru/doc/5928379 (accessed 05.06.2023). (In Russian).
12. VYGON Consulting. *Russian oilfield services market*. https://vygon.consulting/products/issue-1952/ (accessed 03.06.2023). (In Russian).
13. Reuters. *SLB wins Russia business as oilfield rivals exit after Ukraine invasion*. https://www.reuters.com/markets/commodities/slb-wins-russia-business-oilfield-rivals-exit-after-ukraine-invasion-2023-01-19/ (accessed 02.06.2023).
14. Pykhov P.A. Fuel and energy complex of Russia under sanctions restrictions. *Moscow Economic Journal*. 2022;2:147–157. (In Russian).
15. Interfax. *Aurora LNG plans to commission plants in the Primorsky and Khabarovsk Territories in 2023-2025*. https://www.interfax.ru/business/896695 (accessed 05.06.2023). (In Russian).
16. Rospatent. *35 industrial competence centers have been formed to replace foreign industrial digital products and solutions*. https://rospatent.gov.ru/ru/news/35-industrialnyh-centrov-11072022 (accessed 10.06.2023). (In Russian).
17. Balashova A.D., Bolshakova O.I. Influence of business digitalization on the oil recovery factor and improving the efficiency of the oil and gas companies activity. *Vestnik universiteta*. 2019;(5):73–79. (In Russian). https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-5-73-79
18. Baykova O.V., Gromyko E.O. Effects of digital transformation in the oil and gas complex. *Vestnik universiteta*. 2021;(6):77–81. (In Russian). https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-6-77-81
19. JSC "Russian Railways". *Eastern polygon – Trans-Siberian and BAM*. https://cargo.rzd.ru/ru/9787/page/103290?id=19722#main-header (accessed 07.06.2023). (In Russian).

20. Kommersant. T*he Ministry of Transport of the Russian Federation plans to export coal through the ports of Krasnoyarsk along the Northern Sea Route*. https://www.kommersant.ru/doc/5825147 (accessed 07.06.2023). (In Russian).
21. TASS. *At a meeting of the State Council, it was proposed to increase funding for R&D to 3% of GDP by 2030*. https://tass.ru/ekonomika/17445509 (accessed 07.06.2023). (In Russian).
22. Linnik V., Linnik Y. Barriers to innovative development of research organizations oil and gas industry. *Vestnik universiteta*. 2018;(12):37–42. (In Russian). https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-12-37-42
23. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. *KSTP "Petrochemical Cluster"*. https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/nauka/53692/ (accessed 08.06.2023). (In Russian).

УДК 338.45 JEL O33 DOI 10.26425/1816-4277-2023-9-103-112

Цифровизация российской промышленности: состояние и перспектива развития в условиях санкций и ограничений

Вагин Сергей Геннадьевич

Д-р экон. наук, проф., советник при ректорате
ORCID: 0000-0003-4328-8713, e-mail: Vsg63@hotmail.com

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

В статье представлена оценка основных статистических показателей, связанных с эффективностью роста промышленного производства в различных регионах России за последние несколько лет. Также рассматривается включение цифровых достижений в контекст негативных последствий недавней пандемии и санкций на производство промышленных предприятий. Исследование посвящено применению цифровых технологий в промышленном производстве России в нескольких регионах при текущих обстоятельствах и потенциале их будущего развития. Введение содержит обзор научной литературы экономистов и исследователей, занимающихся вопросами промышленного производства и цифровизации. В этом разделе также излагаются цели и задачи исследования. Цель исследования – изучить текущее состояние роста промышленного производства в российских регионах в зависимости от развития региональной экономики в условиях санкций. Проведена оценка показателей промышленного роста основных экономических показателей деятельности промышленных предприятий. Также было проведено изучение методов и исследователей, внесших вклад в рассмотрение этого вопроса как на национальном, так и на международном уровне. В статье учитывались показатели, иллюстрирующие рост российского промышленного производства и его региональные вариации, а также оценивающие применение цифровых технологий в промышленном производстве. В заключении статьи на основе проведенных научных работ и обзора литературы исследователей, изучавших данную проблему, был подведен итог. Суть этого вывода предполагает, что реорганизация промышленного производства на уровне регионального управления должна продолжаться в обозримом будущем. Дополнительно составлен долгосрочный прогноз развития промышленного производства.

Ключевые слова

Регионы, промышленное производство, экономика, региональные стратегии, производительность, валовой внутренний продукт (ВВП), цифровые инновации

Для цитирования: Вагин С.Г. Цифровизация российской промышленности: состояние и перспектива развития в условиях санкций и ограничений // Вестник университета. 2023. № 9. С. 103–112.

© Вагин С.Г., 2023.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Digitalization of Russian industry: the state and prospects of development in the conditions of sanctions and restrictions

Sergey G. Vagin
Dr. Sci. (Econ.), Prof., Advisor to the Rector's Office
ORCID: 0000-0003-4328-8713, e-mail: Vsg63@hotmail.com

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

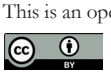
The article presents an assessment of the main statistical indicators related to the efficiency of industrial production growth in various regions of Russia over the past few years. The inclusion of digital achievements in the context of the negative consequences of the recent pandemic and sanctions on the production of industrial enterprises is also considered. The research is devoted to the application of digital technologies in industrial production in Russia in several regions under current circumstances and the potential of their future development. The introduction contains an overview of the scientific literature of economists and researchers dealing with industrial production and digitalization. This section also outlines the goals and objectives of the study. The purpose of the study is to study the current state of industrial production growth in Russian regions, depending on the development of the regional economy under sanctions. The assessment of industrial growth indicators of the main economic indicators of industrial enterprises is carried out. There was also a study of methods and researchers who contributed to the consideration of this issue both at the national and international level. The article considered indicators illustrating the growth of Russian industrial production and its regional variations, as well as evaluating the use of digital technologies in industrial production. At the conclusion of the article, based on the scientific work carried out and a review of the literature of researchers who studied this issue, the result was summed up. The essence of this conclusion suggests that the reorganization of industrial production at the level of regional management should continue in the foreseeable future. Additionally, a long-term forecast for the development of industrial production has been compiled.

Keywords

Regions, industrial production, economy, regional policy, efficiency, gross domestic product (GDP), digital technologies

For citation: Vagin S.G. (2023) Digitalization of Russian industry: the state and prospects of development in the conditions of sanctions and restrictions. *Vestnik universiteta*, no. 9, pp. 103–112.

© Vagin S.G., 2023.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).



ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе уже созданы предпосылки для внедрения в российское промышленное производство PLM-систем, больших данных (англ. Big Data) и т.п. Вследствие цифровизации возникает возможность оперативной обработки и передачи огромных массивов данных, которые отцифровываются и обрабатываются в достаточно короткие сроки. Глобализация финансового и производственного секторов привела к глобализации стандартов, внедрению единых методик в отношении экономической системы ресурсов и к вовлечению в производство всех заинтересованных лиц (в первую очередь покупателей промышленной продукции). Среди революционных подходов необходимо отметить переход промышленного производства к новым материалам, к изменяющейся инфраструктуре, к использованию цифровых технологий и пр.

Чтобы оценить применение новых технологических процессов в промышленном производстве необходимо сначала изучить существующее состояние промышленного сектора России. В этом анализе в качестве оценочного показателя будут использоваться данные Федеральной службы государственной статистики. Несмотря на геополитические и экономические проблемы, с которыми Россия столкнулась в период с 2005 г. по 2021 г., обзор развития промышленных предприятий за этот период времени отражает положительные темпы роста годового выпуска конечной продукции.

Примечательно, что значительный промышленный рост, превышающий 5 %, был отмечен в 32 российских регионах. Этот всплеск во многом объясняется интеграцией изобретательских технологий в производственные процессы. Однако эволюция экономического прогресса в новом тысячелетии не смягчает спорные вопросы прошлого и не исключает потенциальных будущих конфликтов.

Эффективная эволюция промышленного производства была предметом углубленных исследований таких зарубежных ученых, как Л. Вальрас, А. Вебер, Р. Кантильон, В. Лаундхарт, А. Леш, В. Леонтьев, Дж. Локк, Т. Мальтус, К. Маркс, Дж. Стюарт, Дж. Б. Сэй, Дж. Тунен, М. Фридман, Т. Хегерстанд, П. Гейне, Э. Хекшер и др. Их глубокий вклад оказал большое влияние на теорию систематического выявления особенностей субъектов и регионов [1].

Среди выдающихся отечественных исследователей, внесших значительный вклад в эту область, можно назвать И.Г. Александрова, А. Арбатова, А.Г. Гранберг, Н.И. Дорогова, Н.Д. Кондратьева, В.А. Лисичкина, Т.Г. Морозову, Н.Н. Некрасова, В.С. Немчинова, А.С. Новоселова, А.Е. Пробст, С.П. Проханова, Р.И. Шнипера и др. [2].

В частности, это касается методов анализа факторов, существенно влияющих на формирование эффективного промышленного производства в различных экономических условиях [3].

Актуальность темы исследования определяется вышеуказанными аспектами, а также обозначает цель и задачи данной работы.

Целью проведенного исследования выступает изучение уровня развития промышленных предприятий в российских регионах в условиях санкций.

В соответствии с указанной целью в настоящем исследовании поставлены и решены следующие задачи:

– проведена оценка уровня развития современных промышленных предприятий в российских регионах в сложившихся экономических условиях;

– предложены мероприятия по трансформации региональной промышленности к более эффективному развитию.

Предметом исследования являются организационно-экономические отношения и процессы организации промышленных предприятий в разрезе регионов.

Объектом исследования являются промышленные предприятия в российских регионах как основа национальной экономики.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

При запуске научного исследования решающее первоначальное внимание должно быть сосредоточено на определении масштабов и географических регионов, где цифровая трансформация оказывает влияние в рассматриваемом секторе. Это критическое исследование направлено на то, чтобы выяснить, как и где отрасли используют цифровые достижения. Такие результаты служат руководством при определении объема расследования и при формулировании эффективного подхода к исследованию.

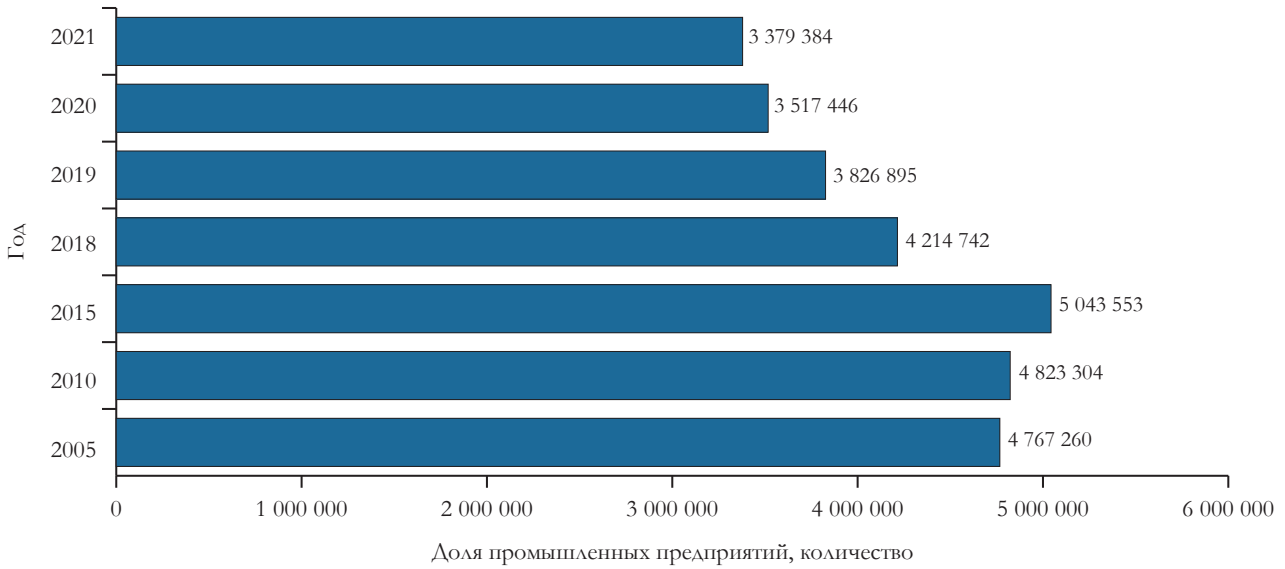
В ходе исследования автор обнаружил, что в достаточно широком спектре из 63 различных регионов активно реализуются инициативы по цифровой трансформации, начатые примерно в 1990 г. Хотя этот факт имеет существенное значение, жизненно важным начальным шагом является тщательное проведение оценки промышленного производства на огромных просторах России. Это предварительное исследование обеспечит инклюзивную основу для понимания текущей динамики и прогнозирования преобладающих тенденций, связанных с цифровой трансформацией.

Первый этап исследования был посвящен изучению изменений в количественном объеме зарегистрированных промышленных предприятий на территории Российской Федерации (далее – РФ) с 2005 г. по настоящее время. Эта углубленная оценка была основана на содержательных статистических данных, которые достоверно отражают точку трансформации, прошедшую в течение длительного периода [1].

Среди нескольких ключевых индикаторов, лаконично характеризующих динамику роста промышленного производства, важное место занимает индекс предпринимательской уверенности. Этот важнейший индикатор действует как составной маркер, который рисует более широкую картину настроений в секторе, лежащих в основе прогнозирования тенденций роста и развития. Функция этого индекса выходит далеко за рамки простого представления необработанных цифр; такая функция отражает коллективную уверенность и оптимизм предпринимателей изучаемого сектора.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ПО РОССИИ

В настоящей статье был проведен сравнительный анализ, чтобы сопоставить индекс предпринимательской уверенности за исследуемый период в России с его аналогами в различных других странах. Целью данного сравнительного исследования является определение направленных движений, которые могут быть либо положительными, обозначающими рост и прогресс, либо отрицательными, указывающими на потенциальный нисходящий тренд или препятствия. Благодаря такому сравнительному подходу можно четко наблюдать и понимать тонкие нюансы эволюции промышленного производства и его взаимодействия с цифровой трансформацией в пределах России [2].



Составлено автором по материалам источника [1]

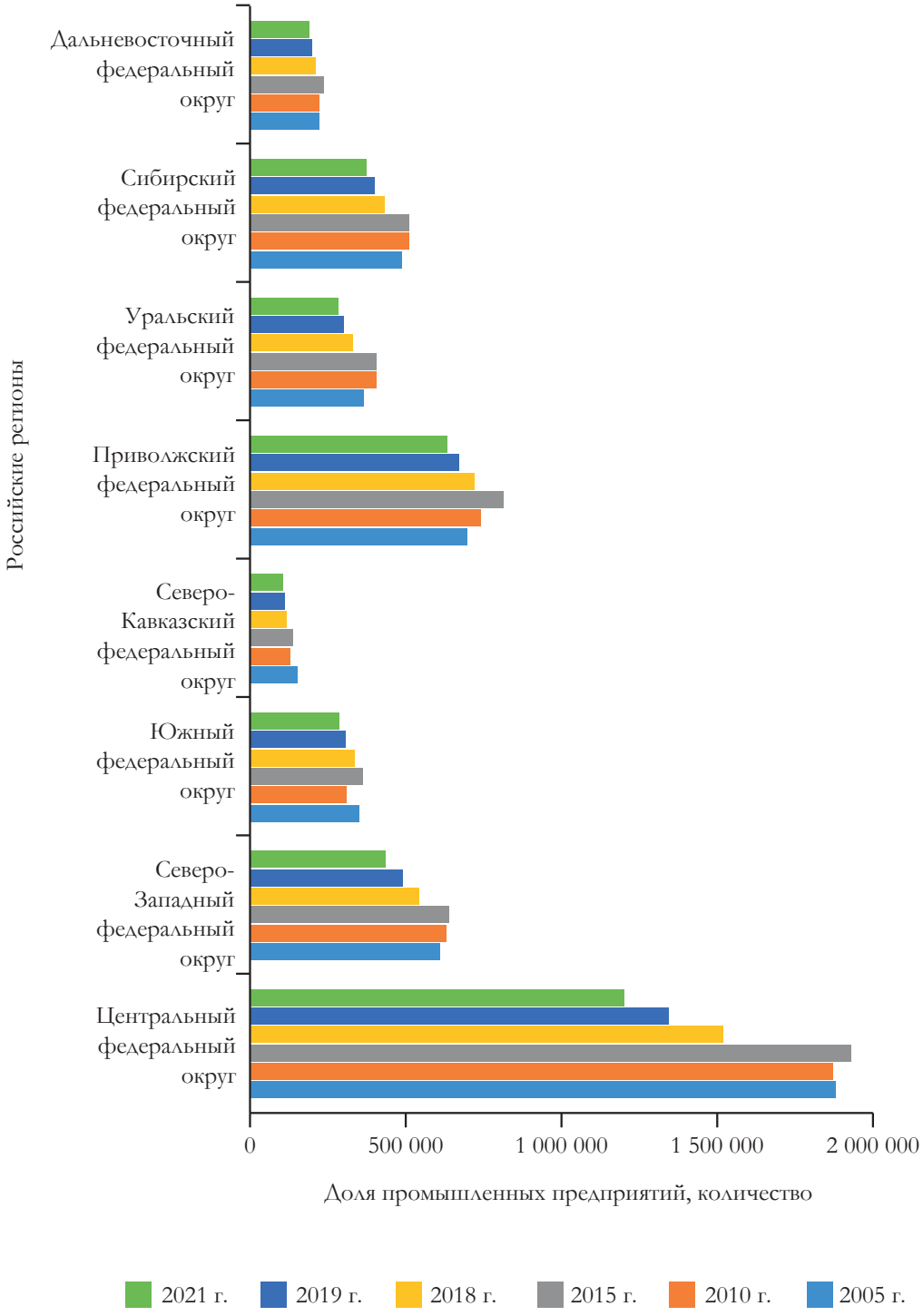
Рис. 1. Динамика промышленных предприятий по России

При детальном рассмотрении диаграммы данных, в частности рис. 1, можно сделать неоспоримый вывод: начиная с 2015 г. и по настоящее время наблюдается последовательное и существенное снижение количества действующих на территории России промышленных предприятий. Этот факт подтверждается данными, которые ясно показывают, что за тот же период наибольшее количество промышленных предприятий получило официальную регистрацию.

Если углубиться в статистику, то можно обнаружить, что за последние полвека произошло не только сокращение числа действующих и зарегистрированных промышленных предприятий. Также наблюдаются

явные отклонения и дифференциация в росте и концентрации этих отраслей на огромном пространстве российской территории.

При первом просмотре этих данных можно предположить, что промышленные предприятия распределены равномерно. Однако при рассмотрении рис. 2, выясняется, что развитие и концентрация промышленности совсем не однородны, и между регионами существуют значительные различия. Становится очевидно, что такие факторы, как географическое расположение, местные экономики, региональные промышленные стратегии, доступность ресурсов и др., оказались влиятельными в формировании промышленного ландшафта России.



Составлено автором по материалам источника [2]

Рис. 2. Динамика количества промышленных предприятий по российским регионам

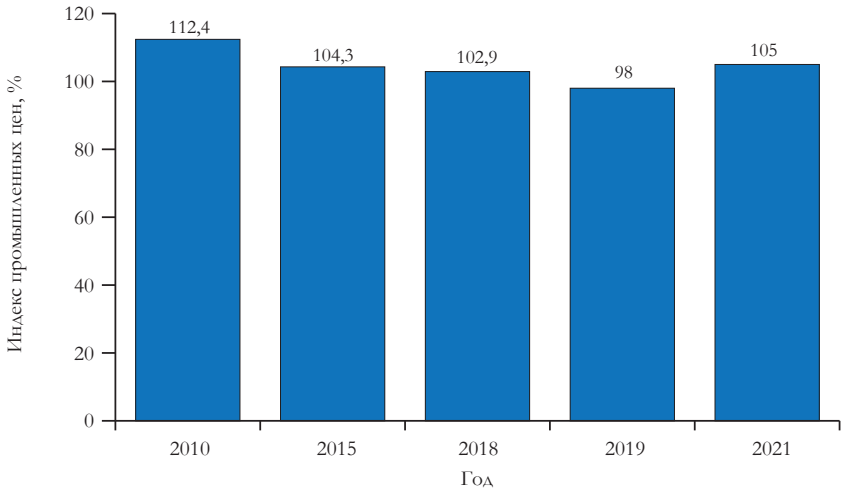
Исследования промышленного сектора России показали, что Центральный федеральный округ является средоточием наибольшего числа промышленных предприятий. Количество промышленных предприятий в этом округе превосходит другие районы, что способствует быстрому росту не только экономических, но и других ключевых социальных структур в этом округе.

Напротив, по количеству промышленных предприятий Северо-Западный федеральный округ отстает от всех остальных федеральных округов. Исследование показало, что это число постоянно уменьшалось по мере того, как период исследования подходил к концу. Следовательно, местным властям крайне важно переключить свое внимание на инициирование новых промышленных проектов, направленных на увеличение количества промышленных предприятий.

Важно помнить, что промышленный прогресс связан не только с изменениями в предпочтениях потребителей, но и вызван более глубокими преобразованиями. Они охватывают такие аспекты, как инновации, глобализация, изменения окружающей среды и различные другие факторы, влияющие на функционирование отрасли.

Прогнозы аналитиков и специалистов указывают на значительную трансформацию промышленного рынка к 2030 г. Такие характеристики, как вертикальная интеграция, цифровизация и агрессивное стремление к лидерству, будут определять сектор. Эта трансформация будет стимулировать рост промышленных предприятий, что еще больше повысит конкурентоспособность на мировой арене [3].

Для завершения исследования учитывается индекс промышленного производства, как показано на рис. 3. Эта мера имеет немаловажное значение для установления современного состояния отрасли с учетом стоимости товаров и услуг, выпускаемых этими промышленными предприятиями.



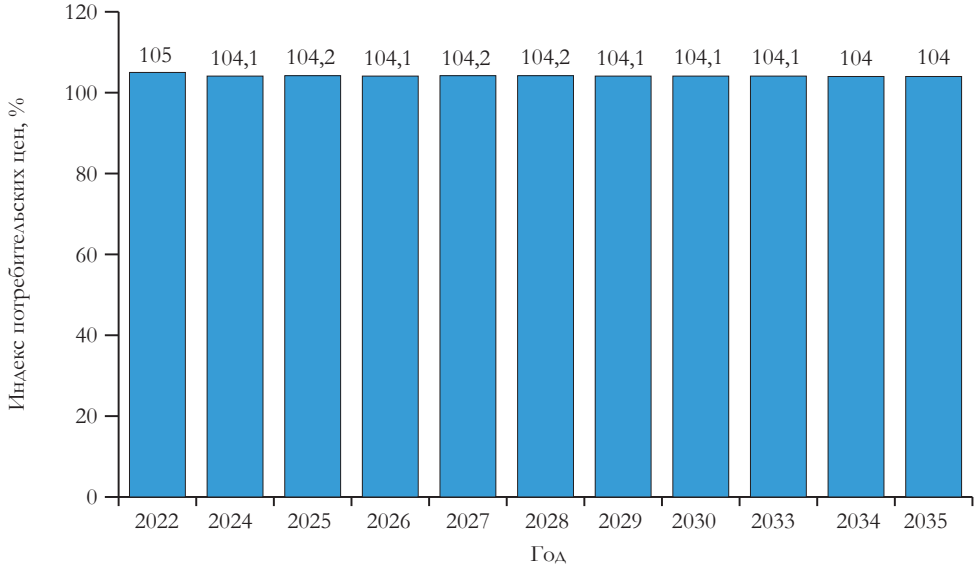
Составлено автором по материалам источника [3]

Рис. 3. Динамика индекса промышленных цен

Индекс производства, как уже отмечалось, служит относительным показателем, отражающим сложные изменения в промышленном производстве всех видов товаров за установленный период времени. Показатель индекса производства выходит за рамки простого наблюдения за общей тенденцией роста или снижения уровня производства, поскольку выявляет также изменения в его составных элементах. Это оказывается особенно полезным при оценке роста производительности в конкретных секторах, таких как производство товаров или услуг [4].

Ряд предприятий начали использовать гибкие и децентрализованные структуры, что позволяет применять операционные модели, основанные на прогнозах до 2030 г. Такая стратегия позволяет компаниям более эффективно приспосабливаться к предстоящим рыночным перестановкам за счет разработки более точных и усовершенствованных моделей бизнес-планирования. Это не только повышает эффективность работы таких моделей, но и гарантирует постоянный рост в будущем.

Ссылаясь на данные, представленные на рис. 2, был выполнен дальновидный прогноз с использованием сведений Министерства экономического развития РФ. Также были учтены колебания, связанные с интеграцией различных инноваций и цифровых технологий в производственные процессы, как показано на рис. 4. Все это способствовало более точной оценке потенциальных тенденций и изменений в производстве, что имеет решающее значение для стратегического планирования и принятия решений на производстве.



Составлено автором по материалам источника [5]

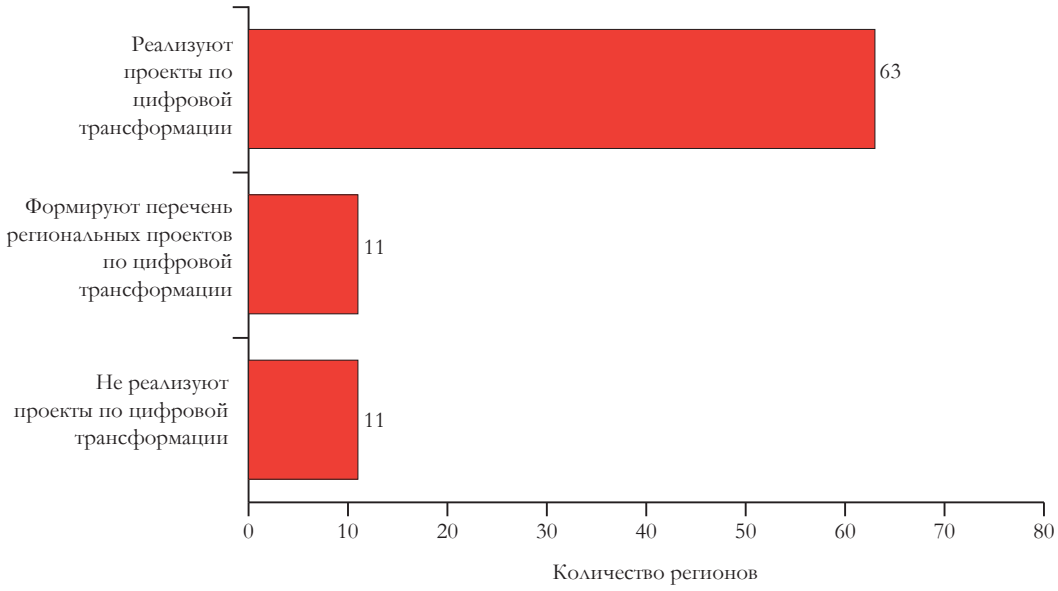
Рис. 4. Динамика прогнозного значения индекса потребительских цен и тарифов на товары и услуги промышленного производства

При глубинном анализе индекса потребительских цен и тарифов на товары и услуги в сферах промышленного производства на региональной основе можно отметить обнадеживающие и положительные тенденции. Это наблюдение основывается на данных, собранных за первый квартал 2022 г.

В частности, значительные темпы роста отмечаются в определенных областях и районах. К ним относятся Москва, Самарская область, Иркутская область, Свердловская область, а также федеральный город Санкт-Петербург. Все эти регионы показали впечатляющие результаты с увеличением индексов потребительских цен и тарифов на товары и услуги в своих промышленных секторах [3].

ИЗУЧЕНИЕ РЕГИОНОВ, ВНЕДРЯЮЩИХ И ПРИМЕНЯЮЩИХ ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

В дополнение к вышеизложенному, было бы уместно рассмотреть вопрос интеграции цифровых технологий в региональное промышленное производство. В частности, следует рассмотреть степень применения цифровых технологий в различных областях. На рис. 5 отражено количественное выражение этой интеграции, что служит визуальным представлением таких динамичных региональных объемов.

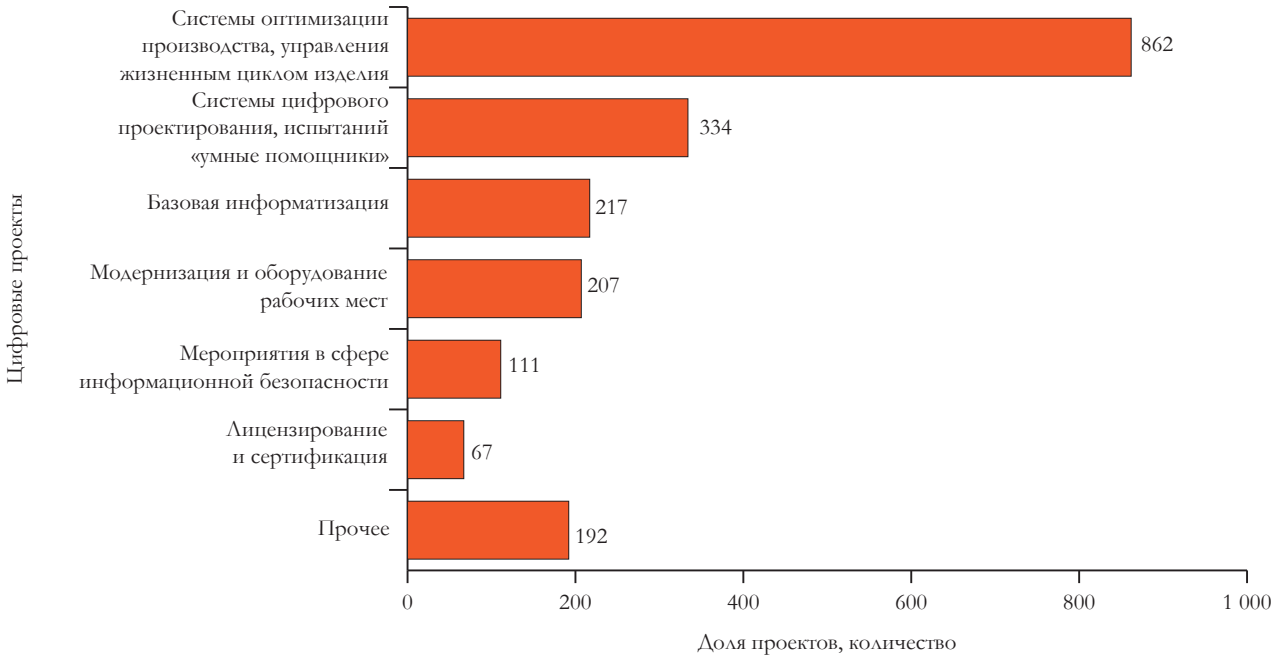


Составлено автором по материалам источника [6]

Рис. 5. Объемы регионов, внедряющих и применяющих цифровые технологии

В большинстве субъектов РФ активно используются технологии цифровой трансформации в промышленном секторе. При этом в 63 таких регионах в настоящее время реализуются 1 990 цифровых проектов. Этот факт говорит о том, что технологии будущего уже сегодня становятся неотъемлемой частью развития отечественной промышленности.

Чтобы получить обобщенное представление, следует обратиться к рис. 6. Эта диаграмма показывает распределение проектов по различным сферам. Данная диаграмма позволяет выявить, в каких областях применение цифровых технологий наиболее активно и результативно.



Составлено автором по материалам источника [6]

Рис. 6. Объемы цифровых проектов, внедренных в промышленные предприятия

Наибольшее количество проектов задействовано в системе оптимизации производства, управления жизненным циклом изделия, а также сфера базовой информатизации расположилась на втором месте.

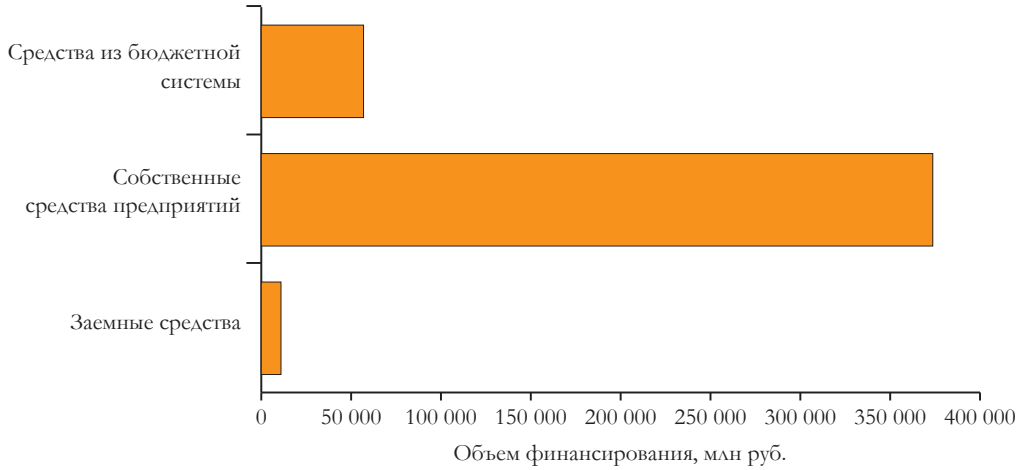
Если говорить о финансовых аспектах этих проектов, было выделено 430,620 млн руб. на их реализацию. Это крупная сумма, которая подтверждает важность и актуальность данной сферы деятельности в современных условиях. Очевидно, что без полноценного использования цифровых технологий и информатизации трудно оставаться конкурентоспособным на рынке.

ОБЪЕМЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ ПРОЕКТОВ ЦИФРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Рассмотрим, как было распределено финансирование проектов по цифровой трансформации. На рис. 7 можно наблюдать соответствующий пример. Анализ объемов финансирования позволяет более четко понимать, какие именно проекты получили большую часть инвестиций, и какие приоритеты установлены в цифровой трансформации в настоящее время.

Очевидно, что промышленные предприятия активно работают над созданием собственных ресурсов для содействия интеграции цифровых технологий в свои производственные процессы. Данные, представленные на рис. 7, демонстрируют, что доля бюджетного финансирования и заемного капитала не имеет существенного веса в этом переходном периоде. Это иллюстрирует самостоятельные шаги данных фирм на пути к вступлению в цифровую эпоху, не зависящие при этом от внешних финансовых источников.

Рассматривая экономические показатели промышленного производства в различных регионах России, обнаруживается прямая связь с отраслевыми показателями производства. Эта связь существенно влияет на общую динамику показателей отраслевой статистики, меняясь по-разному в зависимости от этих показателей. В сущности, эффективность каждой отдельной отрасли напрямую влияет на совокупное описание промышленной деятельности по всей стране [7].



Составлено автором по материалам источника [2]

Рис. 7. Объемы финансирования проектов цифровых трансформаций

Ожидается, что внедрение цифровых инструментов и процессов существенно повысит эффективность и развитие российского промышленного сектора. Благодаря использованию цифровизации отрасли имеют возможность оптимизировать свою деятельность, улучшить эффективность и впоследствии расти.

Тем не менее на пути к цифровизации производственных процессов есть свои препятствия. Одним из таких препятствий является традиционалистский подход, очевидный в некоторых секторах. Не все отрасли одинаково хотят или готовы принять этот глубокий сдвиг. Они демонстрируют тенденцию придерживаться устаревших методов и технологий, которые потенциально могут препятствовать общему прогрессу на пути к цифровой трансформации.

Следовательно, хотя переход к цифровым технологиям кажется неизбежным, нежелание, проявляемое некоторыми секторами, может замедлить его темпы. Чтобы эти незаинтересованные отрасли полностью осознали обширный потенциал цифровой трансформации, им крайне важно избавиться от своих традиционалистских идеологий и принять изменения и инновации. Этот прогресс имеет решающее значение для того, чтобы они сохранили свою значимость и конкурентоспособность в этой быстро развивающейся промышленной среде.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обширный российский рынок предоставляет значительные возможности для интеграции передовых цифровых технологий в промышленный сектор страны. Исследования выявили ключевую проблему, сдерживающую развитие промышленного бизнеса в регионах, а именно – отсутствие стабильных поставок сырья, необходимого для производственного процесса.

На основе собранных данных Министерства экономического развития РФ прогнозируется снижение индекса потребительских цен и тарифов со 105 до 104 к 2035 г. В настоящее время принимаются меры для решения этих проблем, при этом в ближайшем будущем ожидается возобновление поставок сырья и комплектующих через альтернативные логистические пути или самообеспечение внутренними ресурсами.

Для успешной интеграции цифровых технологий в процесс промышленного производства крайне важно установить национальные стандарты внедрения информационных технологий и искусственного интеллекта.

Стоит отметить, что, несмотря на относительно скромный размер российского промышленного цифрового рынка и очевидные проблемы, было бы некорректно преуменьшать потенциал России в этой области. Автор статьи считает, что из-за огромных размеров страны в сочетании с ее богатыми природными ресурсами потенциал России по интеграции цифровых технологий в ее промышленное производство вполне может быть одним из самых значительных в мире.

Главное значение в этом контексте отводится государственной поддержке цифровизации. Еще одним приоритетом является усиление содействия для промышленных регионов, прежде всего, в плане обеспечения необходимым оборудованием российского промышленного производства, лишившегося регулярных поставок сырья и различных комплектующих. Это требует развития внутреннего производства для сохранения стандартных промышленных процедур.

Библиографический список

1. Грачев С.А. Анализ взаимосвязи отдельных параметров цифровизации и устойчивого развития национальных особенностей. *Вопросы инновационной экономики*.2022;12(1):45–56.
2. Нормова Ю.В. Неоднородность регионального технологического пространства Российской Федерации. *Вопросы инновационной экономики*. 2022;12(1):463–478.
3. Логачева Н.А. Модель оценки уровня цифровой трансформации региона. *Региональная экономика: теория и практика*. 2022;1(496):88–110.
4. Мельников Р.М. Влияние экономических, социальных и экологических факторов на удовлетворенность жизнью в российских регионах. *Региональная экономика: теория и практика*. 2022;20-3(3):424–450.
5. Горовой А.А., Шлафман А.И. Концепция развития интегрированных предпринимательских инноваций. *Перспективы науки*. 2014;6(57):21–24.
6. Заборовская О.В. *Развитие региональной экономики: потенциал активизации туристской деятельности. Медиа, демократия, рынок в современном обществе*. СПб: Астерион; 2012. С.75–83.
7. Огородникова Е.П., Андреева Н.В., Политкова Е.С. Противодействие финансовому терроризму. В сб.: *Совершенствование инженерно-технического обеспечения производственных процессов и технологических систем. Материалы национальной научно-практической конференции с международным участием*. Оренбургский государственный аграрный университет; 2022. С. 197–200.

References

1. Grachev S.A. Analysis of the relationship between individual parameters of digitalization and sustainable development of national characteristics. *Issues of innovative economy*. 2022;12(1):45–56. (In Russian).
2. Normova Yu.V. Heterogeneity of the regional technological space of the Russian Federation. *Issues of innovative economy*. 2022;12(1):463–478. (In Russian).
3. Logacheva N.A. Model for assessing the level of digital transformation of the region. *Regional economy: theory and practice*. 2022;1(496):88–110. (In Russian).
4. Melnikov R.M. The influence of economic, social and environmental factors on life satisfaction in Russian regions. *Regional economy: theory and practice*. 2022;20-3(3):424–450. (In Russian).
5. Gorovoy A.A., Shlafman A.I. The concept of development of integrated entrepreneurial innovations. *Prospects of Science*. 2014;6(57):21–24. (In Russian).
6. Zaborovskaya, O.V. *Development of the regional economy: the potential of tourist activity activation. Media, democracy, market in modern society*. St. Petersburg: Asterion; 2012. (In Russian).
7. Ogorodnikova E.P., Andreeva N.V., Politkova E.S. Countering financial terrorism. In: *Improving engineering and technical support of production processes and technological systems. Materials of the national scientific and practical conference with international participation*. Orenburg: Orenburg State Agrarian University; 2022. Pp. 197–200. (In Russian).

УДК 338 JEL O32 DOI 10.26425/1816-4277-2023-9-113-122

Обеспечение технологической независимости компаний нефтегазовой отрасли с использованием патентной аналитики на примере компаний-производителей сжиженного природного газа

Волков Андрей Тимофеевич[1]

Д-р экон. наук, проф. каф. управления инновациями и коммерциализации интеллектуальной собственности
ORCID: 0000-0002-2743-9991, e-mail: a.volkov@rgiis.ru

Шепелев Роман Евгеньевич[2]

Канд. экон. наук, ст. преп. каф. проектного менеджмента и управления качеством
ORCID: 0000-0002-8284-915X, e-mail: Shepelevroman@gmail.com

[1]Российская государственная академия интеллектуальной собственности, г. Москва, Россия

[2]Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

В статье анализируются технологическое развитие нефтегазовой отрасли Российской Федерации в условиях международных санкций, а также направления развития технологий и производства оборудования. Целью статьи является определение путей достижения технологического суверенитета компаниями отрасли. В качестве метода выбора направления технологического развития рассматривается использование патентной статистики и построения патентных ландшафтов. Объектом исследования выступают нефтегазовые компаний России, при этом основное внимание уделяется компаниями по производству и распределению сжиженного природного газа. Предметом исследования выступает применение патентной статистики в качестве инструмента выявления тенденций и направлений технологического развития отрасли. Результатом исследования стало определение лидеров отрасли и наиболее перспективных направлений исследований в области средств и способов транспортировки сжиженного природного газа, методов его сжижения или отверждения, а также оборудования для хранения. В статье сделаны выводы о наиболее перспективных технологиях и патентных трендах, таких как создание мобильных заводов по производству сжиженного природного газа, включая строительство собственного флота газовозов и плавучих заводов по сжижению газа для обеспечения доступа к инфраструктуре шельфовых и небольших морских месторождений. Кроме того, для быстрого освоения новых рынков сбыта предложено использование плавучих терминалов для его регазификации. Изучены подходы по оценке инновационной активности и конкурентоспособности компаний.

Ключевые слова

Технологическое развитие, технологический суверенитет, нефтегазовая отрасль, инновации, СПГ, патентная аналитика

Для цитирования: Волков А.Т., Шепелев Р.Е. Обеспечение технологической независимости компаний нефтегазовой отрасли с использованием патентной аналитики на примере компаний-производителей сжиженного природного газа // Вестник университета. 2023. № 9. С. 113–122.

© Волков А.Т., Шепелев Р.Е., 2023.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Ensuring the technological independence of oil and gas companies using patent analytics on the example of companies producing liquefied natural gas

Andrey T. Volkov[1]

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Innovation Management and Commercialization of Intellectual Property Department
ORCID: 0000-0002-2743-9991, e-mail: a.volkov@rgiis.ru

Roman E. Shepelev[2]

Cand. Sci. (Econ.), Senior Lecturer at the Department of Project Management and Quality Management
ORCID: 0000-0002-8284-915X, e-mail: Shepelevroman@gmail.com

[1]Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia

[2]Saint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russia

Abstract

The article analyzes technological development of the oil and gas industry in Russian Federation under international sanctions, as well as the directions of technology development and equipment production. The article purpose is to identify ways to achieve technological sovereignty in the industry. Patent statistics and construction of patent landscapes is considered as a method of choosing the direction of technological development. The study object is Russian oil and gas companies, while the main attention is paid to companies producing and distributing liquefied natural gas. The study subject is application of patent statistics for identifying trends and directions of technological development of the industry. The study result is determination of industry leaders, and the most promising areas of research in the field of means and methods of liquefied natural gas transportation, methods of its liquefaction or curing, as well as storage equipment. The article draws conclusions about the most promising technologies and patent trends, such as the creation of mobile plants for production of liquefied natural gas , including the construction of its own fleet of gas carriers and floating plants for the gas liquefaction to provide access to the infrastructure of offshore fields. In addition, for rapid development of new markets, the use of floating terminals for regasification is proposed. Approaches to assessing the innovation activity and competitiveness of companies have been considered.

Keywords

Technological development, technological sovereignty, oil and gas industry, innovations, LNG, patent analytics

For citation: Volkov A.T., Shepelev R.E. (2023) Ensuring the technological independence of oil and gas companies using patent analytics on the example of companies producing liquefied natural gas. *Vestnik universiteta*, no. 9, pp. 113–122.

© Volkov A.T., Shepelev R.E., 2023.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

До недавнего времени многие технические и технологические проблемы, которые возникали у отечественных предприятий, включая компании нефтегазовой отрасли, решались за счет применения импортных технологий, оборудования и материалов. Например, в 2014 г. доля импортного оборудования в нефтегазовом комплексе составляла 60 % [1]. При этом преимущественно импортировалось высокотехнологичное оборудование, не имеющее в Российской Федерации (далее – РФ) аналогов, для добычи углеводородов в Арктике, на глубоководном шельфе, для освоения трудноизвлекаемых месторождений, а также для производства сжиженного природного газа (далее – СПГ). Принимая во внимание скрытый импорт, происходящий при предоставлении услуг российскими филиалами международных компаний, доля импортированного оборудования и технологий достигает 80 %, а доля импортированного программного обеспечения составляет 90 % [2].

Учитывая, что для России нефтегазовая отрасль продолжает играть определяющую роль в стабилизации экономической ситуации и в обеспечении конкурентоспособности государства на мировом энергетическом рынке, несмотря на все геополитические возмущения, в статье рассмотрены вопросы технологического развития и достижения технологического суверенитета применительно к компаниям нефтегазовой отрасли, в том числе за счет использования патентной статистики.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ

Данные, представленные Федеральной таможенной службой, позволяют проанализировать воздействие изменившихся международных условий на внешнюю торговлю РФ. Санкции, которые ввел ряд недружественных стран в 2022 г. на поставки товаров (технологий, материалов, техники и оборудования) в Россию, оказались чувствительными, с возможным нарастанием проблем в среднесрочной перспективе по мере физического износа промышленного оборудования [3]. «Основной вклад в снижение импорта по итогам 2022 г. внесли три товарные позиции: средства наземного транспорта, электрические машины и оборудование, а также котлы и механическое оборудование, импорт которых снизился в прошлом году соответственно на 41,5 %, 19,1 % и 13,1 %» [3].

В разрабатываемой в соответствии с поручением президента России В.В. Путина Концепции технологического развития России до 2030 г. будут «определены цели, задачи и принципы, направленные на достижение технологического суверенитета России, а также ключевые показатели эффективности технологического развития» [4].

Интеллектуальная собственность в общем и объекты патентных прав в частности являются связующим звеном между инновациями и конкурентоспособностью компании, в том числе качеством, техническим уровнем и конкурентоспособностью выпускаемой продукции (техники, оборудования, материалов и др.).

В настоящее время нефтегазовая отрасль (добыча, переработка и сбыт углеводородов) содействует социально-экономическому развитию регионов страны, а также смежных отраслей промышленности. Степень развития сопряженных отраслей характеризуется показателем мультипликации, который в развитых странах составляет 1,6–2,4. В России «нефтегазовый» мультипликатор равен 1,9, что соответствует уровню нефтедобывающих промышленно развитых стран [5; 6]. Это свидетельствует о том, что для достижения более высокого уровня мультипликатора необходимо уделять большее внимание развитию других отраслей экономики.

Для оценки уровня инновационного развития нефтегазовых компаний применяется широкий перечень показателей. К примеру, одним из показателей, который может быть использован для определения инновационного лидерства среди нефтегазовых компаний, является «Абсолютные затраты на исследования и разработки (R&D)».

Таблица 1

Затраты на исследования и разработки

Наименование компании	Затраты компаний, млн долл. США									
	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	Итого
Petrochina	2 302	2 124	1 886	2 645	1 825	2 132	2 269	2 285	2 596	20 064

Окончание табл. 1

Наименование компании	Затраты компаний, млн долл. США									
	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	Итого
ExxonMobil	1 044	971	1 008	1 058	1 063	1 116	1 214	1 016	843	9 333
Shell	1 318	1 222	1 093	1 014	922	986	962	907	815	9 239
Petrobras	1 129	1 103	617	526	573	646	576	357	563	6 090
ПАО «НК „Роснефть“»	728	864	587	300	512	513	463	356	367	4 690
ПАО «Газпром»	526	521	505	435	277	217	297	280	334	3 392

Составлено авторами по материалам источников [7–12]

Из табл. 1 видно, что за период 2013–2021 гг. наибольшие абсолютные затраты на выполнение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (далее – НИОКР) были у фирмы Petrochina – более 20 млрд долл. США. Отечественные компании занимают средний уровень финансирования исследований и разработок, затраты находятся в диапазоне 300–500 млн долл. США ежегодно. Такие нефтегазовые компании могут использовать в качества ориентира показатели китайской компании Petrochina, которая достигла впечатляющих результатов в инновационной сфере за короткий период времени. С начала 2015 г. ежегодное количество патентов, получаемых компанией, составляет более 2 000 ед., что заметно превышает показатели Shell и ExxonMobil, которые являются одними из лидеров в отрасли.

Таблица 2

Количество получаемых объектов патентных прав в нефтегазовых компаниях

Наименование компании	Количество получаемых объектов патентных прав, шт. в год									
	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	Итого
Petrochina	1 847	1 550	2 505	2 315	2 292	2 848	2 717	2 784	1 983	20 458
ExxonMobil	1 445	1 191	1 481	1 268	1 273	1 004	919	928	832	10 979
Shell	882	841	1 134	1 124	1 183	695	482	356	443	7 701
ПАО «Газпром»	152	125	155	167	193	208	191	201	391	1 557
Petrobras	59	81	77	97	54	60	67	90	121	649
ПАО «НК „Роснефть“»	28	34	36	51	52	38	17	35	54	301

Составлено авторами по материалам источников [13; 14]

В соответствии с информацией, приведенной в табл. 2, можно отметить, что Petrochina является лидером по получению патентов с 2015 г. ПАО «Газпром» и Petrobras имеют значительно меньше патентов, чем лидеры отрасли. При этом в 2021 г. ПАО «Газпром» увеличила количество патентов до 391.

СЖИЖЕННЫЙ ПРИРОДНЫЙ ГАЗ КАК ДРАЙВЕР РАЗВИТИЯ

Потребление природного газа в среднесрочной перспективе (10–20 лет) будет продолжать расти, а роль СПГ в будущем энергетическом балансе мира будет только увеличиваться [15]. Прогнозируется, что к 2040 г. спрос на СПГ достигнет 790 млн т при увеличении его доли до 52 % к 2035 г. [16]. С учетом этих факторов создание новых мощностей для производства СПГ является критически важным. Значительным является отсутствие ограничения Европейского союза (далее – ЕС). Например, Испания импортировала больше всего СПГ из России, увеличив закупки на 84 % с 24 февраля 2022 г. При этом в январе и феврале 2023 г. этот показатель вырос на 172 % [17]. Однако необходимо учитывать потенциальные риски и экологические последствия производства и использования СПГ, а также продолжать научные исследования по развитию более экологически чистых источников энергии.

Для увеличения экспорта СПГ Россия планирует значительно расширить мощности по производству, транспортировке и хранению СПГ. В каждом СПГ-проекте принимала участие зарубежная компания (в качестве лицензиара технологии и/или поставщика оборудования). Однако с учетом новых ограничений на поставку в РФ необходимого оборудования и для решения этих проблем нужны совместные усилия отечественных производителей и государства. Так, для достижения этих целей политический деятель А.В. Новак поручил создать «дорожную карту» по локализации оборудования и технологий с тем, чтобы

в среднесрочной перспективе в стране производилось приблизительно 100 млн т СПГ в год. В «дорожной карте» примут участие Министерство промышленности и торговли Российской Федерации, Министерство энергетики Российской Федерации, ведущие компании нефтегазового комплекса и разработчики СПГ-технологий (от теплообменников до турбин) из ГК «Росатом» и научно-образовательных центров. Это подразумевает создание национального проекта [18]. Разработка собственных технологий играет значительную роль в развитии нефтегазовой отрасли, изобретенные технологии и инновации могут быть коммерциализированы на других предприятиях и отраслях, что позволяет получить дополнительный источник доходов и привлечь инвестиции для дальнейшего развития производства. Таким образом, комплексный подход по реализации проектов по производству СПГ способствует достижению синергетического эффекта и благоприятствует развитию смежных отраслей промышленности и страны в целом [19].

Патентная информация является важным инструментом для управления инновационными процессами и анализа тенденций в развитии технологий. Использование патентной информации позволяет компаниям оценивать конкурентоспособность своих продуктов и проводимых исследований, защищать свои изобретения и технологии от копирования, определять тенденции развития техники и технологий, а также выявлять свободные патентные сегменты для развития собственных технологий [20]. Патентный ландшафт – наглядное представление патентной информации и включает в себя разнообразные аналитические данные, такие как тренды, где патентование ведется интенсивнее всего, области, где существует высокая технологическая конкуренция, а также открытые для патентования сегменты [21].

Одной из главных задач данного исследования является анализ уровня технологического развития компаний, реализующих проекты по производству СПГ путем использования информации, полученной в результате проведения патентных исследований. Кроме того, актуальной задачей является выработка предложений по повышению эффективности деятельности компаний в целях обеспечения их технологической независимости. Для проведения анализа были выбраны ведущие мировые нефтегазовые компании, а также разработчики оборудования для производства, транспортировки и хранения СПГ, включая лицензиаров технологий (табл. 2).

Для проведения патентного поиска были использованы общедоступные базы данных, такие как международные базы данных Espacenet и WIPO. В статье Р.Е. Шепелева отмечается: «При анализе патентной информации возможна определенная погрешность. Это связано с тем, что передача данных национальными патентными ведомствами осуществляется на договорной основе, и некоторые государства не предоставляют полную информацию. Кроме того, в некоторых случаях патентообладателем может быть указано дочернее предприятие, не содержащее в своем наименовании название головной компании» [19, с.145].

С применением технических возможностей вышеуказанных баз данных была получена информация о распределении общего количества патентов, полученных компаниями во всех сферах их деятельности в период с 2017 г. по 2021 г. (табл. 3).

Таблица 3

Динамика прироста патентов компаний-производителей СПГ с 2017 г. по 2021 г.

Название компании	Количество патентов компаний-производителей СПГ, шт.					
	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	Итого
Mitsui	1 284	1 382	1 524	1 247	1 580	7 017
Mitsubishi Heavy Industries	1 035	797	2 208	1 186	1 522	6 748
Shell	1 183	695	482	356	443	3 159
Hyundai Heavy Industries	626	1 287	252	184	145	2 494
Linde	950	739	521	195	46	2 451
CNPC	63	261	356	649	797	2 126
ПАО «Газпром»	193	208	191	201	391	1 184
Total	331	308	312	322	251	1 524
ПАО «НК „Роснефть“»	52	38	17	35	54	196
ПАО «Новатэк»	2	3	0	1	4	10

Составлено авторами по материалам источников [13;14]

Из табл. 3 видно, что общее количество патентов, полученных всеми компаниями, составляет 26 909 ед. Японские компании Mitsui и Mitsubishi Heavy Industries являются лидерами. Среди российских компаний ПАО «Газпром» получил 1 184 патента за период с 2017 г. по 2021 г. ПАО «НК „Роснефть“» и ПАО «Новатэк» кратно меньше получили патентов за этот период. Важно отметить, что Mitsui, Mitsubishi Heavy Industries и южнокорейская фирма Hyundai Heavy Industries являются многоотраслевыми корпорациями.

Для оценки уровня патентной активности компаний в области развития технологий СПГ необходимо проанализировать изменение количества патентов, полученных компаниями в период с 2017 г. по 2021 г., используя индексы Международной патентной классификации (далее – МПК). Как указано в статье Р.Е. Шепелева, для поиска патентов, которые направлены на развитие технологий производства, хранения и транспортировки СПГ, используются следующие индексы МПК [19]:

1) «B63B – корабли или прочие плавучие суда; оборудование для судов;
2) F25J1 – способы и устройства для сжижения или отверждения газов или их смесей;
3) F17C – сосуды для помещения или хранения газов в сжатом, сжиженном или твердом состоянии; газгольдеры постоянной емкости; наполнение сосудов газами в сжатом, сжиженном или твердом состоянии или выпуск их из сосудов» [19, с. 145].

Выполнив анализ патентов по вышеуказанным индексам, получим сводную таблицу патентной активности компаний (табл.4).

Таблица 4

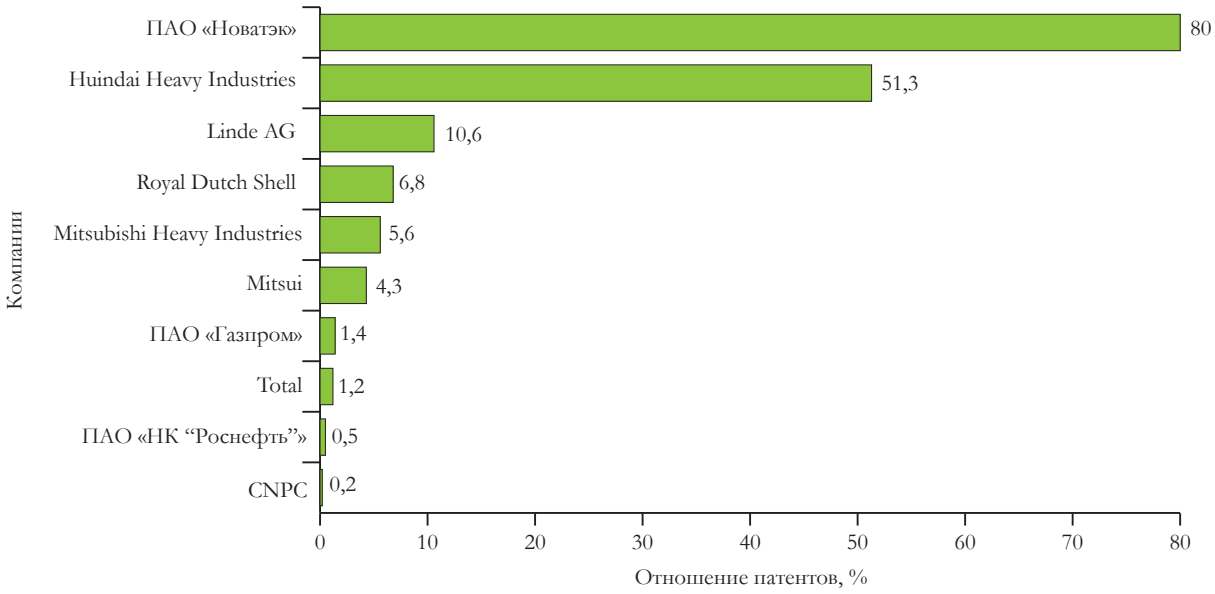
Патентная активность компаний в области развития технологий производства, хранения и транспортировки СПГ в период с 2017 г. по 2021 г.

Название компании	Количество патентов компаний-производителей СПГ, шт.					
	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	Итого
Hyundai Heavy Industries	403	324	246	186	121	1 280
Mitsubishi Heavy Industries	55	71	81	44	130	381
Mitsui	63	82	95	24	39	303
Linde	96	84	41	32	6	259
Shell	83	68	39	13	11	214
Total	6	2	2	8	1	19
ПАО «Газпром»	4	7	1	2	3	17
ПАО «Новатэк»	0	0	2	2	4	8
CNPC	0	1	0	2	2	5
ПАО «НК „Роснефть“»	0	0	0	1		1

Составлено авторами по материалам источников [13;14]

Абсолютным лидером по числу патентов в области создания и развития СПГ-технологий за 2017–2021 гг. является южнокорейская компания Hyundai Heavy Industries (более 1 200 охранных документов). Японские компании Mitsubishi Heavy и Mitsui располагаются на втором и третьем месте соответственно. Для проведения статистического анализа данных был использован метод анализа дисперсии (ANOVA), который позволяет определить, есть ли статистически значимые различия между группами данных. В этом случае группы данных – это годы (2017–2021 гг.), а значения – количество патентов. В рассматриваемом примере «P-значение» (уровень значимости) равно 0,000026, что значительно меньше порогового значения 0,05. Это свидетельствует о статистически значимых различиях между компаниями по количеству патентов в области создания СПГ-технологий, такое количество не может быть объяснено случайностью, а связано с рядом следующих факторов: объем финансирования НИОКР, наличие компетентных кадров, уникальность и эффективность разрабатываемых технологий, инновационный потенциал компании, а также ее стратегические приоритеты развития СПГ-технологий.

Для определения насколько компании заинтересованы в развитии технологий в области СПГ, и как соотносится их патентная активность со стратегией, можно выполнить подсчет отношения количества патентов в области СПГ к общему числу патентов компании (рис. 1).



Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Отношение количества патентов в области развития СПГ-технологий к общему числу патентов компаний

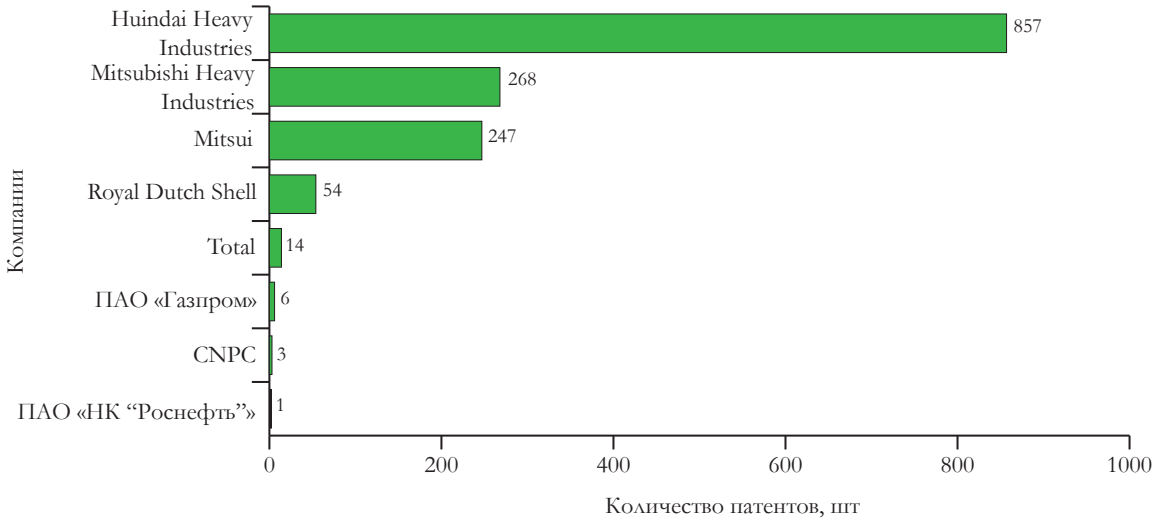
Полученные результаты демонстрируют лидерство Hyundai Heavy Industries в рассматриваемой области развития СПГ-технологий – половина запатентованных решений компании относится к СПГ. Также стоит отметить компанию Linde, у которой каждый десятый патент относится к СПГ. Показатели ПАО «Новатэк» не являются репрезентативными, так как общее число патентов и патентов в области СПГ – 10 штук. При анализе патентного ландшафта необходимо учитывать, что небольшое количество патентов не является достаточным основанием для выводов о технологическом развитии компании. Отдельно стоит остановится на показателях французской компании Total, одного из лидеров мирового рынка СПГ. В настоящее время эта французская компания занимает второе место среди частных производителей по объему производства СПГ с долей мирового рынка СПГ в 10 %. В свою очередь, доля патентов в области СПГ у Total меньше, чем у ПАО «Газпром» (1,2 % и 1,4 % соответственно). Этот факт подтверждает, что ПАО «Газпром» проводит активную политику по расширению производства и использованию СПГ, а также вкладывает значительные средства в развитие собственных технологий. Однако нельзя забывать, что количество патентов не всегда коррелирует с эффективностью и успешностью их использования.

Для распределения данных о полученных патентах по индексам МПК использован как метод составления таблиц с подсчетом числа патентов, относящихся к каждому индексу МПК, так и построения диаграмм, отображающих долю патентов каждого индекса МПК в общем числе патентов компании. Распределение данных по индексам МПК позволяет оценить технологический профиль компании и выделить наиболее значимые направления развития технологий (рис. 2, 3, 4).

Компания Hyundai Heavy Industries лидирует по количеству патентов в области разработки оборудования и технологий хранения и транспортировки СПГ (это судна, дьюары и прочее) – индексы МПК – B63B и F17C. Второе место по индексам МПК (F25J1 и F17C) занимает компания Linde. Выявленная высокая патентная активность компании Linde объясняется ее статусом крупнейшей химической компании в мире и лидера на рынке газов для многих отраслей промышленности. [22].

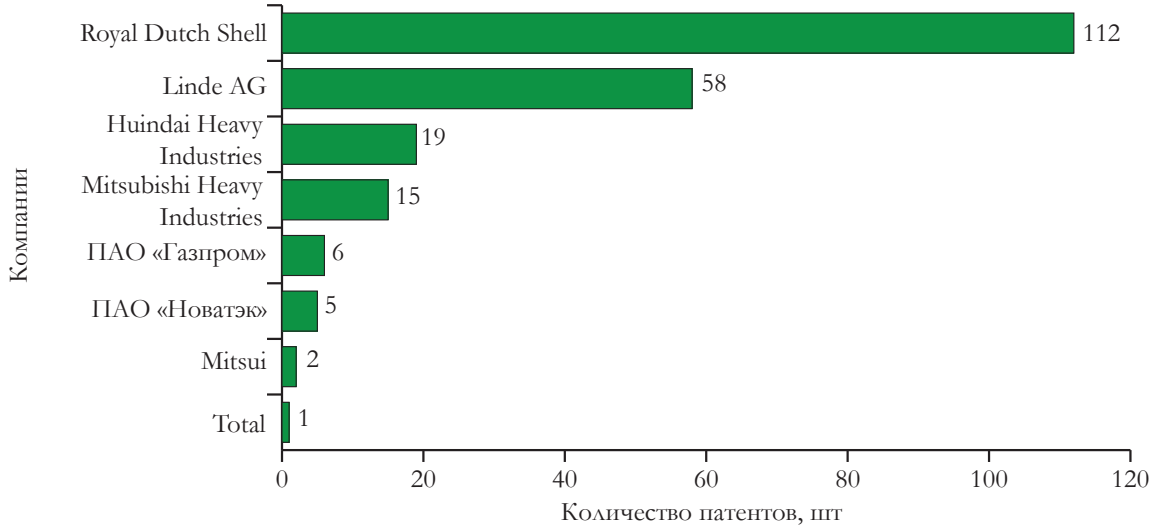
Патентные ландшафты, приведенные в данной статье, указывают на то, что компании строят свои стратегии развития в области совершенствования СПГ, исходя из результатов отбора патентной информации, так как любое новое техническое решение требует изучения опыта предшественников и конкурентов.

Одним из таких трендов является повышение эффективности существующих технологий производства и хранения СПГ. Компании продолжают работать над улучшением конструкции оборудования и оптимизацией процессов, чтобы повысить эффективность текущих производственных линий. Данная тенденция связана с увеличением использования газа в качестве топлива.



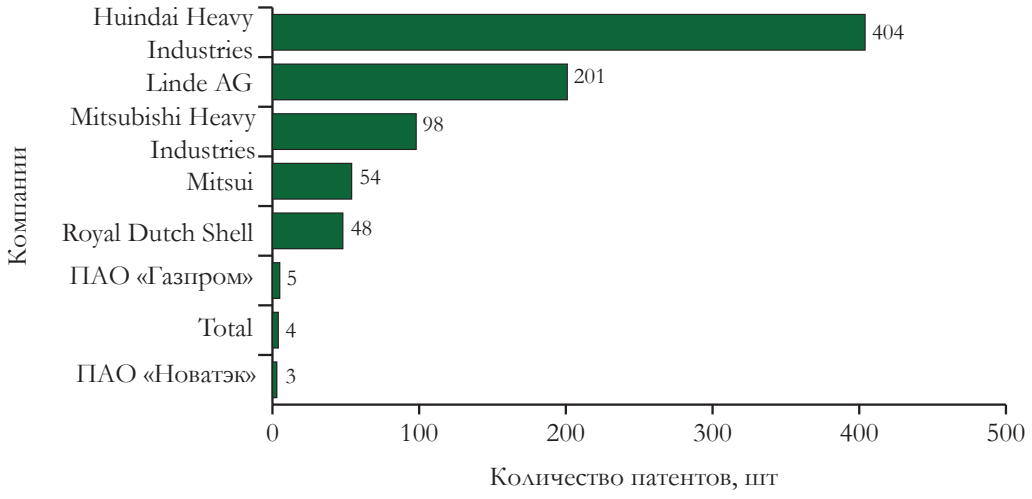
Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 2. Распределение количества патентов компаний по индексу МПК B63B за 2017–2021 гг.



Составлено авторами по материалам исследования

Рис 3. Распределение количества патентов компаний по индексу МПК F25J1 за 2017–2021 гг.



Составлено авторами по материалам исследования

Рис 4. Распределение количества патентов компаний по индексу МПК F17C за 2017–2021 гг.

Другим важным трендом является построение мобильных заводов по производству СПГ, включая создание собственного флота газовозов. Нефтегазовые компании совместно с промышленными компаниями разрабатывают плавучие заводы по сжижению газа, чтобы обеспечить доступ к инфраструктуре шельфовых и небольших морских месторождений. Кроме того, компании разрабатывают плавучие терминалы для регазификации СПГ и мобильные модульные установки для производства СПГ на суше [19].

Таким образом, анализ патентной информации позволяет компаниям выявлять новые технологические тренды и разрабатывать эффективные стратегии развития в области СПГ-технологий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Можно сделать вывод о том, что использование патентной аналитики позволяет компаниям нефтегазовой отрасли обеспечить более обоснованный выбор перспективных направлений исследований и разработок, повысить их конкурентоспособность, что, в свою очередь, обеспечит технологическую независимость и диверсификацию своей деятельности в условиях санкционного давления. Газовая промышленность РФ имеет значительный потенциал для развития в области производства и экспорта СПГ, обладает собственными наработками и ресурсами. При правильном подходе к использованию патентной аналитики и инновационных технологий компании-производители СПГ могут сохранять конкурентное преимущество на рынке и поддерживать свою технологическую независимость. Для повышения конкурентоспособности отечественных компаний нефтегазовой отрасли необходимо продолжать активные инвестиции в НИОКР, основываясь на доступных технологических наработках в области СПГ и криогенной промышленности. Кроме того, стоит поощрять сотрудничество между компаниями и активизировать механизмы трансфера технологий между субъектами отрасли. Также немаловажными факторами являются обучение специалистов и развитие собственных научных школ, что позволит сократить зависимость от иностранных профессионалов и технологий. Такие шаги позволят российским компаниям обеспечить технологическую независимость, повысить их конкурентоспособность на мировом рынке и способствовать развитию газовой промышленности страны в целом.

Библиографический список

1. РБК. *Санкции замедленного действия*. http://rbcdaily.ru/industry/562949991986447/ (дата обращения: 01.06.2023).
2. Ведомости. *Доля импортного оборудования и технологий в нефтяной отрасли*. https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2014/10/17/dolya-importnogo-oborudovaniya-i-tehnologij-v-neftyanoj/ (дата обращения: 01.06.2023).
3. Эксперт. *Возвращение статистики: как Россия торговала в 2022 году*. https://www. https://expert.ru/2023/03/13/vozvrascheniye-statistiki-kak-rossiya-torgovala-v-2022-godu/ (дата обращения: 01.06.2023).
4. Роспатент. *Владимир Путин назвал одним из ключевых принципов развития достижение технологического суверенитета России*. https://rospatent.gov.ru/ru/news/pmef-putin-17062022 (дата обращения: 03.06.2023).
5. Фадеев А.М., Череповицын А.Е., Ларичкин Ф.Д. Устойчивое развитие нового добывающего региона при реализации нефтегазовых проектов на шельфе Арктики. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2012;1(19):33–37.
6. Волков А.Т., Шепелев Р.Е. Современное состояние нефтегазовой отрасли - источника спроса инноваций. *Вестник университета*. 2019;6:68–76. https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-6-68-76
7. ПАО «Газпром». *Официальный сайт*. http://www.gazprom.ru/(дата обращения: 05.06.2023).
8. ПАО «НК „Роснефть“». *Официальный сайт*. https://www.rosneft.ru/ (дата обращения: 05.06.2023).
9. ExxonMobil. *Official site*. https://www.corporate.exxonmobil.com.com/ (дата обращения: 05.06.2023).
10. Petrobras. *Official site*. http://www.petrobras.com.br/ (дата обращения: 04.06.2023).
11. Petrochina. *Official site*. http://www.petrochina.com/ (дата обращения: 28.05.2023).
12. Royal Dutch Shell. *Official site*. https://www.shell.com/(дата обращения: 30.05.2023).
13. European patent office. *Official site*. https://worldwide.espacenet.com (дата обращения: 05.06.2023).
14. World Intellectual Property Organization. *IP Statistics Data Center*. https://www3.wipo.int/ipstats/keyindex.htm (дата обращения: 01.06.2023).
15. British Petroleum. *Energy Outlook 2020*. https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/energy-outlook/bp-energy-outlook-2020.pdf (дата обращения: 02.06.2023).
16. ТАСС. *СПГ обгонит трубопроводный газ в мировой торговле к 2035 году и займет 52% рынка*. https://tass.ru/ekonomika/9687375 (дата обращения: 06.06.2023).

17. Газета.ru. *El Confidencial: СПГ из России становится все популярнее в Евросоюзе*. https://www.gazeta.ru/business/news/2023/04/03/20125009.shtml (дата обращения: 02.06.2023).
18. Эксперт. *Решающая схватка за СПГ началась*. https://expert.ru/2023/03/8/reshayuschaya-skhvatka-za-spg-tekhnologii-nachalas/ (дата обращения: 07.06.2023).
19. Шепелев Р.Е. Патентная активность нефтегазовых компаний как основа инновационного развития в сфере СПГ-технологий. *Экономические науки*. 2021;195:144–148. https://doi.org/10.14451/1.195.144
20. Шепелев Р.Е., Сорокин В.Н. Возможности патентной информации для повышения конкурентоспособности компаний. *Промышленный сервис*. 2016;2(59):42–48.
21. Ена О.В., Попов Н.В. *Методология разработки патентных ландшафтов Проектного офиса ФИПС*. https://rupto.ru/ru/news/metodologiya-razrabotki-patentnyh-landshaftov-proektnogo-ofisa-fips (дата обращения: 08.06.2023).
22. Linde. *Official site*. https://www.linde.com/ (дата обращения: 08.06.2023).

References

1. RBC. *Time-lapse sanctions*. http://rbcdaily.ru/industry/562949991986447 / (accessed 01.06.2023). (In Russian).
2. Statements. *The share of imported equipment and technologies in the oil industry*. https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2014/10/17/dolya-importnogo-oborudovaniya-i-tehnologij-v-neftyanoj / (accessed 01.06.2023). (In Russian).
3. Expert. *The return of statistics: how Russia traded in 2022*. https://www. https://expert.ru/2023/03/13/vozvrascheniye-statistiki-kak-rossiya-torgovala-v-2022-godu/ (accessed 01.06.2023). (In Russian).
4. Rospatent. *Vladimir Putin called one of the key principles of development the achievement of technological sovereignty of Russia*. https://rospatent.gov.ru/ru/news/pmef-putin-17062022 / (accessed 03.06.2023). (In Russian).
5. Fadeev A.M., Cherepovitsyn A.E., Larichkin F.D. Sustainable development of a new mining region in the implementation of oil and gas projects on the Arctic shelf. *Economicheskie I socialnie peremeny: facty, tendencii, prognoz*. 2012; 1(19): 33–37. (In Russian).
6. Volkov A.T., Shepelev R.E. The current state of the oil and gas industry - a source of demand for innovation. *Vestnik Universiteta*. 2019;6:68–76. (In Russian).https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-6-68-76
7. PJSC Gazprom. *Official site*. http://www.gazprom.ru / (accessed 05.06.2023). (In Russian).
8. PJSC Rosneft. *Official site*. https://www.rosneft.ru / (accessed 05.06.2023). (In Russian).
9. ExxonMobil. *Official site*. https://www.corporate.exxonmobil.com.com / (accessed 05.06.2023).
10. Petrobras. *Official site*. http://www.petrobras.com.br / (accessed 04.06.2023).
11. Petrochina. *Official site*. http://www.petrochina.com / (accessed 28.05.2023).
12. Royal Dutch Shell. *Official site*. https://www.shell.com/ (accessed 30.05.2023).
13. European Patent Office. *Official site*. https://worldwide.espacenet.com (accessed 05.06.2023).
14. World Intellectual Property Organization. IP Statistics Data Center. https://www3.wipo.int/ipstats/keyindex.htm (accessed 01.06.2023).
15. British Petroleum. *Energy perspective for 2020*. https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/energy-outlook/bp-energy-outlook-2020.pdf (accessed 02.06.2023).
16. Tass. *LNG will overtake pipeline gas in world trade by 2035 and occupy 52% of the market*. https://tass.ru/ekonomika/9687375 (accessed 06.06.2023). (In Russian).
17. Gazeta.ru. *El Confidencial: LNG from Russia is becoming more and more popular in the European Union*. https://www.gazeta.ru/business/news/2023/04/03/20125009.shtml (accessed 02.06.2023). (In Russian).
18. Expert. *The decisive battle for LNG has begun*. https://expert.ru/2023/03/8/reshayuschaya-skhvatka-za-spg-tekhnologii-nachalas / (accessed 07.06.2023). (In Russian).
19. Shepelev R.E. Patent activity of oil and gas companies as a basis for innovative development in the field of LNG technologies. *Economicheskie nauki*. 2021;195:144–148. https://doi.org/10.14451/1.195.144 (In Russian).
20. Shepelev R.E., Sorokin V.N. Possibilities of patent information for increasing the competitiveness of companies. *Promishleniy servis*. 2016;2(59):42–48. (In Russian).
21. Ena O.V., Popov N.V. *Methodology for the development of patent landscapes of the FIPS Project Office*. https://rupto.ru/ru/news/metodologiya-razrabotki-patentnyh-landshaftov-proektnogo-ofisa-fips (accessed 08.06.2023). (In Russian).
22. Linde. *Official site*. https://www.linde.com / (accessed: 08.06.2023).

УДК 338.24 JEL I25, I38, J24 DOI 10.26425/1816-4277-2023-9-123-132

Профессионально-общественная аккредитация как инструмент механизма управления социально-экономическими процессами в сфере дополнительного профессионального образования

Дерен Иванна Ивановна[1,2]

Д-р экон. наук, проф. каф. гуманитарных и социально-экономических дисциплин[1], проф. каф. финансов[2]
ORCID: 0000-0001-9652-4092, e-mail: deren-ivanna@yandex.ru

Ерина Ксения Александровна[1]

Преп. каф. уголовно-процессуального права и криминалистики[1]
ORCID: 0009-0000-0126-2772, e-mail: erina.k.a@33.fsin.su

[1]Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Владимир, Россия

[2]Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Владимир, Россия

Аннотация

Статья посвящена анализу системы организаций, реализующих программы дополнительного профессионального образования как элемента системы непрерывного образования в Российской Федерации. Цель статьи – определение роли процедуры профессиональной общественной аккредитации в системе управления социально-экономическими процессами в сфере дополнительного профессионального образования. По результатам исследования авторы пришли к выводу, что, обладая дополнительными социально-экономическими эффектами, процедура обязательной системы профессионально-общественной аккредитации организаций сферы дополнительного профессионального образования может служить одним из инструментов развития механизма управления образовательной деятельностью. Методология проведенного исследования включает методы анализа и синтеза, сравнительный метод познания, методы обработки статистической информации. Результаты исследования имеют ценность при разработке стратегии развития в области профессиональной переподготовки и повышения квалификации сотрудников из государственной и коммерческой сфер.

Ключевые слова

Образование, образовательная деятельность, механизм управления образовательной деятельностью, дополнительное профессиональное образование, профессионально-общественная аккредитация, социально-экономические процессы

Для цитирования: Дерен И.И., Ерина К.А. Профессионально-общественная аккредитация как инструмент механизма управления социально-экономическими процессами в сфере дополнительного профессионального образования // Вестник университета. 2023. № 9. С. 123–132.

© Дерен И.И., Ерина К.А., 2023.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Professional and public accreditation as a management mechanism tool of socio-economic processes in the field of additional professional education

Ivanna I. Deren[1,2]

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Department of Humanities and Socio-Economic Studies[1], Prof. at the Finance Department[2]
ORCID: 0000-0001-9652-4092, e-mail: deren-ivanna@yandex.ru

Kseniya A. Erina[1]

Lecturer at the Department of Criminal Justice and Forensic Science[1]
ORCID: 0009-0000-0126-2772, e-mail: erina.k.a@33.fsin.su

[1]Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russia

[2]Vladimir branch of the Russian Presidental Academy of National Economy and Public Administration

Abstract

The article is devoted to the system analysis of organizations implementing programs of additional professional education as an element of the continuing education system in the Russian Federation. The article purpose is to determine the role of the professional public accreditation procedure in the management system of socio-economic processes in the field of additional professional education. According to the results of the study, the authors concluded that, having additional socio-economic effects, the procedure of the mandatory system of professional and public accreditation of organizations in the field of additional professional education can serve as one of the tools for the development of the educational activity management mechanism. The methodology of the research includes methods of analysis and synthesis, comparative method of cognition, methods of processing statistical information. The results of the study are valuable in developing a development strategy in the field of professional retraining and advanced training of employees from the state and commercial spheres.

Keywords

Education, educational activity, educational activity management mechanism, additional professional education, professional and public accreditation, socio-economic processes

For citation: Deren I.I., Erina K.A. (2023) Professional and public accreditation as a management mechanism tool of socio-economic processes in the field of additional professional education. *Vestnik universiteta*, no. 9, pp. 123–132.

© Deren I.I., Erina K.A., 2023.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

Социально-экономическое благополучие населения остается одним из важнейших приоритетов политики государства, особенно во время кардинальной перестройки и необходимости развития суверенной системы образования. Такая система обладает мощнейшим потенциалом для последующего инновационного развития отдельных отраслей экономики и промышленности, обеспечения высококвалифицированных кадров для государственной и муниципальной службы, а также для достижения показателей стратегического планирования развития Российской Федерации (далее – РФ), субъектов РФ, муниципальных образований, национальной безопасности.

Современная модель образования гражданина базируется на принципах непрерывности, которые заключают в себе обеспечение алгоритмизированного процесса получения образования со стороны образовательных организаций общего, профессионального, дополнительного образования и профессионального обучения, то есть реализации права на образование в течение всей жизни.

АНАЛИЗ СУЩНОСТИ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Интерпретация непрерывного образования является предметом исследований нескольких отраслей знаний. Основные подходы к содержанию и концепции непрерывного образования определены предметом исследования и отраслями профессионально-педагогической, социологической и экономической науки (табл. 1).

Таблица 1

Подходы отечественных исследователей к проблеме непрерывного образования

Основная концепция	Сущность концепции	Авторы
Непрерывность образования как удовлетворение профессиональной, социальной и личной потребности человека [1]	Непрерывное образование обеспечивает формирование и повышение профессионального уровня и трудовой мобильности, грамотности в различных отраслях функционирования общественных отношений и институтов, развития коммуникации (в т.ч. обществом, государством, экономической сферой), а также получение удовлетворения собственных (индивидуальных) потребностей в познании	Проект «Концепция развития непрерывного образования взрослых в Российской Федерации на период до 2025 года» разработан членами Союза руководителей учреждений и подразделений дополнительного профессионального образования и работодателей (Председатель – Н.Н. Аниськина) [1]
Непрерывное образование в контексте сохранения активности [2]	Непрерывное образование обеспечивает удовлетворение культурно-образовательных запросов мужчин и женщин «третьего возраста», а также их потребностей в социальной активности и значимости	А.Н. Джуринский
Непрерывное образование как основа развития потенциала личности [3]	Непрерывное образование обеспечивает благоприятные условия для социального статуса за счет обогащения творческого и профессионального уровня в течение всей жизни	Т.Б. Наумова

Окончание табл. 1

Основная концепция	Сущность концепции	Авторы
Непрерывное образование в контексте образовательного пространства [4]	Современное образование как объемная, многослойная совокупность образовательных систем, площадок онлайн и офлайн формата, функционирующих в качестве идейного центра и в целях формирования навыков взаимодействия (сотрудничества) индивидов, а также для создания инновационного продукта, выработки механизма стратегического решения социальных проблем и т.п.	Т.Ю. Кротенко
Непрерывное образование в контексте планирования личного будущего в условиях посттруда и безработицы [5]	Исследовательские и практические программы, в т.ч. программы переобучения, обеспечивают возможность развивать новые интересы и навыки, позволяют выработать стратегию к профессиональному развитию	Э. Хайнс
Непрерывное профессиональное образование как основа подготовки кадров для инновационной экономики и наукоемких производств [6]	Образование в значительной степени определяет, с одной стороны, индивидуальный доход, с другой, эффективность организации, производства, экономический рост и конкурентоспособность страны	Г.А. Ключарев, И.Г. Дежина

Составлено авторами по материалам исследования

Учитывая плюрализм исследований о значении непрерывного образования, отметим, что авторы убеждены, что потенциал и перспектива образования сводятся к ключевым социально-экономическим категориям, с одной стороны, а с другой стороны, к благосостоянию социума как социальной категории и приросту человеческого капитала как экономической категории. Отметим, что идея корреляции цепочки «знания-образование-человеческий капитал-экономический рост» также представляется нам закономерной и обоснованной [7].

ПОТРЕБНОСТЬ ГРАЖДАН В ДОПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ КАК ЭЛЕМЕНТЕ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Востребованность среди граждан реализации системы непрерывного образования косвенно подтверждают данные опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), в соответствии с которым 34 % из 1 600 респондентов указали на необходимость ежегодного участия в образовательной деятельности и повышении квалификации, профессиональной переподготовке, а 38 % опрошенных указали срок «раз в несколько лет» [8].

Кроме того, данные выборочного статистического наблюдения «Участие населения в непрерывном образовании», представленного в сборнике «Индикаторы образования», демонстрируют удельный вес лиц, равный 43,2 %, которые в 2020 г. в возрасте от 25 до 64 лет принимали участие в непрерывном образовании [9]. При этом вопрос участия в непрерывном образовании был актуален как для занятых (49,1 %), так и для безработных (31,5 %), независимо от пола (42,2 % – мужчины, 44 % – женщины) [9].

Среди основных поставщиков (провайдеров) непрерывного образования для взрослого населения следует указать организации, реализующие программы дополнительного профессионального образования (далее – организации сферы ДПО). Именно им принадлежит компенсирующая роль между образованием выпускника и требованиями рынка труда [10]. Кроме того, авторы убеждены, что указанные образовательные организации с экономических позиций являются производителем образовательной деятельности, способным динамично, эффективно, а главное, с наименьшими затратами времени удовлетворить спрос работодателя на соответствие уровня квалификационных требований и компетенций к работнику.

На корреляцию между потребностью в прохождении дообучения (переобучения) и запросом работодателя (рынка труда) в квалифицированных кадрах указывают и данные о трудоустройстве выпускников. К примеру, более четверти выпускников (2016–2020 гг. обучения) по программам высшего и среднего профессионального образования были вынуждены в 2021 г. проходить дообучение (переобучение): 26,9 % человек при трудоустройстве на работу, связанную с полученной профессией, и 28 % трудоустроенных, работа которых с полученной специальностью не связана [11].

ОРГАНИЗАЦИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ И СТРУКТУРА

Возможность удовлетворения потребностей населения в реализации дополнительного профессионального образования предусматривает разветвленную систему организаций.

Систему организаций сферы ДПО составляют структурные подразделения образовательных организаций среднего профессионального образования и (или) профессионального обучения (далее – организации СПО); образовательные организации высшего образования (далее – организации ВО); научные организации; самостоятельные организации дополнительного профессионального образования (далее – организации ДПО), а также иные организации, к которым относятся учреждения, осуществляющие обучение по дополнительным профессиональным программам (далее – ДПП) в качестве дополнения к своей основной деятельности (корпоративные университеты, онлайн-школы, коммерческие национальные Академии, общества с ограниченной ответственностью и т.п.).

Отметим, что без анализа основных компонент указанной модели реализации ДПП трудно сформулировать перспективные задачи социально-экономического развития государства и регионов, а также принятия управленческих решений в рамках стратегического планирования (табл. 2).

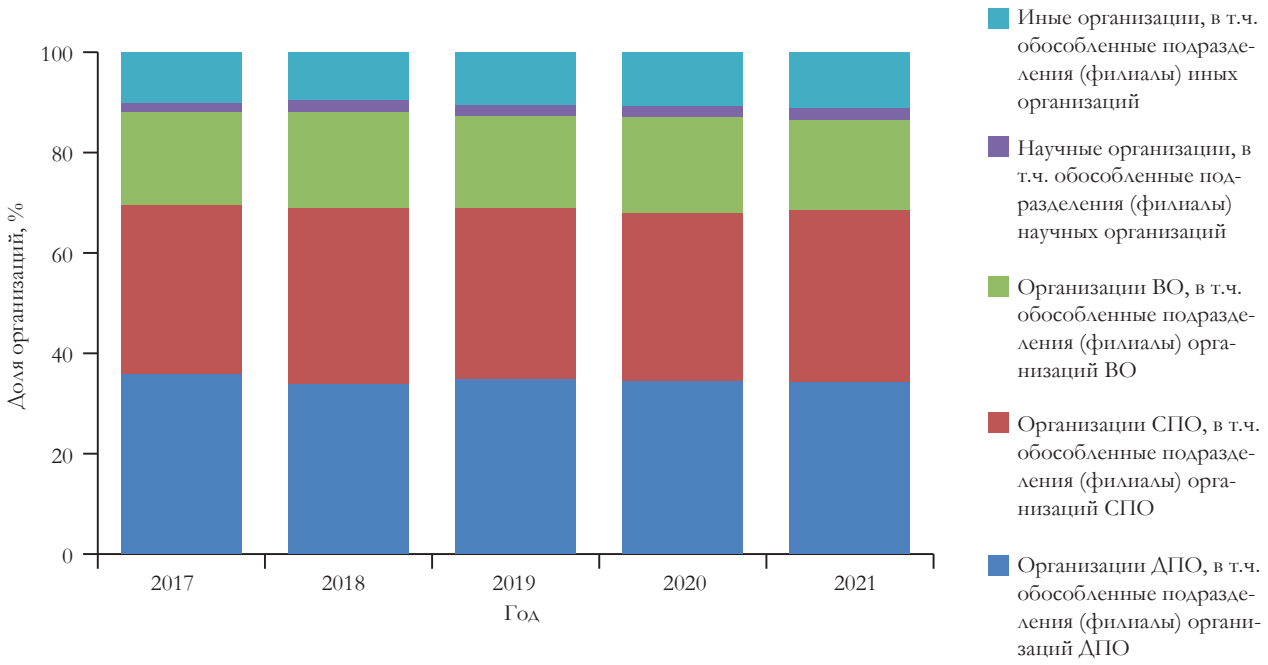
Таблица 2

Сведения об организациях сферы ДПО в 2017–2021 гг. (по типу организаций)

Организации сферы ДПО	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Организации ДПО, в т.ч. обособленные подразделения (филиалы) организаций ДПО, ед.	2 194	1 981	2 117	2 021	2 134
Организации СПО, в т.ч. обособленные подразделения (филиалы) организаций СПО, ед.	2 052	2 044	2 051	1 952	2 126
Организации ВО, в т.ч. обособленные подразделения (филиалы) организаций ВО, ед.	1 129	1 121	1 110	1 117	1 105
Научные организации, в т.ч. обособленные подразделения (филиалы) научных организаций, ед.	118	137	134	136	149
Всего организаций сферы ДПО, ед.	6 099	5 835	6 035	5 843	6 206

Составлено авторами по материалам источника [12]

Общее число организаций сферы ДПО остается стабильным, не критически колеблясь от 3,1 % до 6,2 % в сторону увеличения или уменьшения по сравнению с показателем предыдущего года. Принимая во внимание вспышку пандемии 2020 г. и введение ограничительных мер санитарно-эпидемиологического характера, которые перевели многие отрасли управления и сферу образования в дистанционный формат, логичного резкого увеличения организаций, реализующих программы ДПО (в том числе и в сетевой форме) наблюдать не пришлось. Авторы связывают это с отсутствием в 2020 г. четко отлаженного механизма создания организации в условиях электронного пространства и с вынужденной работой только на уровне цифровой платформы, электронных обращений и связи (рис.1).



Составлено авторами по материалам источника [12]

Рис. 1. Структура организаций сферы ДПО в 2017-2021 гг. (по типу организаций)

В целом общая структура организаций сферы ДПО включает треть организаций ДПО и более половины учреждений профессионального и высшего образования, научных организаций, для которых реализации дополнительных профессиональных программ не являются основной целью, а также десятую часть структуры составляют иные организации.

ИНСТРУМЕНТЫ МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ПРОЦЕССАМИ В СФЕРЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В настоящее время механизм управления деятельностью организаций сферы ДПО, в частности, учреждений, основной целью которых служит реализация дополнительных образовательных профессиональных программ, включает три основных рычага (группы инструментов).

1. Административно-правовой, охватывающий процедуру учреждения организации ДПО, а также введение структурных подразделений (факультетов, групп, отделений) на базе вузов, организаций СПО, научных организаций с правом реализации образовательного продукта, которым выступает ДПП, получение лицензии на осуществление образовательной деятельности.

2. Социально-образовательный, включающий необходимость поддержки образовательного уровня граждан, доступность участия граждан в процессе непрерывного образования, что является фактором информационного-культурного, социально-политического, инновационного и динамичного развития общества, повышения качества уровня жизни, воспитания граждан с потребностью в саморазвитии и в высоком уровне культурно-нравственных и ценностных ориентиров.

3. Экономический, включающий инструменты конкурентоспособности организаций сферы ДПО на рынке образовательной деятельности.

По мнению авторов, административно-правовые инструменты функционирования сферы ДПО являются достаточно рамочными, то есть в условиях правовой процедуры создания (учреждения) образовательной или иной организации предусмотрено получение лишь учредительно-разрешительных документов, лицензирвания деятельности. Социально-образовательные условия реализации ДПП представляют собой ценностно-мотивационную сферу развития ДПО, во многом зависящую от внутренних управленческих решений в государственной политике (к примеру, введение дополнительных подразделений

по профилактике коррупции и недопущению конфликта интересов обязало государственных служащих проходить соответствующую профессиональную переподготовку). То есть такая сфера развития предопределяется социальным «запросом» как государства, так и общества.

По мнению авторов, экономическая группа инструментов, обуславливает:

– качество образовательного продукта (ДПП, включая ресурсность при ее реализации);

– современные маркетинговые инструменты продвижения как образовательного продукта, так и самой организации сферы ДПО на рынке образовательной деятельности (включая «нейминг», логотипы, контент, «продакшн», брендирование, в целом имидж организации и т.п.);

– модернизацию путей и форм цепочки «производства-потребления» образовательного продукта (сетевые, электронные формы, применение дистанционных технологий), включая качественную мобильную версию реализации продукта (массовые открытые онлайн-курсы, приложения, платформы);

– мониторинг качества реализуемого образовательного продукта (обратная связь, отслеживание качества образовательного процесса, внутренней оценки качества организаций, внутреннего аудита);

– интеграцию сферы ДПО в процесс цифровизации экономики (реализация подготовки цифровых кадров);

– разнообразие источников финансирования организации, возможность привлечения инвестиций, в том числе из иностранного государства в рамках заключенного соглашения о сотрудничестве;

– возможность государственной поддержки развития организации, получения грантов и субсидий;

– инновационную и цифровую привлекательность образовательного продукта, возможность получения сопутствующих личных экономических эффектов (последующего трудоустройства).

Таким образом, организация может работать при минимизации затрат ресурсов без условий функционирования механизма управления организациями ДПО в условно конкретной системе администрирования и соподчинения, которая не требует получения дополнительных правоустанавливающих и иных документов, позволяющих потребителю судить о качестве и конкурентоспособности образовательной организации, и, следовательно, востребованности дополнительной профессиональной подготовки на рынке труда.

Указанное отсутствие необходимости раскрытия информации, с одной стороны, может приводить к малоэффективной подготовке, низкому качеству продукта образовательной деятельности с позиции производителя (организации ДПО), а, с другой стороны, служить открытой плоскостью для использования новых инструментов внутриотраслевой рыночной конкуренции.

СИСТЕМА ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОБЩЕСТВЕННОЙ АККРЕДИТАЦИИ КАК СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В свою очередь, связь организаций сферы ДПО с реальным сектором экономики возможно проследить при рассмотрении системы профессионально-общественной аккредитации дополнительных профессиональных программ (далее – ПОА ДПП). По мнению авторов, указанная процедура непосредственно оказывает влияние на механизм управления социально-экономическим процессом образовательной деятельности, служит элементом обеспечения как конкурентоспособности организации сферы ДПО на рынке образовательной деятельности, так и качества предоставляемых услуг.

Заметим, что правовые рамки реализации процедуры ПОА ДПП представляются нам также неочевидными ввиду их необязательности. Но на актуальность вопроса прохождения указанного вида аккредитации для современного рынка переподготовки и повышения квалификации кадров напрямую указывают законодательные изменения содержания ст. 96 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» 2016 г., в соответствии с которым перечень образовательных программ, имеющих право на аккредитацию профессионально-общественного формата, существенно расширился [13].

Таким образом, государством были созданы социально-экономические и правовые условия:

– повышения привлекательности продукта образовательной деятельности при реализации ДПО;

– обеспечения притока средств организациям сферы ДПО, получившим ПОА ДПП со стороны населения;

– привлечения внебюджетных фондов и иностранных источников финансирования организаций с целью роста и увеличения показателей, отражающих динамику финансово-экономической деятельности.

При этом инициативность со стороны организаций сферы ДПО в показателях с 2017 г. по 2021 г. остается достаточно низкой (табл. 3).

Таблица 3

Сведения о наличии общественной аккредитации организаций сферы ДПО в 2017-2021 гг.

Организации сферы ДПО	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Организации сферы ДПО, прошедшие общественную аккредитацию, ед.	637	703	680	588	617
Доля организаций сферы ДПО, прошедших общественную аккредитацию, %	10,4	12	11,3	10	10

Составлено авторами по материалам источника [12]

Авторы связывают указанные показатели с общей тенденцией низкой инициативности и отсутствия заинтересованности со стороны руководителей организаций (работодателя) в прохождении указанной процедуры, которая напрямую влияет на качество продукта образовательной деятельности. Идя по вектору выполнения минимальных требований закона, указанная тенденция тормозит стратегию развития системы дополнительного профессионального образования, обуславливая действие ряда организаций, которые идут по пути меньшего сопротивления и ограничиваются лишь получением лицензии на осуществление образовательной деятельности. Интернет-ресурс также транслирует широту выбора сетевых форм реализации ДПП, учреждающие документы, по которым в сетевых платформах и веб-сайтах сводятся к наличию лицензии на осуществление образовательной деятельности. А существование системы качества и оценки деятельности, а также аккредитационной документации подменяется видеоотзывами выпускников и благодарственными письмами сторонних организаций.

Авторами предполагается внедрение процедуры обязательной профессионально-общественной аккредитации образовательных продуктов (ДПП) как показателя их качества и ожидаемой эффективности получения, с одной стороны, потребителем (слушателем, руководителем), а с другой, реализации производителем.

В этой связи не стоит ассоциировать процедуру ПОА ДПП с дополнительным «нависшим» инструментом государственного сегмента и механизма управления социально-экономическими процессами в сфере образования, а следует рассматривать ПОА ДПП как эффективный способ, главной перспективой использования которого служит в первую очередь взаимодействие с региональным и отраслевым сектором экономики.

Кроме того, по состоянию на 6 апреля 2023 г. из 119 организаций, входящих в перечень организаций, специализирующихся на проведении процедуры профессионально-общественной аккредитации, в 70 записях соответствующего реестра юридическим адресом значится город Москва [14]. Поэтому закрепление обязательности прохождения указанного вида аккредитации позволит не только повысить качество продукта образовательной деятельности, но и открыть возможности кадрового прироста этой отрасли деятельности, в том числе в регионах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Необходимость обеспечения трудовой мобильности, формирования навыков адаптации к изменениям в современном государственном устройстве, а также к переориентированию стратегических направлений политики, цифровизации и информатизации отдельных отраслей промышленности требуют от современного человека непрерывного обучения в различных формах.

Основным средством дообучения (переобучения), т.е. повышения квалификации и профессиональной переподготовки, служит освоение программ ДПО.

Анализируя механизм управления социально-экономическими процессами организации при реализации дополнительных профессиональных программ, авторы заключают, что в условиях административно-правовых, социально-образовательных, экономических инструментов механизма управления образовательной деятельностью организаций ДПО последние представляются обуславливающими факторами, коррелирующими с показателями продукта образовательной деятельности на рынке трудовых ресурсов.

Во многом социально-экономический эффект деятельности организаций сферы ДПО коррелирует с инструментами механизма управления самой сферой образования как государственного характера

(изменения законодательства, введение надзорных процедур и структур, объем финансирования), внегосударственного характера (платежеспособность населения, уровень безработицы, спрос на отдельные категории рабочих и служащих на рынке труда) и смешанного характера (официальные и неофициальные рейтинги образовательных организаций, независимая оценка качества, аудит).

Особое место в указанном инструментарии отводится процедуре аккредитации, в частности, профессионально-общественной аккредитации образовательных программ как регулятору социально-экономических отношений, способных служить «мягкой силой» внутриотраслевой конкуренции развития организаций сферы ДПО.

В указанных условиях закрепление обязательности системы ПОА ДПП позволит минимизировать количество «курсов-однодневок», обеспечивая стратегические преимущества удовлетворения потребности рынка труда к специалистам, рабочим и служащим соответствующего профиля, и, следовательно, к экономической составляющей законодательной формулировки содержания цели процедуры аккредитации.

Библиографический список

1. Союз руководителей учреждений и подразделений дополнительного профессионального образования и работодателей. *Проект концепции развития непрерывного образования взрослых в Российской Федерации на период до 2025 года*. http://www.dpo-edu.ru/?page_id=13095 (дата обращения: 10.06.2023).
2. Джуринский А.Н. Образование в «третьем возрасте» в России. *Образование и наука*. 2018;20(10):156–175. https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-10-156-175
3. Наумова Т.Б. Дополнительное профессиональное образование в системе непрерывного образования. *Компетентность*. 2019;5:10–16.
4. Кротенко Т.Ю. Возможности непрерывного образовательного пространства. *Вестник Университета*. 2020;7:184–187. https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-7-184-187
5. Хайнс Э. Как подготовиться к «безработному» будущему. *Форсайт*. 2019;13(1):19–30. https://doi.org/10.17323/2500-2597.2019.1.19.30
6. Ключарев Г.А., Дежина И.Г. Российское образование для инновационной экономики: «болевые точки». *Социологические исследования*. 2018;9(413):40–48. https://doi.org/10.31857/S013216250001957-5
7. Быковская Е.Н., Рыбина М.Н. Экспорт образовательных услуг. *Вестник Университета*. 2023;1:68-75. https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-1-68-75
8. ВЦИОМ. *Непрерывное обучение - для всех!* https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nepreryvnoe-obuchenie-dlja-vsekh (дата обращения: 12.06.2023).
9. Бондаренко Н.В., Гохберг Л.М. и др. *Индикаторы образования: 2022: статистический сборник*. М.: Высшая школа экономики; 2022. 532 с. https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2598-2
10. Галиханов М.Ф., Иванов В.Г., Аниськина Н.Н. Новые тенденции в оценке и признании качества дополнительного профессионального образования. *Инженерное образование*. 2017;21:162–165.
11. Бондаренко Н.В., Варламова Т.А. и др. *Индикаторы образования: 2023: статистический сборник*. М.: Высшая школа экономики. 2023. 432 с. https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2746-7
12. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. *Форма № 1-ПК «Сведения о деятельности организации, осуществляющей образовательную деятельность по дополнительным профессиональным программам»*. https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/added/ (дата обращения: 12.06.2023).
13. Российская Федерация. *Федеральный Закон Российской Федерации от 02.06.2016 № 166-ФЗ «О внесении изменений в статью 96 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»*. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_198854/ (дата обращения: 12.06.2023).
14. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. *Перечень организаций, проводящих профессионально-общественную аккредитацию образовательных программ высшего образования и (или) соответствующих дополнительных профессиональных программ*. https://minobrnauki.gov.ru/action/prof-public_accreditation/ (дата обращения: 09.06.2023).

References

1. Union of Heads of Institutions and Departments of additional Professional Education and Employers. *Draft concept for the development of continuing adult education in the Russian Federation for the period up to 2025*. http://www.dpo-edu.ru/?page_id=13095 (accessed 10.06.2023).

2. Dzhurinskiy A.N. Education for people of the «third age» in Russia. *The Education and science journal*. 2018;20(10):156–175. (In Russian). https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-10-156-175
3. Naumova T.B. Additional professional education in the system of continuing education. *Competence*. 2019;5:10–16. (In Russian).
4. Krotenko T.Yu. Opportunities for continuous educational space. *Vestnik Universiteta*.2020;7: 184–187. (In Russian). https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-7-184-187
5. Hines A. Getting Ready for a Post-Work Future. *Foresight and STI Governance*. 2019; 13(1):19–30. (In Russian). https://doi.org/10.17323/2500-2597.2019.1.19.30
6. Dezhina I.G., Kliucharev G.A. Russian education for innovative economy: «The pressure points». *Sociological research*.2018; 9 (413):40–48. (In Russian). https://doi.org/10.31857/S013216250001957-5
7. Bykovskaya E.N., Rybina M.N. Educational services export: competition in new geopolitical conditions. *Vestnik Universiteta*. 2023;1(1):68–75. (In Russian). https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-1-68-75
8. VTSIOM. *Continuous learning is for everyone!* https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nepreryvnoe-obuchenie-dlja-vsekh (accessed 12.06.2023). (In Russian).
9. Bondarenko N.V., Gokhberg L.M. et al. *Education indicators: 2022: statistical collection*. Moscow: Higher School of Economics; 2022. (In Russian). https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2598-2
10. Galikhanov M.F., Ivanov V.G., Aniskina N.N. New trends in the assessment and recognition of the quality of additional vocational education. *Engineering education*. 2017;21:162–165. (In Russian).
11. Bondarenko N.V., Varlamova T.A. et al. *Education indicators: 2023: statistical collection*. Moscow: Higher School of Economics; 2022. (In Russian). https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2746-7
12. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. *Form № 1-PC "Information on the activities of organizations engaged in educational activities for additional professional programs"*. https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/added/ (accessed 12.06.2023).
13. Russian Federation. *Resolution of the Government federal law dated 2 February 2016 No. 166 "On Amendments to Article 96 of the Federal Law «On Education in the Russian Federation"*. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_198854/ (accessed 12.06.2023).
14. Ministries of Science and Higher Education. *The list of organizations conducting professional and public accreditation of educational programs of higher education and (or) relevant additional professional programs*. https://minobrnauki.gov.ru/action/prof-public_accreditation/ (accessed 09.06.2023).

УДК 366 JEL D19 DOI 10.26425/1816-4277-2023-9-133-139

Специфика потребительского поведения в современной России

Аникин Олег Борисович

Д-р экон. наук, проф. каф. мировой экономики и международных экономических отношений
ORCID: 0000-0002-3826-6774, e-mail: anikin-oleg-b@mail.ru

Махонина Виктория Сергеевна

Студент
ORCID: 0000-0003-3178-8489, e-mail: Makhonina.vica2288@mail.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

В статье рассматривается изменение потребительского поведения в условиях эпидемиологической ситуации, связанной с распространением вируса Covid-19, а также вследствие обострения международной политической обстановки, обусловленной началом специальной военной операции России в феврале 2022 г. Указанные обстоятельства демонстрируют актуальность настоящего исследования. Целью статьи является выявление особенностей поведения национального потребителя в условиях изменения экономической и внешнеполитической ситуации на современном этапе. Особое внимание уделяется рассмотрению понятия «потребительское поведение» с точки зрения классического и неоклассического подходов. В статье проведен анализ поведения потребителей, и изучены факторы, определяющие его изменение. Выявлена специфика поведения потребителя в период с 2020 г. по 2023 г. Обоснована важность изучения данной темы в настоящее время, а также определены возможные направления изменения потребительского поведения и специфика работы российских компаний в современных условиях.

Ключевые слова

Потребитель, потребительское поведение, поведенческая модель, эффект спроса, анализ потребителей, пандемия Covid-19, санкции

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ВАОН в рамках научного проекта №20-510-92005.

Для цитирования: Аникин О.Б., Махонина В.С. Специфика потребительского поведения в современной России // Вестник университета. 2023. № 9. С. 133–139.

© Аникин О.Б., Махонина В.С., 2023.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Specifics of consumer behavior in modern Russia

Oleg B. Anikin
Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Department of World Economy and International Economic Relations
ORCID: 0000-0002-3826-6774, e-mail: anikin-oleg-b@mail.ru

Victoria S. Makhonina
Student
ORCID: 0000-0003-3178-8489, e-mail: Makhonina.vica2288@mail.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The article discusses the change in consumer behavior in the conditions of the epidemiological situation associated with the spread of the Covid-19 virus, as well as due to the aggravation of the international political situation caused by the start of a special military operation of the Russia in February 2022. These circumstances demonstrate the relevance of the study. The main purpose of the article is to identify the behavior features of the national consumer in the conditions of changing economic and foreign policy situation at the present stage. Particular attention is paid to the concept consideration of "consumer behavior" from the point of view of classical and neoclassical approaches. The article analyzes the behavior of consumers and examines the factors determining its change. The specifics of consumer behavior in the period from 2020 to 2023 are revealed. The importance of studying this topic at the present time is substantiated, as well as possible directions for changing consumer behavior and the work specifics of Russian companies in modern conditions are determined.

Keywords

Consumer, consumer behavior, behavioral model, demand effect, consumer analysis, Covid-19 pandemic, sanctions

Acknowledgements. The study carried out with the financial support of the RFBR and the VASS in the framework of scientific project no. 20-510-92005.

For citation: Anikin O.B., Makhonina V.S. (2023) Specifics of consumer behavior in modern Russia. *Vestnik universiteta*, no. 9, pp. 133–139.

© Anikin O.B., Makhonina V.S., 2023.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

Для современного мирового хозяйства характерен продолжающийся рост международной и внутристрановой конкуренции. Организации, эффективно удовлетворяющие потребности индивидов и производящие конкурентноспособные товары, имеют больше шансов на выживание, то есть на дальнейшее функционирование и сохранение своих рыночных позиций. Усиление социального взаимодействия, изменения экономического положения страны, перемены в политической системе и другие факторы оказывают существенное воздействие на предпочтения потребителей, их мотивацию к совершению покупок и требуют проведения соответствующих преобразований в работе компаний [1]. Все это подтверждает актуальность и необходимость изучения современного потребительского поведения.

Цель данного исследования – выявление особенностей поведения российских потребителей в условиях современных экономических и политических, а также внутренних и внешних изменений.

В статье рассматриваются теоретические аспекты потребительского поведения. Проведен анализ поведения потребителя. Построена базовая поведенческая модель, а также изучены эффект спроса и другие факторы, оказывающие на нее влияние. Проведено исследование особенностей поведения потребителей в условиях эпидемиологической ситуации, связанной с распространением вируса Covid-19, а также вследствие обострения международной экономической и политической обстановки, обусловленной началом специальной военной операции Российской Федерации (далее – РФ) в феврале 2022 г. Данный подход помог выявить специфику поведенческих изменений покупателей и определить наиболее выгодное направление деятельности компаний в современных условиях.

ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ И БАЗОВАЯ ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

Потребитель является важнейшим звеном современного бизнеса. Покупая товар, он делает выбор в пользу того или иного бренда, поэтому нужно знать, для чего нужен данный продукт, и каким образом принимается решение о его покупке. Сегодня на рынке существует большое количество предложений, поэтому у покупателей есть достаточно широкий выбор. Однако у многих возникает проблема правильности этого выбора. И именно изучение потребительского поведения дает возможность определить актуальные потребности и создать наиболее выгодные предложения, от которых будет трудно отказаться.

Потребительское поведение рассматривает человека, действующего на рынке, в качестве потребителя. Как известно, потребитель – это лицо, которое покупает и использует товары или услуги какой-либо компании для личных или иных нужд [2]. Е. А. Лысова в статье «Поведение потребителей: содержание понятия, социально-экономическая сущность» отмечает, что понятие «потребительское поведение» в разных источниках трактуется по-разному. Исходя из неоклассического подхода, потребительское поведение – это рациональный выбор человека из множества потребительских благ, целью которого является максимальное удовлетворение потребностей. Классический подход делает упор на том, что основной частью поведения потребителей выступают единство процесса принятия решения о покупке, а также факторы, определяющие его характер и направленность [3].

Теперь необходимо обратиться к базовой поведенческой модели покупателя, которая включает несколько последовательных стадий: осознание потребности, поиск информации, оценка вариантов, принятие решения о покупке и оценка правильности выбора. На первой стадии у человека возникает потребность в том или ином товаре. Это побуждает к совершению действий для его приобретения. На второй стадии покупатель старается получить больше информации о товаре из различных источников: из интернет-ресурсов, средств массовой информации (далее – СМИ), коммерческих источников, от друзей и знакомых или исходит из собственного опыта в прошлом. После этого, на третьей стадии потребитель проводит анализ, оценивает возможные варианты и выбирает среди них наиболее подходящий. Нередко компаниям удается повлиять на это решение с помощью рекламы и других маркетинговых мероприятий [4]. На четвертой стадии происходит покупка. И на пятой стадии потребитель оценивает правильность своего выбора. Здесь он может испытывать как удовольствие и полное удовлетворение, так и огорчение. А зависит это от ожиданий потребителя, которые могут быть оправданы или нет. Чем больше товар не соответствует ожиданиям потребителя, тем больше разочарование в его приобретении. Подобные ситуации нередко встречаются и могут существенно испортить репутацию компании. Следует отметить, что вышеописанная модель является базовой и может меняться под воздействием

таких факторов, как мода, изменение взглядов, доходы потребителей, цены на товары, наличие товаров-заменителей или их отсутствие, культура, образ жизни, ценностные ориентиры, психологические особенности покупателя и т.д.

ЭФФЕКТЫ СПРОСА

Теперь обратимся к эффектам дохода и замещения [5]. Первый предполагает увеличение дохода потребителя в случае снижения цены на товар. В этой ситуации потребитель может приобрести больше, при этом не сокращая потребление прочих благ. Наряду с этим спрос на товар может уменьшиться, увеличиться или остаться на прежнем уровне. Эффект замещения заключается в увеличении стоимости какого-либо товара и, следовательно, возникает спрос на более дешевый товар, способный заменить подорожавший.

Рассмотрим эффект присоединения к большинству. Он обусловлен конформизмом и желанием не отстать от моды. Однако отдельные потребители не любят быть «как все» и предпочитают выделяться из толпы, не используя широко распространенные товары. В данном поведении проявляется эффект сноба.

Автор книги «Теория праздного класса» Торстейн Веблен, крупный американский экономист и социолог, выделяет также эффект показательного потребления, который характеризуется демонстративным поведением, проявляющимся в стремлении приобретать дорогостоящие товары, недоступные для многих людей из-за высокой цены [6]. Потребители считают, что данная категория товаров является престижной и подчеркивает наличие статусности их обладателя.

Как мы видим, на потребителя в процессе принятия решения о покупке может воздействовать большое количество факторов, что требует от компаний-продавцов тщательного изучения поведения покупателей. Такое воздействие многих факторов подтверждает необходимость разработки эффективной маркетинговой стратегии и создает возможность выпускать конкурентоспособный товар.

АНАЛИЗ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ И ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Анализ потребителей позволяет определять и систематизировать причины и факторы, оказывающие влияние на процесс принятия потребительского решения [7]. Рассмотрим данный анализ поэтапно.

1. Анализ потребностей, предпочтений и моды. Первый этап осуществляется для понимания того, в чем нуждаются потребители в настоящий момент, какие из желаний все еще не удовлетворены.

2. Исследование восприятия клиентов. Необходимо выяснить, что клиент хочет увидеть и получить, покупая товар или приобретая услугу.

3. Обращение особого внимания на изучение предпочтений основных клиентов. Многие клиенты предпочитают не изменять своим предпочтениям и постоянно приобретают продукцию одной и той же компании. Поэтому некоторые фирмы считают таких клиентов очень важными, так как именно такие покупатели приносят наибольшую прибыль.

4. Проведение ценового сегментирования продукции до запуска на рынок. Выбранный сегмент будет влиять на сам продукт, его цену, способы продвижения и внешний вид [8].

5. Обратная связь с потребителем. Получение информации о реакции потребителя на приобретенную продукцию помогает внедрять важные изменения в рабочий процесс фирмы, основываясь на изучении предложений по внесению корректировок в деятельность организации.

6. Анализ жалоб и претензий. Компании считают данный этап довольно значимым, ведь именно он помогает выявлять даже самые незаметные проблемы и устранять их.

ИЗМЕНЕНИЯ В ПОВЕДЕНИИ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ В 2020–2023 ГГ.

Пандемия Covid-19 получила широкое распространение в большинстве стран мира, в том числе и в России. По данным GFK, глобальной аналитической платформы и консалтингового сервиса в сфере потребительских товаров на базе искусственного интеллекта, коронавирус вызвал тревогу у 77 % потребителей, но более 91 % были обеспокоены не пандемией, а экономическими последствиями после нее [9].

В связи с распространением Covid-19 поведение потребителей прошло три стадии: паника, адаптация и возврат к нормальной жизни. На первой стадии жители РФ были обеспокоены возможным

экономическим кризисом, поэтому, поддавшись панике, массово скупали товары первой необходимости. Очевидно, что потребительская корзина сильно изменилась. Покупатели отдавали предпочтение товарам, не требующим специальных условий хранения (это различные крупы, макаронные изделия, соль, сахар, мука, специи и др.), а также сладостям и товарам бытовой химии. Одним из важных продуктов в потребительской корзине осталось мясо. Активно скупались алкогольная продукция и фармацевтические товары. Важно отметить, что в этот период широко распространились услуги курьеров по доставке товаров, что было связано с нахождением некоторых людей на карантине, а остальные предпочитали не выходить из дома и пользоваться доставкой товаров.

Следующая стадия потребительского поведения началась через несколько недель. Стадия адаптации предполагала приспособление к новым условиям жизни и адекватное реагирование на внешние обстоятельства. Онлайн-супермаркеты и популярные маркетплейсы стали более востребованы среди населения России из-за своего комфорта и безопасности для здоровья. Однако, по данным опросов, многие скучали по оффлайн-покупкам, поэтому люди стали посещать торговые центры (как только это стало возможно), но уже в средствах индивидуальной защиты.

И наконец, последняя стадия стала возвращением к традиционному поведению. Пандемия изменила покупательское поведение, в связи с этим перед компаниями встала задача исследования обновленного спроса и адаптации к новым потребностям людей. Получила новый толчок тенденция поддержания здорового образа жизни. После заболевания коронавирусной инфекцией у человека возникали серьезные проблемы со здоровьем, поэтому предпочтения потребителей стали зависеть от того, какое влияние окажет приобретаемая продукция на их здоровье. Некоторые люди стали воздерживаться от совершения необдуманных покупок и отказывать себе в развлечениях, путешествиях, покупке одежды и бытовой техники. Например, во всем мире до сих пор наблюдается тренд «даунсайзинг» – это уменьшение размера упаковки. Меньший размер позволяет потребителю дешевле купить, а производителю сохранить объем продаж.

В феврале 2022 г. после начала специальной военной операции РФ важность коронавируса резко падает. С этого момента потребители взволнованы политической напряженностью, ухудшением экономической ситуации в России и, в частности, ростом цен на продукты. Европейский союз ввел большое количество санкций в отношении России, которые коснулись импорта и экспорта товаров, транснациональных корпораций, банков, физических лиц и многого другого [10]. В связи с этой ситуацией в стране сложилась тенденция совершения покупок для будущего пользования. Даже, если в покупке не было острой необходимости, потребитель приобретал что-то для своего спокойствия. Покупались товары с длительным сроком хранения, средства гигиены и детское питание. Кроме того, из-за введенных ограничений и ухода с российского рынка ряда зарубежных компаний люди массово скупали продукцию иностранных производителей и бытовую технику. И уже в начале марта 2022 г. на 12 % возросли объемы покупки фармацевтических препаратов по сравнению с прошлым месяцем. Потребители переживали, что с полок пропадут необходимые им лекарства, поэтому приобретали их в большом количестве. У 15 % покупателей поменялось мнение об импортных производителях в худшую сторону. Потребители, чье отношение ухудшилось, называли следующие бренды: Coca-Cola – 27 %, McDonald's – 17 %, Pepsi – 11 %, Danone – 17 %, Nestle – 11 %, L'Oreal – 9 %, P&G – 9 % [11]. Некоторые россияне негативно отнеслись и к популярным брендам одежды, которые прекратили работу в стране. По данным аналитического центра НАФИ, 45 % граждан отметили, что их отношение ухудшилось, но при возвращении таких компаний на российский рынок 63 % покупателей готовы приобретать их продукцию [12].

Сегодня ситуация достаточно удовлетворительная как с продуктами питания, так и с другими товарами. Российские производители смогли заменить только часть продукции зарубежных компаний. Например, компания «Мултон», поглощенная корпорацией The Coca-Cola Company и производящая соки, морсы и другие безалкогольные напитки, активно замещает продукцию Coca-Cola (теперь это «Добрый Cola»), Fanta и Schweppes. А некоторые товары иностранного производства до сих пор имеются в наличии российских супермаркетов. Таким образом, явного товарного дефицита большинство потребителей пока не замечает.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении статьи необходимо отметить, что многие люди привыкли покупать товары и не задумываться, кто является их производителем. Поэтому практически в каждом доме была и есть продукция

импортного производства. При невозвращении зарубежных брендов на российский рынок спрос на их продукцию все равно может остаться. По этой причине национальным производителям теперь необходимо осуществлять свою деятельность с учетом удовлетворения этих потребностей, заменяя товары зарубежного производства отечественными.

Поведение потребителей имеет свои особенности, зависит от целого ряда факторов и может носить исключительно индивидуальный характер. Как правило, покупатели руководствуются собственными вкусами, потребностями, интересами, модой и т.д. Но в современных условиях на потребителей оказывает значительное влияние экономическая и политическая обстановка как в мире, так и в стране. В таких условиях потребительская корзина сильно меняется. Многое зависит от психологического состояния человека в момент совершения покупки. Нередко человек начинает вести себя даже иррационально, поддавшись эмоциям. Все это подчеркивает необходимость глубокого изучения потребительского поведения, особенно в современных российских условиях. Таким образом, компаниям необходимо внимательно следить за спросом на рынке и выстраивать новую маркетинговую политику, учитывающую современные процессы на российском рынке.

Библиографический список

1. Почепский О. (21 января 2021). Клеверенс. *Поведение потребителей: что это такое и какие социальные и психологические факторы влияют на принятие решения о покупке товаров и услуг*. https://www.cleverence.ru/articles/biznes/povedenie-potrebiteley-chto-eto-takoe-i-kakie-sotsialnye-i-psikhologicheskie-faktory-vliyayut-na-pri/ (дата обращения: 05.06.2023).
2. Mango Office. *Поведение потребителей*. https://www.mango-office.ru/products/calltracking/glossary/povedenie-potrebiteley/ (дата обращения: 08.06.2023).
3. Лысова Е.А. Поведение потребителей: содержание понятия, социально-экономическая сущность. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление*. 2019;4: 21–27.
4. Гончаров И.Л., Горелова О.А. Психология потребительского выбора и его влияние на ценообразование в условиях рынка. В*естник университета*. 2020;8:110–116. https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-8-110-116
5. KazEdu. *Основы теории спроса и предложения*. https://kazedu.com/referat/193738/3 (дата обращения: 10.06.2023).
6. Веблен Т. *Теория праздного класса*. Пер. с англ. С. Сорокиной. Санкт-Петербург: Азбука-Аттикус; 2022. 384 с.
7. Энциклопедия маркетинга. *Записки маркетолога. Анализ потребителя*. https://www.marketch.ru/marketing_dictionary/marketing_terms_a/analysis_of_consumer/ (дата обращения: 05.06.2023).
8. Сарычева С. (18 августа 2022). Priceva. *Ценовая сегментация: как провести и внедрить*. https://priceva.ru/blog/article/metodi-i-priemy-raboty-s-tsenoj/tsenovaya-segmentatsiya-kak-provesti-i-vnedrit (дата обращения: 06.06.2023).
9. GFK. *Ориентироваться в маркетинге в сложные времена*. https://www.gfk.com/ru/insights/russian-article-navigating-the-marketing-landscape-in-challenging-times (дата обращения: 10.06.2023).
10. Ткачев И. РБК. *Восьмой пакет санкций ЕС против России. Что важно знать*. https://www.rbc.ru/economics/06/10/2022/633ec9309a7947735697e0fb (дата обращения: 04.06.2023).
11. Adpass. *В сложный период потребители ждут поддержки от брендов: конкретные меры*. https://adpass.ru/v-slozhnyj-period-potrebiteli-zhdut-podderzhki-ot-brendov-konkretnye-mery/ (дата обращения: 03.06.2023).
12. Аналитический центр НАФИ. *Клиенты и потребительское поведение*. https://nafi.ru/solutions/#clients (дата обращения: 10.06.2023).

References

1. Pochepskij O. (21 January 2021). Claverence. *Consumer behavior: what is it and what social and psychological factors influence the decision to purchase goods and services*. https://www.cleverence.ru/articles/biznes/povedenie-potrebiteley-chto-eto-takoe-i-kakie-sotsialnye-i-psikhologicheskie-faktory-vliyayut-na-pri/ (accessed 05.06.2023). (In Russian).
2. Mango Office. *Consumer behavior*. https://www.mango-office.ru/products/calltracking/glossary/povedenie-potrebiteley/ (accessed 08.06.2023). (In Russian).
3. Lysova E.A. Consumer behavior: the content of the concept, socio-economic essence. *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Economics and Management*. 2019;4: 21–27. (In Russian).
4. Goncharov I.L., Gorelova O.A. Psychology of consumer choice and its influence on pricing in market conditions. *Vestnik Universiteta*. 2020;8: 110–116. (In Russian). https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-8-110-116
5. KazEdu. *Fundamentals of the theory of supply and demand*. https://kazedu.com/referat/193738/3 (accessed 10.06.2023). (In Russian).
6. Veblen T. *The theory of the leisure class*. Trans. from Eng. S. Sorokina. Saint Petersburg: Azbuka-Attikus; 2022. (In Russian).

7. Encyclopedia of marketing. *Marketing notes. Consumer analysis.* https://www.marketch.ru/marketing_dictionary/marketing_terms_a/analysis_of_consumer/ (accessed 05.06.2023). (In Russian).
8. Sarycheva S. (18 August 2022). Priceva. Price segmentation: how to conduct and implement. https://priceva.ru/blog/article/metodi-i-priemy-raboty-s-tsenoj/tsenovaya-segmentatsiya-kak-provesti-i-vnedrit (accessed 06.06.2023). (In Russian).
9. GFK. *Navigate marketing in challenging times*. https://www.gfk.com/ru/insights/russian-article-navigating-the-marketing-landscape-in-challenging-times (accessed 10.06.2023). (In Russian).
10. Tkachev I. RBC. *The eighth package of EU sanctions against Russia. What is important to know.* https://www.rbc.ru/economics/06/10/2022/633ec9309a7947735697e0fb (accessed 04.06.2023). (In Russian).
11. Adpass. *In a difficult period, consumers expect support from brands: concrete measures.* https://adpass.ru/v-slozhnyj-period-potrebiteli-zhdut-podderzhki-ot-brendov-konkretnye-mery/ (accessed 03.06.2023). (In Russian).
12. Analytical Center NAFI. *Customers and consumer behavior.* https://nafi.ru/solutions/#clients (accessed 10.06.2023). (In Russian).

УДК 339.5 JEL F19 DOI 10.26425/1816-4277-2023-9-140-148

Международная торговля образовательными услугами в условиях цифровой трансформации

Канунникова Анна Михайловна

Ст. преп. каф. мировой экономики и международных отношений
ORCID: 0000-0003-4449-9344, e-mail: am_filatova@guu.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

В статье проведен анализ методологических основ международной торговли образовательными услугами и современных тенденций развития мирового рынка образования. Выявлено, что одним из ключевых направлений развития является цифровизация глобального рынка образования. Цифровая академическая мобильность набирает популярность в последние годы, особенно в условиях, созданных пандемией Covid-19. В конце 2019 г. – начале 2020 г. сфера образования была повергнута в шок из-за резкого перехода на онлайн-формат: ни преподаватели, ни студенты, ни школьники в большинстве стран мира не были готовы к такому. В настоящее время можно сделать вывод, что мир пережил пандемию, и люди адаптировались к цифровой образовательной среде, но во многих регионах отсутствует подключение к сети «Интернет» и не у каждого имеется доступ к компьютеру, в связи с чем возникает цифровой разрыв. Согласно целям устойчивого развития Организации Объединенных Наций, к 2030 г. планируется обеспечить всех жителей планеты качественным образованием на протяжении всей жизни. В последние годы появилось большое количество EdTech компаний, конкурирующих за лидирующие позиции на мировом рынке онлайн-образования. Дистанционные образовательные платформы позволяют людям из любого уголка мира пройти обучение по интересующим их направлениям. Но в эпоху цифровой трансформации актуальным является вопрос о проблемах и перспективах развития рынка онлайн-образования.

Ключевые слова

Международная торговля услугами, экспорт образовательных услуг, глобальный рынок образования, рынок EdTech, цифровые образовательные платформы, цифровизация образования, онлайн-образование

Благодарности. Работа выполнена по результатам исследований, выполненных за счет средств федерального бюджета по государственному заданию (наименование научной темы – «Разработка стратегии позиционирования России в новой системе координат глобального рынка: векторы многополярности»; рег. номер - 1023042400110-8-5.2.1, код (шифр) научной темы, присвоенной учредителем (организацией) - FZNW-2023-0048).

Для цитирования: Канунникова А.М. Международная торговля образовательными услугами в условиях цифровой трансформации // Вестник университета. 2023. № 9. С. 140–148.

© Канунникова А.М., 2023.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

International trade in educational services in the conditions of digital transformation

Anna M. Kanunnikova

Senior Lecturer at the Department of World Economy and International Economic Relations
ORCID: 0000-0003-4449-9344, e-mail: am_filatova@guu.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The article analyzes the methodological foundations of international trade in educational services and current trends in the development of the global education market. It was revealed that one of the key areas of development is the digitalization of the global education market. Digital academic mobility has been gaining popularity in recent years, especially in the conditions created by the Covid-19 pandemic. At the end of 2019 – beginning 2020, the education sector was shocked due to a sharp transition to the online format: neither teachers, nor students, nor schoolchildren in most countries of the world were ready for this. At present it can be concluded that the world has experienced the pandemic and people have adapted to the digital educational environment, but in many regions there is no Internet connection and not everyone has access to a computer, therefore there is a digital divide. According to the United Nations Sustainable Development Goals, by 2030 it is planned to provide all the inhabitants of the planet with quality education throughout their lives. In recent years a large number of EdTech companies have emerged competing for a leading position in the global online education market. Distance learning platforms allow people from all over the world to receive training in areas of interest to them. But in the era of digital transformation the issue of the problems and prospects for the development of the online education market is relevant.

Keywords

International trade in services, export of educational services, global education market, EdTech market, digital educational platforms, digitalization of education, online education

Acknowledgements. The study was conducted based on the results of research carried out at the expense of the federal budget under the state assignment (name of the scientific topic "Development of a strategy for positioning Russia in a new coordinate system of the global market: multipolarity vectors"; reg. number - 1023042400110-8-5.2.1, code (cipher) of the scientific topic assigned by the founder (organization) - FZNW-2023-0048).

For citation: Kanunnikova A.M. (2023) International trade in educational services in the conditions of digital transformation. *Vestnik universiteta*, no. 9, pp. 140–148.

© Kanunnikova A.M., 2023.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

Образование играет важную роль в стабильном и эффективном социально-экономическом развитии государства. В 2015 г. членами Организации Объединенных Наций (далее – ООН) в рамках повестки по достижению устойчивого развития к 2030 г. были приняты 17 целей (далее – ЦУР) [1]. Цель № 4 – обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования для всех и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни. В свою очередь, образование выступает фактором развития человеческого капитала. Этому феномену как фактору развития экономического потенциала страны посвящены работы таких экономистов, как Джейкоб Минсер, Теодор Шульц, Гэрри Беккер и других.

Сфера образования под влиянием внешних факторов претерпевает значительные изменения. В быстро меняющемся глобализирующемся мире происходят интенсивный рост и масштабирование инноваций [2; 3]. Экономика подавляющего числа развитых стран строится на наукоемких технологиях, что требует соответствующего уровня образования, компетенций и знаний у специалистов. Это формирует особый запрос на кадры высшей квалификации, а также необходимость обучения на постоянной основе и приобретения компетенций под меняющиеся условия рынка труда.

В условиях цифровой трансформации главный вызов для развития человеческого капитала – скорость трансформации социотехнологической инфраструктуры, в частности, образовательных платформ и ресурсов. Значительный рост спроса и предложения на рынке онлайн-образования вызвали пандемия Covid-19 и последовавшие за ней ограничения для очного обучения. Цифровые технологии стали ключевым компонентом практически во всех областях, связанных с пандемией: разработка вакцины, переход на онлайн-обучение и удаленную работу, и электронная торговля. Но в свете существующего цифрового разрыва между теми людьми, которые имеют свободный доступ к сети «Интернет» (далее – Интернет), и теми, кто его лишен, возникает очередная проблема неравенства.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ УСЛУГАМИ

В условиях глобализации мировой экономики международная торговля образовательными услугами приобретает все более важное значение. Доля сферы услуг растет в национальном валовом внутреннем продукте (далее – ВВП) и в занятости, причем доля образовательных услуг в ВВП развитых стран существенно превышает показатели развивающихся стран. Услуги в области образования существенно влияют на развитие как всей экономики, так и отдельных ее отраслей.

Торговля услугами – сегмент международной торговой деятельности, который имеет наиболее динамичное развитие и в меньшей степени зависит от колебаний мировой конъюнктуры. Согласно классификации Всемирной торговой организации (далее – ВТО), услуга является объектом международной торговли при условии, что поставщик и покупатель являются резидентами разных стран.

В соответствии с положениями Генерального соглашения по торговле услугами (далее – ГАТС) международная торговля услугами, в том числе образовательными, осуществляется четырьмя способами:

1) трансграничный способ предоставления услуг. Под данным способом понимается получение дистанционного образования в зарубежном университете. В этом случае границу пересекает только сама услуга, а обучающийся и поставщик услуги в этот момент находятся на территории своих государств;

2) потребление за рубежом. Данный способ подразумевает собой получение образования за границей и является наиболее распространенным на глобальном рынке образовательных услуг. Иностранному гражданину как нерезиденту оказывается образовательная услуга в месте его временного пребывания;

3) коммерческое присутствие. Данный способ подразумевает учреждение филиалов, представительств на территории других государств и становится все более привлекательным для стран-экспортеров образовательных услуг, так как позволяет охватывать те группы иностранных граждан, которые не имеют возможности выехать за рубеж для получения образования;

4) присутствие физических лиц. Данный способ предполагает мобильность преподавателей для оказания образовательных услуг за границей. В данном случае производство услуги командируемым преподавателем иностранного вуза и потребление образовательной услуги местными гражданами трактуется как экспортно-импортная операция. Для иностранного вуза это будет являться активным экспортом образовательной услуги на территории принимающей страны [4].

Согласно Руководству по статистике международной торговли услугами (РСТМУ–2010), данные по торговле образовательными услугами отражаются в следующих статьях платежного баланса:

– группа 4. Поездки. В данной группе отражается приобретение у нерезидентов услуг, связанных с получением образования, например, плата за обучение, питание, проживание, транспорт и другие расходы иностранных обучающихся (2 способ поставки услуг);

– группа 11. Услуги частным лицам и услуги в сфере культуры и отдыха. К данной группе относятся расходы на образование, связанные с применением дистанционных образовательных технологий, а также с привлечением иностранных преподавателей в принимающем вузе (1 и 4 способы поставки услуг) [5].

Влияние глобализации и интенсивное развитие наукоемких технологий усиливают необходимость расширения торговли услугами. Развитые страны традиционно занимают лидирующие позиции в сфере услуг. В 2022 г. экспорт коммерческих услуг составил 7 043 млрд долл. США (табл. 1) [6].

Таблица 1

Ведущие экспортеры коммерческих услуг по категориям «Поездки» и «Услуги частным лицам и услуги в сфере культуры и отдыха» в 2022 г.

Страна	Экспорт коммерческих услуг, млрд долл. США		
	Всего	Поездки	Услуги частным лицам и услуги в сфере культуры и отдыха
Европейский союз (экспорт за пределы ЕС)	1 377	154,2	19,1
США	900	136,9	26,8
Великобритания	492	68,2	6,7
Индия	309	21,4	3,8
Сингапур	291	11,8	2,5
Объединенные Арабские Эмираты	154	61,1	3,7
Канада	122	24,0	4,9
Австралия	50	23,1	5,0

Составлено автором по материалам источника [6]

Лидерами на мировом рынке экспорта услуг в 2022 г. стали США, Великобритания, Китай, Германия и Ирландия. По оценке ВТО, в 2022 г. экспорт компьютерных услуг во многих странах и в некоторых регионах значительно вырос. К примеру, в 2022 г. экспорт компьютерных услуг Индии поднялся на 42 % по сравнению с 2020 г. Резкий скачок был зафиксирован в большинстве стран, что значительно контрастирует со спадом в других секторах услуг.

Сильное влияние на международную торговлю услугами оказала цифровая трансформация [7; 8]. В этой связи возникло понятие «цифровые услуги». Их доля существенно возросла благодаря цифровизации, телекоммуникационным технологиям и Интернету. На современном этапе развитие международной торговли услугами обеспечивается цифровыми платформами, а ключевым фактором производства становится информация. Формируется монополия платформ из небольшого числа игроков в каждом сегменте, которые на основе сетевых эффектов с помощью искусственного интеллекта и инновационных услуг агрегируют все большие объемы данных. Образование, в частности высшее, также относится к категории торговли услугами. При этом экспорт образовательных услуг является не только экономической категорией, он также имеет большое значение как фактор глобальной конкурентоспособности национальной системы образования.

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ГЛОБАЛЬНОГО РЫНКА ОБРАЗОВАНИЯ

В настоящее время наблюдается ежегодная тенденция роста мирового рынка образования. В 2022 г. число иностранных студентов в мире превысило 6,4 млн чел. (для сравнения: в 2014 г. данный показатель не превышал 4 млн чел.). Ведущими экспортерами образовательных услуг являются страны

с развитой экономикой и современной инфраструктурой образовательных учреждений: США, Великобритания, Канада, Франция, Австралия и Россия (табл. 2) [9].

Таблица 2

Страны лидеры по приему иностранных студентов в 2021 г. и 2022 г.

№ п/п	Страна	Численность иностранных студентов 2021 г., чел.	Численность иностранных студентов 2022 г., чел.
1.	США	914 095	948 519
2.	Великобритания	601 205	633 910
3.	Канада	256 455	552 580
4.	Франция	370 052	364 756
5.	Австралия	429 382	363 859
6.	Россия*	395 263	351 127
7.	Германия	319 902	324 729
8.	Китай	-	221 653
9.	Япония	218 783	201 877
10.	Италия	112 010	125 470

Примечание: * По данным Project Atlas. Согласно данным Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, число иностранных студентов, обучающихся по очной форме обучения на программах бакалавриата, специалитета и магистратуры в 2021 г. составило 324,1 тыс. чел.

Составлено автором по материалам источника [9]

Доминирующее положение на рынке образовательных услуг занимают наиболее развитые страны Северной Америки, Западной Европы и Австралия. Россия незначительно отстает от пятерки лидеров и при этом традиционно выступает страной привлекательной для абитуриентов постсоветского пространства, стран Азии и Африки.

Общая мировая тенденция, оказывающая непосредственное влияние на рост торговли образовательными услугами, – это увеличение расходов государств на образование. Государственные расходы на образование в процентах к ВВП разнятся: Швеция – 7 %, Великобритания – 4,2 %, Франция – 5,2 %, Германия – 4,7 %, США – 4,1 %, Республика Корея – 4 %, Италия – 3,8 %, Россия – 3,6 %. Несмотря на то что Россия по расходам отстает от большинства стран ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития), по данным статистики сборника «Индикаторы образования 2023», Российская Федерация (далее – РФ) показывает стабильную положительную динамику увеличения расходов на образование: с 2006 г. по 2021 г. в текущих ценах расходы на образование выросли с 1 376,4 млрд руб. до 5 423,9 млрд руб.; в постоянных ценах – на 12 % с 2010 г. по 2021 г. [10].

Для современного мирового рынка образовательных услуг характерен ряд следующих тенденций:

1) постоянный рост масштабов глобального рынка образования;
2) ускорение процесса интернационализации мирового рынка образовательных услуг;
3) усиление конкурентной борьбы за талантливых иностранных студентов;
4) совершенствование экспортной политики государств в сфере международной торговли образовательными услугами;
5) цифровая трансформация мирового рынка образования.

В глобализирующемся мире цифровизация высшего образования является неотъемлемым элементом, необходимым для удержания позиций на мировом рынке образовательных услуг. В связи с интенсивным развитием информационно-коммуникационных технологий системы высшего образования должны обеспечивать уверенный переход в цифровую эпоху, ориентированную на удовлетворение потребностей современного информационного общества. В общем смысле процесс цифровой трансформации образования направлен на обеспечение непрерывности образования в течение всей жизни и на овладение компетенциями в области цифровой экономики всеми желающими.

Ускоренному развитию глобального рынка онлайн-образования (далее – EdTech), поспособствовала пандемия Covid-19. В 2021 г. объем глобального рынка онлайн-образования составил 269,87 млрд долл. США.

Согласно прогнозам компании Research and Markets, в 2027 г. объем рынка составит 585,48 млрд долл. США [11]. Быстрый рост услуг в области онлайн-образования увеличит и его процентную долю в объеме всего мирового рынка образовательных услуг. В 2019 г. мировой рынок образовательных услуг измерялся суммой в 6,5 трлн долл. США (расчетный показатель к 2025 г. – 8 трлн долл. США, к 2030 г. – 10 трлн долл. США). На цифровизированную часть рынка сейчас приходится до 4 % от его совокупного объема [12].

Рынок EdTech можно условно разделить на 2 сегмента: компании-разработчики программного обеспечения и компании-разработчики электронных курсов и учебного контента. Несмотря на то, что данный рынок относительно еще молод, он имеет достаточно сложную структуру и включает в себя следующие направления.

B2C и B2G:

1) массовые открытые онлайн-курсы (MOOCs);
2) мобильные приложения;
3) обучение по видеоконференцсвязи;
4) видео-уроки.

B2B:

1) индивидуальные образовательные решения;
2) корпоративные онлайн-курсы [13].

В последнее время наибольшую популярность набирает использование образовательных платформ. Наиболее крепкие и выигрышные позиции на рынке EdTech у США и стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Далее следуют компании-лидеры рынка онлайн-образования: Lynda.com (США), Tata Interactive Systems (Индия), Mcgraw-hill Education (США), Blackboard Inc. (США), Aptara Inc. (США), Powerschool Group LLC (США), K12 Inc. (США), Skills2learn Ltd. (Великобритания), City & Guilds Group (Великобритания) [14].

При этом российские исследователи Н. Родыгина, В. Мусихин, О. Азарова, М. Логина в статье «Некоторые тренды глобального рынка образовательных услуг» выделяют следующие компании-лидеры мирового рынка онлайн-образования: Coursera, EDX, Udemy, Skillshare, Google Digital Garage, LDS, Elucidat, Thinkific, LearnWorlds, Duolingo [15].

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ МИРОВОГО РЫНКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

Особенность современного состояния рынка образовательных услуг заключается во все большем внедрении цифровых технологий в учебный процесс. В условиях массовой «онлайнизации» образование выступает и как объект международной торговли услугами, и как инновация с точки зрения платформенных решений и агрегации информации. Сочетание этих факторов приводит к противоречивым последствиям. С одной стороны, доступ к знаниям становится массовым и открытым, независимо от места проживания потребителя услуги. С другой стороны, как показывает анализ динамики из Доклада ООН о ЦУР 2020 г., дистанционное обучение остается недоступным для большинства учащихся в беднейших странах. Статистика показывает острый цифровой разрыв между странами: в Европе доступ к Интернету в 2019 г. имели 87 % домохозяйств, в Африке – 18 %. Отмечается также разница в уровнях владения компьютерными навыками: в Европе – 78 %, в африканских государствах – 11 % [16]. Таким образом, рост «онлайнизации» образования ведет к увеличению разрыва между развитыми и развивающимися странами, а также к формированию и укреплению стейкхолдеров-монополистов на рынке.

Отдельно стоит отметить, что в настоящее время наблюдается тенденция к индивидуализации образования, в том числе с применением платформенных решений, что повышает качество образования за счет подготовки специалистов с уникальным набором компетенций [17].

Все это приводит к росту конкуренции на рынке, который «выталкивает» слабых игроков, неспособных адаптировать свои образовательные программы в онлайн-пространстве, регулярно их обновлять и подстраивать под запрос пользователей. И здесь проблема носит в том числе международный аспект – страны-лидеры в сфере высшего образования еще больше укрепляют свои позиции за счет платформизации и онлайн-доступа к образованию.

ООО «Нетология» – одна из российских компаний-стейкхолдеров онлайн-образования, которая провела собственное исследование российского рынка онлайн-образования. В рамках анализа выделены ключевые тренды, многие из которых присущи общемировым:

– высокий спрос на IT-специальности;
– повышение роли проектов в области цифровой грамотности;
– рост интереса к освоению российского программного обеспечения и сервисов;
– расширение рынка и конкуренция онлайн-экосистем;
– подготовка рабочих профессий;
– реализация совместных программ онлайн-образования с университетами;
– увеличение спроса на программы повышения квалификации и переквалификации;
– коллаборация бизнеса и государства в рамках реализации государственных программ и проведения просветительских мероприятий;
– междисциплинарность на стыке традиционных отраслей и новых технологий [18].

Эксперты компании ООО «Нетология» подсчитали, что инвестиции в сфере EdTech с 2019 г. по 2021 г. выросли почти в 3 раза с 7,7 млрд долл. США до 20,1 млрд долл. США [18]. При этом стоимость контрактов повысилась, но снизилось их количество. Эти данные подтверждают монополизацию на рынке онлайн-образования.

По данным исследования европейского венчурного фонда в сфере онлайн-образования Brighteye, выделены 5 ключевых регионов по объему венчурных инвестиций: США (9,3 млрд долл. США), Индия (4,08 млрд долл. США.), Европа (2,5 млрд долл. США.), Китай (1,9 млрд долл. США) и другие страны (2,5 млрд долл. США) [19]. Китай продемонстрировал бурный рост в 2020 г. и резкое падение (в 4 раза) в 2021 г. Отрицательная динамика связана с рядом ограничений в стране для деятельности компаний EdTech. Остальные регионы в рамках исследования показывают общую тенденцию к росту, при этом по сравнению с 2020 г. показатель роста оказался многократным – от 2,2 до 3 раз [19].

Количество «компаний-единорогов», которые были оценены на 1 млрд долл. США и выше, в 2021 г. возросло. По оценке Holon IQ, одной из ведущих платформ изучения рыночной конъюнктуры, количество гигантов рынка онлайн-образований после пандемии выросло с 16 до 38, причем 17 из них получили статус «единорогов» в 2021 г. [20].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время глобальный рынок онлайн-образования сталкивается с несколькими основными тенденциями и проблемами. Во-первых, быстрый переход к формату получения образования с применением дистанционных технологий, вызванный пандемией Covid-19, привел к увеличению спроса на услуги онлайн-образования. Во-вторых, наблюдается растущая тенденция к персонализированному и адаптивному обучению с образовательными онлайн-платформами, включающими технологии искусственного интеллекта и машинного обучения, а также предлагающих индивидуальный подход к получению образования. Данные тренды подтверждаются прогнозами компании Research and Markets: ожидается, что к 2027 г. глобальный рынок онлайн-образования достигнет 585 млрд долл. США, а совокупный годовой темп роста составит примерно 13,8 % [11].

Однако сфера онлайн-образования может столкнуться с такими проблемами, как обеспечение качества и аккредитация онлайн-курсов. Также остро стоит вопрос сокращения цифрового разрыва и неравного доступа к технологиям и подключения к Интернету. Тем не менее общий прогноз сегмента онлайн-образования остается положительным, и в ближайшие годы у него есть большой потенциал роста.

В контексте платформизации обучения противоречивым также остается вопрос возможности подготовки специалистов с прикладными компетенциями полностью в онлайн-формате, например, в области медицины или инженерии. Специалисты сходятся во мнении, что реализованные симуляторы не способны полностью заменить очные модули подготовки. А значит, не все профессии подлежат освоению в полной мере с помощью цифровых решений. Следовательно, говорить о вытеснении традиционного рынка образования онлайн-рынком пока рано.

Библиографический список

1. Организация Объединенных Наций. *Повестка дня в области устойчивого развития.* https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/ (дата обращения: 01.06.2023).
2. Кириллов В.Н., Миллер Я.В. Глобальные цепочки создания стоимости в контексте новых вызовов развития мировой экономики. *Российский внешнеэкономический вестник.* 2021;2:86–97.

3. Щенин Р.К., Поляков В.В. и др. *Мировая экономика и международные экономические отношения*. М.: Юрайт; 2016. 346 с.
4. WTO. *Education services*. https://www.wto.org/english/tratop_e/serv_e/education_e/education_e.htm (дата обращения: 02.06.2023).
5. Организация Объединенных Наций. *Руководство по статистике международной торговли услугами*. https://unstats.un.org/unsd/publication/Seriesm/seriesM_86Rev1r.pdf (дата обращения: 04.06.2023).
6. WTO. *World Trade Statistical Review 2023*. https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/wtsr_2023_ch5_e.pdf (дата обращения: 04.06.2023).
7. Лесюк М.И., Смирнов Е.Н. Направления цифровой трансформации международной торговли услугами в условиях глобального кризиса. *E-Management*. 2022;5(2):91–98.
8. Смирнов Е.Н. Международная торговля услугами в условиях цифровизации: поиск оптимального подхода к регулированию. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2020; 3:35–51.
9. Project Atlas. *Global Mobility Trends 2022*. https://www.iie.org/wp-content/uploads/2023/03/Project-Atlas_Infographic_2022.pdf (дата обращения: 05.06.2023).
10. Бондаренко Н.В., Варламова Т.А., Гохберг Л.М. и др. *Индикаторы образования 2023: статистический сборник*. М.: НИУ ВШЭ; 2023. 432 с.
11. Research and Markets. *Online education market*. https://www.researchandmarkets.com/reports/5521683/online-education-market-size-global-forecast (дата обращения: 06.06.2023).
12. TalentTech. *Исследование рынка онлайн-образования*. https://main.talenttech.ru/research/issledovanie-rynka-onlajn-obrazovaniya/#chast1 (дата обращения: 06.06.2023).
13. Канунникова А.М., Мога И.С. Современные тенденции развития электронного образования: мировой опыт и российская практика. В кн.: *Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика: Smart Nations: экономика цифрового равенства: материалы III Международного научного форума, Москва, 09–10 декабря 2019 года. Том Выпуск 2*. М.: Государственный университет управления; 2020. С. 195–201.
14. Vantage Market Research. *Online Education Market Size*. https://www.globenewswire.com/en/news-release/2023/03/14/2626925/0/en/Online-Education-Market-Size-Share-to-Surpass-USD-602-Billion-by-2030-Vantage-Market-Research.html (дата обращения: 08.06.2023).
15. Родыгина Н.Ю., Мусихин В.И., Азарова О.А., Логина М.В. Некоторые тренды глобального рынка образовательных услуг. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2022;3:66–84.
16. Организация Объединенных Наций. Доклад о Целях в области устойчивого развития. https://unstats.un.org/sdgs/report/2020/The-Sustainable-Development-Goals-Report-2020_Russian.pdf (дата обращения: 08.06.2023).
17. Медкова А.К. Индивидуализация и персонализация в обучении: сравнительный анализ. *Вестник экспериментального образования*. 2022;4(33):21–30.
18. ООО «Нетология». *Аналитический отчет «Исследование российского рынка онлайн-образования» 2022*. https://netology.ru/blog/06-2022-edtech-research (дата обращения: 09.06.2023).
19. Brighteye Venture. *The European Edtech Funding Report 2022*. https://docsend.com/view/jz3gpvpdibmqqqt7 (дата обращения: 09.06.2023).
20. Holon IQ. *Global EdTech Venture Capital Report - Full Year 2021*. https://www.holoniq.com/notes/global-edtech-venture-capital-report-full-year-2021 (дата обращения: 09.06.2023).

References

1. The United Nations. *The Sustainable Development Agenda*. https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/ (accessed 01.06.2023). (In Russian).
2. Kirillov V.N., Miller Ya.V. Global value chains in the context of new challenges in the development of the world economy. *Russian Foreign Economic Bulletin*. 2021;2:86–97. (In Russian).
3. Shchenin R.K., Polyakov V.V. et al. World economy and international economic relations. M.: Yurayt; 2016. 346 p. (In Russian).
4. WTO. *Education services*. https://www.wto.org/english/tratop_e/serv_e/education_e/education_e.htm (accessed 02.06.2023).
5. The United Nations. *Manual on Statistics of International Trade in Services*. https://unstats.un.org/unsd/publication/Seriesm/seriesM_86Rev1r.pdf (accessed 04.06.2023). (In Russian).
6. WTO. *World Trade Statistical Review 2023*. https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/wtsr_2023_ch5_e.pdf (accessed 04.06.2023).
7. Lesyuk M.I., Smirnov E.N. Directions of digital transformation of international trade in services in the context of the global crisis. *E-Management*. 2022;5(2):91–98. (In Russian).

8. Smirnov E.N. International trade in services in the context of digitalization: the search for an optimal approach to regulation. *Russian Foreign Economic Bulletin*. 2020;3:35–51. (In Russian).
9. Project Atlas. *Global Mobility Trends 2022*. https://www.iie.org/wp-content/uploads/2023/03/Project-Atlas_Infographic_2022.pdf (accessed 05.06.2023).
10. Bondarenko N.V., Varlamova T.A., Gokhberg L.M. et al. *Education Indicator 2023: statistical collection*. Moscow: HSE; 2023. (In Russian).
11. Research and Markets. *Online education market*. https://www.researchandmarkets.com/reports/5521683/online-education-market-size-global-forecast (accessed 06.06.2023).
12. TalentTech. *Online education market research*. https://main.talenttech.ru/research/issledovanie-rynka-onlajn-obrazovaniya/#chast1 (accessed 06.06.2023). (In Russian).
13. Kanunnikova A.M., Moga I.S. Modern trends in the development of e-education: world experience and Russian practice. *In: Step into the Future: Artificial Intelligence and Digital Economy: Smart Nations: The Economy of Digital Equality: Proceedings of the III International Scientific Forum, Moscow, December 09-10, 2019. Volume Issue 2*. Moscow: State University of Management; 2020. Pp. 195-201. (In Russian).
14. Vantage Market Research. *Online Education Market Size*. https://www.globenewswire.com/en/news-release/2023/03/14/2626925/0/en/Online-Education-Market-Size-Share-to-Surpass-USD-602-Billion-by-2030-Vantage-Market-Research.html (accessed 08.06.2023).
15. Rodygina N.Yu., Musikhin V.I., Azarova O.A., Logina M.V. Some trends in the global market of educational services. *Russian Foreign Economic Bulletin*. 2022;3:66–84. (In Russian).
16. The United Nations. *Report on the Sustainable Development Goals 2020*. https://unstats.un.org/sdgs/report/2020/The-Sustainable-Development-Goals-Report-2020_Russian.pdf (accessed 08.06.2023). (In Russian).
17. Medkova A.K. Individualization and personalization in education: a comparative analysis. *Bulletin of experimental education*. 2022;4(33):21–30. (In Russian).
18. Netologiya LLC. *Analytical report "Research of the Russian online education market" 2022*. https://netology.ru/blog/06-2022-edtech-research (accessed 09.06.2023). (In Russian).
19. Brighteye Venture. *The European Edtech Funding Report 2022*. https://docsend.com/view/jz3gpvpdibmqqqt7 (accessed 09.06.2023).
20. Holon IQ. *Global EdTech Venture Capital Report - Full Year 2021*. https://www.holoniq.com/notes/global-edtech-venture-capital-report-full-year-2021 (accessed 09.06.2023).

УДК 338.262 JEL O15 DOI 10.26425/1816-4277-2023-9-149-157

Обеспечение конкурентоспособности в XXI веке: развитие организационных способностей в условиях интернет-экономики

Мадьяров Азат Альбертович

Канд. социол. наук, бизнес-тренер
ORCID: 0000-0002-4911-7790, e-mail: am.1818@mail.ru

Автономная некоммерческая организация дополнительного профессионального образования «Московская бизнес школа», г. Москва, Россия

Аннотация

Актуальность данного исследования связана с происходящими изменениями общего контекста и с необходимостью изучения источников конкурентного преимущества в XXI в. Систематизация методов целеполагания как критериев качества управления и развития организационных способностей приобретает особую важность в условиях формирования интернет-экономики.Для подготовки данной публикации в качестве теоретической базы использовались труды отечественных и зарубежных ученых-практиков. Основным методом исследования выступает анализ источников, раскрывающих практические особенности развития организационных способностей в условиях становления информационного общества. Выявлено, что обеспечение конкурентоспособности на основе организационных способностей коррелирует с формированием более инновационных механизмов развития. Замечено, что традиционное мышление менеджмента может привести к рассогласованию стратегии организации и ее окружения, затрудняя реализацию стратегического процесса. В заключении статьи приводятся основные результаты и формулируются краткие выводы исследования, подчеркивающие важность продолжения изучения управленческих практик XXI в.

Ключевые слова

Информационное общество, интернет-экономика, организационные способности, конкурентоспособность, стратегический контекст, подрывные технологии

Для цитирования: Мадьяров А.А. Обеспечение конкурентоспособности в XXI веке: развитие организационных способностей в условиях интернет-экономики // Вестник университета. 2023. № 9. С. 149–157.

© Мадьяров А.А., 2023.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Ensuring competitiveness in the XXI century: development of organizational skills in the conditions of the Internet economy

Azat A. Madyarov
Cand. Sci. (Sociol.), Business Coach
ORCID: 0000-0002-4911-7790, e-mail: am.1818@mail.ru

Utonomus non-profit organization of additional professional education «Moscow Business School», Moscow, Russia

Abstract

The relevance of this study is related to the ongoing changes in the general context and the need to study the sources of competitive advantage in the XXI century. The systematization of goal-setting methods as criteria for the quality of management and the development of organizational abilities is of particular importance in the context of the formation of the Internet economy. To prepare this publication, the works of domestic and foreign scientists and practitioners were used as a theoretical basis. The main method of research is the analysis of sources that reveal the practical features of the development of organizational abilities in the conditions of the formation of the information society. It is revealed that ensuring competitiveness based on organizational abilities correlates with the formation of more innovative development mechanisms. It is noted that the traditional thinking of management can lead to a mismatch of the strategy of the organization and its environment, making it difficult to implement the strategic process.In conclusion, the article presents the main results and formulates brief conclusions of the study, emphasizing the importance of continuing the study of management practices of the XXI century.

Keywords

Information society, Internet economy, organizational abilities, competitiveness, strategic context, disruptive technologies

For citation: Madyarov A.A. (2023) Ensuring competitiveness in the XXI century: development of organizational skills in the conditions of the Internet economy. *Vestnik universiteta*, no. 9, pp. 149–157.

© Madyarov A.A., 2023.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

Реализация национальной программы развития отечественной цифровой экономики до 2035 г. предусматривает переход на качественно новую структуру экономических активов, отвечающих приоритетам цифровой экономики [1]. Обеспечение технологического лидерства страны в условиях формирования глобального цифрового пространства напрямую связано с совершенствованием организационных способностей российских компаний.

Объектом настоящего исследования является деятельность российских компаний в условиях интернет-экономики с точки зрения реализации стратегического процесса за счет совершенствования методов целеполагания. Предметом данной научной работы выступает обеспечение конкурентоспособности на основе развития организационных способностей.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Являясь частью стратегического процесса, организационные способности характеризуют «способность фирмы привлекать ресурсы для получения желаемого результата», отражая «в чем именно организация превосходит своих конкурентов». Способности, «основные для стратегии и эффективной деятельности» («ключевые компетенции» по Прахаладу и Хэмелу), характеризуются «непропорционально» большим вкладом «в окончательную потребительскую ценность», а также обеспечивают основу «для проникновения на новые рынки» [2, с. 145–146].

Принимая во внимание важность развития организационных способностей как фактора обеспечения конкурентного преимущества современной компании, Р. Грант признает тот факт, что «общие функциональные способности объединяются и формируют группы более высокого уровня – межфункциональные способности: к разработке нового товара, к развитию бизнеса, к разработке решений для покупателей» [2, с. 149].

Р. Дафт, раскрывая механизм обеспечения конкурентоспособности в XXI в., уточняет понятие организационного развития, коррелирующее с необходимостью постоянного прогрессирования способностей: «Совершенствование деятельности на основе доверия, открытого решения проблем, делегирования полномочий подчиненным и вовлечения их в деятельность организации, осмысленности работы, кооперации групп и полной реализации человеческого потенциала» [3, с. 691].

Известный российский исследователь-практик (консультант по управлению) А. Пригожин по-своему описал процесс развития организационных способностей, разделив его на пять уровней (по мере возрастания качества управления): управление по заданиям (min), управление по процессам, управление по правилам, управление по целям, управление по ценностям (max) [4].

Согласно данной классификации, переход от управления по заданиям к управлению по ценностям фактически соответствует формированию и развитию межфункциональных способностей, обеспечивающих реализацию стратегического процесса, т.е. повышение конкурентоспособности в условиях нестабильного и непредсказуемого внешнего окружения интернет-экономики. Тем более, что «способности, в отличие от многих других ресурсов, не продаются на рынках, а должны создаваться внутри организации» [5, с. 66].

Классификация А. Бахру дополняет ресурсную теорию Р. Гранта, конкретизируя иерархическую структуру способностей, инновационная результативность которых возрастает [5]:

- способности выполнять отдельные задачи «низшего» / «локального» уровня воздействия;
- специализированные способности;
- функциональные способности;
- межфункциональные способности «высшего / инновационного» уровня результативности.

Будущее организации зависит от выбора методов определения контрольных параметров, которые являются планируемым результатом или мотивом деятельности. А. Пригожин, расшифровывая методы целеполагания как критерии качества управления (индикаторы совершенствования организационных способностей), выделяет следующие категории целевых установок: заданное (пассивное), конкурентное (состязательное) и ценностное определение целей [4].

При этом в неопределенной среде интернет-экономики внешние изменения происходят настолько часто и быстро, что вопросы развития организации начинают превосходить (по своей значимости) обеспечение

стабильного функционирования: «на новых рынках, создаваемых „подрывными“ технологиями, чаще всего нужны совсем другие навыки» [6, с. 231].

Гибкость и свобода как признаки информационного общества актуализируют применение особых методов управления [7]. Инновационная результативность, основанная на реализации принципов интернет-экономики (глобальный характер деятельности, пиринг, открытость и шеринг), определяет новые направления развития организационных способностей, повышая потребность в делегировании, координации и сотрудничестве для обеспечения конкурентоспособности в XXI вв.:

1) доступ к зарубежным потребителям и профессионалам достигается за счет создания условий для повышения эффективности сотрудничества;

2) самоорганизация и горизонтальные взаимодействия (такие взаимодействия предполагают отказ от командно-административных ценностей, препятствующих обеспечению глобальной конкурентоспособности);

3) привлекательность для внешних человеческих ресурсов;

4) интеллектуальная открытость позволяет развивать сотрудничество [8].

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Организационные способности современной компании в условиях интернет-экономики должны привлекать персонал, ориентированный на реализацию возможностей информационного общества. При этом потребность в обеспечении системности (организационный порядок / управляемость + динамика / активный персонал с высоким инновационным потенциалом [9]) стимулирует разрешение проблемы управления XXI в. (дилеммы «порядок-развитие»).

Руководство-собственники компании ПАО «ГМК „Норильский никель“» (далее – Норникель) действовали традиционно, когда допустили экологическую катастрофу: выбор заданного метода определения целевых параметров «от угроз – проблем» руководством компании в условиях интернет-экономики оказался ошибочным [10]. В результате этого снизилась способность Норникеля привлекать ресурсы для получения желаемого результата («компания Норникель по итогам 2019 г. стала лучшим работодателем России по версии журнала Forbes; однако после экологической катастрофы в мае 2020 г. Норникель выбыл из десятки лидеров, опустившись на 14-е место списка» [10, с. 20]) [2].

Основной проблемой, в решение которой вносит вклад данное исследование, является обеспечение конкурентоспособности российских компаний за счет развития их организационных способностей. Основными задачами настоящего исследования являются систематизация и сравнительная характеристика систем управления, т.е. методов целеполагания в контексте интернет-экономики, обеспечивающих конкурентоспособность российских компаний на основе развития их организационных способностей с учетом разрешения дилеммы «порядок – развитие».

МАТЕРИАЛЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Любая организация, согласно концепции А. Пригожина, проходит несколько стадий трансформации своей системы управления. Переход от использования простых методов целеполагания к более сложным обосновывается следующими особенностями (ниже приводится краткая характеристика систем управления, т.е. методов целеполагания):

1) управление по заданиям/заданные методы целеполагания (табл. 1).

Таблица 1

Заданные методы целеполагания

Метод	Содержание	Примеры/ критерии
1. От проблем	Организационные патологии – препятствия достижения целевых параметров и причины проблем/ ресурсных разрывов (по Р. Гранту)	Организационная диагностика внедрения инноваций в ПАО «Сбербанк»: выявление и решение проблем на нижних уровнях управления [8]
2. От угроз	Вызовы информационного общества, индустрии 4.0 и интернет-экономики; угрозы «подрывных» инноваций	Внедрение программы «Цифровой инвестор» в «Норникеле» после экологической катастрофы из-за низкой вовлеченности персонала [10]

Окончание табл. 1

Метод	Содержание	Примеры/ критерии
3. От потребностей	Удовлетворение потребностей организации внутри своей популяции, характеристики которой определяются организационно-правовой формой хозяйствования	Критерии изоморфизма*: 1) наличие прибыли** (коммерческие организации); 2) участие работников в управлении (народные предприятия)
4. От заданий	1) на макроуровне: целевое государственное финансирование в заданных рамках расходования бюджетных ресурсов с указанным результатом; 2) на микроуровне: директивный стиль лидерства	Спускаемые «сверху» программы/ проекты (например, по обеспечению вхождения университетов в топ-100 мира) характеризуются шаблонностью и фрагментарностью регулирования, отсутствием системного результата [11]

Примечание: * изоморфизм - процесс гомогенизации; ** в соответствии с выбранной организационно-правовой формой хозяйствования

Составлено автором по материалам исследования

Общее содержание:

– имитационное или фрагментарное, примитивное управление самого низкого качества;

– регулирование отличается нечеткостью и несвоевременностью;

– не обеспечивается инновационная результативность.

На микроуровне:

– руководитель дает задания подчиненным, не разъясняя целей работы в целом;

– критерием результативности является точное исполнение – инициатива исключается;

– директивный стиль лидерства предполагает реализацию поведенческих норм, связанных с жестким и демонстративным контролем дисциплины без каких-либо колебаний и сомнений.

На макроуровне:

– передовой опыт других компаний (из иных организационно-правовых популяций/ отраслей) игнорируется, возможности внедрения технологических нововведений упускаются;

– вышестоящий орган управления выделяет финансирование подотчетным организациям, периодически и нерегулярно отслеживая исполнение, досконально не проработав параметры мероприятий по реализации поставленных задач и не проводя комплексного анализа последствий от внедрения данного проекта для рынка в целом (вместо усиления конкуренции это приводит к «искажению стратегического пространства» [11, с. 357]);

– основным критерием результативности является получение и освоение выделенных вышестоящим руководством средств;

– демонстративные декларации о локальных успехах и сокрытие общих институциональных организационных проблем, исключающее системное развитие.

2) управление по процессам:

– содержание: руководство и/ или «команды постоянного совершенствования» разрабатывают стандарты/ последовательность операций, обучают точному исполнению цикла;

– плюсы: система менеджмента качества основывается на процессном подходе, который позволяет стандартизировать операционную деятельность, определяя критерии/ показатели эффективности процессов и подпроцессов;

– последствия: совершенствование операционной деятельности (реализация концепций кайдзен, бережливого производства, реинжиниринга) используется для «поддержки» существующей ситуации, вступая в противоречие с внедрением «прорывных» и «подрывных» технологий, если «скорость технологического прогресса» опережает потребности рынка [12; 6, с. 14];

3) управление по правилам:

– содержание: обеспечивая стабильное функционирование и организационный порядок, разрабатывается набор правил взаимодействия между работниками, устанавливаются связи между сотрудниками, процессами и подразделениями, а ответственность за все операции, процессы и взаимодействия возлагается на сотрудников (за неисполнение правил следуют санкции);

– плюсы: сформулированные стандарты направляют организационное поведение персонала, обеспечивая руководство пониманием, что еще следует оптимизировать;

– последствия: правила снижают «желание работать с интересом, креативность и готовность рисковать, лишают сотрудников возможности принимать решения самим»; применение правил приводит к «падению морального духа коллектива» [13, с. 71, 80];

4) управление по целям (англ. Management by Objectives, далее – MBO) или конкурентные методы целеполагания (табл. 2):

– общее содержание: определение результатов работы (продуктов деятельности);

– содержание MBO – «от взаимного сравнения»:

а) «стратегия требует свободного, креативного мышления», а планирование – это процесс выбора альтернативы, т.е. использование «четкой, распланированной стратегии», что сравнимо (по Генри Минцбергу) со «смирительной рубашкой» [14, с. 128];

б) «привычная парадигма» мышления менеджмента приводит к «стратегическому дрейфу» (постепенному рассогласованию стратегии организации с ее окружением), так как «менеджеры склонны игнорировать факты, противоречащие парадигме». «Поэтому изменения в пределах существующей парадигмы, как правило, более комфортны, а радикальные вызовы парадигме скорее всего вызовут политическое сопротивление» [15, с.156];

– содержание MBO – «от борьбы интересов» (например, IT-компания КРОК [16]):

а) стратегия консенсуса «обладает наиболее очевидными чертами стихийности» [17, с. 68]: цели не должны «навязываться односторонне сверху как предписания – их следует определять в ходе полемики с сотрудниками» [12, с.178]. Каждый сотрудник КРОК привносит нововведения, обсуждая их на общих собраниях;

б) руководителем творческого коллектива становится ведущий сотрудник, который лучше других разбирается в теме. Лидером Agile-группы выбирается наиболее квалифицированный специалист КРОК по актуальному бизнес-направлению (не из числа топ-менеджмента);

в) Agile-группы компании КРОК действуют за пределами сферы влияния «привычной парадигмы» мышления топ-менеджмента (который не входит в их состав) по этому бизнес-сегменту.

Таблица 2

Конкурентные методы целеполагания

Метод	Содержание		Примечание
	Мероприятия	Последствия	
1) От взаимного сравнения	Результативность оценивается на основе сравнения с предыдущими периодами/ конкурентами	Инерционность – ограниченность рамками «привычной парадигмы»/ своей отрасли	Запланированная стратегия – «фабрика услуг» (стандартизация на стабильном рынке)
2) От борьбы интересов	Планирование результатов на основе «гибких целей»: выделяются стратегически важные для организации направления бизнеса	Повышение эффективности благодаря постоянному улучшению действующих компонентов и расширению ассортимента новых услуг	Стратегия консенсуса: кастомизация на «динамичном товарном рынке» [15, с. 122]

Составлено автором по материалам исследования

5) управление по ценностям / ценностные методы целеполагания (табл. 3);

– общее содержание:

а) выдвижение и освоение персоналом основных ценностей организации, ориентируясь на которые ведущие сотрудники получают максимальную степень автономии/ самоорганизации;

б) делегирование / «партисипативный» стиль управления – руководство готово выстраивать с подчиненными отношения взаимоуважения и поддержки, полностью доверяя им;

в) реализация стратегии идеологического типа, «если работники организации разделяют единое видение и настолько сильно привержены ему, что оно становится для них общей идеологией», когда «идеологический контроль» трансформируется в самоконтроль; цель идеологии – «изменение внешнего окружения», а не приспособление к нему; подобные «идеологические» стратегии «характеризуются более высокой степенью преднамеренности, нежели стратегии всех других типов, за исключением запланированных стратегий» [17, с. 64–65];

– плюсы:

а) сбережение и развитие интеллектуальных активов [15];

б) максимальные возможности для проявления инициативы и принятия дополнительной ответственности. «Получив больше свободы, сотрудники ощутили новую ответственность за рабочую среду и за все, что в ней происходит» [18, с. 95];

– последствия: «темная» сторона новаторов («нежелание выполнять приказы», «желание делать что-то по-другому» [19, с. 207]) – неприятие навязанных «сверху» правил и ограничений.

Таблица 3

Ценностные методы целеполагания

Метод	Примеры		Примечание
	Традиционная компания	**Компания из ИКТ – сферы**	
1. От видения	Видение ПАО «Сбербанк»: «Интеграция потребностей людей, бизнеса и страны решениями Экосистемы Сбер» [20, с. 13]	Видение ПАО «МТС»: «Быть лидером везде, где компания работает, всегда предоставляя клиентам телекоммуникационные услуги мирового уровня…» [21, с. 6, 148]	Идеологическая стратегия при условии разделения всеми сотрудниками единого видения
2. От идеалов	Ценности ПАО «Сбербанк»: Лидерство = честность + ответственность + совершенствование. Команда = взаимопомощь + взаимоподдержка в развитии + открытость + уважение + доверие. Клиентоориентированность = удовлетворение интересов клиентов + высокое качество услуг + построение отношений с клиентами + опережение ожиданий клиентов	Ценности МТС: Клиентоцентричность = экосистемная коллаборация + мнение клиента + лучший клиентский опыт. Время жизни = нацеленность на долгосрочные взаимоотношения с клиентом + максимум общей долгосрочной прибыли от клиента + фокус на лояльность и эмоциональную привязанность клиента. Ценность для клиента = высококлассные продукты + удобная технологическая платформа + создание новой ценности за пределами телекома	Использование ценностно-ориентированного управления (ценности – основа отношения к жизни и работе; ориентир в принятии решений) обеспечивает стратегическую гибкость и непрерывное развитие
3. От миссии	Миссия ПАО «Сбербанк»: «Мы даем людям уверенность и надежность, мы делаем их жизнь лучше, помогая реализовывать устремления и мечты» [20, с. 13]	Миссия ПАО «МТС»: «Привносить в ключевые социальные сферы новые технологии, нести добро через технологии» [21, с. 6, 148]	4-х элементная «ромбовидная модель миссии = предназначение + стратегия + нормы поведения + ценности» [15, с.7]

Составлено автором по материалам исследования

Миссия будет действенной, если все четыре ее элемента «тесно взаимосвязаны и усиливают друг друга» [15, с. 7]. Эмоциональная приверженность («чувство миссии» [15, с. 12]) зависит от согласованности организационных и индивидуальных ценностей, которые, в свою очередь, должны быть «встроены» в нормы поведения сотрудников на всех уровнях управления, обеспечивая развитие организационных способностей и, таким образом, повышая конкурентоспособность компании.

Попытка разрешить дилемму «порядок – развитие» на нижних уровнях развития системы управления (по заданиям – процессам – правилам) приводит к нарушению стандартов и правил, т.е. к разрушению организационного порядка. Напротив, использование все более совершенных методов целеполагания (МВО – «от борьбы интересов», управление по ценностям) может способствовать повышению вовлеченности сотрудников, в максимальном раскрытии потенциала которых заинтересованы

руководители – «лидеры перемен» при условии реализации принципов интернет-экономики. При этом разрешение дилеммы «порядок – развитие» на «высоких» уровнях уже не ограничивает возможности по разработке и внедрению «прорывных» / «подрывных» технологий, так как внешний контроль сменяется самоконтролем, и проблемы обсуждаются, а не скрываются.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Имитационный и фрагментарный характер «косных моделей менеджмента» [22, с. 22] по типу «управления по заданиям» и МВО – «от взаимного сравнения» («проблемы возникают тогда, когда шкала оценки оказывается одномерной и отражает только те результаты, которые легче всего измеряются в силу их стандартности» [23, с. 172–173]), основанных на традиционных управленческих практиках, проявляется в централизации и игнорировании требований ключевых заинтересованных сторон [24]. Т.е. подобные системы управления низкого качества не в состоянии обеспечить реализацию стратегического процесса в условиях информационного общества.

В условиях возрастания неопределенности внешнего окружения и усиления межотраслевых взаимодействий перекрестного типа «поверх границ» совершенствование портфеля ключевых компетенций становится залогом стратегического успеха всего российского бизнеса в XXI в. Осознание руководством важности согласованности в поведенческих нормах и ценностях при использовании систем управления и методов целеполагания низкого качества не всегда приводит к формированию межфункциональных способностей высшего уровня [25]. Использование же систем управления «высшего порядка» / высокого качества (МВО – «от борьбы интересов», управление по ценностям) позволяет компаниям-лидерам реализовывать преимущества технологических инноваций, становясь источником «лучших практик», пригодных для тиражирования другими организациями. Достигается это за счет правильного сочетания механизмов гибкой управляемости «сверху» и методов поощрения, самоконтроля, творческой инициативы «снизу».

Таким образом, в XXI в. зависимость конкурентоспособности от развития организационных способностей повышает значение внедрения и использования более инновационно-результативных методов целеполагания. При этом важность формирования нового поколения менеджеров, способных реализовывать управленческие практики «высшего порядка», возрастает в связи с продолжающимися и непредсказуемыми технологическими, социальными и экономическими изменениями стратегического контекста. Данное исследование является своевременным и может быть продолжено в других научных публикациях на аналогичную тему.

Библиографический список

1. Цифровая экономика. *Программа развития цифровой экономики в Российской Федерации до 2035 года.* http://innclub.info/wp-content/uploads/2017/05/strategy.pdf (дата обращения: 05.06.2023).
2. Грант Р. *Современный стратегический анализ.* СПб: Питер; 2015. 544 с.
3. Дафт Р. *Теория организации.* М.: Юнити-Дана; 2006. 736с.
4. Пригожин А. *Цели и ценности: новые методы работы с будущим.* М.: URSS; 2023. 440 с.
5. Бахру А., Глидл П. *Конкуренция на основе способностей.* Жуковский: МИМ ЛИНК; 2013. 88 с.
6. Кристенсен К. *Дилемма инноватора.* М.: Альпина Паблишер; 2016. 238с.
7. Полякова Н. *XX век в социологических теориях общества.* М.: Логос; 2004. 384 с.
8. Мадьяров А. Обеспечение конкурентоспособности в XXI веке: особенности управления человеческими ресурсами. *Вестник университета.* 2021; 4:11–17.
9. Пригожин А. Цели бизнеса: формирование и развитие. *Общественные науки и современность.* 2015; 1:127–138.
10. Мадьяров А. Корпоративная социальная ответственность в информационном обществе: особенности управления персоналом в XXI веке. *Вестник университета.* 2023; 1:14–22.
11. Мадьяров А. Организационное развитие университетов в стратегическом контексте: проблемы и перспективы проекта «5-100». *Наука Красноярья.* 2020;9(4):347–369.
12. Глазл Ф., Ливехуд Б. *Динамичное развитие предприятия.* Калуга: Духовное познание; 2000. 264 с.
13. Круз К. *Сильные лидеры нарушают правила.* М.: Альпина Паблишер; 2020. 262с.
14. Пфлегинг Н. *Управление на основе гибких целей.* М.: Белый город; 2006. 279с.
15. Хрестоматия: *Статьи 8–15.* Жуковский: МИМ ЛИНК; 2013. 160 с.

16. Бобровников Б. *Весь мир построен на цифре: Б. Бобровников – в проекте «Герои РБК»*. https://www.rbc.ru/own_business/25/12/2018/5c1cd3359a7947624f02a219 (дата обращения: 07.06.2023).
17. Хрестоматия: *Статьи 1–7*. Жуковский: МИМ ЛИНК; 2013. 160с.
18. Хастингс Р., Мейер Э. *Никаких правил: уникальная культура Netflix*. М.: Манн, Иванов и Фербер; 2021. 384 с.
19. Кроупли Д., Кроупли А. *Психология инноваций в организациях*. Х.: Гуманитарный центр; 2019. 348с.
20. ПАО «Сбербанк». *Презентация стратегии 2023*. https://www.sberbank.com/common/img/uploaded/files/info/sber_investor_day-strategy_2023_ru.pdf (дата обращения: 10.06.2023).
21. ПАО «МТС». *Отчет об устойчивом развитии* 2020. https://www.akm.ru/upload/akmrating/MTC_sustainability_report_2020.pdf (дата обращения: 12.06.2023).
22. Долан С., Гарсия С. *Управление на основе ценностей*. М.: Претекст; 2008. 313 с.
23. Мюллер Дж. *Тирания показателей*. М.: Альпина Паблишер; 2019. 266 с.
24. Мадьяров А. Анализ особенностей стратегического развития российских университетов. В кн.: *Инструменты стратегического управления человеческим капиталом: компаративные, когнитивные, индикативные*. М.: Знание-М; 2021. 277 с.
25. Мадьяров А., Шамарова Г. Отечественный опыт конкурентоспособности вуза на рынке образовательных услуг. *Современная конкуренция*. 2015;9–1(49):119–143.

References

1. Digital economy. *The program for the development of the digital economy in the Russian Federation until 2035*. http://innclub.info/wp-content/uploads/2017/05/strategy.pdf / (accessed 05.06.2023). (In Russian).
2. Grant R. *Modern strategic analysis*. St. Petersburg: Peter; 2015. (In Russian).
3. Daft R. *Theory of organization*. Moscow: UNITY-DANA; 2006. (In Russian).
4. Prigozhin A. *Goals and values: New methods of working with the future*. Moscow: URSS; 2023. (In Russian).
5. Bahru A., Glidl P. *Competition based on abilities*. Zhukovsky: MIM LINK; 2013. (In Russian).
6. Christensen K. *The innovator's dilemma*. Moscow: Alpina Publisher; 2016. (In Russian).
7. Polyakova N. *XX century in sociological theories of society*. Moscow: Logos; 2004. (In Russian).
8. Madyarov A. Ensuring competitiveness in the XXI century: features of human resource management. *Vestnik universiteta*. 2021;4:11–17. (In Russian).
9. Prigozhin A. Business goals: formation and development. *Social sciences and modernity*. 2015; 1:127–138. (In Russian).
10. Madyarov A. Corporate social responsibility in the Information Society: features of personnel management in the XXI century. *Vestnik universiteta*. 2023; 1:14–22. (In Russian).
11. Madyarov A. Organizational development of universities in a strategic context: problems and prospects of the project "5-100". *Science of Krasnoyarsk region*. 2020;9(4):347–369. (In Russian).
12. Glazl F., Livehud B. *Dynamic development of the enterprise*. Kaluga: Spiritual Cognition; 2000. (In Russian).
13. Cruz K. *Strong leaders break the rules*. Moscow: Alpina Publisher; 2020. (In Russian).
14. Pfleging N. *Management based on flexible goals*. Moscow: White City; 2006. (In Russian).
15. Textbook: *Articles 8–15*. Zhukovsky: MIM LINK; 2013. (In Russian).
16. Bobrovnikov B. *The whole world is built on a number: B. Bobrovnikov – in the project "Heroes of RBC"*. https://www.rbc.ru/own_business/25/12/2018/5c1cd3359a7947624f02a219 (accessed 07.06.2023). (In Russian).
17. Textbook: *Articles 1–7*. Zhukovsky: MIM LINK; 2013. (In Russian).
18. Hastings R., Meyer E. *No rules: the unique culture of Netflix*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber; 2021. (In Russian).
19. Kroupli D., Kroupli A. *Psychology of innovation in organizations*. H.: Humanitarian Center; 2019. (In Russian).
20. Sberbank PJSC. *Presentation of the strategy 2023*. https://www.sberbank.com/common/img/uploaded/files/info/sber_investor_day-strategy_2023_ru.pdf (accessed 10.06.2023). (In Russian).
21. MTS PJSC. *Sustainability Report 2020*. https://www.akm.ru/upload/akmrating/MTC_sustainability_report_2020.pdf (accessed 12.06.2023). (In Russian).
22. Dolan S., Garcia S. *Management based on values*. Moscow: Praetext; 2008. (In Russian).
23. Muller J. *Tyranny of indicators*. Moscow: Alpina Publisher; 2019. (In Russian).
24. Madyarov A. Analysis of the features of strategic development of Russian universities. In: *Tools of strategic management of human capital: comparative, cognitive, indicative*. Moscow: Znanie-M; 2021. (In Russian).
25. Madyarov A., Shamarova G. Domestic experience of university competitiveness in the market of educational services. *Modern competition*. 2015;9–1(49):119–143. (In Russian).

УДК 331.5.024.54 JEL J21 DOI 10.26425/1816-4277-2023-9-158-167

Особенности функционирования рынка труда в Санкт-Петербурге

Мусинова Нина Николаевна

Канд. экон. наук, доц. каф. государственного и муниципального управления
ORCID: 0000-0002-2194-7856, e-mail: nnmusinova@fa.ru

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

Аннотация

Стремительные изменения (глобальные, технологические, экономические), происходящие в настоящее время во всех сферах жизни и создающие неопределенность, влияют на динамику количества заключаемых браков, совершаемых разводов, показатели рождаемости, смертности и др. Такие изменения трансформируют сформировавшиеся виды занятости и трудовых отношений, в целом воздействуя на рынок труда. В этой связи основой существования рынка труда в современной экономике является постоянный дефицит предложения квалифицированной рабочей силы. Именно дефицит работников определенного качества и профессионализма обуславливает наличие в обществе безработицы. Кроме того, на отечественный рынок труда в последние годы оказывает воздействие пандемии коронавируса и санкций западных стран. Статья посвящена исследованию наиболее важных аспектов функционирования современного рынка труда в Санкт-Петербурге, диагностированы основные проблемы его развития и определены пути их решения.

Ключевые слова

Безработица, занятость населения, сфера занятости населения, рынок труда, рынок труда в Санкт-Петербурге, развитие рынка труда, трудовые отношения, функционирование рынка труда

Для цитирования: Мусинова Н.Н. Особенности функционирования рынка труда в Санкт-Петербурге // Вестник университета. 2023. № 9. С. 158–167.

© Мусинова Н.Н., 2023.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Functioning features of the labor market in St. Petersburg

Nina N. Musinova

Cand. Sci (Econ.), Assoc. Prof. at the Department of State and Municipal Administration
ORCID: 0000-0002-2194-7856, e-mail: nnmusinova@fa.ru

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract

The rapid changes (global, technological, economic) currently taking place in all spheres of life and creating uncertainty affect the dynamics of the number of marriages, divorces, birth rates, mortality, etc. Such changes transform the established types of employment and labor relations, generally affecting the labor market. In this regard, the basis for the existence of the labor market in the modern economy is a constant shortage of qualified labor supply. It is the shortage of workers of a certain quality and professionalism that causes the presence of unemployment in society. In addition, the domestic labor market has been affected by the coronavirus pandemic and Western sanctions in recent years. The article is devoted to the study of the most important aspects of the functioning of the modern labor market in St. Petersburg, the main problems of its development are diagnosed and the ways to solve them are determined.

Keywords

Unemployment, employment of the population, sphere of population employment, labor market, labor market in St. Petersburg, development of the labor market, labor relations, functioning of the labor market

For citation: Musinova N.N. (2023) Functioning features of the labor market in St. Petersburg. *Vestnik universiteta*, no. 9, pp. 158–167.

© Musinova N.N., 2023.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

Среди институтов рыночной экономики одно из центральных мест занимает рынок труда (далее – РТ). Национальный РТ охватывает все общественное производство – через данный институт каждая отрасль получает необходимые ей кадры не только заданного профессионально-квалификационного состава, но и определенных культурных и этико-трудовых достоинств, адекватных требованиям экономики.

Закон спроса и предложения на рабочую силу отражает несоответствие свободных рабочих мест составу приходящих на РТ работников по количественным и качественным параметрам. Устойчивое и эффективное экономическое развитие страны существенным образом зависит от состояния и динамики развития РТ. Для того чтобы уровень занятости в стране повышался, безработица, соответственно, сокращалась, и ее влияние было минимальным, государство осуществляет управление РТ.

В разрабатываемых государством правовых актах учитывается проблематика, непосредственно связанная с вопросами занятости населения и безработицы. К числу таких документов, прежде всего, относятся законодательные акты и государственные программы. В системе нормативно-правовых актов, регулирующих РТ, особую роль играет Закон Российской Федерации (далее – РФ), принятый в 1991 г. [1].

В последние годы в системе управления РТ получил использование программно-целевой подход. В 2014 г. была принята государственная программа РФ «Содействие занятости населения» [2]. В соответствии с федеральной программой почти во всех субъектах РФ были разработаны региональные программы, большинство из которых включало четыре направления (в т. ч. и в Санкт-Петербурге): повышение квалификации; поддержка занятости; поддержка самозанятости и предпринимательской деятельности; территориальная мобильность [3].

Современные глобальные изменения в экономике (пандемия коронавируса и санкции европейских стран, а также США) оказывают влияние на отечественный РТ, создавая большую неопределенность в отношении того, какие навыки могут стать менее востребованными, а какие – актуальными в долгосрочной перспективе. В связи с этим основой существования РТ является постоянный дефицит предложения квалифицированной рабочей силы, обуславливающий наличие в обществе безработицы. Своевременное и правильное определение тенденций РТ имеет важное значение как для развития любой экономики, так и для крупнейших городов, к которым относится второй по величине город России – Санкт-Петербург, основанный более трехсот лет назад. В настоящее время Санкт-Петербург является финансово-промышленным и культурным центром России, его экономика характеризуется стабильным ростом.

Целью статьи являются исследование наиболее важных аспектов функционирования современного рынка труда в Санкт-Петербурге, диагностика основных проблем его развития и определение путей их решения.

ТЕОРИЯ И МЕТОДЫ

Обзор научной литературы по данной тематике показывает, что исследователи рассматривают РТ как на макроэкономическом, так и на микроэкономическом уровне. В первом случае категория «рынок труда» характеризуется многоаспектностью своей трактовки. Исследователи не без оснований полагают, что в рыночной экономике рабочая сила на рынке факторов производства функционирует как товар. Граждане продают свой труд, а работодатели предъявляют спрос на него и, соответственно, платят за труд. В результате на данном рынке имеются предложение, спрос и цена, на которые влияют такие факторы, как иммиграция, возраст населения и уровень образования [4]. В этой связи РТ представляется как механизм, обеспечивающий согласование спроса и предложения рабочей силы, стимулирующий высококвалифицированный труд, способствующий созданию жесткой взаимосвязи между вкладом каждого работающего и полученным конкретным результатом. РТ принято разделять на первичный и вторичный. Для первичного характерны наличие высокооплачиваемых рабочих мест, социальное обеспечение, а также более продолжительная карьера, но при этом требуется формальное образование. Вторичный рынок, предлагающий низкооплачиваемую и, как правило, неполную занятость или временную работу, характеризуется отсутствием перспектив профессионального роста [4].

Изучение научной литературы показывает, что, несмотря на некоторые различия в трактовках рынка труда, авторами отмечается его взаимосвязь с категориями «занятость населения» и «безработица». Если «занятость» чаще всего обозначает общее число лиц, трудящихся в экономике, то в противоположность этому «безработица» – общее количество безработных лиц, которые активно ищут работу, но им не удается найти подходящий для себя вариант.

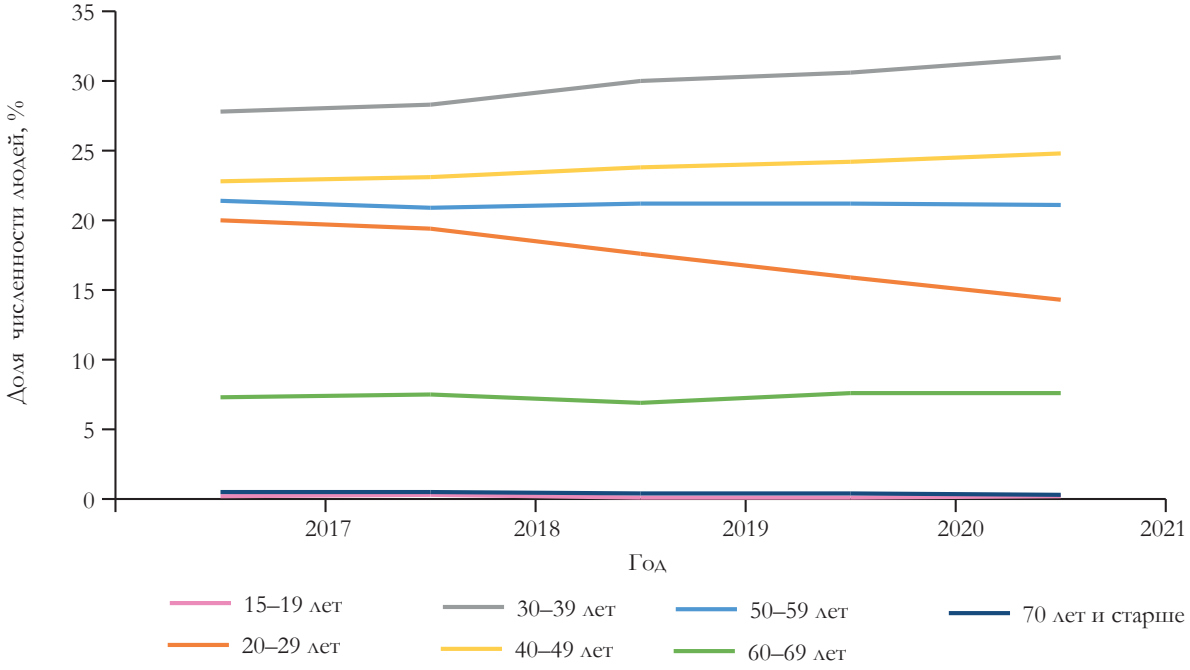
Неотъемлемой частью процесса определения перспектив развития РТ является его анализ, к основным целям которого можно отнести понимание его динамики и определение: а) ключевых перспектив развития РТ; б) эффективности государственной политики; в) влияния отраслевой структуры на занятость и безработицу и др. В этой связи управление РТ рассматривается как особый вид деятельности, направленный на достижение изменения в его содержании. Со стороны государства управление РТ необходимо для обеспечения оптимального соответствия между спросом и предложением труда путем воздействия субъектов РТ на совокупность взаимосвязанных факторов его развития для достижения равновесия между его параметрами [5]. Государство регулирует социально-экономические и трудовые отношения, ограничивает использование временных работников и затрудняет увольнение сотрудников, занимается процессом организации подготовки и переподготовки рабочей силы, а также улучшением функционирования РТ при одновременной защите работников [6].

Методологической основой исследования послужили методы экономического и статистического анализа, используемые для осмысления данных. В ходе анализа отчетов применялся графический метод. При этом учитывались изменения в проводимой политике и степень влияния региональных программ на занятость населения, отслеживались последние экономические и социальные события, с их учетом анализировались основные статистические данные по РТ.

Анализ основных компонентов РТ проводился для того, чтобы найти основные закономерности, связанные со структурой занятости и безработицы, а также объяснить происходящие изменения на региональном рынке труда Санкт-Петербурга. Для получения показателей, являющихся основой анализа РТ и его комплексной социально-экономической оценки, использовались информационные ресурсы порталов Федеральной службы государственной статистики (далее – Росстат) и Федеральной службы государственной статистики по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (далее – Петростат).

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ

В течение 2013–2019 гг. в Санкт-Петербурге наблюдалась высокая экономическая активность трудоспособного населения и прослеживался предельно низкий уровень безработицы, который являлся одним из самых высоких в России показателей занятости населения [7]. В городе реализуется программа первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности [3]. Санкт-Петербург демонстрирует стабильно высокий уровень занятости среди населения в возрастной категории 30–60 лет (рис. 1).

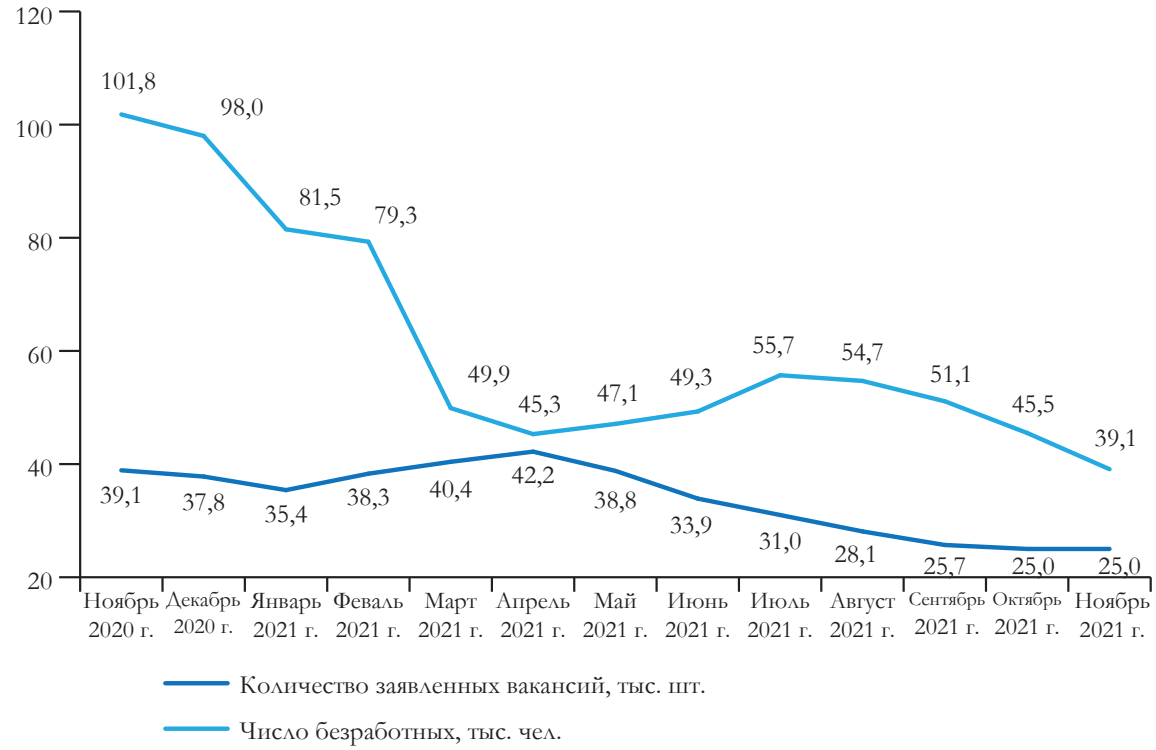


Составлено автором по материалам официальных данных Петростата [8]

Рис. 1. Распределение численности занятых в возрасте 15 лет и старше в экономике по возрастным группам

За период 2017–2021 гг. в численности занятых в экономике Санкт-Петербурга заметно снижение доли людей в возрасте 20–29 лет. Как отмечается в различных исследованиях, количество молодых работников стремительно сокращается из-за демографического провала 1990-х. За 11 лет численность занятых в возрасте до 30 лет уменьшилась на 33,7 %, или на 6 млн чел. [9]

Пандемия Covid-19 оказала большое влияние на РТ в Санкт-Петербурге. По итогам 2020 г., уровень занятости населения составил 65,6 %. При этом антирекорд по числу безработных в Санкт-Петербурге был побит в октябре 2020 г., когда на учете в центрах занятости состояло более 101,8 тыс. чел. (рис. 2).



Составлено автором по материалам официальных данных Петростата [8]

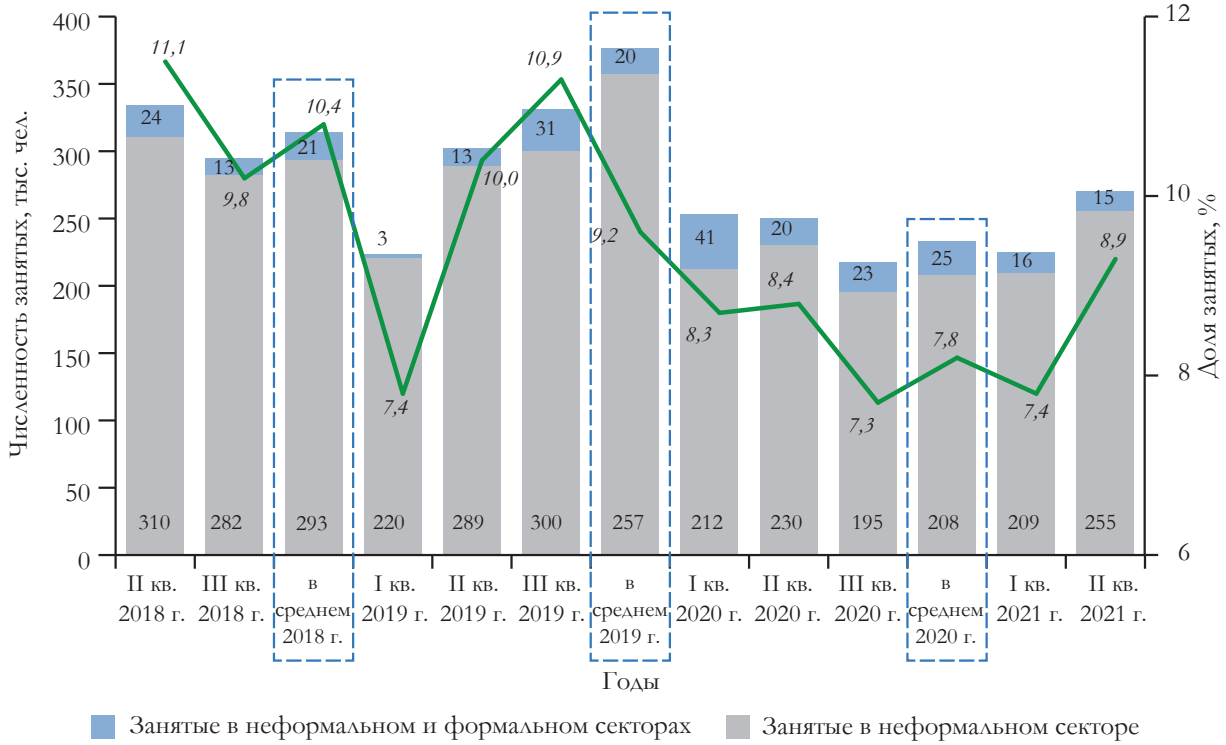
Рис. 2. Количество официально зарегистрированных безработных людей и свободных рабочих мест

Отток трудовых мигрантов из Санкт-Петербурга во время пандемии привел к тому, что бизнес остро ощутил нехватку кадров, прежде всего, в строительстве и недвижимости. При этом отмечался рост вакансий низкоквалифицированного персонала.

Во время пандемии рынок труда трансформировался, в результате чего появилась новая форма занятости – удаленная работа. Наблюдался значительный рост интереса к самозанятости со стороны молодых людей (от 18 до 24 лет), в сфере информационных технологий работодатели стали повышать оплату труда своим сотрудникам (рост составил 26,3 %) [10].

В 2020 г. Санкт-Петербург присоединился к регионам, где действует особый налоговый режим для самозанятых, согласно которому в статусе самозанятого гражданин может находиться до тех пор, пока его ежегодный доход не превышает 2,4 млн руб. К концу 2021 г. в Санкт-Петербурге насчитывалось 258,6 тыс. самозанятых граждан, что в 2,5 раза больше, чем в начале указанного года. По оценкам специалистов, на конец года количество самозанятых в Санкт-Петербурге составляло от нескольких сотен тыс. чел. до полумиллиона тыс. чел. [11]. Значительную долю среди них составили водители, а также работающие в сфере информационных, рекламных и риэлторских услуг. В то же время в Санкт-Петербурге, по различным данным, насчитывалось примерно 270,1 тыс. чел. занятых в неформальном секторе экономики, для которого обычно характерны высокий уровень бедности и острая нехватка достойной работы (рис. 3).

Доля безработных в 2020 г. среди молодежи в возрасте от 18 до 29 лет составила 23,6 %, от 30 до 54 лет – 64,4 %. К концу 2021 г. безработными числились около 25 тыс. граждан, при этом выросло число скрытых безработных, которых официальная статистика не учитывает в составе рабочей силы [7]. Кризисные явления на рынке труда к концу 2021 г. были преодолены. При этом аналитики оценивали реальный уровень безработицы выше официального.



Составлено автором по материалам официальных данных Петростата [8]

Рис. 3. Численность занятых в неформальном секторе экономики по типу занятости

Таблица 1

Численность и состав безработных, трудоустройство населения Санкт-Петербурга в 2020–2022 гг.

Категория обратившихся		Граждане, обратившиеся за содействием в поиске подходящей работы, %			Трудоустроенные граждане, % к численности обратившихся		
		2020 г.	2021 г.	2022 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
По категориям занятости	Незанятые граждане из общего числа обратившихся	88,688,6	72,2	8282	27,627,6	45,6	44,844,8
По возрасту	14–17	4,7	8,1	15,4	86,4	90,9	85,2
	18–29	23,6	18,1	20,1	28,5	44,1	58,8
	30–54	64,4	57,5	56,4	29,1	48,4	46,2
	55–59	4,9	7,5	5,1	39,6	60,1	58,3
	60 и старше	2,4	8,8	3	61,2	77,5	78,1
Всего		100	100	100	32,9	54,5	56,3

Составлено автором по материалам официальных данных Петростата [8]

Анализ данных, представленных в табл. 1, позволяет отметить, что наибольший процент из общего числа обратившихся в службы занятости составили граждане в возрасте от 30 до 54 лет, и половина из них нашли работу, поскольку это уже в основном обученные люди и со стажем работы. По данным интернет-порталов, в Санкт-Петербурге наиболее востребованными отраслями (как и в целом по России) являются сфера продаж, сектор информационных технологий (далее – ИТ-сектор), сфера производства, а также строительная отрасль. В 2021 г., по данным Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ, рынку не хватало около 1 млн специалистов в сфере ИТ (далее – ИТ-специалисты).

Некоторые работники, потерявшие работу из-за спада в бизнесе, стали самозанятыми, и их число увеличилось в период рецессии. Развитие самозанятости обусловлено новыми тенденциями РТ и может стать желательным вариантом для тех, кого устраивает гибкий график работы [11]. Почти половина молодежи в возрасте от 18 до 29 лет, составляющая примерно пятую часть от обратившихся, также трудоустраивалась. После ограничений, связанных с коронавирусом, наблюдался значительный рост интереса со стороны молодежи к самозанятости. В Санкт-Петербурге каждый пятый соискатель хочет работать удаленно (рост составил 124 % в 2021 г.). Также возможность выбирать график работы стала частью социального пакета для менеджеров. Однако среди индивидуальных самозанятых только 30 % нашли возможность для карьерного роста, что является самым низким показателем среди всех групп работников. Вместе с тем высокая доля безработных среди молодежи свидетельствует о рассогласовании устремлений выпускников с реальностью. Конкуренция за работу среди тех, кто находится в начале карьерного пути, является выше, чем среди зрелых специалистов. [12]

ВЫВОДЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

До 2022 г. российский IT-рынок состоял из трех сегментов: ИТ-услуги, компьютерное и сетевое оборудование, а также программное обеспечение. Значительную часть составляли компании с иностранным капиталом, а многочисленные исследования из года в год неизменно прогнозировали рост и рынку, и спросу на ИТ-специалистов. События 2022 г. не просто ускорили этот рост, они изменили и ландшафт рынка, и динамику спроса на кадры, послужили катализатором появления на нем новых игроков. Переломить ситуацию удастся, если будет соблюдено несколько условий:

1) государство не даст пропасть индустрии, от которой во многом зависит экономическое развитие;

2) у российских ИТ-специалистов появятся масштабные цели и задачи. В последние несколько лет в России государство выступает в роли заказчика мощных и интересных проектов, появляется огромное количество прикладных задач. Учитывая, что роль ИТ-решений становится незаменимой в рабочей силе, необходимо создать центры по профессиональной переподготовке ИТ-специалистов, а также запустить мониторинг данных, которые отражают, привело ли полученное ими профессиональное обучение к трудоустройству.

Россия нуждается в росте экономики с адекватной политикой, направленной на создание рабочих мест. Однако поскольку долгосрочные тенденции к снижению эластичности экономического роста по занятости сохраняются, крайне важно выбрать стратегии роста, которые стимулируют создание рабочих мест определенного бренда, т.е. требуют более молодой и более квалифицированной рабочей силы. Очевидно, что параллельно с этим адекватные структурные реформы должны обеспечить больше возможностей для новых участников РТ и устранить существующую жесткость. [13]

В настоящее время растет осознание ценности целенаправленных программ, проводимых работодателями или через партнерства между частным сектором, некоммерческими организациями и образовательными учреждениями, которые сознательно стремятся поддерживать, обучать и направлять молодых людей. Такого рода программы широко используются за рубежом. Следует отметить некоторые из них:

– инициативы, применяющие цифровые платформы для упрощения процесса согласования между соискателями и работодателями;

– групповое программирование, включающее наставничество сверстников;

– программы, нацеленные на уязвимую молодежь и обучающие ее посредством целостных жизненных проектов;

– инициативы, направленные на поддержку молодых людей, которые хотят заняться предпринимательством.

Очевидно, в числе основных политических целей должно быть создание условий и реальных возможностей для трудоустройства молодежи, о чем свидетельствует проведенный анализ РТ в Санкт-Петербурге. Это, в свою очередь, требует повышения внимания к профессиональной и образовательной подготовке, посредничеству и профориентации молодежи, что связано с необходимостью увеличения ресурсов, направляемых на реализацию молодежной политики на РТ. Вместе с тем требуется наладить связь с работодателями, в том числе посредством реализации не только программ обучения молодежи и развития навыков, но и предпринимательства для обеспечения молодежи средствами к существованию. Особенно актуальным является использование комплексного подхода (рис. 4).

Примечание: МСП – малое и среднее предпринимательство

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 4. Предлагаемая основа для комплексных программ занятости молодежи

При разработке комплексных программ занятости для молодежи необходимо учитывать следующее:

1) привлечение молодежи и частного сектора на всех этапах разработки, реализации и оценки проектов жизненно важно для эффективности программы;

2) комплексные программы должны быть направлены на устранение многочисленных барьеров, с которыми сталкивается молодежь, и на большое количество ограничений, с которыми встречается частный сектор;

3) инвестиции в повышение устойчивости молодежи и конкурентоспособности частного сектора могут принести долгосрочную пользу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование подтвердило сложность и многоаспектность рассмотренной проблемы. Анализ РТ, являющийся неотъемлемой частью процесса определения перспектив его развития, показал насколько состояние рынка труда зависит от ряда факторов, начиная от уровня государственного участия в регулировании финансовых, социальных механизмов РТ, до эпидемиологической обстановки в регионе. За последние годы рынок труда Санкт-Петербурга пережил несколько глубоких кризисов и претерпел существенные структурные изменения. Крупные шоки (объявление в 2022 г. санкций в отношении России, уход с отечественного рынка многих зарубежных компаний) в основном компенсировались за счет корректировки заработной платы, к которым как совокупная занятость, так и безработица оказались малочувствительны.

Исходя из ситуации на рынке труда Санкт-Петербурга, в качестве основных направлений, способных улучшить положение на РТ в Санкт-Петербурге, необходимо выделить:

– развитие профориентационных проектов и создание комплексной образовательной модели, которая могла бы сделать систему образования более гибкой и обеспечить устойчивость рынка труда;

– максимальное приближение системы подготовки кадров к запросам РТ и снижение бюджетных затрат на их подготовку;

– формирование убедительного набора стимулирующих факторов, которые могли бы привлечь квалифицированных работников и создать условия для реализации этих преимуществ;

– развитие платформенных решений на рынке труда (создание публичной платформы профессионального образования, используемой в том числе для размещения запроса на целевое обучение);

– создание условий для населения на реализацию права на бесплатную юридическую помощь в вопросах трудоустройства;

– обеспечение разработки и включения в программу содействия занятости населения Санкт-Петербурга механизма субсидирования заработной платы и квотирования рабочих мест.

Библиографический список

1. Российская Федерация. *Закон РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями)*. http://ivo.garant.ru/#/document/10164333/paragraph/179771:0 (дата обращения: 10.06.2023).
2. Российская Федерация. *Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 года № 298 Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Содействие занятости населения»*. https://http://ivo.garant.ru/#/document/70643476/paragraph/1:0 (дата обращения: 11.06.2023).
3. Российская Федерация. *Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 17.06.2014 № 490 «О государственной программе Санкт-Петербурга «Содействие занятости населения в Санкт-Петербурге»*. https://docs.cntd.ru/document/822403597?ysclid=lfo6prkl8g636722885 (дата обращения: 14.06.2023).
4. Генкин Б. М. *Экономика труда: учебник.* М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М; 2019. 352 с.
5. Калинкина С.Ю. Управление рынком труда: методологический аспект. *Вестник ЧелГУ*. 1999;1:33
6. Санович М.А. Государственная политика в сфере занятости населения России. *Актуальные вопросы современной экономики,* 2021;8:112.
7. Карапетян Р.В. Тенденции занятости экономически активного населения Санкт-Петербурга. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология.* 2019;12(1):17–35.
8. Федеральная служба государственной статистики по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Распределение численности занятых в возрасте 15 лет и старше в экономике по возрастным группам. https://petrostat.gks.ru/storage/mediabank/nz4kv2140.pdf (дата обращения: 09.06.2023).
9. Finexpertiza. *За год Россия потеряла полмиллиона молодых работников*. https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2022/polmil-molod-rabot/ (дата обращения: 03.06.2023).
10. Большаков Д. Безработицу в Петербурге сменил дефицит кадров. *Санкт-Петербургские ведомости – Региональный выпуск*. https://vedomosti-spb.ru/economics/articles/2021/10/13/890939-bezrabotitsu-peterburge-smenil-defitsit (дата обращения: 03.06.2023).
11. Афонькин С. Петербург ждет полмиллиона самозанятых. *Санкт-Петербургские ведомости – Региональный выпуск*. https://vedomosti-spb.ru/economics/articles/2021/12/10/899973-peterburge-zhdut-polmilliona-samozanyatih (дата обращения: 05.06.2023).
12. Вязова Н.С. *Актуальные проблемы трудоустройства молодежи (на примере Санкт-Петербурга). Известия СПбГЭУ*: 2016; 4(100):151.
13. Локтюхина Н.В., Феоктистова О.А. *Совершенствование организационной и финансовой моделей содействия занятости в России*. Финансовый журнал. 2022;14(4):29–45.

References

1. Russian Federation. *The Law of the Russian Federation of April 19, 1991 N 1032-1 "On employment of the population in the Russian Federation" (with amendments and additions)*. http://ivo.garant.ru/#/document/10164333/paragraph/179771:0 (accessed 10.06.2023). (In Russian).
2. The Russian Federation. *Resolution of the Government of the Russian Federation no. 298 of April 15, 2014 "On the Approval of the State Program of the Russian Federation "Employment Promotion"*. https:// http://ivo.garant.ru/#/document/70643476/paragraph/1:0 (accessed 11.06.2023). (In Russian).
3. The Russian Federation. *Resolution of the Government of St. Petersburg of 17.06.2014 no. 490 "On the state program of St. Petersburg "Promotion of employment in St. Petersburg""*. https://docs.cntd.ru/document/822403597?ysclid=lfo6prkl8g636722885 (accessed 14.06.2023). (In Russian).
4. Genkin B.M. *Labor economics: textbook*. Moscow: Norm: SIC INFRA-M; 2019. (In Russian).

5. Kalinkina S.Yu. Labor market management: methodological aspect. *Bulletin of ChelSU*. 1999;1:33. (In Russian).
6. Sanovich M.A. State policy in the sphere of employment of the population of Russia. *Topical issues of Modern Economy*. 2021;8:112. (In Russian).
7. Karapetyan R.V. Employment trends of the economically active population of St. Petersburg. *Bulletin of St. Petersburg University. Sociology*. 2019;12(1):17–35. (In Russian).
8. Federal State Statistics Service for St. Petersburg and Leningrad Region. *Distribution of the number of employed aged 15 and over in the economy by age groups*. https://petrostat.gks.ru/storage/mediabank/nz4kv2140.pdf (accessed 09.06.2023). (In Russian).
9. Finexpertiza *Russia lost half a million young workers in a year*. https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2022/polmil-molod-rabot/ (accessed 03.06.2023). (In Russian).
10. Bolshakov D. Unemployment in St. Petersburg was replaced by a shortage of personnel. *St. Petersburg Vedomosti - Regional Issue*. https://vedomosti-spb.ru/economics/articles/2021/10/13/890939-bezrabotitsu-peterburge-smenil-defitsit (accessed 03.06.2023). (In Russian).
11. Afonkin S. St. Petersburg is waiting for half a million self-employed. *St. Petersburg Vedomosti- Regional Issue*. https://vedomosti-spb.ru/economics/articles/2021/12/10/899973-peterburge-zhdut-polmilliona-samozanyatih (accessed 05.06.2023). (In Russian).
12. Vyazova N.S. Actual problems of youth employment (on the example of St. Petersburg). *Izvestiya SPbGEU*. 2016;4(100):151. (In Russian).
13. Loktyukhina N.V., Feoktistova O.A. Improvement of organizational and financial models of employment promotion in Russia. *Financial Journal*. 2022;14(4):29–45. (In Russian).

УДК 338 JEL O33 DOI 10.26425/1816-4277-2023-9-168-175

Развитие российских регионов и проблемы их сбалансированного становления в условиях санкций

Симонов Сергей Валентинович

Соискатель

ORCID: 0009-0008-5145-9352, e-mail: simonov_sv@rambler.ru

Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС», г. Москва, Россия

Аннотация

Статья посвящена исследованию эффективного развития российских регионов на сложном этапе противостояния санкциям и их сбалансированного развития. Цель исследования заключается в проведении оценки реального состояния российских регионов по пяти основным направлениям в сложных условиях переоснащения и перенастройки всех экономических и прочих процессов на импортозамещение. Для выработки мероприятий по стимулированию развития российских регионов по пяти секторам экономики использовалась методика оценки диагностики и сравнения по пяти секторам экономики. Определены основные показатели, отражающие уровень развития регионов России в различных производственных сферах на основе их динамики. Выявлены факторы, которые оказывают положительное и отрицательное влияние на эффективное развитие регионов России за последние годы. Проведенное исследование позволило сформулировать общий вывод о необходимости поддержки промышленного производства на государственном уровне для эффективного развития такого производства.

Ключевые слова

Регион, региональная политика, конкурентные преимущества, инновационная активность, регион, субъект, технико-экономическое развитие

Для цитирования: Симонов С.В. Развитие российских регионов и проблемы их сбалансированного становления в условиях санкций // Вестник университета. 2023. № 9. С. 168–175.

© Симонов С.В., 2023.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Russian regions' formation and the problems of their balanced development under sanctions

Sergei V. Simonov
Applicant
ORCID: 0009-0008-5145-9352, e-mail: simonov_sv@rambler.ru

University of Science and Technology «MISIS», Moscow, Russia

Abstract

This article is devoted to the study of the effective development of Russian regions at a difficult stage of countering sanctions and their balanced development. The purpose of the study is to assess the real state of the Russian regions in five main areas in difficult conditions of re-equipment and reconfiguration of all economic and other processes for import substitution. To develop measures to stimulate the development of Russian regions in five sectors of the economy, a methodology for assessing diagnostics and comparing five sectors of the economy was used. The main indicators reflecting the level of development of Russian regions in various production areas based on their dynamics are determined. The factors that have a positive and negative impact on the effective development of Russian regions in recent years have been identified. The conducted research allowed us to formulate a general conclusion about the need to support industrial production at the state level for the effective development of such production.

Keywords

Region, regional policy, competitive advantages, innovation activity, region, subject, technical and economic development

For citation: Simonov S.V. (2023) Russian regions' formation and the problems of their balanced development under sanctions. *Vestnik universiteta*, no. 9, pp. 168–175.

© Simonov S.V., 2023.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

При рассмотрении объемов производства в различных секторах российской экономики можно наблюдать обнадеживающее преобладание положительных темпов роста. Однако необходимо подчеркнуть, что этот уверенный рост не является равномерным по всей стране. Действительно, существуют значительные различия в экономическом росте в разных регионах, что обуславливает резкую региональную дихотомию [1].

Несмотря на обширный объем исследований, посвященных факторам, способствующим таким различиям, представляется, что внимание ученых к многогранным аспектам регионального развития распределяется неравномерно. Кроме того, некоторые элементы выявления и характеристики региональных особенностей изучены в разной степени, что приводит к одностороннему пониманию вопроса.

Важно отметить, что динамика развития, глубинные причины и эффективные методики формирования систематизирующих и идентификационных характеристик региональных систем исследованы с большей тщательностью, чем другие аспекты. Однако применение целостной методологии, комплексно включающей экономико-статистический анализ для изучения состояния таких идентифицирующих характеристик региональных систем, остается существенно слаборазвитой областью исследований [2].

Эта проблема становится еще более актуальной, поднимается вопрос об анализе факторов, оказывающих значительное влияние на формирование систематизации этих идентификационных характеристик региональных систем. Такой аналитический компонент, жизненно важный для развития более однородных и ориентированных на рост российских регионов, не получил должного внимания.

Результаты настоящей статьи в сочетании с проведенным анализом твердо подтверждают актуальность этой темы исследования. Без сомнения, важность этого вопроса оправдывает цели и задачи, изложенные в этой научной работе, подчеркивая необходимость дальнейшего изучения и понимания в этой академической области.

Цель исследования заключается в проведении системного комплексного анализа, который состоит в теоретико-методическом обосновании ресурсного потенциала региональным развитием экономики в условиях обеспечения новой политики пространственного развития регионов с позиции ресурсного подхода.

В соответствии с указанной целью в проведенном исследовании поставлены и решены следующие задачи:

– проведена оценка основных экономических показателей российских регионов с позиций формирования региональных систем;

– предложены рекомендации, направленные на практическую реализацию регионального развития.

Предметом исследования выступают условия и предпосылки, способствующие формированию основных экономических показателей российских регионов.

Объектом исследования является региональная система как составной элемент национальной экономики [3].

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКИХ СУБЪЕКТОВ: ОСОБЕННОСТИ И ТЕМПЫ РОСТА

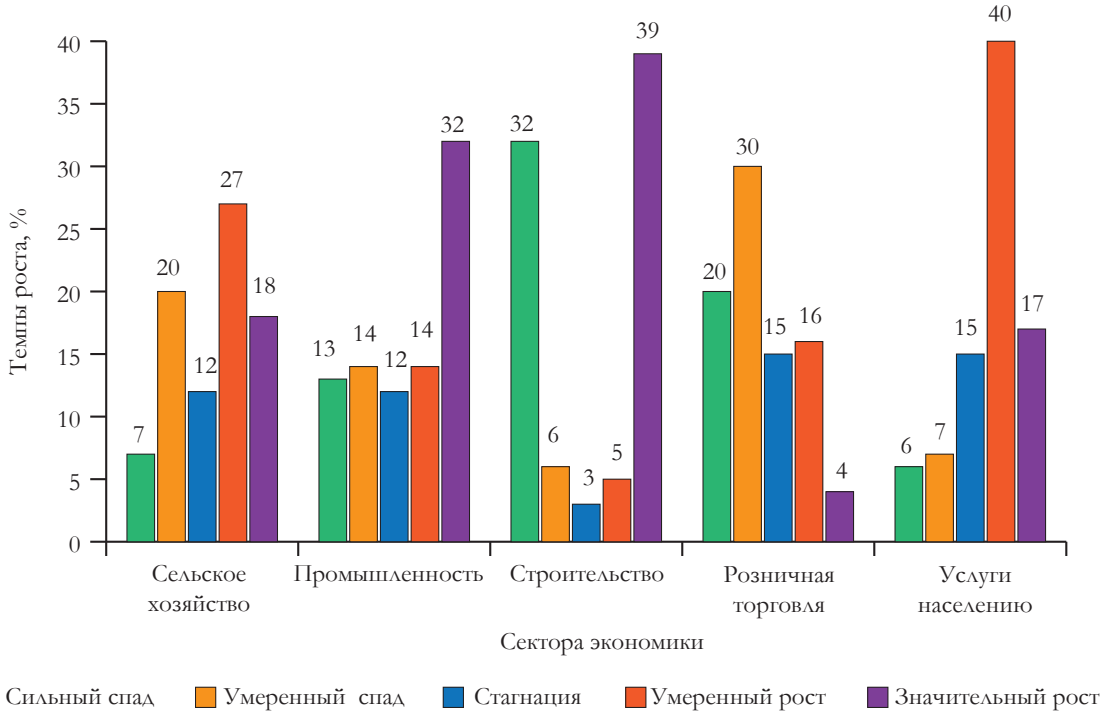
Развитие российских государственных единиц происходит быстрыми темпами, это явление, свойственное большинству стран. На эту характерную траекторию развития влияют уникальные исторические векторы, присущий им экономический потенциал, типологические различия и сотрудничество с мировым сообществом. При этом значительную роль в этом отношении играют особенности региональной политики, формулируемой государством.

При оценке индексов, отражающих эффективность различных геополитических единиц, сценарий производительности ключевых отраслей промышленности в целом оптимистичен. В частности, в рамках пяти исследованных отраслей (а именно – строительства, розничной торговли, сельского хозяйства, обрабатывающей промышленности и потребительских услуг) четыре продемонстрировали положительные темпы роста, что свидетельствует о восходящей тенденции среди большинства отраслей. Рис. 1 ярко иллюстрирует общий рост производства в различных секторах экономики [4].

В более широком смысле эти события типичны для большинства стран мирового сообщества. Ритм и скорость роста могут иметь уникальные вариации, обусловленные различными историческими достижениями и их особенностями. Более того, экономический потенциал, присущий каждому региону и сформированный как ресурсами, так и инфраструктурой, влияет на темпы и масштабы роста. Типизация каждого региона или отличительные характеристики геополитической единицы еще больше способствуют этой динамике.

Аналогичным образом отношения каждой страны и сотрудничество с остальным миром в значительной степени определяют траекторию их роста. Эти факторы вместе составляют целостную основу для оценки регионального прогресса.

Кроме того, политика, сформулированная государством для каждого региона, представляет собой еще один ключевой аспект, влияющий на прогресс в развитии. Уравновешивая потребности экономического роста с ожиданиями населения, эта политика часто может служить как катализатором, так и регулятором регионального развития.



Составлено автором по материалам источника [5]

Рис. 1. Количество регионов, показавших разные темпы роста в основных секторах экономики за 2022 год, по степени интенсивности

ТЕМПЫ РОСТА ОСНОВНЫХ СЕКТОРОВ ЭКОНОМИКИ

Согласно предоставленным данным Федеральной службы государственной статистики, отмечается, что в большинстве регионов Российской Федерации (далее – РФ) в 2022 г. наблюдались положительные тенденции экономического развития. Более детально исследованы структурные элементы различных отраслей экономики России, которые показали положительный рост производственных показателей в течение отчетного периода по сравнению с предыдущими периодами.

Прежде всего, стоит отметить, что значительное количество регионов (40 из них) показало умеренный рост в отрасли предоставления услуг населению. Это свидетельствует о существенном увеличении спроса на такие услуги со стороны общества и положительном влиянии инфраструктурных проектов на развитие этой сферы. Не стоит забывать, что эти услуги включают в себя не только сферу торговли, но и образование, здравоохранение, культуру и т.д.

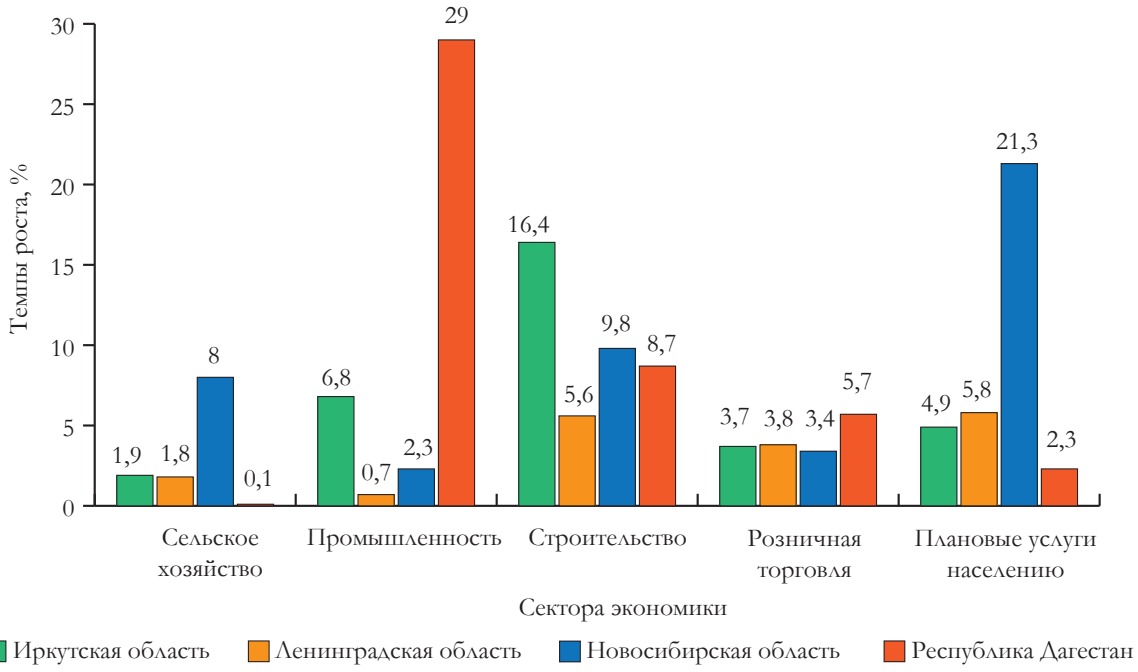
В отрасли промышленности в 2022 г. 32 региона проявили значительный рост. Это указывает на эффективность использования производственных ресурсов и на повышение уровня промышленной активности в этих регионах. Несмотря на постоянно меняющуюся ситуацию на рынках, компании смогли адаптироваться к новым условиям, обеспечив высокий уровень производства.

В то же время в 12 промышленных регионах и в аграрном секторе было отмечено стабильное положение без какого-либо существенного производственного роста.

В отрасли розничной торговли и сфере обслуживания населения в 15 регионах был отмечен стагнационный период. Непрерывные виды деятельности, такие как продажа продовольственных товаров, повседневное обслуживание и пр. в этих регионах не показали значительного и положительного роста.

В трех регионах в сфере строительства также наблюдалась стагнация. Это может быть связано с многими факторами: экономические, технические и социальные условия, которые ощутимо влияют на строительный сектор.

Обратимся к рис. 2 для детального рассмотрения регионов РФ, которые показали положительные темпы роста выпуска продукции в 2022 г. по сравнению с предыдущим периодом.



Составлено автором по материалам источника [6]

Рис. 2. Субъекты РФ, показавшие положительный темп роста выпуска в пяти основных секторах экономики

По итогам проведенного исследования следует отметить, что положительные изменения в экономике продемонстрировали Иркутская область, Ленинградская область, Новосибирская область и Республика Дагестан. Эти территориальные единицы показали значительные улучшения и прогресс в сфере предоставления платных услуг, промышленности, в сфере строительства и в аграрном секторе.

Новосибирск значительно выделился, показав существенный рост в предоставлении платных услуг населению на 21,3 %. Такой заметное увеличение свидетельствует об улучшении условий для предпринимательской деятельности, инновационного развития и о расширении спектра предоставляемых услуг.

В промышленном секторе экономики наиболее впечатляющие результаты продемонстрировала Республика Дагестан, увеличив объем производства на 29 %. Этот значительный рост свидетельствует об интенсификации производственной деятельности, повышении эффективности и о диверсификации промышленного сектора в регионе.

В строительной отрасли наиболее сильный рост продемонстрировала Иркутская область (16,4 %). Увеличение объемов строительства указывает на рост инвестиционной активности и появление новых проектов в данной сфере.

В аграрной отрасли максимальный прирост зафиксирован в Новосибирской области, где произошло увеличение на 8 %. Это свидетельствует о результативности аграрной политики, повышении уровня агротехнологий и об увеличении производительности.

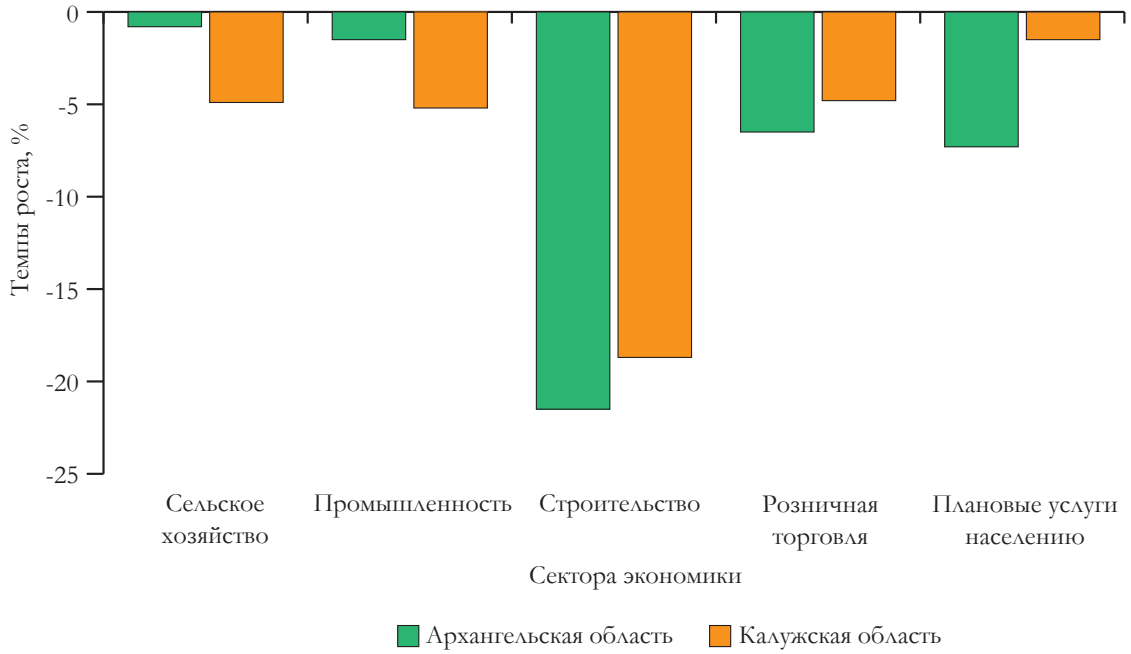
Таким образом, по результатам проведенного исследования, можно сделать вывод что эти регионы успешно развиваются и во многих сферах показывают завидные результаты.

РЕГИОНЫ С ОТРИЦАТЕЛЬНЫМИ ИЛИ ЗАСТОЙНЫМИ ТЕМПАМИ РОСТА

С другой стороны, привлекает внимание ряд регионов, которые продемонстрировали уменьшение экономической активности в пяти секторах экономики, а также в четырех других, как можно наблюдать на рис. 3 и 4. Данный факт представляет собой важное наблюдение, которое требует более глубокого

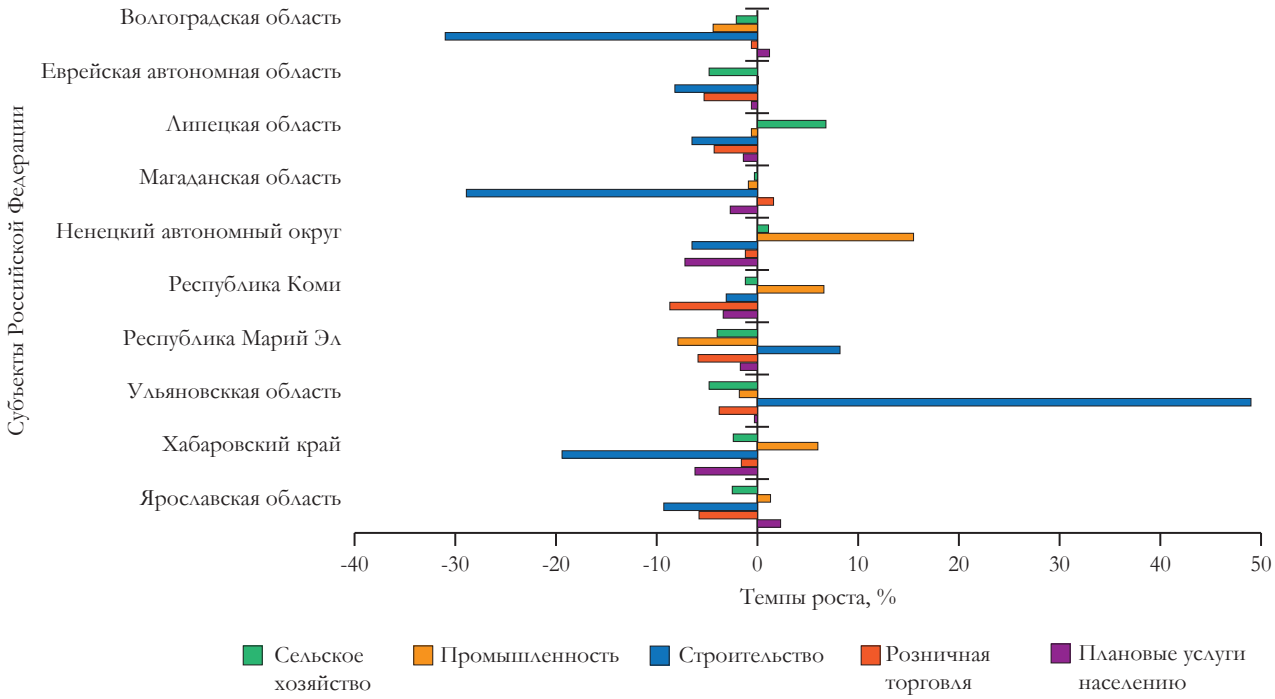
рассмотрения каждой из упомянутых областей. Следует тщательно проанализировать эти регионы и изучить их экономическую ситуацию.

До этого существующая экономическая ситуация указывала на рост и развитие, но данные графики выявляют чувствительные области сужающейся экономической активности. Этот процесс заслуживает особого внимания из-за его потенциального влияния на общий экономический облик страны. Более внимательное изучение такого феномена позволит понять, что стоит за этим спадом, и что можно предпринять для стабилизации ситуации и возможного улучшения условий.



Составлено автором по материалам источника [7]

Рис. 3. Субъекты РФ, показавшие отрицательные и нулевые темпы роста в пяти секторах экономики



Составлено автором по материалам источника [8]

Рис. 4. Субъекты РФ, показавшие отрицательные и нулевые темпы роста в четырех секторах экономики

В пяти специфических секторах экономической деятельности Архангельская и Калужская области проявили отрицательные тенденции роста. Отрицательный рост в данном контексте означает снижение объема производства, а также/или услуг, что может быть вызвано различными причинами, включая внешние факторы экономического характера.

Отметим, что такая тенденция неуникальна только для этих регионов. Для большей наглядности рассмотрим данные из других регионов. Указанная на рис. 4 информация относится к регионам, которые также показали отрицательные темпы роста в четырех экономических секторах.

Отрицательная динамика роста в этих регионах отражает внешние и внутренние вызовы, с которыми сталкивается экономика. Это могут быть, например, падение спроса, рост затрат, изменения в экономической политике, бюрократические препятствия и многое другое. Осознание и учет этих аспектов критически важны для определения бизнес-стратегии и планирования будущей экономической деятельности.

В дополнение к Архангельской и Калужской областям, 10 других субъектов РФ оказались в сложной экономической обстановке, которая охватила четыре ключевые отрасли экономики (рис. 4). На территории указанных субъектов наблюдается значительное сокращение объема строительных работ и упадок розничной торговли [9].

Эти факторы свидетельствуют о низкой интенсивности инвестиционных процессов в регионах. Строительство как один из важнейших секторов экономики является индикатором привлекательности субъекта для инвестиций. Снижение объема строительства является признаком сокращения инвестиционной активности, что, в свою очередь, может указывать на сложности в экономической ситуации региона.

Кроме того, упадок розничной торговли является прямым указателем на сокращение потребительского спроса. Можно предположить, что это обусловлено ухудшением уровня жизни населения в данных регионах. Нестабильность и сложности, испытываемые экономикой, непосредственно влияют на средний уровень дохода жителей, что приводит к снижению совокупного спроса [10].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основываясь на обширном исследовании принципов, управляющих региональной экономикой во всем мире, а также научном изучении и анализе ключевых экономических показателей в пяти фундаментальных секторах любой экономики, становится очевидным, что успешное развитие и жизнеспособность региональной экономики во многом зависят от способности региона ловко приспосабливаться к быстро меняющимся условиям эксплуатации и в полной мере использовать потенциал, а также растущие возможности на рынке в условиях современных обстоятельств.

В перспективе региональной администрации и менеджменту предстоит настойчиво претерпевать инновационные метаморфозы, направленные на решение ряда стратегических задач. Среди этих задач выступает завершение институциональной реструктуризации, направленной на развитие разнообразных территорий. Это требует включения управленческих принципов, возложенных на субъекты, составляющие нацию.

Кроме того, существует острая необходимость в расширении процесса децентрализации региональных управленческих функций. Это подразумевает, что должно быть исчерпывающее внедрение и освоение экономических методологий, а также рычагов финансового управления субъектами страны.

Еще одним аспектом является использование кластерного подхода. Эта методология направлена на формирование конкурентоспособных промышленных секторов в регионах, тем самым укрепляя их экономическую мощь и устойчивость.

Определение и установка правильных приоритетов для развития региональной экономики имеют жизненно важное значение для создания устойчивой и здоровой экономической среды. В итоге трансформация региональных архитектурных систем на инновационной основе необходима для лучшего реагирования и адаптации к постоянно меняющемуся экономическому ландшафту.

Стоит отметить, что стратегическое продвижение эффективных путей развития на региональном уровне осуществляется в пространственном контексте, где региональные экономики демонстрируют существенное неравенство на разных этапах своего экономического развития. Региональная политика государства, основанная на общепризнанных теоретических принципах, направлена на создание всеобъемлющего набора процедур, ориентированных на регулирование социально-экономического развития территорий.

Наряду с продолжающимися усилиями по поддержке бизнеса, созданию стимулов для инвестиций и устранению административных препятствий для роста, существует острая необходимость в инициативе

по приданию экономике большей ликвидности. Это особенно актуально в отношении политики Центрального банка России по развитию региональных финансовых учреждений и по разработке схемы обратного выкупа облигаций. Одновременно следует предпринять меры по расширению возможностей муниципалитетов по обеспечению финансирования и расширения инфраструктуры посредством выпуска облигаций.

Библиографический список

1. Бесценный Д.С. Роль субъектов малого и среднего предпринимательства в экономиках развитых стран. *Вестник Омского университета. Серия «Экономика»*. 2009;4:56–58.
2. Огородникова Е.П., Добродомова Л.А. Производительность труда как фактор увеличения конкурентоспособности промышленных предприятий. Волгоград: *Экономика*; 2022. 175–178 с.
3. Максимова Т.Г., Кулакова А.О., Скорых С.В. Использование метода анализа иерархий для обоснования выбора сценария развития проекта. *Экономика. Право. Инновации*. 2019;2:42–48.
4. Нормова Ю.В. Неоднородность регионального технологического пространства Российской Федерации. *Вопросы инновационной экономики*. 2022;1:463–478.
5. Логачева Н.А. Модель оценки уровня цифровой трансформации региона. *Региональная экономика*. 2022;1(496):88–110.
6. Мельников Р.М. Влияние экономических, социальных и экологических факторов на удовлетворенность жизнью в российских регионах. *Региональная экономика: теория и практика*. 2022;20(3):424–450.
7. Галимулина Ф.Ф. *Цифровые инструменты управления промышленным предприятием в условиях укрепления технологического суверенитета*. БУКЭП. 2022;4(95):65–72.
8. Огородникова Е.П., Сингаева Ю.В., Ермош Е.В. *Развитие цифровой экономики в современном сельском хозяйстве*. Оренбург: ОГАУ; 2022. С. 194–197.
9. Горохов А.А., Шлафман А.И. Концепция развития интегрированных предпринимательских инноваций. *Перспективы науки*. 2014;6(57):21–24.
10. Поподько Г.И. Оценка ресурсного потенциала перехода экономики региона на инновационное социально ориентированное развитие. *Вестник ДГТУ*. 2011;11(8):1297–1305.

References

1. Bestsennyi D.S. The role of small and medium-sized businesses in the economies of developed countries. *Bulletin of Omsk University. The series "Economics"*. 2009;4:56–58. (In Russian).
2. Ogorodnikova E.P., Dobrodomova L.A. *Labor productivity as a factor of increasing the competitiveness of industrial enterprises*. Volgograd: Economy; 2022. Pp. 175–178. (In Russian).
3. Maksimova T.G., Kulakova A.O., Skorykh S.V. Using the hierarchy analysis method to justify the choice of a project development scenario. *Economy. Right. Innovation*. 2019;2:42–48. (In Russian).
4. Normova Yu.V. Heterogeneity of the regional technological space of the Russian Federation. *Issues of innovative economy*. 2022;1:463–478. (In Russian).
5. Logacheva N.A. Model for assessing the level of digital transformation of the region. *Regional economy: theory and practice*. 2022;1(496):88–110. (In Russian).
6. Melnikov R.M. The influence of economic, social and environmental factors on life satisfaction in Russian regions. *Regional economics: theory and practice*. 2022;20(3):424–450. (In Russian).
7. Galimulina F.F. Digital tools for industrial enterprise management in the conditions of strengthening technological sovereignty. *Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law*. 2022;4(95):65–72. (In Russian).
8. Ogorodnikova E.P., Singaeva Yu.V., Ermosh E.V. *Development of digital economy in modern agriculture*. Orenburg: Orenburg State Agrarian University; 2022. Pp. 194–197. (In Russian).
9. Gorokhov A.A., Shlafman A.I. The concept of development of integrated entrepreneurial innovations. *Prospects of science*. 2014;6(57):21–24. (In Russian).
10. Popodko G.I. Assessment of the resource potential of the transition of the region's economy to innovative socially oriented development. *Bulletin of the DSTU*. 2011;11(8):1297–1305. (In Russian).

УДК 316.4 JEL M31 DOI 10.26425/1816-4277-2023-9-176-184

Формирование лояльности потребителей научно-технической информации: результаты исследования

Тимохович Александра Николаевна
Канд. психол. наук, доц. каф. рекламы и связей с общественностью
ORCID: 0000-0001-5326-5975, e-mail: 3178720@list.ru

Самоходкин Евгений Вячеславович
Магистрант
ORCID: 0000-0003-3791-0123, e-mail: rodentforme@gmail.com

Эльзон Алиса Андреевна
Магистрант
ORCID: 0000-0003-3524-434X, e-mail: alisaelzon@gmail.com

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

В статье представлены результаты комплексного исследования, направленного на выявление особенностей формирования лояльности потребителей научно-технической информации. Научная работа основывается на данных, собранных посредством глубинных интервью среди сотрудников отдела перспективного планирования и маркетинговых исследований Всероссийского института научной и технической информации Российской академии наук, а также анализа регистрационных анкет клиентов, используемых для доступа к научно-технической информации. Существующие стратегии и практики формирования лояльности потребителей рассматриваются в контексте обеспечения эффективного доступа к научно-технической информации. Авторы выделяют ряд ключевых принципов работы по формированию лояльности потребителей, исходя из результатов исследования: принцип прозрачности и доверия; принцип актуальности; принцип доступности; принцип персонализации; принцип взаимодействия и обратной связи. В статье представлены различные аспекты, влияющие на формирование лояльности потребителей. Акцентируется внимание на таких аспектах, как качество информации, ее актуальность, доступность и удобство использования. Основываясь на выявленных аспектах и их влиянии на формирование лояльности, авторами разработаны рекомендации по улучшению стратегий и практик формирования лояльности. Рекомендации предназначены для организаций, генерирующих и распространяющих научно-техническую информацию, направлены на усиление их конкурентоспособности на рынке информационных услуг. В статье обозначены потенциальные направления для дальнейших исследований, включая более глубокий анализ потребностей конкретных категорий потребителей, а также разработку специализированных методов формирования и поддержания лояльности различных групп пользователей.

Ключевые слова

Научно-техническая информация, лояльность потребителей, аспекты лояльности, стратегии формирования лояльности, потребители научной информации, принципы формирования лояльности, исследование, поведение потребителей

Благодарности. Статья подготовлена в рамках гранта Государственного университета управления «Исследование целевой аудитории потребителей научно-технической информации: особенности построения эффективной коммуникации и методы формирования лояльности» (НИР №4014-23).

Для цитирования: Тимохович А.Н., Самоходкин Е.В., Эльзон А.А. Формирование лояльности потребителей научно-технической информации: результаты исследования // Вестник университета. 2023. № 9. С. 176–184.

© Тимохович А.Н., Самоходкин Е.В., Эльзон А.А., 2023.
Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Forming consumer loyalty of scientific and technical information: the results of a study

Alexandra N. Timokhovich
Cand. Sci. (Psy.), Assoc. Prof. at the Advertising and PR Department
ORCID: 0000-0001-5326-5975, e-mail: 3178720@list.ru

Evgeny V. Samokhodkin
Graduate student
ORCID: 0000-0003-3791-0123, e-mail: rodentforme@gmail.com

Alisa A. Elzon
Graduate student
ORCID: 0000-0003-3524-434X, e-mail: alisaelzon@gmail.com

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The article presents the results of a comprehensive study aimed at identifying the features of forming the consumers' loyalty of scientific and technical information. The scientific work is based on data collected through in-depth interviews among employees of the Department of Long-term Planning and Marketing Research of the All-Russian Institute of Scientific and Technical Information of the Russian Academy of Sciences, as well as analysis of registration questionnaires of clients used to access scientific and technical information. The existing strategies and practices of forming customer loyalty are considered in the context of ensuring effective access to scientific and technical information. The authors identify a number of key principles of work on the formation of consumer loyalty, based on the results of the study: the principle of transparency and trust; the principle of relevance; the principle of accessibility; the principle of personalization; the principle of interaction and feedback. The article presents various aspects affecting the formation of consumer loyalty. Attention is focused on such aspects as the quality of information, its relevance, accessibility and usability. Based on the identified aspects and their impact on the formation of loyalty, the authors have developed recommendations for improving strategies and practices of loyalty formation. The recommendations are intended for organizations generating and distributing scientific and technical information, aimed at strengthening their competitiveness in the information services market. The article identifies potential areas for further research, including a deeper analysis of the needs of specific categories of consumers, as well as the development of specialized methods for forming and maintaining the loyalty of various user groups.

Keywords

Scientific and technical information, consumer loyalty, aspects of loyalty, loyalty formation strategies, consumers of scientific information, principles of loyalty formation, research, consumer behavior

Acknowledgements. The article was prepared within the grant framework of the State University of Management "Research of the target audience of consumers of scientific and technical information: features of building effective communication and methods of forming loyalty" (Research no. 4014-23).

For citation: Timokhovich A.N., Samokhodkin E.V., Elzon A.A. (2023) Forming consumer loyalty of scientific and technical information: the results of a study. *Vestnik universiteta*, no. 9, pp. 176–184.

© Timokhovich A.N., Samokhodkin E.V., Elzon A.A., 2023.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

Современные условия функционирования и развития рыночной экономики ставят перед бизнесом сложные и многогранные задачи, одной из которых является построение эффективных взаимоотношений с потребителями. Особое внимание здесь заслуживает область научно-технической информации, представляющая собой специфический сегмент рынка, который в значительной степени определяет прогрессивные тенденции в развитии технологий и науки в целом.

В условиях интенсивного научно-технического развития и бурного роста объемов информации методы формирования лояльности потребителей научно-технической информации выступают факторами конкурентоспособности и продолжительности жизненного цикла продуктов на рынке. Актуальность изучения данной темы обусловлена необходимостью выработки новых подходов и стратегий, способных обеспечить устойчивую потребительскую заинтересованность и лояльность к научно-техническим продуктам и услугам.

При этом важно учесть, что процесс формирования лояльности потребителей в данной сфере имеет свои особенности, обусловленные сложностью и спецификой научно-технической информации, высокими требованиями к качеству и актуальности предоставляемых данных, а также необходимостью их постоянного обновления и углубления.

Таким образом, изучение и разработка эффективных методов формирования лояльности потребителей научно-технической информации представляют собой актуальную и перспективную научно-практическую задачу, решение которой способствует повышению эффективности управления отношениями с клиентами в сфере научно-технического предпринимательства. Это, в свою очередь, приводит к успешной интеграции научно-технического сектора в общую структуру рыночных отношений, к оптимизации процессов взаимодействия с потребителями и к повышению общей конкурентоспособности организаций, осуществляющих деятельность в области генерации и распространения научно-технической информации.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В основе данного исследования лежат несколько ключевых теоретических концепций, относящихся к сферам социологии маркетинга, психологии потребителей, коммуникологии.

Первоначально, важно определить, что понимается под лояльностью потребителя. Лояльность в широком понимании представляет собой устойчивую приверженность потребителя к определенному товару, услуге или бренду, выражающуюся в повторных покупках, положительных рецензиях и рекомендациях [1]. Лояльность возникает в результате удовлетворенности клиента качеством товара или услуги, высоким уровнем обслуживания и эмоциональным вовлечением [2].

Далее следует учесть специфику научно-технической информации, которая характеризуется высоким уровнем сложности, быстрыми изменениями и требованием высокого уровня экспертизы для ее понимания [3]. Для привлечения и удержания внимания потребителей в этой области необходимы особые подходы, включающие в себя развитие образовательных программ, создание доступных и понятных материалов, использование современных коммуникационных технологий и многое другое.

Целевая аудитория в контексте научно-технической информации представляет собой уникальный сегмент, который характеризуется высоким уровнем образования, профессиональным интересом и конкретными потребностями в получении качественной, своевременной и достоверной информации. В существующих теориях сегментации и позиционирования, представленных в трудах российских и зарубежных авторов, акцентируется внимание на необходимости глубокого понимания потребностей и предпочтений целевой аудитории для успешного формирования лояльности [4; 5].

Важным аспектом в рамках формирования потребительской лояльности к научно-технической информации является применение инструментов интегрированных маркетинговых коммуникаций. Теоретические основы концепции интегрированных маркетинговых коммуникаций подчеркивают важность согласованного и целостного подхода к взаимодействиям с представителями целевых групп [6; 7]. В ситуациях необходимости формирования лояльности к научно-технической информации могут быть использованы различные каналы и форматы коммуникации, адаптация информационных материалов к особенностям целевой аудитории, а также постоянный мониторинг и коррекция коммуникационной стратегии на основе обратной связи.

Кроме того, важным теоретическим аспектом является концепция управления взаимоотношениями с клиентами (англ. consumer relationship management, далее – CRM), которая подразумевает систематический подход к организации взаимодействия с потребителями с целью повышения их удовлетворенности и лояльности [8]. В контексте научно-технической информации могут быть использованы современные технологии для анализа предпочтений целевой аудитории, а также персонализация контента и обеспечение качественной поддержки.

Помимо упомянутых аспектов, дополнительные теоретические основания для исследования можно найти в области психологии потребителей, научно-технического прогресса и эффективности коммуникаций.

С точки зрения психологии потребителей значимыми научными положениями могут быть теория когнитивного диссонанса, предложенная Л. Фестингером, и теория принятия и использования технологии (TAM), разработанная Дж. Дэвисом [9; 10]. Теория когнитивного диссонанса помогает понять, как потребители решают противоречия между своими установками и реальностью, что может быть актуально при принятии решений о доверии к источнику научно-технической информации. В рамках теории принятия и использования технологии происходят оценка отношения потребителей к новым технологиям, а также выявление влияния новых технологий на их принятие и использование.

Кроме того, развитие научно-технического прогресса предполагает постоянное обновление и углубление информации, что создает как возможности, так и вызовы для формирования лояльности. Теория диффузии инноваций Л. Роджерса может предложить полезные инсайты для понимания этого процесса [11].

Также в контексте эффективности коммуникаций могут быть применены модели массовой коммуникации, такие как модель Г. Лассуэлла и модель У. Шрамма и Ч. Осгуда [12; 13]. Они могут помочь выявить ключевые элементы процесса коммуникации и оценить их влияние на формирование лояльности.

Таким образом, настоящее исследование опирается на пересечение различных теоретических подходов и концепций, что обеспечивает широкий аналитический обзор и позволяет предложить комплексное решение проблемы формирования лояльности потребителей научно-технической информации.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Объектом исследования являются потребители научно-технической информации.

Предметом исследования выступают особенности формирования лояльности потребителей научно-технической информации.

Цель исследования заключается в выявлении особенностей формирования лояльности потребителей научно-технической информации.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи исследования:

1) проанализировать существующие теоретические подходы к формированию лояльности потребителей;

2) оценить специфику и особенности целевой аудитории научно-технической информации;

3) выделить аспекты и принципы формирования лояльности потребителей научно-технической информации;

4) разработать рекомендации по оптимизации процесса формирования лояльности потребителей научно-технической информации на основе полученных результатов.

Для получения сфокусированных данных была выбрана площадка для выполнения исследования. Настоящее исследование проведено на примере Всероссийского института научной и технической информации Российской академии наук (далее – ВИНИТИ РАН). Временные рамки исследования: февраль – июнь 2023 г.

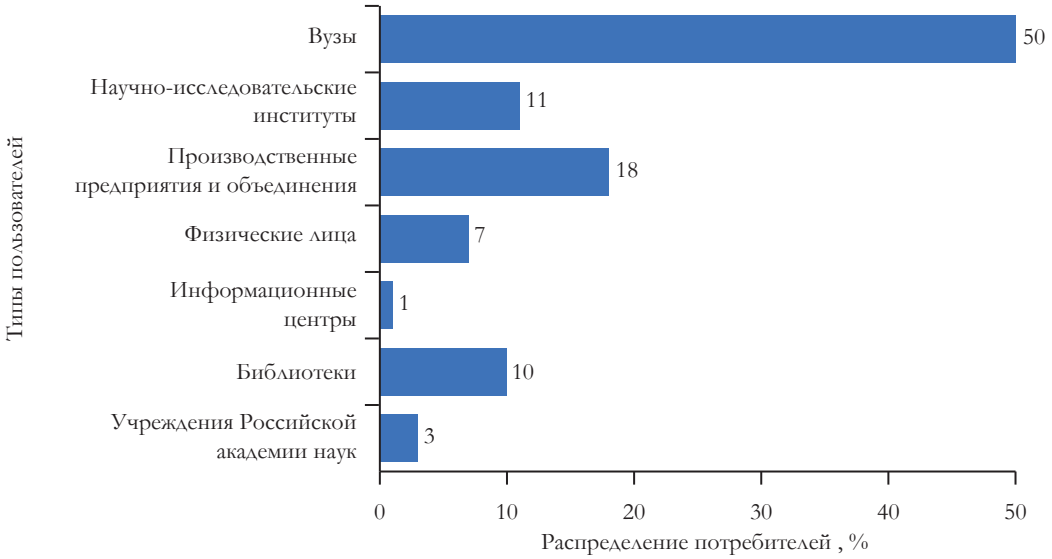
Исследование проведено с использованием следующих комплексных методов: анализ вторичных данных, а именно результатов анкетирования, которое проводилось при регистрации новых пользователей/потребителей научно-технической информации на платформе ВИНИТИ РАН; анализ вторичных данных по использованию клиентами ВИНИТИ РАН информационных ресурсов организации; глубинные интервью с сотрудниками организации.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках настоящего исследования начальная стадия включала в себя изучение анкет, которые заполняются клиентами ВИНИТИ РАН в ходе взаимодействия с организацией в различных форматах. Когда клиент обращается с запросом на доступ к информационным ресурсам организации или для

получения конкретной научно-технической информации, он заполняет регистрационную анкету со следующими данными: информация об организации (страна, город, полное и сокращенное наименование организации, отдел или подразделение организации); контактная информация лица, ответственного за связь с организацией; тариф подключения; количество идентификаторов; тип организации. Был осуществлен детальный анализ анкет, собранных в течение 2021–2022 гг. (использовалась полная выборка).

На основе анализа регистрационных анкетных форм можно определить следующие типы клиентов ВИНИТИ РАН и пользователей научно-технической информации (рис. 1).



Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Типы пользователей научно-технической информации

После проведения регистрации с помощью технологий искусственного интеллекта можно провести анализ деятельности каждого клиента на сайте и в информационных базах данных организации. На основе проведенного анализа активности клиентов по использованию ресурсов базы данных ВИНИТИ РАН следует выделить следующие наиболее популярные тематики научно-технической информации: автоматика и радиоэлектроника; астрономия; биология; вычислительные науки; генетика; география; геология; геофизика; горное дело; издательское дело и полиграфия; информатика; коррозия и защита от коррозии; лекарственные растения; математика; машиностроение; медицина; металлургия; механика; обеспечение безопасности при чрезвычайных ситуациях; охрана окружающей среды; политематическая база данных; сварка; транспорт; физика; физико-химическая биология и биотехнология; химия; экономика промышленности; экономия энергии; электротехника; энергетика. Каждая из обозначенных областей представляет собой значимую сферу интересов в контексте научно-технической информации, что подтверждается данными ВИНИТИ РАН.

Следующим шагом стало выявление предпочтительных тематик научно-технической информации для каждой из групп клиентов, пользователей информационной базы данных организации. В табл. 1, представленной ниже, приведены результаты анализа.

Таблица 1

Соотношение типов потребителей с востребованными тематиками научно-технической информации

Тип потребителя	Востребованные тематики научно-технической информации
Учреждения Российской академии наук	Астрономия, биология, генетика
Информационные центры	Информатика, вычислительные науки
Физическое лицо	Медицина, лекарственные растения

Окончание табл. 1

Тип потребителя	**Востребованные тематики научно-технической информации**
Производственные предприятия и объединения	Машиностроение, электротехника, энергетика
Научно-исследовательские институты	Математика, физика, химия
Вузы	Экономика промышленности, экономия энергии, политематическая база данных
Библиотеки	Вычислительные науки, издательское дело и полиграфия, политематическая база данных

Составлено авторами по материалам исследования

Оценив полученные результаты, необходимо сформулировать следующие выводы.

1. Приведенные данные демонстрируют дифференцированный спрос на научно-техническую информацию среди различных категорий потребителей, подтверждая научное предположение о существовании значимых различий в информационных потребностях в зависимости от особенностей деятельности потребителя.

2. Научно-исследовательские институты наиболее часто используют информацию по тематикам, включающим фундаментальные научные дисциплины, что отражает их научно-ориентированный профиль и потребность в глубоких теоретических знаниях.

3. Производственные предприятия и объединения преимущественно ориентированы на прикладные тематики, соответствующие их профилю деятельности. Это свидетельствует о потребности данных организаций в прикладной информации, способной стимулировать улучшение производственных процессов.

4. Физические лица как потребители научно-технической информации активно используют материалы, связанные с областью здравоохранения, что, возможно, коррелирует с повышенной актуальностью здоровья на уровне индивидуального потребителя.

5. Высшие учебные заведения проявляют широкий спектр интересов, охватывающий многие области знания. В связи с этим следует отметить многоаспектность процесса обучения и необходимость поддержания академической активности в различных областях.

Далее в рамках методологии исследования были проведены глубинные интервью с сотрудниками отдела маркетинговых исследований и перспективного планирования ВИНИТИ РАН. Выбор данной методики обусловлен возможностью получения подробных и исчерпывающих ответов на вопросы, касающихся формирования лояльности к научно-технической информации.

Для подготовки к интервьюированию был разработан специализированный набор вопросов, позволяющий получить детальную информацию о стратегиях, методах и подходах в работе с потребителями научно-технической информации. Вопросы были сформулированы таким образом, чтобы выявить как организационные, так и психологические аспекты формирования лояльности.

Интервью были проведены в удобное для респондентов время, при этом каждое интервью длилось от 60 до 90 минут. Для обеспечения точности собранных данных все интервью были записаны и впоследствии транскрибированы для детального анализа.

Данные, полученные в ходе интервью, были подвергнуты качественному анализу. Применялся метод тематического анализа, позволяющий выделить ключевые темы и подтемы, которые выявляют основные принципы работы по формированию лояльности потребителей в контексте научно-технической информации.

Интерпретация данных, полученных на основе глубинных интервью, позволила сделать следующие ключевые выводы.

1. Важность установления доверительных отношений с потребителями. Сотрудники отмечали важность создания доверительных отношений с потребителями для формирования их лояльности: «Мы стараемся заслужить доверие потребителей, демонстрируя прозрачность и качество нашей информации».

2. Необходимость оперативного обновления информации. Сотрудники подчеркнули, что актуальность и новизна информации критичны для удовлетворения потребителей: «Мы постоянно следим за новейшими разработками в научных областях, чтобы обеспечить наших клиентов самой релевантной и актуальной информацией».

3. Подготовка понятных и доступных презентационных материалов. Респонденты признали важность представления информации в доступной и понятной форме: «Мы стремимся представлять нашу информацию в максимально понятных и полезных для наших потребителей формах».

4. Адаптация информации под нужды потребителей. Сотрудники отмечали значимость персонализации информации в соответствии с потребностями и интересами потребителей: «Мы уделяем внимание тому, чтобы наша информация отвечала конкретным потребностям клиентов и составляла важную практическую часть для функционирования и поддержания их основных идей».

5. Постоянное взаимодействие с клиентами и поддержание обратной связи. Респонденты подчеркнули важность взаимодействия и осуществления обратной связи с потребителями для улучшения качества и актуальности предоставляемой информации: «Мы ценим обратную связь от наших клиентов и стараемся использовать ее для улучшения нашего сервиса».

Таким образом, полученные выводы подчеркивают многогранность стратегий и подходов, используемых для формирования лояльности потребителей научно-технической информации.

На основе результатов проведенного исследования необходимо сформулировать следующие основные принципы работы по формированию и поддержанию лояльности потребителей научно-технической информации: принцип прозрачности и доверия; принцип актуальности; принцип доступности; принцип персонализации; принцип взаимодействия и обратной связи.

Исходя из вышесказанного, работа по формированию и поддержанию лояльности потребителей научно-технической информации основывается на спектре разных факторов и включает в себя разнообразные стратегии и подходы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании результатов проведенного исследования следует разработать рекомендации для улучшения коммуникационных стратегий и практик по формированию лояльности потребителей научно-технической информации.

Во-первых, совершенствование качества информации. Гарантия высокого уровня достоверности и релевантности предоставляемой информации является важнейшим элементом формирования лояльности среди потребителей научно-технической информации. Для достижения этой цели организациям, генерирующим и распространяющим научно-техническую информацию, необходимо на постоянной основе улучшать системы контроля и верификации данных.

Во-вторых, обновление информации в реальном режиме времени. Своевременное обновление информации и ее новизна важны для потребителей, которые стремятся получить наиболее актуальные данные. Организациям необходимо оптимизировать осуществляемые процессы сбора, обработки и предоставления информации, чтобы максимально ускорить эти процессы.

В-третьих, повышение доступности информации. Удобство доступа и использования информации является ключевым фактором. Реализация данного требования может включать в себя улучшение пользовательского интерфейса, обеспечение доступности информации в различных форматах и каналах.

В-четвертых, адаптация под потребности клиента. Индивидуальный подход к каждому потребителю и учет его специфических потребностей могут помочь улучшить уровень удовлетворенности и, следовательно, лояльности. Такой подход может включать в себя адаптацию информационных продуктов под конкретные требования пользователей и обратную связь для улучшения услуг.

Принимая во внимание разработанные рекомендации, организации, генерирующие и распространяющие научно-техническую информацию, могут улучшить свои практики по формированию лояльности потребителей научно-технической информации, что, в свою очередь, будет способствовать увеличению их конкурентоспособности и финансовой успешности на профильном рынке деятельности.

На основании результатов настоящего исследования, предложим следующие направления для будущих исследований.

1. Изучение долгосрочных эффектов стратегий формирования лояльности. Данное исследование в значительной степени сконцентрировано на текущей ситуации. Однако будет важно изучить долгосрочные эффекты различных стратегий формирования лояльности и их устойчивость.

2. Сравнительный анализ между различными отраслями. Настоящее исследование ограничено сферой научно-технической информации. Расширение этого исследования на другие отрасли может привести

к всеобъемлющему пониманию универсальности и специфики полученных выводов.

3. Анализ влияния культурных и социальных факторов на формирование лояльности. В рамках дальнейших исследований может быть рассмотрено, каким образом культурные и социальные факторы оказывают влияние на формирование лояльности потребителей к научно-технической информации.

4. Влияние цифровых технологий на формирование лояльности. С учетом активного развития технологий и цифровой трансформации общества представляется важным изучить, каким образом обозначенные изменения влияют на стратегии формирования лояльности и на поведение потребителей.

5. Поведенческие аспекты формирования лояльности. Большую ценность представляет изучение поведенческих аспектов формирования лояльности, включая механизмы принятия решений потребителями, их эмоциональное вовлечение и доверие.

Таким образом, каждое из вышеуказанных направлений будущих исследований может предоставить значительные возможности для расширения нашего понимания процессов формирования лояльности и помочь в разработке более эффективных стратегий и практик в этой области.

Основные результаты настоящего исследования могут быть сформулированы следующим образом:

1) на основе проведенных глубинных интервью с сотрудниками отдела перспективного планирования и маркетинговых исследований ВИНИТИ РАН было выявлено, что ключевыми факторами формирования лояльности потребителей к научно-технической информации являются качество и актуальность предлагаемой информации, прозрачность и эффективность коммуникационных каналов, а также взаимное доверие и ценность предложения для потребителя;

2) выявленные принципы включают в себя поддержание высокого качества информации, активное использование обратной связи для улучшения информационных продуктов и услуг, создание прозрачной и открытой системы обмена информацией, а также формирование взаимного доверия с потребителями через постоянное взаимодействие и предложение ценности;

3) на основе полученных результатов были предложены рекомендации, включающие в себя совершенствование процессов сбора и обработки обратной связи, активное внедрение цифровых технологий для улучшения взаимодействия с потребителями, а также формирование индивидуализированных предложений, которые учитывают специфические потребности и интересы каждого потребителя;

4) предложены несколько направлений для дальнейших исследований, включая изучение долгосрочных эффектов стратегий формирования лояльности, сравнительный анализ между различными отраслями, а также анализ влияния культурных и социальных факторов на формирование лояльности.

Результаты настоящего исследования вносят вклад в теорию и практику формирования лояльности потребителей к научно-технической информации, обосновывая актуальные направления для дальнейшего развития данной области.

Библиографический список

1. Rogers S. *Leading Loyalty: Cracking the Code to Consumer Devotion.* Nashville: Amacom; 2019. 240 p.
2. Sethna Z. *Consumer behavior.* New York: SAGE publ.; 2023. 616 p.
3. King W. *Marketing Scientific and Technical Information.* Abingdon-on-Thames: Routledge; 2019. 248 p.
4. Kotler Ph., Kartajaya H., Setiawan I. *Marketing 5.0: Technology for the Humanity.* New Jersey: Wiley; 2021. 224 p.
5. Попов В.Г., Янышева К.А. Особенности глобальной стратегии сегментации и позиционирования товаров. В кн.: *Актуальные вопросы развития конкурентной политики, совершенствования правоприменительной практики пресечения недобросовестной конкуренции и ненадлежащей рекламы: материалы XI Международной научно-практической конференции, Воронеж, 26 мая 2021 г.* Воронеж: Воронежский государственный университет; 2021. С. 197–200.
6. Бесков А.А. Особенности применения интегрированных маркетинговых коммуникаций в цифровой среде. *Экономика и управление в машиностроении.* 2020;1:38–40.
7. Baykoucheva S. *Managing scientific information and research data.* London: Chandos Publ.; 2015. 162 p.
8. Фокина К.С. Концепция социальных систем управления взаимоотношения с клиентами. *Актуальные научные исследования в современном мире.* 2020;7-1(63):186–188.
9. Lana R. *The Foundations of Psychological Theory (Psychology Library Editions: History of Psychology.* Abingdon-on-Thames: Routledge; 2019. 196 p.
10. Калиниченко Н.С., Величковский Б.Б. Феномен принятия информационных технологий: современное состояние и направления дальнейших исследований. *Организационная психология.* 2022;12(1):128–152.

11. Кьяндский А.М. Теория диффузии инноваций Роджерса и ее применение в условиях концепции индустрия 4.0. В кн.: *Современные проблемы менеджмента: материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Санкт-Петербург, 21 апреля 2022*. СПб.: Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина); 2022. С. 210–213.
12. Кривоносов А.Д., Киуру К.В. Парадигматика современной системы массовых коммуникаций в модели Г. Лассуэлла. *Вопросы теории и практики журналистики*. 2022;11(1):27–40.
13. Филенко С.С. Вовлеченность молодежи в процесс потребления культурного продукта. В кн.: *Реформы в России и проблемы управления: материалы 33-й Всероссийской научной конференции молодых ученых, Москва, 18-19 апреля 2018 г.* М.: Государственный университет управления; 2018. С. 137–139.

References

1. Rogers S. *Leading Loyalty: Cracking the Code to Consumer Devotion*. Nashville: Amacom; 2019.
2. Sethna Z. *Consumer behavior*. New York: SAGE publ.; 2023.
3. King W. *Marketing Scientific and Technical Information*. Abingdon-on-Thames: Routledge; 2019.
4. Kotler Ph., Kartajaya H., Setiawan I. *Marketing 5.0: Technology for the Humanity*. New Jersey: Wiley; 2021.
5. Popov V.G., Yanysheva K.A. Features of the global strategy of segmentation and positioning of goods. In: *Actual issues of competitive policy development, improvement of law enforcement practice of suppression of unfair competition and improper advertising: materials of the XI International Scientific and Practical Conference*, *Voronez, 26 May 2021*. Voronezh: Voronezh State University; 2021. pp. 197-200. (In Russian).
6. Beskov A.A. Features of the application of integrated marketing communications in the digital environment. *Economics and Management in Engineering*. 2020;1:38–40. (In Russian).
7. Baykoucheva S. *Managing scientific information and research data*. London: Chandos Publ.; 2015.
8. Fokina K.S. The concept of social systems of customer relationship management. *Actual scientific research in the modern world*. 2020;7-1(63):186–188. (In Russian).
9. Lana R. *The Foundations of Psychological Theory (Psychology Library Editions: History of Psychology*. Abingdon-on-Thames: Routledge; 2019.
10. Kalinichenko N.S., Velichkovsky B.B. The phenomenon of information technology acceptance: current state and directions for further research. *Organisational Psychology*. 2022;12(1):128–152. (In Russian).
11. Kjandsky A.M. Rogers' theory of innovation diffusion and its application in the conditions of the concept of industry 4.0. In: *Modern problems of management: materials of the All-Russian scientific-practical conference of students, postgraduates and young scientists, Saint-Petersburg, 21 April 2022*. St. Petersburg: Saint-Petersburg State Electrotechnical University "LETI" named after V.I. Ulyanov (Lenin); 2022. Pp. 210–213. (In Russian).
12. Krivonosov A.D., Kiuru K.V. Paradigmatics of the modern system of mass communications in the model of G. Lasswell. *Questions of theory and practice of journalism*. 2022;11(1):27–40. (In Russian).
13. Filenko S.S. Youth involvement in the process of cultural product consumption. In: *Reforms in Russia and management problems: materials of the 33rd All-Russian Scientific Conference of Young Scientists, Moscow, 18–19 April 2018*. Moscow: State University of Management; 2018. Pp. 137–139. (In Russian).

ФИНАНСЫ И БАНКОВСКОЕ ДЕЛО

УДК 336 JEL G12, G15, E44 DOI 10.26425/1816-4277-2023-9-185-199

Анализ реальности и важности выпуска исламских сукук в Малайзии

Джауида Белаа
Д-р экон. наук, проф. каф. экономических наук
ORCID: 0000-0001-5656-2676, e-mail: djaouida.belaa@univ-setif.dz

Чафия Кеттаф
Д-р экон. наук, проф. каф. экономических наук
ORCID: 0000-0002-1609-4502, e-mail: chafia.kettaf @univ-setif.dz

Университет Фера Аббa, г. Сетиф, Алжир

Аннотация

Настоящая статья посвящена изучению реальности выпуска исламских сукук в Малайзии, которая занимает лидирующие позиции в этой области. Цель достигается путем выяснения процесса выпуска исламских сукук в Малайзии за счет определения ответственного органа за их выпуск, уточнения требований, а также принципов регулирования для эмиссии таких финансовых документов. Кроме того, следует подробно рассмотреть типы исламских сукук, выпущенных в Малайзии в период с 2001 г. по 2021 г. В заключении исследования проведен обзор наиболее значимых действий и мер, предпринятых Правительством Малайзии для расширения малазийского рынка сукук в целях поощрения малазийских инвестиций в исламский сукук.

Ключевые слова

Исламский сукук, Малайзия, выпуск сукук, рынок исламского капитала Малайзии, сукук исламского Правительства, исламский корпоративный сукук

Для цитирования: Джауида Б., Чафия К. Анализ реальности и важности выпуска исламских сукук в Малайзии // Вестник университета. 2023. № 9. С. 185–199.

© Джауида Б., Чафия К., 2023.
Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Analysing the reality and importance of issuing Islamic sukuk in Malaysia

Djaouida Belaa
Dr. (Sci.) Econ., Prof. at the Department of Economic Sciences
ORCID: 0000-0001-5656-2676, e-mail: djaouida.belaa@univ-setif.dz

Chafia Kettaf
Dr. (Sci.) Econ., Prof. at the Department of Economic Sciences
ORCID: 0000-0002-1609-4502, e-mail: chafia.kettaf @univ-setif.dz

Ferhat Abbas University Setif, Setif, Algeria

Abstract

The present study aims to shed light on the reality of the issuance of Islamic sukuk in Malaysia, which occupies the forefront in this field. This is achieved by clarifying the process of issuing Islamic sukuk in Malaysia based on identifying the responsible authority for issuing sukuk, and specifying the issuance requirements, as well as its guidelines and regulatory principles. In addition, it is necessary to consider in detail the types of Islamic sukuk issued in Malaysia in the period from 2001 to 2021. The most significant steps and incentives taken by the Malaysian government to expand the Malaysian Sukuk market are clarified in the study's conclusion, in an effort to promote Malaysian investment in Islamic sukuk.

Keywords

Islamic sukuk, Malaysia, sukuk issuance, Malaysian Islamic capital market. Islamic government sukuk , Islamic corporate sukuk

For citation: Djaouida B., Chafia K. (2023) Analysing the reality and importance of issuing Islamic sukuk in Malaysia. *Vestnik universiteta*, no. 9, pp. 185–199.

© Djaouida B., Chafia K., 2023.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

Исламский сукук считается одним из наиболее значимых продуктов исламского финансового сектора и вызывает интерес у многих институтов и организаций, поскольку такой финансовый документ является одним из наиболее важных способов получения реальных сбережений и накопления средств, необходимых для финансирования различных важных проектов развития. Такие проекты целесообразны с экономической и социальной точек зрения. Исламский сукук до сих пор успешно привлекает значительное количество инвесторов не только из западных и исламских государств, но и из многих других стран.

Кроме того, в последние годы индустрия исламских сукук получила широкое распространение и заметное развитие, а ее масштабы увеличились и достигли рекордных показателей, так как общий объем эмиссии сукук в мире за период с 2001 г. по 2021 г. составил около 1,6 трлн. долл. США. В различных странах мира, в том числе в Малайзии (на долю которой приходится более половины мирового выпуска сукук, поскольку это государство считается первой и ведущей страной с точки зрения выпуска таких финансовых документов в мире), требуется внимание Правительства Малайзии для принятия необходимых мер по стимулированию инвестиций в исламский сукук и по развитию рынка данного финансового инструмента, чтобы противостоять различным препятствиям и проблемам, которые могут возникнуть в процессе выпуска сукук в Малайзии.

Исходя из вышесказанного, необходимо поставить следующие основные вопросы исследования: Как происходит процесс выпуска исламских сукук в Малайзии? В чем заключаются наиболее важные меры, предпринимаемые Правительством Малайзии для развития рынка сукук в этой стране?

Настоящее исследование основано на следующей гипотезе: выпуск исламских сукук в Малайзии связан с необходимостью создания надлежащей нормативно-правовой базы, обеспечивающей дальнейшее развитие сукук всех типов.

Цель исследования заключается в:

– уточнении процесса и требований по выпуску исламских сукук в Малайзии;

– определении реальности и развития рынка исламских сукук в Малайзии;

– выделении наиболее важных мер, предпринятых Правительством Малайзии для развития рынка сукук в этой стране.

Методологический инструментарий исследования базируется на описательном подходе, который проводится за счет сбора различной информации и статистических данных, связанных с ростом и развитием индустрии исламских сукук, чтобы представить и оценить развитие указанной индустрии в рамках цели исследования и границ рассматриваемой проблемы.

УПОЛНОМОЧЕННЫЕ ОРГАНЫ ЗА ВЫПУСК ИСЛАМСКИХ СУКУК В МАЛАЙЗИИ

С одной стороны, исключительным и подотчетным органом, осуществляющим контроль и выдачу лицензии на выпуск исламских ценных бумаг в Малайзии, является Комиссия по ценным бумагам Малайзии. С другой стороны, данный уполномоченный орган оказывает поддержку Департаменту исламского денежного рынка в работе с исламскими ценными бумагами, а также в следующих областях [1–3]:

– издание юридических «фетв» по вопросам, касающимся исламских ценных бумаг;

– документирование всех правил и законов, связанных с выпуском исламских ценных бумаг, до их публичного размещения;

– предоставление консультаций и рекомендаций Департаменту рынка исламского капитала по вопросам шариата.

Исходя из этого, Комиссия по ценным бумагам Малайзии издает различные рекомендации по регулированию процесса выпуска исламских ценных бумаг, в том числе исламских сукук, которые продаются на вторичном рынке для обеспечения ликвидности и контролируются Центральным банком Малайзии. В целом вторичный рынок и Комиссия по ценным бумагам Малайзии являются единственными механизмами процессов регулирования и лицензирования всех выпусков исламских ценных бумаг , включая исламский сукук.

Шариатский консультативный совет, в свою очередь, осуществляет контроль над выпуском исламских ценных бумаг, таких как исламский сукук. Департамент рынка исламского капитала также поддерживает издание указаний и рекомендаций по вопросам шариата. Кроме того, для анализа выпуска

исламских ценных бумаг все заявки на выпуск исламских сукук подаются советнику по шариату, который специализируется в области исламских сукук и транзакционной юриспруденции.

Соответственно, Комиссия по ценным бумагам Малайзии является единственным уполномоченным органом в Малайзии, осуществляющим регулирование и лицензирование всех выпусков ценных бумаг как традиционного, так и исламского типа. Эмиссии соответствуют всем процедурам, требованиям, правовым условиям и нормам шариата.

Стоит отметить, что Управление по ценным бумагам Малайзии обязывает эмитента подавать запрос на утверждение советника по шариату по всем выпускам, а объявление об одобренных выпусках в сети «Интернет» (далее – Интернет) повысит доверие инвесторов и облегчит процесс контроля.

Центральный банк Малайзии играет важную роль в процессе регистрации, контроля, торговли и передачи прав собственности на сукук, особенно на вторичном рынке, и этот процесс происходит в Центральном банке через следующие две системы:

– полностью автоматизированная система выпуска и проведения торгов (англ. Fully Automated System for Issuing and Tendering, далее – FAST);

– электронный перевод средств и ценных бумаг в режиме реального времени (англ. Real Time Electronic Transfer of Fund and Securities, далее – RENTAS).

ТРЕБОВАНИЯ К ВЫПУСКУ ИСЛАМСКИХ СУКУК В МАЛАЙЗИИ

Для выпуска исламских ценных бумаг компании необходимо [4]:

1) назначить шариатского советника. Получив одобрение Комиссии по ценным бумагам Малайзии, советник по шариату начинает действовать независимо от Консультативного совета по шариату. Его выбор осуществляется согласованно и параллельно с Консультативным советом по шариату и Комиссией по ценным бумагам Малайзии. Задачей такого советника является определение степени соотвествия выпускаемых исламских ценных бумаг предписаниям шариата и принципам мусульманского права [5].

Член шариатского совета должен отвечать следующим требованиям:

– отсутствие опыта финансовой несостоятельности;

– отсутстиве судимости;

– обладание хорошими нравами и незапятнанной деловой репутацией;

– наличие как научной квалификации в области транзакционной юриспруденции и ее основ, так и опыта работы не менее трех лет в сфере исламской финансовой индустрии.

Наиболее важные задачи и обязанности шариатского советника заключаются в рассмотрении проекта эмиссии сукук, подготовленного уполномоченным органом, а также в выражении своего мнения и в предоставлении рекомендаций относительно структуры, в которой будет происходить процесс выпуска исламских ценных бумаг, документов и проспекта эмиссии. В дополнение к выражению мнения об этой эмиссии и обеспечению того, чтобы структура сукук и механизм выпуска соответствовали положениям шариата, он должен обеспечить полноту раскрытия и достоверность шариатской информации, содержащейся в проспекте эмиссии [6].

2) обратиться в конкретный исламский банк или любое другое финансовое учреждение, имеющее лицензию Центрального банка Малайзии. Для того, чтобы заниматься транзакциями исламских банков через открытие «исламских окон», нужно предоставить консультативные заключения и рекомендации компании-эмитенту во всем, что связано с выпуском исламских ценных бумаг:

– необходимые документы и файлы;

– инструкции по выпуску;

– все административные и исполнительные процедуры, связанные с выпуском;

– обеспечение соответствия всех процедур положениям шариата.

Стоит отметить, что определение законности выпуска является одной из задач только шариатского советника, при этом Консультативный совет по шариату не привлекается повторно, за исключением ситуации с выпуском исламских ценных бумаг с новым договором, который ранее не заключали, или при наличии некоторых нерешенных проблем, требующих окончательного постановления Комиссии.

Комиссия по ценным бумагам Малайзии разместила все способы выпуска исламских ценных бумаг на своем веб-сайте, чтобы каждая заинтересованная сторона ознакомилась с такими вариантами. В таком случае Комиссия сможет учесть их замечания и предложения.

ТИПЫ СУКУК, ВЫПУЩЕННЫЕ В МАЛАЙЗИИ

Исламские сукук в Малайзии – это сертификаты равной стоимости, выпущенные в соответствии с принципами и положениями шариата, т.е. сукук, которые разрешены и одобрены Консультативным комитетом по шариату при Комиссии по ценным бумагам Малайзии. Сукук выпускаются на основе юридических контрактов и средств контроля, которые регламентируют их эмиссию. Инвестиционные формулы, на основе которых были выпущены сукук, и их торговля регулируются юридическими условиями, связанными с характером активов, которые они представляют при торговле. В зависимости от органа, выпустившего сукук, такие исламские ценные бумаги могут быть классифицированы следующим образом.

1. Сукук исламского Правительства. Это сукук, выпущенные Правительством Малайзии с целью получения необходимого финансирования проектов развития. Эти сукук находятся под контролем Центрального банка Малайзии.

Такие сукук похожи на государственные инвестиционные сертификаты, которые были разработаны по принципу выгодного займа, и они считаются первыми исламскими финансовыми документами, выпущенными Правительством Малайзии без предварительного начисления процентов в 1983 г. Известные как государственные инвестиционные сертификаты, такие финансовые инструменты были выпущены с целью получения необходимого финансирования для проектов развития Правительства Малайзии, величина дохода по сертификатам заранее не оговаривается. Кроме того, срок погашения составляет от 1 года до 5 лет. Центральный банк Малайзии в качестве дополнительного инструмента выпустил государственные инвестиционные сертификаты с учетом прибыли по принципу продажи по отсроченной цене.

2. Исламский корпоративный сукук. Это сукук, выпущенные частными малазийскими компаниями в соответствии с принципами отложенной продажи (истисна, мудараба, мушарака, мурабаха и иджара), которые считаются одними из самых известных исламских финансовых инструментов в Малайзии. Перечисленные финансовые продукты также подлежат контролю Консультативного совета по шариату при Комиссии по ценным бумагам Малайзии.

Далее следует рассмотреть более детально типы сукук.

БАЙ БИТХАМАН АДЖИЛ И МУРАБАХА СУКУК

Такой тип сукук представляет собой документы или сертификаты, отражающие стоимость активов, выдаваемые органом-эмитентом для подтверждения задолженности перед другими сторонами, и их выпуск основан на отсроченной продаже и мурабахе.

Бай битаман аджил сукук отличается от сукук мурабаха условиями инвестирования. Выпуск сукук по отсроченной цене предназначен для долгосрочных инвестиций, в то время как выпуск сукук мурабаха необходим для средне- и краткосрочных инвестиций. Этапы выпуска сукук на определенный срок и продажи мурабаха в Малайзии можно пояснить следующим образом:

– уполномоченный орган, выпускающий сукук, определяет активы, которые будут приобретены подписчиками сукук;

– орган-эмитент сукук выпускает сукук и продает их владельцам и держателям сукук по отсроченной стоимости сукук;

– владельцы и держатели сукук оплачивают стоимость активов наличными эмитенту;

– владельцы обязуются повторно продать эти активы эмитенту, которому принадлежат первые активы, по цене выше первоначальной, в рассрочку или за один платеж на условиях продажи в кредит или мурабаха;

– эмитент выкупает инструменты, обращающиеся на вторичном рынке, по более высокой цене продажи.

Опыт Малайзии показывает, что сукук по договору Мохатра не выпускается. Однако принцип договора Мохатра применяется при выпуске сукук на продажу по отсроченной цене и мурабаха, так что эти сукук сформированы на основе договора Мохатра. Выпуск этих сукук считается юридически допустимым в Малайзии, если он основан на активах, полученных в результате процесса сукук. Активы, которые были деноминированы, основаны на продаже по отсроченной цене или мурабахе, и вся информация о них отражена в эти сукук, например срок погашения, маржа прибыли и цена продажи.

ЛИЗИНГ (ИДЖАРА) СУКУК

Иджара сукук представляют собой документы равной стоимости, выданные владельцем арендованного имущества или лицом, с которым был заключен договор аренды, или финансовым посредником от имени владельца. Иджара сукук означает право собственности на арендованное имущество и дает его владельцу возможность получить доход от аренды и окупить свои инвестиции от арендованного имущества на финансовом рынке Малайзии. Эти сукук выпускаются с целью их продажи и получения их цены из выручки от клиента. Затем сукук становится собственностью держателей данного вида ценной бумаги.

Этапы выпуска лизинговых сукук в Малайзии можно пояснить следующим образом:

– эмитент продает свои активы специальной компании, созданной для этой цели, за определенную стоимость;

– компания специального назначения сдает в аренду свои активы эмитенту на определенный срок;

– для финансирования покупки активов компанией специального назначения эмитент выпускает лизинговые сукук для покрытия покупной цены этих активов, и такие сукук представляют собой общую долю владения арендованными активами;

– процесс выпуска лизинговых сукук осуществляется в соответствии с необходимыми стандартами для инвестиционных сукук, утвержденными Консультативным комитетом по шариату;

– инвесторы, владеющие сукук, выплачивают стоимость покупки сукук компании специального назначения по текущей цене для получения сукук, таким образом, компания специального назначения выплачивает стоимость активов эмитенту;

– эмитент периодически выплачивает арендную плату компании специального назначения в соответствии с договором аренды, затем доходы от арендной платы распределяются между инвесторами, владеющими сукук, в соответствии с согласованной датой;

– компания специального назначения в дату погашения перепродает эти активы эмитенту в соответствии с номинальной стоимостью сукук;

– выручка от продажи активов используется для покрытия номинальной стоимости сукук, принадлежащих инвесторам.

ИСТИСНА СУКУК

Истисна сукук, выпускаемые в Малайзии, основаны на авансовом финансировании или задолженности за производимый продукт. Это документы, отражающие стоимость произведенных активов, и они выдаются на основании продажи истисны, чтобы доказать задолженность стороны-эмитента «финансиста» (Мустасни) перед подписчиками и держателями сукук [7].

Этапы и стадии выпуска сукук истисна, применяемые в Малайзии, можно описать следующим образом [8]:

– контракт истисна заключается между стороной-эмитентом – «кредитором» и подрядчиком – «производителем» (Сани), например, о строительстве конкретного проекта «Продукт» (Масну);

– эмитент продает продукт за наличные деньги инвесторам, владеющим сукук, по цене себестоимости продукта, чтобы получить финансирование для этого проекта;

– инвесторы, владеющие сукук, сразу же выплачивают цену продукта эмитенту, а инвесторы платят подрядчику наличными за производство продукта от имени эмитента, причем в большинстве случаев подрядчик выступает дочерним предприятием эмитента;

– инвесторы сразу будут перепродавать изготовленный товар предприятию-эмитенту по первой цене с увеличением на известную прибыль, которая будет выплачиваться одним платежом или в рассрочку (в зависимости от этапов производства проекта) на основании данных, предоставленных экспертом в данной отрасли. В целом этот процесс основан на мурабахе или отложенной продаже;

– орган-эмитент выпускает истисна сукук и передает их инвесторам в качестве доказательства своей задолженности перед держателями сукук.

МУШАРАКА СУКУК

Комиссия по ценным бумагам Малайзии определяет сукук мушарака как документы равной стоимости, свидетельствующие о неделимом владении определенной частью активов проекта держателем таких финансовых сертификатов.

Этапы эмиссии сукук долевого участия (мушарака) в Малайзии заключаются в следующем:

– для создания конкретного проекта сторона-эмитент заключает контракт с другим предприятием (часто одним из своих филиалов);

– эмитент выпускает сукук долевого участия через компанию специального назначения, далее рекомендует их инвесторам, которые уже владеют сукук;

– держатели сукук выплачивают стоимость сукук мушарака, которая отражает их долю участия, компании специального назначения, а затем органу-эмитенту, чтобы завершить проект;

– компания-эмитент периодически выплачивает участникам проекта реализованную или расчетную прибыль в соответствии с согласованными условиями (процентом);

– по окончании срока реализации проекта гаранту следует передать право собственности на сукук органу-эмитенту от держателей таких сукук, взимая стоимость сукук с органа-эмитента, а затем возвращая сукук долевого участия в обмен на их рыночную стоимость при условии, что гарант перепродает их выдавшему уполномоченному органу.

ПОЛОЖЕНИЯ И ПРИНЦИПЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭМИССИИ ИСЛАМСКИХ СУКУК В МАЛАЙЗИИ

Выпуск и обращение сукук в Малайзии осуществляются под контролем Консультативного совета по шариату и Центрального банка Малайзии. В Малайзии исламские ценные бумаги регулируются Комиссией по ценным бумагам Малайзии . Несмотря на то, что оба вида финансовых ведомств обусловлены одними и теми же правовыми критериями и общими процедурами, Комиссия по ценным бумагам Малайзии утвердила некоторые дополнительные условия для выпуска исламских ценных бумаг.

Управление по ценным бумагам Малайзии стремится обеспечить нормативно-правовую и надзорную систему, необходимую для защиты дилеров на рынке капитала в обеих частях страны. Поэтому указанный официальный орган выпустил множество необходимых инструкций и законодательных актов, а в настоящее время усиленно ведет работу над разработкой рекомендаций и введением директив, регламентирующих всем дилерам защиту их прав.

Таким образом, Управление по ценным бумагам Малайзии (далее – Управление) издало ряд законов и правил в соответствии со статьями 377 и 372 Закона о рынках капитала и услугах [8]. В 2004 г. Управление утвердило рекомендации и положения по исламским ценным бумагам, включая сукук, и пересмотрело их в 2011 г. и 2012 г. в рамках своего плана по обновлению Малазийской фондовой биржи за счет торговли исламскими ценными бумагами и привлечения дилеров на этот рынок.

Далее следует рассмотреть принципы регулирования и рекомендации по исламским сукук, опубликованные Управлением, чтобы образовать рынок сукук в Малайзии.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ВЫПУСКУ СУКУК

Директивы и рекомендации, выпущенные в 2004 г., предназначены для консультирования дилеров на рынке капитала насчет выпуска сукук в Малайзии. Чтобы выпустить исламские сукук в Малайзии, организация-эмитент должна представить их Совету директоров. Руководящие принципы содержат набор договоров и положений шариата, которые используются в процессе выпуска и торговли сукук в Малайзии. Такие документы были разработаны консультантом по шариату при Комиссии по ценным бумагам Малайзии. Чтобы определить степень соответствия выпущенных сукук законам и нормам шариата, они должны быть сначала представлены на одобрение и утверждение Консультативному совету по шариату. К числу принятых руководящих принципов относятся:

– уточнение документов и бумаг, необходимых для выпуска сукук в Малайзии;

– назначение шариатского советника не только с целью направления сторон, желающих выпустить сукук, и оказания им помощи в выборе шариатских договоров, соответствующих характеру эмиссии, но и информирования и руководства всеми процедурами, связанными с процессом выпуска сукук;

– процедуры оценки эффективности сукук, утвержденные рейтинговым агентством, в случае оборотных сукук;

– отчет о расходах сумм, собранных в процессе эмиссии исламских сукук.

РУКОВОДЯЩИЕ ПРИНЦИПЫ ПО ВЫПУСКУ СУКУК, ОБЕСПЕЧЕННЫХ АКТИВАМИ

Организация, желающая выпустить определенный сукук, должна подать заявку в Комиссию по ценным бумагам Малайзии для утверждения и одобрения. В такой процесс включают:

– уточнение характеристик активов, подлежащих секьюритизации;

– необходимую информацию об операциях и деятельности эмитента;

– сведения, подтверждающие выполнение критериев реальной продажи активов секьюритизации, или данные о компании специального назначения;

– расходы средств в результате выпуска сукук;

– получение одобрения других регулирующих органов перед подачей заявки на проверку в Комиссию по ценным бумагам Малайзии;

– эмитент должен придерживаться руководящих принципов для каждой из частных долговых облигаций, а также сукук. В случае возникновения неясности в некоторых шариатских положениях и договорах эмитент должен обратиться в Консультативный совет по шариату.

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ИСЛАМСКОГО СУКУК В МАЛАЙЗИИ

Эмиссия сукук в Малайзии проходила в несколько этапов, наиболее значимые из которых следует отметить ниже [9]:

– 1990 г.: компания Shell MDS Sdn Bhd выпустила первый исламский сукук в форме форвардной продажи на сумму 192 млн ринггитов, что эквивалентно 33 млн долл. США;

– 1996 г.: выпуск исламских сукук для международного аэропорта Куала-Лумпур на сумму 2,2 млрд ринггитов в форме отложенной продажи;

– 1997 г.: компания KHAZANAH, являясь дочерним предприятием Правительства Малайзии, выпустила первый сукук в формате мурабаха. Это был беспроцентный сукук с нулевым купоном, основанный на мурабахе и продаже долга. Такие сукук были выпущены Правительством Малайзии с целью найти альтернативу традиционным местным облигациям;

– 1998 г.: рассмотрение юридических, налоговых, бухгалтерских, кредитных и шариатских процессов, связанных с выпуском исламских сукук;

– 2000 г.: подготовка компании Kampulan Guthrie к выпуску сукук иджара; комитет по контролю за операциями Малайзийской фондовой биржи утвердил порядок назначения независимого шариатского консультанта для эмитентов исламских сукук;

– 2001 г.: компания KUMPULAN GUTHRIE Bhd выпустила первый исламский сукук в форме иджара на сумму 150 млн долл. США, и такой финансовый документ считается первым в истории исламским сукук, принадлежащим юридической компании, который был засекречен до его выпуска. Данный сукук был размещен в Международном центре обмена Лабуана (LFX) и являлся категорией первого класса, на основе которого был разработан проект аренды сукук стоимостью 395 млн долл. США;

– 2002 г.: Правительство Малайзии выпустило первый международный сукук иджара на сумму 600 млн долл. США. Благодаря этому Малайзия стала первой страной в мире, выпустившей межправительственный сукук; Правительство Малайзии одобрило вычет расходов на выпуск исламских сукук из федерального бюджета на 2003 г., и такая эмиссия осуществлялась в соответствии с положениями исламского права, такими как лизинг, долевое участие и спекуляция;

– 2003 г.: компания Ambang SENTOSA Sdn Bhd выпустила первый исламский сукук, обеспеченный активами, и в этом году в федеральном бюджете на 2004 г. было объявлено о комплексном решении налоговых проблем по исламскому сукук, как и в случае с обычными облигациями; Правительство Малайзии одобрило вычет из федерального бюджета расходов на выпуск исламских сукук истисна;

– 2004 г.: фирма SKS Power Sdn Bhd выпустила первый сукук истисна в энергетическом секторе; частная компания SARAWAK выпустила первый международный сукук иджара на сумму 350 млн долл. США, в соответствии с которым была создана компания специального назначения для управления данной эмиссией. Такие сукук были размещены на фондовой бирже Лабуана; выпуск первого местного сукук иджара компанией Ingress Limited на рынке исламского капитала Малайзии на сумму 150 млн ринггитов; Международная финансовая корпорация, одна из финансовых организаций, входящих в структуру Всемирного банка, выпустила первый глобальный сукук в форме форвардной продажи на 500 млн ринггитов; Управление по ценным бумагам Малайзии утвердило руководящие принципы и меры контроля для выпуска исламских сукук. Эти рекомендации служили основой для процесса выпуска исламских сукук и инструментом регулирования инновационных аспектов исламского рынка капитала в Малайзии;

– 2005 г.: Всемирный банк выпустил исламские сукук на сумму 760 млн рингтитов, что является крупнейшей эмиссией исламских сукук в малазийской национальной валюте и вторым международным выпуском полусуверенного органа; компания MUSYARAKAH ONE CAPITAL BERHAD выпустила первый сукук мушарака на сумму 2,5 млрд рингтитов; фирма Bhd Cagamas MBS эмитировала первый сукук для продажи и строительства недвижимости в форме долевого участия на сумму 2,05 млрд рингтитов, который был выпущен на международном уровне; организация PG Municipal Assets Bhd выпустила первый сукук мудараба на сумму 8 млрд рингтитов, что является первой эмиссией исламских сукук Правительства Малайзии в форме мудараба в соответствии с руководящими принципами и правилами, утвержденными Комитетом по контролю за операциями на фондовой бирже в 2004 г.;

– 2006 г.: утверждение первого международного индекса исламских сукук в Куала-Лумпуре. Этот индекс получил название Dow Jones CitiGroup Sukuk. Он измеряет работу исламских сукук с фиксированным доходом, которые регулируются шариатским инвестиционным контролем. Этот индекс был создан, чтобы помочь инвесторам, желающим идентифицировать законные инвестиции с фиксированным доходом; компания KHAZANAH NATIONAL Bhd выпустила первые соответствующие шариату сукук мушарака на сумму 750 млн долл. США. Эти сукук были размещены на Международной бирже Лабуана (LFX), а также впервые на Гонконгской фондовой бирже;

– 2007 г.: фирма MALAKOFF C.Bhd выпустила первый смешанный и гибридный сукук на сумму 1,7 млрд рингтитов; компания Binariang GSM Sdn Bhd осуществила крупнейшую эмиссию исламских сукук на сумму 15,4 млрд рингтитов; компания KHAZANAH NATIONAL Bhd выпустила обменные исламские сукук на сумму 850 млн долл. США; организация Cagamas Bhd реализовала крупнейший проект финансирования исламских сукук и обычных облигаций на сумму 60 млрд рингтитов; либерализация рынка сукук Малайзией позволяет торговать этими ценными бумагами со всего мира и в любом виде валюты, а также способствует становлению глобального центра сбора ликвидности;

– 2008 г.: фирма TADAMUN Services Bhd выпустила первый исламский сукук на сумму 1 млрд рингтитов посредством компании специального назначения, финансируемой Исламским банком развития;

– 2009 г.: крупнейший выпуск исламских сукук в иностранной валюте был осуществлен малазийской компанией Nasional Bhd Petroleum на сумму 1,2 млрд долл. США;

– 2010 г.: Правительство Малайзии одобрило несколько предложений по стимулированию рынка исламских сукук, в том числе выпуск сукук на десять лет вместо пяти лет, вычет всех налогов на глобальные инвестиции для исламских сукук в последующие три года, продление освобождения от подоходного налога на выпуск сукук в национальной валюте до 2014 г., а также оказание дополнительной поддержки и введение бонусов для новых продуктов в отрасли;

– 2011 г.: KHAZANAH NATIONAL Bhd, государственное инвестиционное подразделение Малайзии выпустили первый в мире иностранный сукук в китайской валюте на сумму 500 млн юаней;

– 2013 г.: выпуск первых в мире исламских сукук для групп населения с ограниченным доходом (а также для малого предпринимательства), предоставляя этой категории граждан возможность использовать сукук и получать стабильную и гарантированную прибыль; эти сукук характеризуются тем, что они не облагаются налогом, а их доходность предопределена (сукук мурабаха);

– 2015 г.: выпуск первого в мире сукука «социальная ответственность» с целью финансирования образовательных программ в школах и облегчения доступа молодежи к образовательным учреждениям был произведен Фондом «Сукук Аль-Ихсан», который был учрежден Правительсвтом Малайзии. Стоимость такого сукук была 100 млн рингтитов, что эквивалентно 26 млн долл. США, а в рамках такой программы стоимость составит до 1 млрд рингтитов или 260 млн долл. США. Данный сукук относится к типу, который с финансовой точки зрения выступает как надежный и устойчивый финансовый инструмент и одобрятся финансовыми учреждениями Малайзии;

– 2017 г.: выпуск первых «зеленых сукук» при содействии Всемирного банка – новый шаг в направлении «зеленого финансирования» в форме экологически чистых сукук для обеспечения финансовыми ресурсами новых проектов по возобновляемой энергии.

ДИНАМИКА ВЫПУЩЕННЫХ В МАЛАЙЗИИ СУКУК С 2001 Г. ПО 2021 Г.

В период с 2001 г. по 2021 г. в мире были выпущены исламские сукук на сумму около 1,6 трлн долл. США. Их эмитировали, примерно, в 35 странах мира, при этом Малайзия доминирует – на ее долю

приходится более чем 60 % мировых выпусков сукук. Программа развития стоимостью 444 млрд долл. США позволила Малайзии занять лидирующие позиции на мировом рынке сукук и приобрести более половины всех выпусков сукук. Комиссия по ценным бумагам Малайзии установила ограничения на процессы утверждения сукук [10].

Таблица 1

Региональное распределение сукук, выпущенных по всему миру (2001–2021 гг.)

Континенты и государства	Количество эмиссий сукук	Сумма, млн долл. США	Общая стоимость, %
Азия и Дальний Восток	9 770	1 078 537	66,95
Арабские государства Персидского залива и Ближний Восток	1 075	418 139	25,95
Африка	753	25 279	1,55
Европа и др.	1 180	89 077	5,53
Всего	12 778	1 611 032	100

Составлено авторами по материалам источника [11]

В табл. 1 показано, что общяя стоимость сукук в Малайзии, выпущенных на глобальном уровне с 2001 г. по 2021 г., составила около 877 410 млн долл. США, что включает 54,46 % от общего объема мировой эмиссии, при этом количество выпусков составило 8 575, из которых стоимость около 102 053 млн долл. США принадлежит международным сукук (26,73 % от общего количества). Общий объем мировой эмиссии включает 214 выпусков сукук стоимостью около 775 357 млн долл. США, что составляет 63,07 % от общего объема глобального выпуска (с 8 361 выпуском сукук за этот период).

РАЗВИТИЕ СУКУК В МАЛАЙЗИИ В ПЕРИОД 2010-2021 ГГ.

В табл.2 отражено развитие эмиссии и торговли сукук в Малайзии с 2010 г. по 2021 г.

Таблица 2

Динамика выпуска сукук в Малайзии за период 2010–2021 гг.

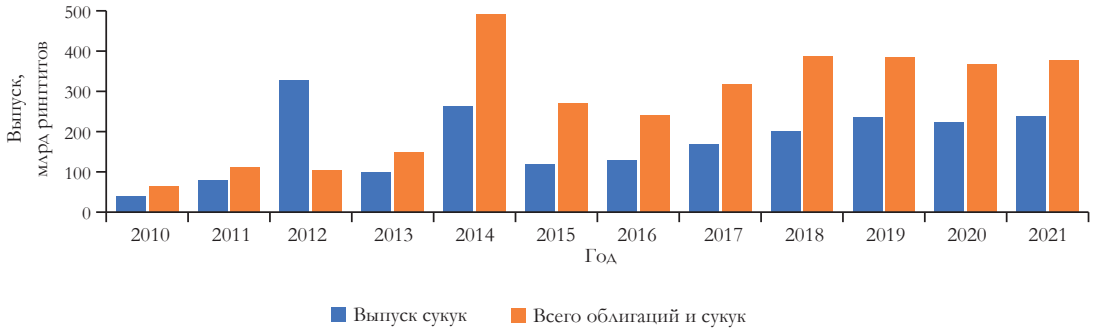
Динамика эмиссии исламских сукук в Малайзии													
Общий выпуск	Выпуск сукук, млрд рингитов	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
		40, 33	78,9	326,5	99,13	262,79	117,70	129,45	168,68	199,90	235,20	223,94	237,41
	Итого по выпуску облигаций и сукук, млрд рингитов	63,58	112,33	103,3	148,1	492,23	270,15	240,56	317,94	385,93	384,85	366,67	377,41
	Процентное соотношение сукук к общему объему облигаций и эмиссии сукук, %	63,43	70,23	68,81	67	53,38	43,57	53,81	53,05	51,80	61,11	61,07	62,91
Общая задолженность	Задолженность по сукук, млрд рингитов	-	349,3	474,6	512,1	576,31	607,93	661,08	759,64	844,96	938,96	1,017,79	1,104,26
	Общая задолженность по сукук и облигациям, млрд рингитов	-	841,1	1,007,8	1,031	1,109,71	1,172,91	1,172,91	1,291,91	1,405,78	1,490,28	1,609,01	1,740,83

Составлено авторами по материалам источника [12]

Очевидно, что объем выпуска исламских сукук в Малайзии постоянно увеличивался в период с 2010 г. по 2012 г., причем в последнем указанном году объем выпуска достиг своего пика с рекордной стоимостью в 326,5 млрд рингитов, в то время как выпуск сукук превысил выпуск обычных облигаций

из-за того, что Правительство Малайзии уделяет особое внимание финансированию проектов развития инфраструктуры. Средства, полученные от выпуска сукук, были инвестированы во многие крупномасштабные проекты, таких как Аэропорт Куала-Лумпур. Эти преобразования были проведены в рамках программы экономической трансформации Малайзии, целью которой является превращение Малайзии в страну с высоким уровнем дохода, не считая реализацию плана по достижению исламскими банковскими активами до 40 % от общего объема финансовой индустрии в 2020 г.

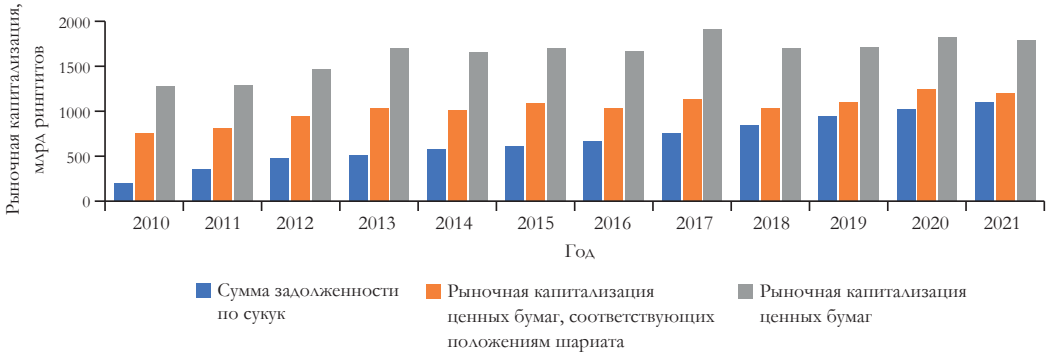
В связи с продолжающимся снижением цен на нефть и решением Центрального банка Малайзии (англ. Bank Negara Malaysia), который является одним из крупнейших эмитентов сукук, объем выпуска в Малайзии исламских сукук, выпущенных в 2013 г. и 2014 г., несколько уменьшился, пока в 2015 г. не произошло значительное и заметное снижение по сравнению с предыдущими годами (рис. 1). Исламские государства решили прекратить выпуск сукук по всему миру и объявили о своем желании использовать различные методы для контроля ликвидности в малазийских исламских банках. После этого количество выпущенных сукук снова увеличилось за последние годы, достигнув около 237,41 млрд рингтитов в 2021 г.



Составлено авторами по материалам источника [13]

Рис.1. Сукук, выпущенный в Малайзии в течение 2010–2021 гг.

Малайзийский рынок исламских сукук стал важным сегментом фондового рынка в Малайзии, поскольку постепенно повысилась рыночная стоимость, составлявшая более четверти рынка (рис.2). Такое обстоятельство отражает доверие всех инвесторов к такому финансовому инструменту. Исламское финансирование, несмотря на недавнее размещение на фондовой бирже, предлагает различные инвестиционные возможности , а также инструменты для отечественных и иностранных инвесторов, с целью финансирования проектов.



Составлено авторами по материалам источника [13]

Рис. 2. Динамика изменения капитализации рынка исламских сукук и капитализации фондового рынка Малайзии в период 2010–2021 гг.

В результате объем торгов исламскими сукук на Малазийской фондовой бирже (далее – МФБ) постоянно увеличивался – с 38 млрд рингтитов в 2010 г. до 99 млрд рингтитов в 2013 г. Хотя такой рост был частично компенсирован увеличением количества сукук, размещенных и торгуемых на МФБ – с 20 зарегистрированных и торгуемых сукук в 2010 г. до 49 исламских сукук, размещенных в 2013 г., что было обусловлено вознаграждениями и налоговыми льготами, утвержденными Правительством Малайзии для побуждения инвесторов использовать такой тип финансового инструмента, а также потому, что Правительство включило государственные сукук для финансирования экономического развития.

Утвержденный Правительством Малайзии план развития на сумму 444 млрд долл. США способствовал тому, что Малайзия заняла лидирующие позиции в мире в индустрии сукук, а приобретение ею более половины мировых выпусков сукук привело к уменьшению и снижению объема торгов в 2014 г. и 2015 г. – с 76 млрд долл. США в 2014 г. до 48 млрд долл. США в 2015 г., после чего объем снова увеличился до 63 млрд долл. США в 2016 г.

Принимая во внимание количество размещенных акций сукук, то следует отметить, что в 2014 г. оно уменьшилось до 47 сукук и продолжало снижаться, пока не достигло 32 сукук в 2016 г. в результате спада общего объема малазийских сукук, выпущенных в этот период, а затем такой объем вновь стал увеличиваться в последние годы. Наиболее важные виды малайзийских сукук, выпущенные в период с 2010 г. по 2019 г., следует указать в табл. 3

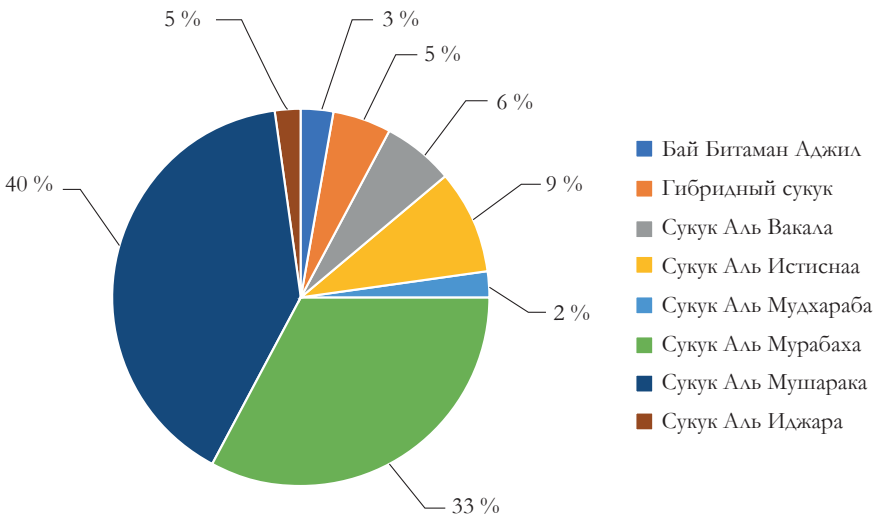
Таблица 3

Процентное соотношение типов малайзийских сукук, выпущенных в 2010–2019 гг.

Типы сукук	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Сукук аль мудхараба, %	8,2	9	55	32	79,49	66	85	-	25,41	39,40
Сукук аль мурабаха, %	0,6	5	2	-	2,63	-	-	-	8,99	12,23
Сукук аль мушарака, %	42,1	64	19	30	8,42	12	1	-	11,99	6,72
Сукук аль иджара, %	34	13	9	4	1,31	7	-	-	-	0,12

Составлено авторами по материалам источника [13]

Из-за более низких налоговых ставок и введения новых стимулов для этих сукук в табл. 3 показано доминирование сукук мурабаха и мушарака в различные периоды времени на рынке сукук Малайзии в период с 2010 г. по 2019 г. Такую доминирующую позицию можно проиллюстрировать на рис.3.



Составлено авторами по материалам источника [14]

Рис.3. Типы малайзийских сукук, выпущенные в период с 2010 г. по 2019 г.

Период с 2010 г. по 2019 г. характеризовался контролем сукук мурабаха и мушарака около 70 % рынка сукук Малайзии, что объясняется их низким риском и простотой выпуска, не считая их возможность создавать ликвидность для эмитента. В данный период также нужно отметить такие типы сукук на рынке Малайзии, как смешанные сукук, иджара сукук, сукук с отложенной продажей и мудараба сукук.

Рассматривая четвертый квартал 2020 г. и 2021 г., следует заметить, что в этот период явно преобладали мурабаха сукук (54 %) и гибридные сукук (более 34 %), за которыми следовали мудараба сукук, мушарака сукук и затем иджара сукук с долей менее 1 % [15].

ПРОЦЕДУРЫ И СТИМУЛЫ ДЛЯ РАЗВИТИЯ РЫНКА СУКУК В МАЛАЙЗИИ

Правительство Малайзии приняло меры и внесло изменения в соответствующее законодательство, чтобы устранить или уменьшить юридические препятствия для исламских финансовых операций, включая сукук. Власти предприняли необходимые действия для обеспечения налоговой нейтральности между исламскими и традиционными сделками, а также ввели налоговые льготы для повышения привлекательности сукук для инвесторов, эмитентов ценных бумаг и брокеров.

Доминирование рынка Малайзии над выпусками сукук во всем мире обусловлено качеством локального и международного спроса и предложения на выпуски малайзийских сукук, а также наличием ликвидности по ставкам, стимулирующим инвестиции. Важность продвижения рынка сукук и сильной государственной поддержки, а также принятие суверенных сукук в качестве финансового инструмента для развития государственной инфраструктуры вызывают доверие у инвесторов и убеждают их в отсутствии дефолта по данному типу сукук.

Объем приобретения Малайзией рынка сукук увеличился после открытия подписки для малых инвесторов в инфраструктурные проекты, а также после того, как Правительство Малайзии гаранитровало капитал в качестве третьей стороны в этих проектах с учетом привлекательных стимулов для инвесторов на рынке Малайзии, спонсируемых государством (различные налоговые льготы).

Правительство Малайзии принимает множество мер и стимулов, в частности, связанных с налоговыми льготами и вопросами регулирования, с целью увеличения инвестиций в исламский сукук. Такие меры можно представить следующим образом [15].

1. Регуляторные стимулы.

Правительство Малайзии предприняло следующие действия в области вопросов регулирования:

– предоставление набора решений, совместимых с типами сукук, путем обеспечения базы для выпуска и торговли исламскими сукук, которая регулируется надежной нормативно-правовой структурой и в то же время придерживается контроля и принципов шариата;

– Малайзия обладает инфраструктурными институтами в исламской финансовой индустрии, что будет способствовать консолидации и развитию рынка сукук;

– наличие инструментов хеджирования и управления рисками, таких как исламские фьючерсные контракты;

– создание информационного учреждения по финансовому рынку Малайзии в дополнение к Малайзийскому исламскому финансовому центру;

– в Малайзии также создан специальный рынок для исламских сукук, на котором торгуются выпущенные сукук, как местными, так и иностранными организациями и сторонами. Этот рынок независим от других рынков ценных бумаг и предоставляет всю информацию, связанную с новыми выпусками сукук и торговыми ценами;

2. Налоговые льготы.

Правительство Малайзии ввело многочисленные льготы и утвердило изменения в налоговое законодательство в области налоговых вопросов и расширения рынка сукук, которые необходимо рассмотреть подробнее:

1) для экспортеров:

– освобождение от налогов и гербовых сборов для любых сукук, выпущенных в соответствии с одобрением Комиссии по ценным бумагам Малайзии;

– отмена налога для эмитентов сукук и компании специального назначения в случае, если активы являются сукук;

– снижение налогов на затраты по договорам на выпуск сукук до расчетного года;

– снижение налогов для компании специального назначения (далее – КСН) в связи с эмиссией сукук путем освобождения ее от уплаты налогов на доходы только в том случае, если КСН выпускает сукук и не подпадает под действие закона о подоходном налоге;

2) для брокеров:

– освобождение платы за ведение переговоров по сукук, страхование рисков и распространение сукук, выпущенных не в малазийских рингтитах, за пределами Малайзии;

– освобождение от налога на прибыль, полученную от сукук, выпущенных не в малайзийских рингтитах;

3) для инвесторов:

– освобождение инвесторов-резидентов и закрытых инвестиционных фондов от подоходного налога на прибыль, полученную от сукук, выпущенных в малайзийских рингитах государственными или частными компани и одобренных Комиссией по ценным бумагам Малайзии;

– освобождение инвесторов-нерезидентов от подоходного налога на прибыль, полученную от сукук, выпущенных в малайзийских рингитах государственными или частными компаниями и одобренных Комиссией по ценным бумагам Малайзии;

– освобождение инвесторов-резидентов от уплаты подоходного налога на прибыль, полученную от сукук, выпущенных в иностранной валюте на территории государства Малайзия;

– освобождение инвесторов-нерезидентов от уплаты подоходного налога на прибыль, полученную от сукук, выпущенных в иностранной валюте на территории государства Малайзия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Был изучен процесс выпуска исламских сукук в Малайзии, которая является мировым лидером в этой области, поскольку на долю этой страны приходится более половины объема эмиссии сукук во всем мире. Это объясняется стремлением Малайзии стать центром международных исламских финансов, поскольку данная страна работала над созданием надежной нормативно-правовой и институциональной базы, обеспечивающей непрерывность и рост сукук всех видов, а также предпринимала меры и реализовала необходимую политику.

Таким образом, ожидается, что в ближайшие годы Малайзия продолжит доминировать в глобальном выпуске сукук, причем большинство из них будет выпущено в национальной валюте, и, следовательно, продвижение исламских финансов Правительством Малайзии будет стимулировать все больше компаний и финансовых учреждений обращаться к рынку сукук для финансирования и инвестиций.

В этой связи арабские страны могут воспользоваться опытом Малайзии по выпуску исламских сукук, поскольку им следует:

– сосредоточиться на создании подходящей нормативно-правовой базы, регулирующей выпуск исламских сукук, и реализации необходимого законодательства, способствующего снижению налогов на операции, связанные с покупкой и продажей исламских сукук, с целью оживления вторичных рынков для исламских сукук;

– отслеживать процесс выпуска исламских сукук, поскольку он должен регулироваться многими юридическими нормами и шариатским контролем, чтобы гарантировать соответствие принципам шариата и обеспечить безопасность такой эмиссии на финансовых рынках;

– предоставлять все необходимые полномочия фетвам и шариатским наблюдательным советам для беспристрастного выполнения своих задач и обязанностей во всем, что связано с выпуском, погашением и торговлей исламскими сукук;

– стимулировать различные проекты к выпуску исламских сукук с целью получения необходимого финансирования, что будет способствовать оживлению фондовых рынков в арабских странах;

– подготавливать научные исследования, разработки и проводить конференции, семинары по современным проблемам исламских финансовых инструментов.

Библиографический список / References

1. LaLuddin M.A. The Legal System for Issuing Securities in Malaysia. *The International Sharia Research Academy*.2011;10(9):1–13.
2. Bank Negara Malaysia. *Sukuk Market. Malaysia*. https://www.bnm.gov.my (accessed 17.06.2023).
3. KFH Research Ltd. SUKUK. *Back on Track*. https://www.kfh.com (accessed 19.06.2023).
4. Securities commission Malaysia. *Guidelines on the Offering of Islamic Securities*. http://www.sc.com.my (accessed 19.06.2023).
5. Securities commission of Malaysia. *Islamic Securities Guidelines* (Sukuk guidelines). http://www.sc.com.my (accessed 18.06.2023).
6. Bousaha M.L. The Reality of Islamic Sukuk in Malaysia and the Prospects for the Algerian Financial Market to Benefit From Them. *Shuaa Journal for Economic Studies*. 2023;7(1):46–59.
7. Raafat S.M. *Istisna'a contract and its relationship to award contracts*. Mansoura: Dar Al-Wafa; 2018. 354 p.
8. Bixmalaysia. *Sukuk Contracts in Malaysia*. www.bixmalaysia.com/learning-center/articles-tutorials/sukuk-contracts-in-malaysia (accessed 14.06.2023).

9. Fares Ja 'afari M.A. The Malaysian Experience in Issuing Islamic sukuk. *Isra International Journal of Islamic Finance*. 2019;10(1):5–14.
10. International Islamic Financial Market. *Iifm Sukuk Report: a comprehensive Study of The Global Sukuk Market (August 2022)*. https://www.iifm.net/frontend/general-documents/b387b56a6a4c664ff1fa2bc16f2ef1be1662443654.pdf (accessed 15.06.2023).
11. International Islamic Financial Market. DD Cap group: *Iifm Sukuk Report*. 2022. 83 p.
12. Malaysian Securities Commission. *Reports for the years 2001 to 2021*. https://www.sc.com.my/annual-report-2021 (accessed 14.06.2023).
13. Securities Commission Malaysia. *Compiled reports from the Malaysian Securities Commission for the years 2010 to 2021*. https://www.sc.com.my/api/documentms/download.ashx?id=9d3e461f-7fff-47bf-84cf-7fefb4c42881 (accessed 11.06.2023).
14. Malaysian Islamic Capital Market. *Bi-Annual Bulletin by the Securities Commission Malaysia*. 2021;16(2):1–30.
15. Angdemon N. *Development of Sukuk in Malaysia: a working paper presented to the Islamic Sukuk Symposium*. The Malaysian Experience. Saudi Arabia: King Fahd Convention Center; 2002. 105 p.

УДК 336.6 JEL D29 DOI 10.26425/1816-4277-2023-9-200-207

Инновационные методы оценки контрагента при проведении внутреннего контроля организации

Кирова Елена Александровна

Д-р экон. наук, проф. каф. бухгалтерского учета, аудита и налогообложения
ORCID: 0000-0001-5434-7913, e-mail: kirova-elena@yandex.ru

Перминова Татьяна Владимировна

Аспирант
ORCID: 0000-0001-7353-196X, e-mail: tatiyna7637@mail.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Рассмотрены ключевые вопросы проведения мероприятий внутреннего контроля при выборе контрагента в период становления инновационной экономики. Целью исследования является разработка показателей, характеризующих контрагента, а также инновационной матрицы рисков, применяемой при выборе контрагента и позволяющей определять риски и визуально представлять характеристику контрагента. Для реализации указанной цели статьи были решены следующие задачи: предложены показатели экономической стабильности и информационного обеспечения, применяемые при выборе контрагента; разработаны инновационная матрица рисков и критерии оценки рисков, позволяющие организации объективно оценивать контрагента и заключать договоры на принципах экономической обоснованности, надежности и добросовестности, существенно сокращая экономические риски. В результате проведенного исследования предложены инновационные методы оценки контрагента, предоставляющие возможность получить его объективную характеристику до заключения хозяйственного договора, а также ранжировать налоговые риски. В статье применены методы системного подхода, анализа и синтеза, а также метод экспертных оценок.

Ключевые слова

Инновационные методы, налоговые риски, внутренний контроль, оценка контрагентов, матрица рисков, показатели экономической стабильности, показатели информационного обеспечения

Для цитирования: Кирова Е.А., Перминова Т.В. Инновационные методы оценки контрагента при проведении внутреннего контроля организации // Вестник университета. 2023. № 9. С. 200–207.

© Кирова Е.А., Перминова Т.В., 2023.
Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Innovative methods of evaluating the counterparty during the organization internal control

Elena A. Kirova
Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Department of Accounting, Audit and Taxation
ORCID: 0000-0001-5434-7913, e-mail: kirova-elena@yandex.ru

Tatyana V. Perminova
Graduate student
ORCID: 0000-0001-7353-196X, e-mail: tatiyna7637@mail.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The article discusses the key issues of internal control measures when choosing a counterparty during the formation of an innovative economy. The purpose of the study is to develop indicators characterizing the counterparty, as well as an innovative risk matrix used when choosing a counterparty and allowing to identify risks and visually represent the characteristics of the counterparty. To achieve this goal of the article, the following tasks were solved: indicators of economic stability and information support used when choosing a counterparty were proposed; An innovative risk matrix and risk assessment criteria have been developed that allow the organization to objectively assess the counterparty and conclude contracts on the principles of economic validity, reliability and integrity, significantly reducing economic risks. As a result of the conducted research, innovative methods of assessing the counterparty are proposed, which provide an opportunity to obtain its objective characteristics before concluding a business agreement, as well as to rank tax risks. The article uses the methods of a systematic approach, analysis and synthesis, as well as the method of expert assessments.

Keywords

Innovative methods, tax risks, internal control, counterparty assessment, risk matrix, economic stability indicators, information support indicators

For citation: Kirova E.A., Perminova T.V. (2023) Innovative methods of evaluating the counterparty during the organization internal control. *Vestnik universiteta*, no. 9, pp. 200–207.

© Kirova E.A., Perminova T.V., 2023.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы в трудах научных исследователей мы встречаем понятия «научно –технический прогресс», «реновация», «модернизация», «индустриализация». Человечество имеет безграничные потребности комплексного и эффективного использования сырьевого, трудового, природного потенциала. Сущность инновационной экономики (или «экономики, основанной на знаниях») интересует многих специалистов. Сегодня политика ряда государств направлена на развитие инноваций и обеспечение практического применения их в хозяйственной деятельности организаций с целью снижения себестоимости продукции, охраны окружающей среды и, конечно, для обеспечения конкурентоспособности. Российская экономика не стоит на месте. Разработаны и реализуются государственные программы развития инноваций в хозяйственной деятельности. Современные коммерческие организации при внедрении нововведений в хозяйственную деятельность сталкиваются с различными проблемами, сдерживающими их инвестиционную активность. Основными трудностями коммерческих организаций исследователи называют построение учетно-аналитической деятельности, внутреннего контроля, кадрового учета, применение цифровых ресурсов и электронных средств. При этом организации несут экономические риски, которые негативно влияют на инвестиционную активность. По нашему мнению, качественная современная система постановки учетно-аналитической деятельности и современного внутреннего контроля позволила бы снизить долю экономических рисков. При этом важно правильно, быстро и профессионально оценить контрагента, применяя инновационные методы оценки.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

Одним из актуальных вопросов в системе внутреннего контроля налоговых обязательств является проблема создания модели для оценки контрагентов и выявления недобросовестных поставщиков, использующих в своей деятельности способы минимизации налогообложения. Данная проблема слабо освещена в научной литературе. Вместе с тем ошибки в выборе контрагента приводят к серьезным налоговым рискам. Налоговые риски являются наиболее сложными и трудно прогнозируемыми. Такие риски имеют отлагательный прогрессивный эффект.

В научной литературе отмечается недостаточное освещение налоговых рисков, а также вопросов влияния внутреннего контроля налоговых обязательств в организациях на повышение уровня эффективности инвестиций и инноваций. Тема налоговых рисков изучается в трудах российских исследователей. Интересную формулу диагностики риска банкротства предлагает в своих трудах А.В Постюшков [1]. В своей модели ученый дает оценку финансового состояния, такая модель основана на четырех коэффициентах: первый компонент – это обеспечение собственными оборотными средствами; вторым компонентом является оборачиваемость активов; третьим компонентом выступает текущая ликвидность собственного капитала; четвертый компонент – это коэффициент рентабельности собственного капитала [1]. Но не всегда налоговые риски приводят к банкротству организации. По нашему мнению, необходимо детальное изучение именно рисков, связанных с начислением налогов и сборов. В России теме налоговых рисков уделяли внимание Н.А Пугачев, А.А Шаршукова. Из зарубежных авторов следует выделить А. Мэдиссона, С. Дина, К. Томаса.

ТЕОРИЯ И МЕТОДЫ

Одним из объектов внутреннего контроля являются выбор и оценка контрагентов. Для эффективной работы внутреннего контроля в организации необходимо сформировать перечень основных вопросов, ответы на которые будут получены в процессе контрольных мероприятий [2; 3].

Как правило, внутренний контролер при оценке контрагентов изучает следующие вопросы:

– наличие недостоверной информации по юридическому адресу, уполномоченному лицу или участнику контрагента;

– наличие угрозы банкротства контрагента;

– искажение контрагентом финансовой и налоговой отчетности;

– налоговая нагрузка контрагента ниже среднего уровня по хозяйствующим субъектам аналогичной деятельности [4;5];

– другие вопросы.

При оценке контрагентов внутренний контролер руководствуется ст.54 Налогового кодекса Российской Федерации и письмом ФНС от 10 марта 2021 года №БВ-4-7/3060@ «О практике применения статьи 54.1 НК РФ» (далее – письмо ФНС) [4; 6].

Анализируя вышеназванные нормативные акты и принимая во внимание последнее письмо ФНС, изданное В.В. Бациевым, которое сыграло ключевую роль при обосновании позиций налоговых органов в момент принятия решений и судами при рассмотрении судебных споров, определим ключевые положения, которыми, по нашему мнению, стоит руководствоваться внутреннему контролеру при проведении оценки контрагента [4].

РЕКОМЕНДАЦИИ ВНУТРЕННЕМУ КОНТРОЛЕРУ ОРГАНИЗАЦИИ ПРИ ОЦЕНКЕ КОНТРАГЕНТА

Во-первых, внутреннему контролеру предписано оценить деятельность организации контрагента на соответствие пункту 6 письма ФНС, а именно:

– установить нахождение должностного лица, выполняющего обязательства по договору на момент осуществления сделки;

– установить наличие условий у контрагента, выполнить условия, описанные в договоре (достаточность персонала, производственных активов, транспортных средств, производственных мощностей, необходимых лицензий и разрешений) и т.д.

Во-вторых, внутреннему контролеру необходимо выявить наличие недобросовестных действий контрагента.

В-третьих, оценить бизнес-модели работы организации:

– наличие схем дробления бизнеса;

– наличие хозяйственной взаимосвязи с организацией-контрагентом.

Оценочные мероприятия целесообразно осуществлять, используя следующие методы: экспертных оценок, экономического анализа, математико-статистический и аналитический. После проведения оценочных мероприятий и фиксирования результатов оценки в отчете внутреннего контролера авторы предлагают приступить к расчетному анализу контрагентов [7].

Оценку добросовестности контрагента рекомендуем определять на основании как информационного анализа, так и экономической стабильности.

АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Для характеристики экономической стабильности контрагента предлагаем ввести новый показатель экономической стабильности (далее – ЭС), который определяется по следующей формуле (1):

$$ЭС = (ОА + ОС + СК) / ВБ \cdot 100, \quad (1)$$

где ЭС – экономическая стабильность контрагента, %; ОС – стоимость основных средств, тыс. руб.; ОА – оборотные активы; СК – собственный капитал, тыс. руб.; ВБ –валюта баланса, тыс. руб.

В учетной политике организации необходимо определить следующие критерии показателя ЭС контрагента:

– до 10 % – предельно низкий;

– 10 % – 20 % – низкий;

– 20 % – 60 % – средний;

– свыше 60 % – высокий.

При результате показателя ЭС менее 20 % внутреннему контролеру следует подготовить мотивированное заключение о низкой ЭС организации контрагента, произвести расчет налогового риска с предоставлением результатов в виде заключения руководителю организации.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ КОНТРАГЕНТА

Следующий критерий, характеризующий добросовестность контрагента, предлагаем назвать показателем информационного обеспечения (далее – ПИО) и использовать в создании информационного досье контрагента. ПИО определяется на основе проведенного информационного анализа контрагента.

Информационный анализ представляет собой сбор, обобщение и анализ информации по платежеспособности контрагента, создание информационного досье. ПИО характеризует уровень информационного обеспечения, основываясь на принципах достоверности, достаточности и объективности информации, отражаемой в информационном досье контрагента.

Для этого предлагаем разработать стандарт оценки контрагентов с учетом рекомендаций, указанных в письме ФНС [8]. Критерии целесообразно установить в соответствии со спецификой хозяйственной деятельности организации.

Для сбора и обобщения информации предлагаем использовать онлайн-ресурсы и сервисы, такие как Сервис Федеральной налоговой службы России «Прозрачный бизнес»; данные о бухгалтерской отчетности, зафиксированные Федеральной службой государственной статистики; реестр недобросовестных поставщиков/подрядчиков; реестр обеспечительных мер; картотека арбитражных дел [9–13].

Досье формируется на основании предлагаемого показателя информационного обеспечения, критерии оценки которого разрабатываются внутренним контролером с учетом принципов достоверности, достаточности и объективности информации [14].

ОФОРМЛЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ПРОВЕРКИ КОНТРАГЕНТОВ

Кроме стандартного отчета для наглядного обобщения результатов предлагаем использовать матрицу рисков.

Матричный анализ был разработан в США математиком-практиком Джулио Париджи в 1592–1608 гг., а первые зачатки матричного анализа появились в Древнем Китае еще 2200 г. до н. э. Создание матрицы рисков активно вошло в деятельность аналитиков и практиков в области оценки рисков. Европейские и российские аналитики используют в настоящее время матричный анализ в своей работе. Несмотря на активное изучение структуры, свойств и пользы использования матрицы рисков на практике, четкое определение понятия матрицы рисков в информационных источниках отсутствует. Мы представили трактовку, которая, по нашему мнению, наиболее полно описывает матрицу рисков.

Матрица рисков – это наглядная система оценки рисков организации, основанная на табличном и ранжированном отражении существующих рисков с использованием оценочной шкалы. Матрица может применяться как для оценки рисков всей организации, так и в ее отдельных звеньях или сегментах [15].

Использование матрицы рисков во внутреннем контроле организации является инновационным подходом, позволяющим наглядно оценить имеющие риски и принять решения по возможному их сокращению и устранению.

Матрица рисков разработана авторами настоящей статьи на основании «принципа светофора». Красный и оранжевый цвет сообщает о повышенной опасности, желтый – о необходимости обращения внимания, зеленый – о том, что опасность минимальна или отсутствует совсем [15].

Авторами предложены следующие критерии оценки:

- нет замечаний – 1 балл (зеленый цвет);
- частичные замечания – 2 балла (оранжевый цвет);
- полное несоответствие – 3 балла (красный цвет).

По мнению авторов, следует применять инновационную матрицу рисков при выборе контрагента (табл. 1).

Таблица 1

Матрица рисков, применяемая при выборе контрагента

Критерии оценки контрагента	1 балл (зеленый сектор)	2 балла (оранжевый сектор)	3 балла (красный сектор)
Наличие недостоверной информации в Едином государственном реестре юридических лиц	Отсутствует информация	Частичная недостоверность	Полная недостоверность
Наличие угрозы банкротства	Отсутствует заявление о банкротстве	Отсутствует заявление о банкротстве, но имеются заявленные претензии кредиторов	Наличие процедуры банкротства
Наличие искажения отчетности	Нет искажения	Есть признаки искажения отчетности	Отчетность недостоверна

Окончание табл. 1

Критерии оценки контрагента	1 балл (зеленый сектор)	2 балла (оранжевый сектор)	3 балла (красный сектор)
Налоговая нагрузка	Соответствует среднестатистической нагрузки по отрасли	Приближена к среднестатистической нагрузке по отрасли	Налоговая нагрузка минимальна
Отражение убытков контрагентом в течение нескольких налоговых периодов	Убытки не заявлены	Убытки заявлены единично	Убытки заявлены на протяжении всех налоговых периодов
Наличие фактической финансово-хозяйственной деятельности контрагента	Деятельность фактическая	Есть признаки отсутствия фактической деятельности	Наличие явных признаков имитирования фактической деятельности
Недопустимые условия договоров	Отсутствуют	Есть частичные недопустимые условия	Договоры сформированы на основании недопустимых искаженных условий
Наличие производственных мощностей и персонала	Производственные мощности и персонал имеются	Приближено к среднестатистической нагрузке по отрасли	Налоговая нагрузка минимальна

Составлено авторами по материалам исследования

Таким образом, внутренний контролер, используя предложенную нами матрицу риска, сможет рассчитать риски, связанные с оценкой контрагента, и визуально донести до руководителя степень опасности, которая может возникнуть при сотрудничестве с недобросовестным контрагентом. Разработанная нами инновационная оценка контрагента позволит организации заключать договоры на принципах экономической обоснованности, надежности и добросовестности.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

В период формирования инновационной экономики очень важен профессиональный индивидуальный подход к качественному внутреннему контролю.

Применение в практике внутреннего контроля показателей ЭС и ПИО, дающих характеристику контрагенту, позволит осуществить качественный анализ платежеспособности. Расчетный показатель экономической стабильности дает характеристику контрагента по его платежеспособности и стабильности. По результатам проведенного информационного анализа определяется показатель, характеризующий уровень информационного обеспечения, исходя из принципов достоверности, достаточности и объективности.

Информационный анализ позволяет собрать и проанализировать регистрационное досье по организации-контрагенту, тем самым снижая налоговые риски по признанию контрагента контролирующими органами недобросовестным [16].

Предложенная нами матрица рисков обеспечивает внутреннего контролера организации достаточными сведениями, необходимыми для оценки контрагентов при заключении хозяйственных договоров.

Авторы рекомендуют при оформлении результатов внутреннего контроля оценки контрагента применять матрицу рисков, основанную на «принципе светофора». Разработанная авторами матрица рисков не только наглядно демонстрирует все положительные и отрицательные характеристики контрагента, но и дает полную оценку контрагента с приведенными обоснованиями, указанными в сегментах матрицы. Применяя данные инновационные методы оценки контрагента при проведении внутреннего контроля, коммерческие организации смогут избежать различных (налоговых и экономических) рисков в современной ситуации хозяйственной деятельности. Все рекомендации разработаны в соответствии с Налоговым кодексом Российской Федерации, методическими указаниями и письмами Федеральной налоговой службы Российской Федерации, а также сложившейся судебной практикой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Использование предложенных показателей экономической стабильности и информационного обеспечения позволяет дать справедливую оценку контрагенту в период становления инновационной экономики.

Применение предложенных авторами показателей оценки, характеризующих добросовестность контрагента, дает возможность осуществлять ранжирование налоговых рисков.

Разработанная авторами инновационная матричная оценка контрагента представляет его визуальную характеристику до принятия решения о начале хозяйственных отношений, что существенно снижает экономические риски.

Библиографический список

1. Постюшков А.В. Прогнозирование банкротства. *Журнал Арбитражный управляющий*. 2007;6:11–16
2. Российская Федерация. *Определение Верховного суда Российской Федерации от 2 июня 2016 г. № 305-КГ16-4920*. https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=463130#GbxlSsTMuZfVvrwF (дата обращения: 12.06.2023).
3. Перминова Т.В. Выявление и классификация налоговых правонарушений при проведении внутреннего контроля организации. *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2022;2(5):169–175.
4. Российская Федерация. *Письмо ФНС о практике применения статьи 54.1 НКРФ от 10 марта 2021 годы №БВ-4-7/3060@2021*. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_352052/ (дата обращения: 14.06.2023).
5. Российская Федерация. *Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 10 июля 2015 года №Ф06-25353/2015*. https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=APV&n=138376#6ZynSsTA5PpICDeS1 (дата обращения: 11.06.2023).
6. Российская Федерация. *Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 28.12.2022)*. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 12.06.2023).
7. Шередко Е.В., Семин В.Н. Уклонение от уплаты налогов: причины способы и меры пресечения. *Журнал Финансовое право*. 2009;1:12–20.
8. Российская Федерация. *Приказ Федеральной налоговой службы от 30 мая 2007 года №ММ-3/06/3332 «Об утверждении планирования выездных налоговых проверок»*. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55729/2ff7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddafdaddf518/ (дата обращения: 11.06.2023).
9. Федеральная налоговая служба Российской Федерации. *Прозрачный бизнес*. https://pb.nalog.ru (дата обращения: 12.06.2023)
10. Федеральная служба государственной статистики. *Данные о бухгалтерской отчетности*. http://www.gks.ru/accounting_report (дата обращения: 15.06.2023).
11. ЕИС Закупки. *Реестр недобросовестных поставщиков и подрядчиков*. https://zakupki.gov.ru (дата обращения: 14.06.2023).
12. Федеральная налоговая служба Российской Федерации. *Реестр обеспечительных мер*. https://service.nalog.ru/rom/ (дата обращения: 12.06.2023).
13. Электронное правосудие. *Картотека арбитражных дел*. https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 15.06.2023)
14. Перминова Т.В. *Развитие информационного сопровождения внутреннего контроля организаций*. В кн.: *Развитие учетно-аналитического, контрольно-регуляторного и налогового сопровождения реализации передовых управленческих решений*. М.: Русайнс; 2021. 210–215 с.
15. Кирова Е.А., Перминова Т.В. Анализ и оценка рисков при проведении внутреннего контроля организации. *Вестник университета*. 2022;3:116–123.
16. Кирова Е.А., Перминова Т.В. Внутренний контроль предприятий в цифровой реальности. *Актуальные проблемы финансового менеджмента, бухгалтерского учета, анализа, контроля и налогообложения в нефтегазовом комплексе. Межвузовский сборник научных трудов и результатов совместных научно-исследовательских проектов РГУ нефти и газа (НИУ) им. Губкина*. Москва: Русайнс; 2021. 129 с.

References

1. Postyushkov A.V. Bankruptcy prediction. *Journal Arbitration Manager*. 2007;6:11–16. (In Russian).
2. Russian Federation. *Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 2, 2016 no. 305-KG16-4920*. https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=463130#GbxlSsTMuZfVvrwF (accessed 12.06.2023). (In Russian).
3. Perminova T.V. Identification and classification of tax offenses during the internal control of the organization. *Economics and management: problems, solutions*. 2022;2(5):169–175. (In Russian).

4. Russian Federation. *Letter of the Federal Tax Service on the practice of applying article 54.1 of the NKRF dated March 10, 2021 no. BV-4-7/3060@2021*. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_352052/ (accessed 14.06.2023). (In Russian).
5. Russian Federation. *Decree of the Arbitration Court of the Volga District dated July 10, 2015 no. F06-25353/2015*. https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=APV&n=138376#6ZynSsTA5PpICDeS1(accessed 11.06.2023). (In Russian).
6. Russian Federation. *Tax Code of the Russian Federation (Part One) dated July 31, 1998 no. 146-FZ (as amended on 28 December 2022)*. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/(accessed 12.06.2023). (In Russian).
7. Sheredko E.V., Semin V.N. Tax evasion: causes, methods and preventive measures. Journal of Financial Law. 2009;1:12–20. (In Russian).
8. Russian Federation. *Order of the Federal Tax Service dated May 30, 2007 no. MM-3/06/3332 "On Approval of the Planning of Field Tax Audits"*. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55729/2ff7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddafdaddf518/ (accessed 11.06.2023). (In Russian).
9. Federal Tax Service. *Transparent business*. https://pb.nalog.ru (accessed 12.06.2023). (In Russian).
10. Federal State Statistics Service. *Accounting data*. http://www.gks.ru/accounting_report (accessed 15.06.2023). (In Russian).
11. EIS Procurement. *Register of unscrupulous suppliers and contractors*. https://zakupki.gov.ru (accessed 14.06.2023). (In Russian).
12. Federal Tax Service of the Russian Federation. *Register of interim measures*. https://service.nalog.ru/rom/ (accessed 12.06.2023). (In Russian).
13. Electronic justice. *Card file of arbitration cases*. https://kad.arbitr.ru/ (accessed 15.06.2023). (In Russian).
14. Perminova T.V. Development of information support for internal control of organizations. In: *Development of accounting, analytical, control, regulatory and tax support for the implementation of advanced management decisions*. Moscow: Rusains;2021. 210–215 pp. (In Russian).
15. Kirova E.A., Perminova T.V. Analysis and assessment of risks during the internal control of the organization. Vestnik universiteta. 2022;3:116–123. (In Russian).
16. Kirova E.A., Perminova T.V. Internal control of enterprises in digital reality. *Actual problems of financial management, accounting, analysis, control and taxation in the oil and gas complex. Interuniversity collection of scientific papers and results of joint research projects of the Russian State University of Oil and Gas (NRU) named after Gubkin*. Moscow: Rusains; 2021. 129 p. (In Russian).

УДК 336 JEL G10 DOI 10.26425/1816-4277-2023-9-208-215

Теория сравнительных преимуществ Д. Рикардо в приложении к процентным свопам на финансовом рынке

Китинов Мигмер Баатрович

Аспирант

ORCID: 0009-0006-9077-9899, e-mail: kitinovmig@gmail.com

Институт востоковедения Российской академии наук, г. Москва, Россия

Аннотация

Цель данной статьи заключается в представлении ценности теорий времен политической экономии для решения современных задач. Для реализации указанной цели необходимо было решить следующие задачи: привести краткий обзор теории сравнительных преимуществ, обозначить пример инструмента «процентный своп», проиллюстрировать применение теории сравнительных преимуществ к инструменту «процентный своп». Проведено сравнение теорий абсолютных и относительных преимуществ. Особое внимание уделяется конкретным примерам с расчетами, но не в ущерб изложению теоретических концепций. Результаты работы будут полезны при формировании практики применения производных инструментов и решения широкого круга задач, связанных со встречными потоками финансовых и товаро-материальных ценностей. В рамках исследования использовались не только методы аналогии, анализа, синтеза, но и формально-логический, сравнительный и описательный анализы.

Ключевые слова

Теория сравнительных преимуществ, рынок ценных бумаг, производные финансовые инструменты, своп, теория абсолютных преимуществ

Для цитирования: Китинов М.Б. Теория сравнительных преимуществ Д. Рикардо в приложении к процентным свопам на финансовом рынке // Вестник университета. 2023. № 9. С. 208–215.

© Китинов М.Б., 2023.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

D. Ricardo's theory of comparative advantages as applied to interest rate swaps in the financial market

Migmer B. Kitinov
Graduate student
ORCID: 0009-0006-9077-9899, e-mail: kitinovmig@gmail.com

The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The paper purpose is to present the theories' value of the times in political economy for solving modern problems. To achieve this goal, it was necessary to solve the following tasks: to give a brief overview of the comparative advantages' theory, to designate an example of the "interest rate swap" instrument, to illustrate the application of the comparative advantages' theory to the "interest rate swap" instrument. The theories of absolute and relative advantages are compared. Particular attention is paid to concrete examples with calculations, but not to the detriment of the presentation of theoretical concepts. The results of the work will be useful in shaping the practice of using derivative instruments and solving a wide range of tasks related to counter flows of financial and commodity-material values. The research used not only methods of analogy, analysis, synthesis, but also formal-logical, comparative and descriptive analyses.

Keywords

Theory of relative advantage, securities market, financial derivatives, swap, theory of absolute advantage

For citation: Kitinov M.B. (2023) D. Ricardo's theory of comparative advantages as applied to interest rate swaps in the financial market. *Vestnik universiteta*, no. 9, pp. 208–215.

© Kitinov M.B., 2023.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

Теория сравнительных преимуществ (в форме теории международного разделения труда) была в общем виде сформулирована Д. Рикардо в 1817 г. в труде «Принципы политической экономии и налогообложения», развивая положения теории абсолютных преимуществ А. Смита. Современная учебная и научная литература, как правило, раскрывает не оригинальную теорию международного разделения труда Д. Рикардо, а более позднюю трактовку американского экономиста П. Самуэльсна.

Основным мотивом к разработке теории стало стремление Д. Рикардо объяснить явление международной торговли даже в тех случаях, когда одна из сторон не обладает абсолютным производственным преимуществом ни в одном виде продукции. Теория Д. Рикардо показывает, что и в этом случае обе стороны сделки выигрывают, достигая более высокого потребления, чем было бы возможно без международной торговли.

Цель данной работы – показать, что, несмотря на значительный прогресс экономики как науки за прошедшие столетия и на появление новых вызовов, классическая теория сравнительных преимуществ до сих пор актуальна и может быть применена даже в контексте современных производных финансовых инструментов. Для реализации цели исследования следует решить следующие задачи: изложить теорию сравнительных преимуществ, привести характеристики инструмента «процентный своп», проиллюстрировать применение теории сравнительных преимуществ в отношении указанного инструмента. В первой части статьи приводится сравнение современных трактовок теорий абсолютных и сравнительных преимуществ. Во второй части исследования дается определение и демонстрируется пример инструмента «процентный своп». В третьей части научной работы показано, как применение теории сравнительных преимуществ позволяет организациям достигнуть оптимальных условий финансирования на примере инструмента «процентный своп».

ТЕОРИИ АБСОЛЮТНЫХ И СРАВНИТЕЛЬНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ

Вопросы, связанные с теориями абсолютных и сравнительных преимуществ, получили широкое освещение в научной и учебной литературе [1–5]. Одним из наиболее удачных определений, по мнению автора настоящей статьи, является трактовка П. Самуэльсона [6]. Тем не менее возможность практического применения выводов этих классических теорий не всегда очевидна. В данной работе автор показывает применимость теории сравнительных преимуществ Д. Рикардо на примере инструмента «процентный своп».

Абсолютное преимущество возникает, когда предприятие или страна способна производить большее количество выбранного товара или услуги, чем другая страна. Например, Китай, обладая продвинутыми технологиями, ресурсами и квалифицированной рабочей силой, имеет абсолютное преимущество в производстве товаров и услуг относительно большинства других стран. Тем не менее это не означает, что Китай не может выигрывать от международной торговли [3].

Сравнительное преимущество возникает, когда предприятие или страна может производить продукцию или услугу с более низкими альтернативными издержками, чем другая страна. Например, в условиях наличия достаточного количества берез, производство березового сока в России сопоставимо с более низкими альтернативными издержками (выраженными, например, в единицах ананасов), чем на Кубе. Напротив, производство ананасов на Кубе сопряжено с более низкими альтернативными издержками, чем в России.

Согласно теории сравнительных преимуществ, стране (или предприятию) следует выбирать продуктовую специализацию на основе сравнительных, а не абсолютных преимуществ, и этот выбор приведет к достижению возможного потребления справа от границы кривой производственных возможностей. В данной теории указано, что торговля между двумя сторонами в условиях наличия сравнительных преимуществ позволит каждой стороне получить больше продукции для потребления, чем было бы возможно в условиях без торговли [2; 6].

Отдельно отметим, что, согласно вышеуказанной теории, сравнительное преимущество обязательно будет формироваться положительным при торговле двумя товарами между двумя странами, либо же, в крайнем случае, будет экономически нейтральным (нулевым), но никогда не отрицательным.

В примере России и Кубы каждой стороне будет экономически выгодно специализироваться на продукте, в производстве которого она обладает сравнительным преимуществом. В результате торговли обе стороны получат больше как березового сока, так и ананасов, чем в сценарии отсутствия международной торговли. Кроме того, теория сравнительных преимуществ позволяет установить границы на цены

взаимного обмена товарами (цены, выраженные в единицах альтернативной продукции, например, показывающие, сколько литров березового сока стоит один ананас).

Таким образом, теория говорит о том, что источником выгоды в международной торговле являются только сравнительные преимущества, но не абсолютные. Согласно данной теории, не существует страны с сравнительными преимуществами в производстве всех видов товаров. Теория показывает, что «островизация» или стремление к полному самообеспечению могут привести к худшему благосостоянию населения, чем совмещение специализации и международной торговли [4].

Рассмотрим пример. Пусть страна «X» может произвести за период 10 ед. товара А, а страна «Y» – 30 ед. товара А (табл. 1). В этом случае можно говорить о том, что у страны «Y» есть абсолютное преимущество в производстве товара А, и было бы логично предположить специализацию страны «Y» на производстве товара А (при этом возможностей для международной торговли не возникает).

Предположим, что на рынке появляется технология производства другого товара Б. Пусть страна «X» может производить по-прежнему 10 ед. товара А, а также и 5 ед. товара Б (но не одновременно). Страна «Y» также может производить либо 30 ед. товара А, либо 25 ед. товара Б (поскольку, например, климат страны «Y» более предрасположен к производству товара Б).

Таблица 1

Исходные данные для иллюстрации теории сравнительных преимуществ. Производственные возможности по товарам А и Б.

Категория товара	Страна «X»	Страна «Y»
Товар А	10 ед. товара	30 ед. товара
Товар Б	5 ед. товара	25 ед. товара

Составлено автором по материалам исследования [2]

На этом моменте мы сталкиваемся с отличиями между теорией абсолютных преимуществ и теорией сравнительных преимуществ. Согласно теории абсолютных преимуществ, страна «Y» как более эффективная в производстве каждого товара (и А, и Б) не имеет никаких предпосылок для торговли со страной «X». Только в случае, если бы производительность стран в изготовлении товара Б была бы противоположной (то есть в условиях, когда страна «X» могла бы производить 10 ед. товара А или 25 ед. товара Б, а страна «Y» могла бы выпускать 30 ед. товара А или 5 ед. товара Б), то торговля между странами, согласно теории абсолютных преимуществ, была бы возможной.

Но теория сравнительных преимуществ демонстрирует другую логику рассуждений. Для проведения расчетов, согласно этой теории, необходимо вычислить новую величину – альтернативную стоимость товара.

Начнем со страны «X», в которой производство может составить 10 ед. товара А или 5 ед. товара Б. Таким образом, альтернативная стоимость товара А составляет 0,5 ед. товара Б, а альтернативная стоимость товара Б – 2 ед. товара А. Другими словами, если изначально выпуск в стране «X» составил 10 ед. товара А и 0 ед. товара Б, то при необходимости произвести 1 ед. товара Б ей придется отказаться от выпуска 2 ед. товара А. Новое производство составит 8 ед. товара А и 1 ед. товара Б.

Далее рассмотрим страну «Y». В этой стране производство может составить 30 ед. товара А или 25 ед. товара Б. Следовательно, альтернативная стоимость 1 ед. товара А составляет 25/30 = 5/6 товара Б, а стоимость 1 ед. товара Б составит 6/5 единиц товара А. Другими словами, при производстве изначально 30 ед. товара А и 0 ед. товара Б страна «Y» сократит производство товара А на 6 (5 * 6/5) ед. до 24 ед. в случае необходимости изготовить 5 ед. товара Б.

Теперь рассмотрим товар А. В стране «X» альтернативные издержки его производства оцениваются в 0,5 ед. товара Б, а в стране «Y» они составляют 5/6 ед. товара Б. Таким образом, альтернативные издержки ниже в стране «X», и именно этой стране, согласно теории сравнительных преимуществ, необходимо специализироваться на производстве товара А. Стране «Y» в рамках теории сравнительных преимуществ следует сосредоточиться на производстве товара Б.

Обратим внимание, что этот вывод противоположным образом отличается от вывода, сделанного на основе теории абсолютных преимуществ (выше указано, что согласно теории абсолютных преимуществ стране «Y» необходимо специализироваться на товаре А).

Нельзя не отметить, что современные исследователи предъявляют серьезную критику аргументам Д. Рикардо [7; 8]. Например, норвежский экономист Э. Райнер пишет: «Рикардо, исключив из экономической теории качественное понимание экономических перемен и динамики, создал теорию, которая позволяет стране полноценно специализироваться на бедности» [1, с. 50]. Тем не менее идеи Д. Рикардо получили значительное развитие в последующие периоды и применимы даже к таким современным производным финансовым инструментам, как процентный своп.

ИНСТРУМЕНТ «ПРОЦЕНТНЫЙ СВОП»

Процентный своп – это финансовый деривати, представляющий собой соглашение между двумя сторонами о взаимном обмене платежами, при котором одна сторона уплачивает фиксированную ставку процента, а вторая сторона – переменную. Обычно инструмент процентного свопа используется в рамках хеджирования финансовых рисков [9].

На мировом рынке процентный своп впервые был заключен в 1982 г., и с тех пор рынок свопов динамично растет. К концу 2021 г. сумма номиналов по процентным свопам достигла немалой суммы в 397 трлн долл. США, что более чем в 2 раза превышает размер мирового валового внутреннего продукта (далее – ВВП) за этот год [10]. В России рынок свопов возник примерно в середине 2000-х гг.

Примером процентного свопа является сделка, в которой один контрагент (контрагент «А») выплачивает фиксированную ставку (ставку своп-сделки) в сторону контрагента «В» и получает от него взамен плавающую ставку (обычно привязанную к базисной ставке, например, London Interbank Offered Rate или ставка рефинансирования Центрального банка Российской Федерации, или любая другая плавающая ставка).

Обратим внимание, что ожидается прекращение функционирования ставки London Interbank Offered Rate (далее – LIBOR) в связи с финансовыми скандалами, связанными с выявленным манипулированием этой ставкой, однако в рамках предлагаемого примера это не очень важно [11].

Сделка своп носит рискованный характер, потому что значение ставки LIBOR заранее неизвестно. Если ставка внезапно вырастет, то сторона сделки, выплачивающая ставку LIBOR, окажется в убытке.

При этом необходимо учитывать следующие особенности сделки:

1) при свопе не происходит обмена номинальной суммы между сторонами, а зачастую в реальности «основной суммы» у компаний может не быть;

2) стороны не обмениваются полным размером платежей, а осуществляют только чистый платеж.

Первая особенность говорит о производном характере инструмента процентного свопа. Участники могут прийти к соглашению, что одна сторона выплачивает другой в течение около 3 лет 5 % от суммы в 1 млн долл. США, а вторая сторона возвращает взамен LIBOR процент также от суммы в 1 млн долл. США. При этом всей суммы в 1 млн долл. США ни у одной стороны может не быть, так как эта сумма не требуется для проведения платежей (пример в табл. 1).

Вторая особенность говорит о том, что сторонам фактически нет смысла обмениваться платежами, достаточно только выплаты от «проигравшей» стороны к «выигравшей». Такие платежи называются «чистыми». Если компания «X» должна компании «Y» 30 тыс. долл. США, а компания «Y» должна компании «X» 50 тыс. долл. США, то сторонам бесполезно производить два платежа: достаточно одного платежа со стороны компании «Y» в пользу компании «X» суммой 20 тыс. долл. США.

Сделка своп, как правило, заключается с нулевой начальной стоимостью, то есть зачастую фиксированная ставка приравнивается к значению переменной ставки на момент заключения сделки. В приведенном выше примере это означает, что на момент заключения сделки ставка LIBOR составила 5 %, поэтому стороны пришли к соглашению о том, что одна сторона из них будет выплачивать 5 %, а вторая – LIBOR (табл. 2).

Таблица 2

Пример сделки своп

Виды платежа	Конец года 1	Конец года 2	Конец года 3
Переменная ставка LIBOR, выплачиваемая стороной X (точное значение заранее неизвестно)	5 %	7 %	2 %
Фиксированная ставка, выплачиваемая стороной Y	5 %	5 %	5 %

Окончание табл. 2

Виды платежа	Конец года 1	Конец года 2	Конец года 3
Номинал свопа (указывается в контракте, но физического обмена суммой номинала нет)	1 млн долл. США	1 млн долл. США	1 млн долл. США
Теоретический платеж от стороны X в пользу стороны Y	50 тыс. долл. США	70 тыс. долл. США	20 тыс. долл. США
Теоретический платеж от стороны Y в пользу стороны X	50 тыс. долл. США	50 тыс. долл. США	50 тыс. долл. США
Чистый денежный платеж стороны X в пользу стороны Y. Отрицательное значение свидетельствует об обратном потоке (от стороны Y в пользу стороны X)	0 тыс. долл. США	20 тыс. долл. США	-30 тыс. долл. США

Составлено автором по материалам исследования [12]

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕОРИИ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ В КОНТЕКСТЕ ИНСТРУМЕНТА «ПРОЦЕНТНЫЙ СВОП»

Приведем пример, иллюстрирующий применимость теории сравнительных преимуществ к финансовому инструменту «своп». Рассмотрим две компании («А» и «Б»), которые ищут заемное внешнее финансирование.

Предположим, что финансовый рейтинг компании «А» равен «А», и в связи с высокой надежностью банки предлагают компании заемное финансирование по фиксированной ставке 2 % либо плавающий LIBOR (табл. 3). Предположим также, что компания «А» предпочитает платить переменную ставку (например, поскольку ее доходы также основаны на переменной ставке).

Пусть финансовый рейтинг компании «Б» равен «Б», и в связи с низкой надежностью банки предлагают этой компании финансирование по фиксированной ставке 8 % либо LIBOR + 4 %. Пусть компания «Б» предпочитает платить фиксированную ставку.

Таблица 3

Предлагаемые ставки финансирования

Виды ставок	Компания «А» предпочитает переменную ставку	Компания «Б» предпочитает фиксированную ставку
Фиксированная ставка	2 %	8 %
Переменная ставка	LIBOR	LIBOR+4 %

Составлено автором по материалам исследования [12]

Приведенный пример показывает, что у компании «А» присутствует абсолютное преимущество в финансировании над компанией «Б», то есть как фиксированная, так переменная ставка, предлагаемые компании «А», ниже, чем у компании «Б».

В таких условиях в рамках теории абсолютных преимуществ торговля (в форме заключения процентного свопа) между компаниями нецелесообразна, и в результате получения займов компания «А» будет выплачивать LIBOR, а компания «Б» – 8 %. Совокупный объем выплат двух компаний составит LIBOR + 8 %.

Но в рамках теории сравнительных преимуществ мы видим, что для компании «А» альтернативные издержки постоянного займа составляют – 2 %-LIBOR, а для компании «Б» при приведении к LIBOR стоимость переменного займа достигнет 4 %-LIBOR (=8 %-4 %-LIBOR). Таким образом, компания «А» обладает сравнительным преимуществом в получении займа по постоянной ставке.

Для переменной ставки анализ выполняется противоположным образом. Для компании «А» альтернативная стоимость переменного займа составляет LIBOR-2 %, а для компании «Б» эта стоимость составит LIBOR - 4%». Таким образом, компания «Б» обладает сравнительным преимуществом в получении займа по переменной ставке.

В результате обе стороны выиграют, если компания «А» возьмет долг по ставке 2 % фиксированно, а компания «Б» – по ставке LIBOR+4 %, после чего стороны совершат своп, в результате которого компания «А» будет платить переменную ставку, а компания «Б» – постоянную. В целом совокупный платеж двух компаний составит LIBOR+6 %, что на 2 % ниже, чем в ситуации без свопа.

Какая ставка будет уплачена каждой компанией в рамках обязательств по свопу? Теория сравнительных преимуществ показывает границы этих платежей (табл. 4). Так, чистый платеж компании «А» в сторону компании «Б» может составить от LIBOR-2 % до LIBOR-4 %. Предположим, что по условиям свопа компании «А» и «Б» пришли к соглашению, что чистый поток от «А» к «Б» составит LIBOR – 3 % (хотя это значение может быть любым в указанном интервале, например LIBOR-2,5 %). Тогда чистый денежный платеж компании «А» всем агентам (то есть совместно компании «Б» и банку) составит LIBOR – 3 % + 2 % = LIBOR – 1 %. Чистый денежный поток компании «Б» составит «-(LIBOR – 3 %) + + LIBOR + 4 %» = 7 %. Как мы видим, с помощью свопа каждая компания может получить заемные средства на 1 % дешевле, чем без свопа.

Таблица 4

Пример финансовых платежей, возникающих в результате сделки своп

Денежный поток	Потоки компании «А»	Потоки компании «Б»	Суммарно
В банк (знак «минус» говорит об оттоке средств)	-2 %	- (LIBOR + 4 %)	- (LIBOR + 6 %)
В рамках свопа	-(LIBOR – 3 %)	LIBOR – 3 %	0
Суммарно	-(LIBOR -1 %)	-7 %	- (LIBOR + 6 %)

Составлено автором по материалам исследования [12]

Обратим внимание, что данный укрупненный расчет не учитывает возрастание кредитного риска для компании «А», то есть тот факт, что компания «А» подвергается риску невыполнения обязательств по свопу со стороны компании «Б».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие мировой экономики порождает новые вызовы, которые периодически требуют формирования новых финансовых инструментов. Процентный своп стал ответом на стремление организаций минимизировать рыночный риск по процентным ставкам и может быть использован как инструмент получения заемного финансирования по ставке, соответствующей потребностям компании.

Появление новых инструментов необязательно приводит к необходимости построения новых сложных теорий. Зачастую экономические (и, в частности, логические и математические) выкладки более ранних исследований позволяют решать задачи, которые только возникают в мировой экономике.

Рассмотренный пример доказывает, что применение теории сравнительных преимуществ позволяет компаниям сократить расходы на внешнее финансирование. Теория сравнительных преимуществ представляет собой пример контринтуитивного размышления, приводящего к неожиданным выводам об отсутствии критической необходимости абсолютных преимуществ. Ознакомление с содержанием таких абсолютных преимуществ необходимо не только в рамках вопросов политической экономии, но и в целом современной экономической науки.

Библиографический список

1. Райнерт Э. *Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными.* Пер. с англ. В.С. Автономова. М.: Высшая школа экономики; 2021. 384 с.
2. Рикардо Д. *Начала политической экономии и налогового обложения.* Пер. с англ. П.Н. Клюкина. М.: Эксмо; 2008. 960 с.
3. Гурова И.П. Мировая экономика: учебник. М.: Омега-Л; 2009. 391 с.
4. Piggott J. *International business economics: a European perspective.*. London: Red Globe Press; 2006. 416 p.
5. Khan Academy. *Lesson summary: Comparative advantage and gains from trade.* https://www.khanacademy.org/economics-finance-domain/ap-macroeconomics/basic-economics-concepts-macro/scarcity-and-growth/a/lesson-summary-comparative-advantage-and-gains-from-trade (дата обращения: 12.06.2023).
6. Фенин К.В. Интерпретация классических теорий территориально-отраслевого разделения труда и международной торговли. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право.* 2017; 2.
7. Гичиев А.Н., Гичиев Н.С. Т*радиционные и новые теории международной торговли.* УЭПС. 2019;3.

8. Текеева Х.Э., Узденова М.Х. Развитие международной торговли. *Московский экономический журнал*. 2021;11:657–662.
9. Щеголева Н.Г., Хабаров В.И. Виды операций своп и технология реализации. *Финансы и кредит*. 2012;37(517):33–41.
10. ISDA. *Key trends in the size and composition of OTC derivatives markets in the second half of 2021*. https://www.isda.org/a/TsWgE/Key-Trends-in-the-Size-and-Composition-of-OTC-Derivatives-Markets-in-the-Second-Half-of-2021.pdf (дата обращения: 15.06.2023)
11. European Commission. *New measures to restore confidence in benchmarks following LIBOR and EURIBOR, 2013*. https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_13_841 (дата обращения: 15.06.2023).
12. John C.H. *Options, Futures, and Other Derivatives*. Toronto: Pearson; 2014. 896 p.

References

1. Erik Steenfeldt Reiner. *How rich countries got rich and why poor countries stay poor*. Trans. from Eng. Avtonomov V.S. Moscow: HSE; 2021. (In Russian).
2. Ricardo D. *Principles of Political Economy and Taxation*. Trans. from Eng. Kljukina P.N. Moscow: Eksmo; 2008. (In Russian).
3. Gurova I.P. *World economy: textbook for student in World economy field*. Moscow: Omega-L; 2009. (In Russian).
4. Piggott J. *International business economics: a European perspective*. London: Red Globe Press; 2006.
5. Khan Academy. *Lesson summary: Comparative advantage and gains from trade*. https://www.khanacademy.org/economics-finance-domain/ap-macroeconomics/basic-economics-concepts-macro/scarcity-and-growth/a/lesson-summary-comparative-advantage-and-gains-from-trade (accessed 12.06.2023)
6. Fenin K.V. Interpretation of classical theories of territory-industry division of Labour and International trade. *News of Saratov university. New series. Economics. Management*. Law. 2017; 2. (In Russian).
7. Gichiev A.N., Gichiev N.S. Traditional and new theories of world trade. UEPS. 2019;3. (In Russian).
8. Tekeeva H.E., Uzdenova M.H. International trade development. *Moscow economics journal*. 2021;11:657–662. (In Russian).
9. Schegoleva N.G., Habarov V.I. Types of swap operations and realization technology. *Finance and Credit*. 2012;37(517):33–41. (In Russian).
10. ISDA. *Key trends in the size and composition of otc derivatives markets in the second half of 2021*; https://www.isda.org/a/TsWgE/Key-Trends-in-the-Size-and-Composition-of-OTC-Derivatives-Markets-in-the-Second-Half-of-2021.pdf (accessed: 15.06.2023)
11. European Commission. *New measures to restore confidence in benchmarks following LIBOR and EURIBOR, 2013*. https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_13_841 (accessed 15.06.2023).
12. John C.H. *Options, Futures, and Other Derivatives*. Toronto: Pearson; 2014.

УДК 336.7 JEL E42, E41, O16 DOI 10.26425/1816-4277-2023-9-216-223

Управление потоками капиталов как инструмент обеспечения финансовой стабильности

Кузнецова Валентина Вильевна[1]

Канд. ист. наук, доц. каф. мировой экономики и управления внешнеэкономической деятельностью
ORCID: 0000-0002-8698-4295, e-mail: vkuz_55@mail.ru

Ларина Ольга Игоревна[2]

Канд. экон. наук, доц. каф. маркетинга
ORCID: 0000-0002-9841-8194, e-mail: oilarina@mail.ru

[1]Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

[2]Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Актуальность статьи определяется имеющимися дискуссиями среди экономистов и практиков о достоинствах, недостатках и последствиях применения контроля за трансграничным движением капиталов. Предметом статьи выступает исследование допустимости систематического использования мер капитального контроля («Capital Control», контроль за трансграничным движением капитала, включая ограничения на проведение трансграничных операций; полный или частичный запрет на валютно-обменные операции; введение ограничений на иностранные инвестиции в национальные активы или на национальные инвестиции в зарубежные активы и др.) для поддержания стабильности национальной финансовой системы. Целью статьи являются анализ мнений и фактических данных о применении мер контроля за трансграничным движением капитала, систематизация возможных последствий данного инструмента для России. На основании анализа эмпирических данных, странового анализа и документов Международного валютного фонда авторами составлена классификация мер капитального контроля, выделены их основные группы, обозначены причины применения, а также систематизированы достоинства и недостатки использования таких мер. Авторы делают вывод, что в зависимости от мотивов регулятора могут быть разные подходы к применению мер капитального контроля. Использование результатов настоящего исследования может быть полезно для регуляторов российского финансового рынка, поскольку в России действуют меры капитального контроля.

Ключевые слова

Меры капитального контроля, трансграничное движение капитала, управление потоками капиталов, макроэкономическая стабильность, системный риск, валютные ограничения

Для цитирования: Кузнецова В.В., Ларина О.И. Управление потоками капиталов как инструмент обеспечения финансовой стабильности // Вестник университета. 2023. № 9. С. 216–223.

© Кузнецова В.В., Ларина О.И., 2023.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Capital flow management as a tool for ensuring financial stability

Valentina V. Kuznetsova[1]

Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof. at the Department of World Economy and Management of Foreign Economic Activity
ORCID: 0000-0002-8698-4295, e-mail: vkuz_55@mail.ru

Olga I. Larina[2]

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Marketing Department
ORCID: 0000-0002-9841-8194, e-mail: oilarina@mail.ru

[1]Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

[2]State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The article relevance is determined by the existing discussions among economists and practitioners about the advantages, disadvantages and consequences of the use of control over the cross-border movement of capital. The subject of the article is the study of the permissibility of the systematic use of capital control measures ("Capital Control", control over cross-border capital movement, including restrictions on cross-border transactions; a complete or partial ban on currency exchange operations; introduction of restrictions on foreign investments in national assets or on national investments in foreign assets, etc.) to maintain the stability of the national financial system. The purpose of the article is to analyze opinions and factual data on the application of measures to control the cross-border movement of capital, systematization of the possible consequences of this tool for Russia. Based on the analysis of empirical data, country analysis and documents of the International Monetary Fund, the authors have compiled a classification of capital control measures, identified their main groups, identified the reasons for their use, and systematized the advantages and disadvantages of using such measures. The authors conclude that depending on the motives of the regulator, there may be different approaches to the application of capital control measures. The use of the results of this study may be useful for regulators of the Russian financial market, since capital control measures are in force in Russia.

Keywords

Capital control measures, cross-border capital movement, capital flow management, macroeconomic stability, systemic risk, currency restrictions

For citation: Kuznetsova V.V., Larina O.I. (2023) Capital flow management as a tool for ensuring financial stability. *Vestnik universiteta*, no. 9, pp. 216–223.

© Kuznetsova V.V., Larina O.I., 2023.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

В отличие от прошлого преобладавшего подхода, делавшего упор исключительно на негативные последствия использования мер капитального контроля для национальной экономики, в настоящее время признана допустимость применения таких мер как способа предотвращения формирования системного риска в национальной финансовой системе и поддержания общей макроэкономической стабильности. Опыт последних десятилетий многих стран с формирующимися рынками свидетельствовал, что непредсказуемая изменчивость трансграничных потоков капиталов может представлять серьезную угрозу для национальных финансовых рынков и экономик. Как правило, после периода относительно масштабных притоков иностранного капитала во многих странах (например, в Турции, в Аргентине, в Южно-Африканской Республике) происходили неожиданные и достаточно масштабные его оттоки. Опираясь на опыт ряда стран с формирующимися рынками начала 21 в., международными экспертами было признано, что меры капитального контроля, ограничивающие в периоды циклических подъемов укрепление реального обменного курса национальной валюты и чрезмерные заимствования хозяйствующих субъектов, номинированные в иностранной валюте, следует рассматривать как макропруденциальные инструменты.

ЭМПИРИЧЕСКИЙ ОПЫТ СТРАН ПО ПРИМЕНЕНИЮ МЕР КАПИТАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

Азиатский финансовый кризис (1998 г.) показал, что финансовые системы стран с формирующимися рынками уязвимы перед неожиданными оттоками трансграничных капиталов, если в балансах финансовых посредников есть не только разрывы в валюте, но и в срочности активов и пассивов. Для их снижения правительства стран с формирующимися рынками в начале 21 в. прилагали значительные усилия по развитию рынков суверенных заимствований в национальных валютах и активно применяли меры капитального контроля [1]. Более того, как показывал ряд эмпирических исследований середины 2010-х гг., использование инструментов капитального контроля в ряде стран с формирующимися рынками носило системный характер [2].

В 2016–2020 гг. регуляторы и развитых экономик, и стран с формирующими рынками в основном вводили регулирование портфельных притоков иностранного капитала. Но в 2020 г. в развитых экономиках произошел определенный сдвиг в составе используемых мер капитального контроля. Стали применяться инструменты контроля над прямыми иностранными инвестициями и вложениями в недвижимость [3].

В 2019 г. в Европейском союзе (далее – ЕС) вступило в силу новое регулирование прямых иностранных инвестиций, которое расширяло масштабы отслеживания или авторизации прямых иностранных инвестиций в предприятия ключевых для национальных экономик отраслей. В нескольких странах в ответ на кризис Covid-19 вводились ограничения на определенные оттоки капиталов (например, в Аргентине, Багамах, Фиджи, Шри-Ланке). В других странах наоборот: откликом на Covid-19 стало ослабление мер контроля над притоками трансграничных капиталов (Китай, Индия, Индонезия, Малайзия). Так, Индия смягчала ограничения на зарубежные портфельные инвестиции в государственные и корпоративные облигации, а также сделки с производными инструментами. Индонезия ослабляла ограничения на сделки иностранных инвесторов с форвардами на внутреннем рынке деривативов. В Малайзии резидентам было позволено выпускать номинированные в национальной валюте привилегированные акции, размещаемые для нерезидентов на внутреннем рынке [4; 5].

ИЗМЕНЕНИЯ В ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ: РЕКОМЕНДАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ВАЛЮТНОГО ФОНДА 2012 Г. И 2022 Г.

После глобального финансового кризиса наднациональные рекомендации регуляторам по настройке мер капитального контроля были обобщены в документе Международного валютного фонда (далее – МВФ) «The Liberalization and Management of Capital Flows: An Institutional View» (2012) [6; 7]. В конце 2022 г. в документ был внесен ряд важных дополнений и рекомендаций [8].

В обновленных рекомендациях МВФ, как и в документе 2012 г., подчеркивается, что либерализация капитальных потоков может приносить принимающей и исходящей экономикам существенные экономические выгоды, но преждевременное открытие капитального счета в принимающей экономике сопряжено с рядом серьезных рисков для финансовой стабильности и с повышением вероятности банковского

(финансового) кризиса [8]. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, притоки трансграничных капиталов сопровождаются увеличением объемов внутреннего кредитования и провоцируют нестабильный рост цен на национальные активы, а с другой стороны, привлечение национальными хозяйствующими субъектами иностранного фондирования делает финансовую систему уязвимой перед внешними шоками, представляющими риски финансовой стабильности.

В соответствии с документом МВФ (2012 г.) выделялись три группы мер, применяемых в целях регулирования трансграничных потоков капиталов. В обновленном документе МВФ (2022 г.) уточняются понятия, структура инструментов управления потоками капитала и макропруденциальных мер [9].

Управление трансграничными потоками капиталов – это меры, настроенные на ограничение потоков капиталов, в том числе и по критерию резидентства, а макропруденциальные меры – это первичные пруденциальные инструменты, предназначенные для ограничения системных финансовых рисков и настроенные по критерию валюты номинала инструмента (актива), а также способы регулирования нефинансового сектора. Меры, настроенные на ограничение системных рисков, вызываемых трансграничными потоками капиталов, являются макропруденциальными, а также совокупными инструментами управления потоками капиталов. В документе МВФ подчеркивается, что классификация мер требует тщательной оценки их деталей применения (дизайна), целей и обстоятельств введения.

Так, меры, влияющие на трансграничные финансовые сделки и содержащие дискриминацию участников по критерию резидентства, следует рассматривать как способы управления потоками капиталов. Вводимые меры относятся к категории «совокупные меры управления потоками/макропруденциальные», если соблюдаются три условия: 1) их основная цель – защита финансовой стабильности; 2) источник системного финансового риска может быть определен; 3) обоснованно ожидается, что такие меры могут снизить системные риски [10].

Меры управления потоками капиталов не включаются в категорию «совокупные меры управления потоками/макропруденциальные», если их настройка или условия введения предполагают, что поддержание финансовой стабильности не было основной причиной их введения или что они вряд ли будут ограничивать системные риски. Подчеркивается, что использование мер по управлению потоками капиталов и макропруденциальных инструментов в определенных обстоятельствах полезно для поддержания внутренней финансовой стабильности, если, например, превентивные меры нацелены на конкретные притоки трансграничных капиталов, представляющие серьезные риски в силу формирования уязвимостей на рынке ценных бумаг или валютных разрывов, которые традиционные пруденциальные инструменты не могут эффективно купировать.

Резкое увеличение притоков трансграничных капиталов может быть вызвано фундаментальными (например, изменениями глобальных процентных ставок, производительности, товарных цен) и нефундаментальными (например, изменениями в склонности глобальных инвесторов к риску) шоками. Если шок хотя бы частично вызван фундаментальными факторами, то это потребует урегулирования денежно-кредитной, фискальной и финансовой политик, а в странах с гибким режимом обменного курса еще и урегулирования номинального обменного курса.

Таким образом, национальные правительства совместно с центральными банками могут вводить меры управления трансграничными потоками капитала, руководствуясь различными мотивами (табл.1).

Таблица 1

Мотивы введения мер управления потоками капиталов

Таргетирование притоков капиталов	**Таргетирование оттоков капиталов**
Корректировка профицита платежного баланса	Генерирование дополнительных бюджетных доходов
Предотвращение нежелательной волатильности обменного курса, цен активов	Предотвращение сокращения кредитования, финансовой рецессии
Предотвращение финансовой нестабильности	Корректировка дефицита платежного баланса
Недопущение укрепления реального обменного курса национальной валюты	Предотвращение нежелательного обесценения реального обменного курса

Окончание табл. 1

Таргетирование притоков капиталов	Таргетирование оттоков капиталов
Ограничение владения нерезидентами национальными активами	Накопление внутренних сбережений
Защита национальных финансовых институтов	Развитие национального финансового рынка

Составлено авторами по материалам исследования

Помимо мотива поддержания финансовой стабильности важной целью политики контроля над трансграничными потоками капиталов и основанием использования инструментов управления потоками капиталов может быть стремление регуляторов повысить международную конкурентоспособность национальной продукции. В этом случае целями введения/усиления мер капитального контроля могут быть стимулирование экспорта, управление условиями торговли (получение внешнеторговых преимуществ), недопуск иностранного контроля над стратегически важными отраслями национальной экономики [11].

Совокупные инструменты управления потоками капитала и инструменты макропруденциального регулирования можно условно подразделить на два типа: административные меры и традиционные инструменты капитального контроля (табл. 2).

Административные меры капитального контроля включают широкий спектр прямых запретов и требований:

– требование получения индивидуальных разрешений на сделки, номинированные в иностранной валюте;
– введение лимитов на объемы инвалютных зарубежных инвестиций (переводов);
– установка квот (лимитов) на инвестиции нерезидентов в национальные активы;
– использование системы разных обменных курсов (например, для оптовых и розничных сделок или типов инвестиций/сделок);
– повышенные отчетные требования о раскрытии информации по активам, номинированным в иностранной валюте;
– прямой запрет на репатриацию прибыли от инвалютных инвестиций внутри страны;
– введение перечня разрешенных типов сделок (регионов) для инвалютных инвестиций.

Таблица 2

Традиционные инструменты капитального контроля

Инструмент	Основные преимущества	Основные недостатки
Беспроцентные резервные требования на новые зарубежные заимствования	Сокращение возможности арбитража по доходности	Требуются сложная настройка и надзор, чтобы мера была эффективной
Временные лимиты (минимальный срок хранения актива)	Позволяют регулятору ввести меры, ограничивающие возможности арбитража	Лишь переносят на будущее оттоки капиталов, но не устраняют их причины
Количественные лимиты (на размещения средств пенсионных фондов; лимиты на неторгуемые активы в иностранной валюте)	Ограничение дестабилизирующих сделок	Поощряют максимизацию социальных пособий
Налоги на финансовые сделки (на инвестиции нерезидентов; налоги на доходы от инвалютных активов)	Прямая целевая настройка на спекулятивные сделки	Существенно снижают доверие инвесторов
Регулирование торговли между резидентами и нерезидентами (лимиты продажи национальной валюты)	Порождает минимальные искажения на национальных рынках	Стимулирует направление потоков капитала в неприбыльные инструменты инвестирования

Составлено авторами по материалам исследования

Кроме того, широкое распространение в качестве мер управления трансграничными потоками капиталов получили ограничения, вводимые регуляторами на притоки и оттоки инвалютных инвестиций в различные инструменты рынка денег и капиталов, например, ограничения на покупки нерезидентами акций и других долевых ценных бумаг на внутреннем рынке, продажи или эмиссия резидентами таких инструментов на зарубежных торговых площадках [12]. В качестве инструментов управления трансграничными потоками капиталов также используются лимиты/запреты зарубежных заимствований; кредитования нерезидентов; покупок нерезидентами внутренних ценных бумаг, номинированных в иностранной валюте; участия иностранного капитала в уставных капиталах банков и институциональных инвесторов. Подобные меры могут быть сходными или идентичными мерам, применяемым в отношении инструментов рынков денег и капиталов, кредитных операций и прямых инвестиций.

ПОСЛЕДСТВИЯ МЕР КАПИТАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

В середине 2010-х г. была сформулирована так называемая «трилемма»: свободная мобильность капиталов и независимая монетарная политика возможны только при плавающем режиме обменного курса. Но глобальный финансовый цикл трансформировал трилемму в «дилемму» или «непримиримый дуэт»: независимая монетарная политика возможна, только если управляем капитальный счет [13]. Позднее приводились аргументы в пользу того, что ограничение трансграничной мобильности капиталов «может быть единственным способом сохранения монетарной автономии» для экономически слабых стран [14, с.44].

Результаты эмпирического анализа практики 83 стран показали, что активация макропруденциальных мер, основанных на валютных инструментах, ведет к сокращению [9]:

- объемов трансграничных притоков капиталов в первый и последующий годы;
- входящих портфельных инвестиций, но не влияет на прямые иностранные инвестиции;
- трансграничных банковских заимствований.

Есть мнение, что применение и валютных, и невалютных макропруденциальных инструментов снижает вероятность банковского кризиса в течение трех лет после их активации. При этом изменения в настройке мер капитального контроля не оказывают существенного воздействия ни на объем, ни на состав трансграничных потоков капиталов [9].

Результаты другого эмпирического исследования показали, что макропруденциальные меры, основанные на валютных ограничениях: 1) эффективны в снижении инвалютных заимствований банков; 2) провоцируют эмиссию нефинансовыми компаниями инвалютного долга; 3) снижают чувствительность банков к колебаниям обменного курса национальной валюты; 4) менее эффективны в снижении чувствительности нефинансовых организаций и финансового рынка в целом к колебаниям обменного курса. «В результате, валютное регулирование банков представляется успешным в снижении уязвимости банков перед колебаниями обменного курса и глобальным финансовым кризисом, но частично переносит снежный ком валютных уязвимостей на другие сектора» [15]. В то же время среди экспертов есть и противоположные оценки. К. Стырин и Ю. Ушакова отмечают в своем исследовании, что «эмпирические данные не позволяют сделать окончательный вывод: в одних работах фиксируются статистически и экономически значимые результаты, а в других исследователи приходят к противоположным выводам» [16, с.59].

Ограничения по капитальному счету на притоки трансграничных капиталов могут влиять на расходы фирм при привлечении долгового финансирования в силу нескольких причин: 1) фирмы, расположенные в странах с ограничениями на притоки капитала, сталкиваются с более лимитированным предложением международного капитала; 2) при наличии капитальных ограничений на притоки фирмы сталкиваются с дополнительными затратами, например, для получения разрешения регулятора или соблюдения требования о наличии соответствующего кредитного рейтинга, а также при привлечении необходимого фондирования. Эти затраты тоже могут быть обусловлены более высокими налогами или сборами с потоков капитала, или последующими эффектами ужесточения капитального контроля. Ограниченное предложение и возросшие затраты привлечения фондирования типично оказывают большое воздействие на фирмы, на которые сильнее наложены финансовые ограничения (небольшие компании и фирмы, расположенные в менее финансово развитых странах); 3) во время финансовых стрессов усиливаются финансовые ограничения для всех фирм [12].

Оценка эффективности применения мер капитального контроля для регулирования оттоков капиталов сложнее. С одной стороны, капитальный контроль на оттоки международных капиталов может сокращать для фирм издержки внутреннего финансирования, удерживая национальные сбережения «привязанными» к внутренним финансовым рынкам. С другой стороны, подобный капитальный контроль оттоков ограничивает инвестиционные возможности фирм, снижая их способность лучше диверсифицировать риск, увеличивая волатильность стоимости фирм и рыночных кредитных спредов.

Хотя большой поток исследований посвящен различным эффектам введения ограничений по капитальному счету, остается открытым вопрос, стоит ли странам либерализовать капитальный счет или нет. Меры капитального контроля могут приносить макроэкономические выгоды, но ограничения по капитальному счету на притоки существенно увеличивают спреды по корпоративным облигациям. Эффект капитального контроля на притоки усиливается в периоды рыночной неликвидности и финансового стресса. В целом основные результаты эмпирических исследований предполагают, что капитальный контроль на притоки трансграничных капиталов оказывает особенно сильный эффект на издержки долга для более финансово ограниченных фирм через формирование нового канала (канал издержек международного долга), за счет которого капитальный контроль влияет на результаты хозяйственной деятельности компаний [12].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Глобальные финансовые шоки, усиление макроэкономических неопределенностей и возможная уязвимость национальных экономик перед неожиданными масштабными притоками (оттоками) трансграничных капиталов приводят к возобновлению призывов к финансовым регуляторам применять дополнительные административные меры и пруденциальные инструменты. В этой связи возрастает внимание регуляторов и экспертов к роли капитального контроля и валютных ограничений как инструментов, напрямую нацеленных на управление трансграничными финансовыми сделками. Соответствующие инструменты выступают не только политическими, но и составляющими макропруденциальной политики, которая играет важную роль в стабилизации всех национальных рынков, особенно в условиях, когда традиционное финансовое регулирование не позволяет снижать усиление факторов системного, трансграничного и сетевого рисков. Как показывает опыт многих стран, инструментарий управления трансграничными потоками капиталов позволяет достаточно результативно защищать национальную экономику и внутренний финансовый рынок от глобальных финансовых шоков. Вместе с тем применение только макропруденциальных инструментов часто является недостаточным, и для реализации антициклического регулирования необходим комплексный подход, включающий скоординированные мероприятия разных политик: денежно-кредитной, макропруденциальной, налогово-бюджетной (макрофинансовой) и валютной политик.

Библиографический список

1. Кузнецова В.В. Китай и азиатский рынок облигаций в национальных валютах. *Сравнительная политика.* 2020;11(2):36–46.
2. Pasricha G.K. Policy rules for capital controls. *BIS Working Papers*. 2017;670:51.
3. Hofmann B., Shim I., Shin H.S. Emerging market economy exchange rates and local currency bond markets amid the Covid-19 pandemic. *BIS Bulletin*. 2020;5:9 .
4. IMF. *Annual report on exchange arrangements and exchange restrictions, 2020*. 4020 p. https://www.elibrary.imf.org/display/book/9781513556567/9781513556567.xml?code=imf.org (дата обращения: 13.06.2023).
5. IMF. *Annual report on exchange arrangements and exchange restrictions, 2021*. 4112 p. https://www.elibrary.imf.org/display/book/9781513598956/9781513598956.xml?rskey=sp60y1&result=1 (дата обращения: 13.06.2023).
6. Божечкова А., Горюнов Е., Синельников-Мурылев С., Трунин П. Ограничения на движение капитала: мировой опыт и уроки для России. *Экономическая политика.* 2017;12(2):8–43.
7. IMF. *The Liberalization and Management of Capital Flows: an institutional view*. 2012. 48 p. https://www.imf.org/en/Publications/Policy-Papers/Issues/2016/12/ (дата обращения: 15.06.2023).
8. IMF Policy Paper. *Review of the Institutional View on the Liberalization and Management of Capital Flows, 2022. 98 p.* https://www.imf.org/en/Publications/Policy-Papers/Issues/2022/03/29/Review-of-The-Institutional-View-on-The-Liberalization-and-Management-of-Capital-Flows-515883(дата обращения: 15.06.2023).
9. Frost J., Ito H., van Stralen R. The effectiveness of macroprudential policies and capital controls against volatile capital inflows. *BIS Working Papers*. 2020;867:32.
10. IMF. *Increasing Resilience to Large Volatile Capital Flows: The Role of Macroprudential Policies*, 2017. 48 p. https://www.imf.org/en/

Publications/Policy-Papers/Issues/2017/07/05/pp060217-increasing-resilience-to-large-and-volatile-capital-flows (дата обращения: 15.06.2023).
11. Bernanke B.S. Federal Reserve Policy in an International Context. *Paper presented at 16th Jaques Polak Annual Research Conference*, 2015, Nov. 5–6. 53 p. https://www.imf.org/external/np/res/seminars/2015/arc/pdf/bernanke.pdf (дата обращения: 11.06.2023).
12. Andreasen E., Schindler M., Valenzuela P. Capital Controls and the Cost of Debt. *IMF Working Paper*. 2017;135:26.
13. Rey H. Dilemma not Trilemma: The Global Financial Cycle and Monetary Policy Independence. *NBER Working Paper Series*. 2015;21162:42.
14. Aizenman J., Chinn Menzie, Ito H. Financial Spillovers and Macroprudential Policies. *NBER Working Paper*. 2020;24105:44.
15. Friedrich C., Reinhardt D. Macroprudential FX Regulations: Shifting the Snowbanks of FX Vulnerability? *Bank of Canada Staff Working Paper*. 2018;55:65.
16. Стырин К., Ушакова Ю. Исследовательская инициатива IBRN по вопросу взаимодействия между денежно-кредитной и пруденциальной политикой. *Деньги и кредит*. 2020;79(3):58–74.

References

1. Kuznetsova V.V. China and the Asian bond market in national currencies. *Comparative Politics*. 2020;11(2):36–46. (In Russian).
2. Pasricha G.K. Policy rules for capital controls *BIS Working Papers*. 2017;670:51.
3. Hofmann B., Shim I., Shin H.S. Emerging market economy exchange rates and local currency bond markets amid the Covid-19 pandemic. *BIS Bulletin*. 2020;5:9 .
4. IMF. *Annual report on exchange arrangements and exchange restrictions, 2020*. 4020 p. https://www.elibrary.imf.org/display/book/9781513556567/9781513556567.xml?code=imf.org (accessed 13.06.2023).
5. IMF. *Annual report on exchange arrangements and exchange restrictions, 2021*. 4112 p. https://www.elibrary.imf.org/display/book/9781513598956/9781513598956.xml?rskey=sp60y1&result=1 (accessed 13.06.2023).
6. Bozhechkova A., Goryunov E., Sinelnikov-Murylev S., Trunin P. Restrictions on the movement of capital: world experience and lessons for Russia. *Economic Policy*, 2017;12(2):8–43. (In Russian).
7. IMF. *The Liberalization and Management of Capital Flows: an institutional view*. 2012. 48 p. https://www.imf.org/en/Publications/Policy-Papers/Issues/2016/12/ (accessed 15.06.2023).
8. IMF Policy Paper. *Review of the Institutional View on the Liberalization and Management of Capital Flows, 2022*. 98 p. https://www.imf.org/en/Publications/Policy-Papers/Issues/2022/03/29/Review-of-The-Institutional-View-on-The-Liberalization-and-Management-of-Capital-Flows-515883 (accessed 15.06.2023).
9. Frost J., Ito H., van Stralen R. The effectiveness of macroprudential policies and capital controls against volatile capital inflows. *BIS Working Papers*. 2020;867:32.
10. IMF. *Increasing Resilience to Large Volatile Capital Flows: The Role of Macroprudential Policies*, 2017. 48 p. https://www.imf.org/en/Publications/Policy-Papers/Issues/2017/07/05/pp060217-increasing-resilience-to-large-and-volatile-capital-flows (accessed 15.06.2023).
11. Bernanke B.S. *Federal Reserve Policy in an International Context. Paper presented at 16th Jaques Polak Annual Research Conference, 2015, Nov. 5–6*. 53 p. https://www.imf.org/external/np/res/seminars/2015/arc/pdf/bernanke.pdf (accessed 11.06.2023).
12. Andreasen E., Schindler M., Valenzuela P. Capital Controls and the Cost of Debt. *IMF Working Paper*. 2017;135:26.
13. Rey H. Dilemma not Trilemma: The Global Financial Cycle and Monetary Policy Independence. *NBER Working Paper Series*. 2015;21162:42.
14. Aizenman J., Chinn Menzie, Ito H. Financial Spillovers and Macroprudential Policies. *NBER Working Paper*. 2020;24105:44.
15. Ahnert T., Forbes K., Friedrich C., Reinhardt D. Macroprudential FX Regulations: Shifting the Snowbanks of FX Vulnerability? *Bank of Canada Staff Working Paper*. 2018;55:65.
16. Styrin K., Ushakova Yu. IBRN Research Initiative on the Interaction between Monetary and Prudential Policy. *Money and Credit*. 2020;79(3):58–74. (In Russian).

УДК 316.4 DOI 10.26425/1816-4277-2023-9-224-235

Параметры доступности психологической помощи для детей и их родителей (по данным деятельности детского телефона доверия)

Кучмаева Оксана Викторовна[1]

Д-р экон. наук, глав. науч. сотр. отдела семьи и семейно-демографической политики
ORCID: 0000-0003-0386-857X, e-mail: kuchmaeva@yandex.ru

Давлетшина Лейсан Анваровна[2]

Канд. экон. наук, доц. каф. статистики
ORCID: 0000-0002-1497-1751, e-mail: Davletshina.LA@rea.ru

[1] Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, г. Москва, Россия

[2] Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Целью настоящей статьи выступает разработка методики для анализа доступности услуг детского телефона доверия. Данная статья является первой частью публикаций, посвященных методическим подходам и анализу деятельности детского телефона доверия. Актуальность работы обусловлена значимостью психологической поддержки в системе помощи детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Усложнение социальных связей современного мира, в котором происходит взросление и социализация детей, появление новых рисков, способствует востребованности психологической помощи. Значимость развития сети психологических служб и, в частности, телефонов доверия, оказывающих помощь детям и родителям, а также обеспечение доступности их услуг нашли отражение в стратегических документах социальной политики в интересах детей. В статье рассмотрена сущность категории «доступность» по отношению к психологической службе телефона доверия, что позволило сформировать методику анализа. Представлена методика анализа информации о доступности экстренной психологической помощи для детей и родителей по детскому телефону доверия, предложена система количественных показателей, характеризующих доступность услуг детского телефона доверия. Выявлены показатели, которые позволят охарактеризовать доступность детского телефона доверия с позиции времени работы и показателей доступности психологической помощи детского телефона доверия в разрезе федеральных округов России. Проведена группировка коэффициентов доступности услуги.

Ключевые слова

Психологическая помощь детям, детский телефон доверия, трудная жизненная ситуация, доступность услуг психологической помощи, потребность в психологической помощи

Для цитирования: Кучмаева О.В., Давлетшина Л.А. Параметры доступности психологической помощи для детей и их родителей (по данным деятельности детского телефона доверия) // Вестник университета. 2023. № 9. С.224–235.

© Кучмаева О.В., Давлетшина Л.А., 2023.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accessibility parameters of psychological assistance for children and their parents (according to the activity of the children's helpline)

Oksana V. Kuchmaeva[1]

Dr. Sci. (Econ.), Chief Researcher of the Family and Family Demographic Policy Department
ORCID: 0000-0003-0386-857X, e-mail: kuchmaeva@yandex.ru

Leysan A. Davletshina[2]

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Statistics Department
ORCID: 0000-0002-1497-1751, e-mail: Davletshina.LA@rea.ru

[1] Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

[2] State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The purpose of this article is to develop a methodology for analyzing the availability of children's helpline services. This article is the first part of publications devoted to methodological approaches and analysis of the activities of the children's helpline. The relevance of the work is due to the importance of psychological support in the system of assistance to children who find themselves in a difficult life situation. The complication of social ties in the modern world, in which children are growing up and socializing, the emergence of new risks, contributes to the demand for psychological help.The importance of developing a network of psychological services and, in particular, helplines that provide assistance to children and parents, as well as ensuring the availability of their services, is reflected in the strategic documents of social policy in the interests of children. The article considers the essence of the category "accessibility" in relation to the psychological service of the helpline, which allowed us to form a methodology for analysis. A methodology for analyzing information on the availability of emergency psychological care for children and parents via a children's helpline is presented, a system of quantitative indicators characterizing the availability of children's helpline services is proposed. Indicators are proposed that will characterize the availability of a children's helpline from the position of working hours and indicators of the availability of psychological assistance of a children's helpline in the context of the federal districts of Russia. The service availability coefficients were grouped.

Keywords

Psychological assistance to children, children's helpline, difficult life situation, availability of psychological assistance services, need for psychological assistance

For citation: Kuchmaeva O.V., Davletshina L.A. (2023) Accessibility parameters of psychological assistance for children and their parents (according to the activity of the children's helpline). *Vestnik universiteta*, no. 9, pp. 224–235.

© Kuchmaeva O.V., Davletshina L.A., 2023.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

Усложнение социальных связей современного мира, в котором происходит взросление и социализация детей, появление новых рисков, в том числе за счет включенности детей в виртуальное пространство, а также наличие противоречий в воспитательных стратегиях различных социальных институтов и семей способствуют востребованности психологической помощи [1].

Подростковый возраст – сложный период жизни человека, который характеризуется переходом от ограниченных и зависимых ролей детства к формированию собственной идентичности, что сопровождается возникновением психологических проблем, для решения которых необходима помощь как близких людей (семья, друзья), так и специализированной психологической поддержки.

Значимость развития сети психологических служб и, в частности, телефонов доверия, оказывающих помощь детям и родителям, а также обеспечение доступности их услуг нашли отражение в стратегических документах социальной политики в интересах детей. В их числе – планы реализации «Десятилетия детства», комплекс мер до 2025 г. по совершенствованию системы профилактики суицида среди несовершеннолетних [2; 3].

Детский телефон доверия (далее – ДТД) под патронатом Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации (далее – Фонд), функционирующий с 2010 г., в значительной степени расширил возможности в использовании психологической поддержки детей и их родителей. Интерес представляет объективная оценка на основе совокупности критериев – насколько существующая сеть, ее развитие соответствуют запросам целевых групп, обеспечивают доступность услуг телефона доверия [4].

Цель статьи – формирование методики анализа доступности услуг ДТД и оценка доступности его услуг.

Данная статья является первой частью публикаций, посвященных методическим подходам и анализу деятельности ДТД.

СУЩНОСТЬ КАТЕГОРИИ «ДОСТУПНОСТЬ»

Интерес и понимание значимости профессиональной психологической помощи для детей и подростков являются характерными чертами современной социальной реальности [5].

В 2022 г. Аналитический центр НАФИ по заказу Фонда провел исследование информированности подростков о возможностях получения психологической помощи. Исследование свидетельствует о достаточно высокой степени осознанности подростками значимости психологической поддержки в трудной ситуации: 89 % опрошенных не согласны с утверждением, что иметь психологические проблемы стыдно, а 78 % готовы обратиться за профессиональной помощью. Каждый пятый участник исследования отмечает у себя наличие в настоящий момент проблем и вопросов, с которыми он хотел бы обратиться к психологу. Информированность подростков о существовании в России ДТД составляет 60 %. При этом только 5 % подростков когда-либо звонили на ДТД. Однако практически каждый пятый респондент, никогда не звонивший по телефону доверия, задумывался о том, чтобы это сделать [6].

Развитие современных технологий приводит к распространению дистанционных форм оказания услуг, что повышает их доступность [7; 8]. Исследователи отмечают влияние современных технологий на расширение возможностей дистанционного психологического консультирования, включая консультирование родителей и детей [9]. Достоинством дистанционной психологической работы выступает тот факт, что помощь может быть оказана клиентам с достаточно низкой мотивацией обращения за психологической помощью [10]. Хотя проблемой остается оценка результативности оказанной помощи.

В работах российских исследователей анализируется опыт оказания психологической помощи преимущественно взрослых на основе социологических методов анализа [11]. Однако большая часть публикаций построена на исследованиях психологов с использованием качественных методов анализа. Так, предметом анализа выступает дистанционный чат психологического консультирования Благотворительного фонда «Твоя территория». Среди преимуществ чат-контакта выделяются готовность абонентов к самораскрытию в условиях анонимности, минимальность барьеров в общении (социальных, возрастных, половых), низкий порог требований в коммуникативной компетентности абонентов [12].

При рассмотрении вопроса о преимуществах, которые дает распространение дистанционных форм психологического консультирования, не часто анализируется ситуация с оказанием помощи несовершеннолетним.

Важным аспектом, позволяющим судить о расширении возможностей для нуждающихся лиц, детей и их родителей, получить необходимую помощь, осознать ее значимость, выступает доступность услуг психологических служб.

Доступность является важным критерием возможности получения качественной помощи в нужный момент. Это замечание в полной мере относится к деятельности ДТД, оказывающих психологическую помощь. Без обеспечения доступности услуг невозможно говорить об их результативности, повышении роли телефонов доверия в преодолении различных социальных рисков.

К трактовке и оценке доступности какого-либо блага не сложилось единого подхода. Измерения и оценка доступности выступают частным вопросом отдельных прикладных исследований.

В анализе доступности услуг можно выделить следующие подходы:

1) социоцентрический подход определяет справедливое регулирование доступа к объектам социальной инфраструктуры для различных групп населения и означает доступность как соответствие ожиданий потенциальных потребителей фактическим возможностям инфраструктуры (количество учреждений, транспортная доступность, численность и качество подготовки персонала) [13];

2) антропоцентрический подход трактует доступность услуг как соответствие оказываемого содействия потребностям человека [14];

3) подход к трактовке доступности с точки зрения саморазвития личности означает понимание потенциальными потребителями возможности человека получить те или иные услуги при сложившихся внешних (объективных) и внутренних (субъективных) условиях.

Доступность услуги для целевых групп получателей можно понимать как интегральную характеристику, основными элементами которой выступают:

– территориальная (транспортная или пешеходная) доступность, определяющая условия физического доступа к объекту, где будет оказана услуга;

– ценовая доступность, характеризующая возможность расходов потребителя, обладающего определенными доходами;

– временная доступность, которая определяет время, когда потребителю возможно оказать услугу;

– организационная доступность, которая показывает, насколько просто/сложно получить доступ к услуге;

– информационная доступность, определяющая наличие и качество информации об услуге [15; 2].

В ходе исследования «Доступность социальных услуг для семей с детьми», проведенного по заказу Фонда в 2020 г., с учетом сущности понятия «доступность услуг» комплексному анализу подверглись следующие критерии, обеспечивающие доступность получения социальных услуг получателями:

– информированность клиентов о возможности получения и условиях предоставления социальных услуг;

– наличие востребованных получателями социальных услуг;

– территориальная доступность получения социальных услуг клиентами;

– удобство получения социальных услуг, включая сбор (подготовку) и представление документов для получения услуги, а также временные затраты получателя на эти процедуры, режим работы служб;

– доверие получателей к службам, предоставляющим социальные услуги;

– вариативность способов (форм) предоставления социальных услуг, включая дистанционное предоставление социальных услуг, оказание социальной полиции мобильными службами, осуществление социальных услуг на дому;

– возможность выбора получателем формы предоставления социальной услуги;

– возможность выбора получателем поставщика социальной услуги (государственные и муниципальные бюджетные учреждения, общественные организации);

– развитость инфраструктуры социальных служб, предоставляющих социальные услуги получателям, включая кадровый потенциал [16].

Рассмотренные выше подходы и критерии определяют возможность проведения оценки доступности психологической помощи по ДТД. С учетом имеющегося опыта доступность услуг ДТД необходимо рассматривать с использованием следующих критериев:

– информированность детей и их родителей, других людей, заинтересованных в получении психологической помощи по проблемам детства и детско-родительских отношений, о возможности и условиях получения помощи;

– удобство получения социальных услуг;
– вариативность способов (форм) предоставления услуг;
– развитость инфраструктуры служб телефона доверия;
– доверие получателей к службе ДТД;
– доступность услуг тех служб, которые помогут в дальнейшем ребенку и его родителям преодолеть кризисную ситуацию.

На формирование совокупности критериев доступности оказала влияние специфика оказания психологических услуг ДТД.

Для получения количественных оценок, позволяющих проанализировать соответствие доступности услуг ДТД тем или иным критериям в регионах страны и России в целом, необходимо проведение специальных исследований, которые позволят изучить мнение представителей целевых групп (информированность, удобство получения услуги, доверие к службе). Кроме того, важную роль играют структура и регулярность сбора отчетности как о деятельности самих служб ДТД (для оценки масштабов сети и ее динамики), так и об иных учреждениях, оказывающих помощь детям и семьям с детьми, а также помогающих разрешить кризисную ситуацию.

В рамках данной статьи основное внимание уделено оценке доступности с точки зрения развитости сети служб телефона доверия и удобства его работы. Данный подход обусловлен имеющейся в настоящее время информационной базой для анализа. Оценка мнения целевых групп пока производится не в режиме мониторинга, а на основе локальных исследований, не имеющих четкой периодичности и репрезентативного охвата. Наличие информационных лакун позволяет сформулировать перспективы исследования в области формирования более полной информационной базы анализа с точки зрения учета всех критериев доступности услуг [4].

МЕТОДИКА АНАЛИЗА ИНФОРМАЦИИ О ДОСТУПНОСТИ ЭКСТРЕННОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ДЛЯ ДЕТЕЙ И РОДИТЕЛЕЙ ПО ДЕТСКОМУ ТЕЛЕФОНУ ДОВЕРИЯ

Источниками информации для проведения анализа доступности экстренной психологической помощи для детей и родителей по ДТД выступают данные отчетности служб телефонов доверия (прежде всего, информация о числе и структуре звонков, а также о категориях звонивших, аккумулируемая Фондом); данные текущего статистического учета Федеральной службы государственной статистики (во-первых, о численности и структуре населения), что позволяет рассчитать относительные показатели и предоставить возможность анализа динамики и региональной дифференциации показателей [4].

Данные Федеральной службы государственной статистики (далее – Росстат) выборочных обследований по социально-демографическим проблемам, проводимых в режиме мониторинга, позволяют получить дополнительную информацию о факторах и условиях, влияющих на доступность услуг ДТД, масштабы обращений за помощью:

1) комплексное наблюдение условий жизни населения в части сведений о доступности сети «Интернет» (далее – Интернет), частоте и причин пользования детьми Интернета (как технологии, обеспечивающей доступность чата ДТД, а также и телефонных звонков) [17];

2) выборочное наблюдение за состоянием здоровья населения в части сведений о потребности в психологической помощи [18];

3) выборочное наблюдение качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения в части сведений об удовлетворенности населения услугами учреждений социальной сферы, социального обслуживания [19].

Большую роль в формировании понимания о доступности услуг телефона доверия предоставляют специальные исследования, проводимые по заказу Фонда [7]. Они позволяют выяснить техническую доступность услуг телефона доверия – возможность «дозвона», рассчитать коэффициент доступности, а также выявить потребность в помощи, оценить опыт пользования услугами, информированность о возможности получения таких услуг.

Проведение сравнительного анализа ситуации в различных регионах страны невозможно реализовать по абсолютным значениям из-за несопоставимости явлений и процессов, происходящих в разные временные отрезки или на разнообразных территориях. Это доказывает необходимость использования

относительных величин для анализа структуры и структурных изменений во времени по категории звонивших, по звонкам по тем или иным проблемам. Кроме того, в анализе ситуации используются относительные показатели динамики – темпы роста, темпы прироста, что позволяет дать сравнительную оценку развитию деятельности в разных регионах страны.

Система показателей для оценки доступности услуг телефона доверия может быть представлена следующим образом:

Характеристики сети учреждений ДТД:

– число организаций, подключенных к ДТД, ед.;
– численность сотрудников, чел.;
– количество обращений на телефон доверия – всего и по структуре звонивших, по вопросам обращения, ед.;
– количество неквалифицируемых звонков – всего, в т.ч. поступило звонков-отбоев, ед.

Масштабы деятельности ДТД:

– число организаций, подключенных к ДТД на 100 000 детей в возрасте 7–17 лет;
– число обращений детей на 1 000 детей 7–17 лет (‰);
– число звонков на 1 организацию (%).

Характеристика режима работы ДТД:

– режим работы организаций, подключенных к ДТД;
– коэффициент доступности услуг ДТД.

Факторы доступности ДТД:

– информированность о работе ДТД;
– распространенность использования Интернета;
– квалификация специалистов служб;
– масштабы детского неблагополучия: уровень детской преступности; численность детей и семей, состоящих на учете в Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав; численность детей, лишенных попечения родителей; численность родителей, лишенных и ограниченных в родительских правах; уровень и динамика смертности от самоубийств (на 100 000 детей);
– доверие к службе ДТД.

Представленная система показателей позволяет выявить параметры деятельности ДТД и оценить региональную дифференциацию доступности в разрезе федеральных округов, субъектов Российской Федерации (далее – РФ).

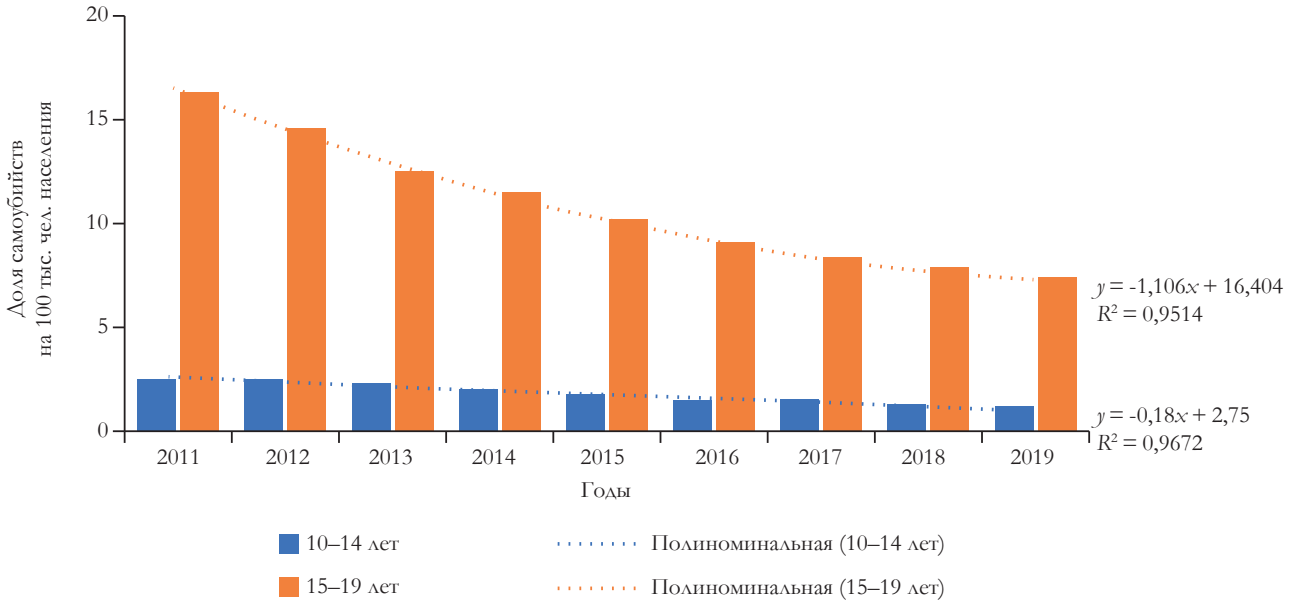
Особое место среди показателей доступности ДТД занимает количественная оценка факторов, влияющих на уровень доступности, включая формирование потребности в услугах ДТД. Сложности исследования обусловлены, с одной стороны, наличием достоверной информации, с другой стороны, определением перечня индикаторов, характеризующих комплексные социальные явления.

Значимой детерминантой, влияющей на потребность детей в психологической поддержке и формирующей нагрузку на службы ДТД, выступают различные проявления детского неблагополучия, в частности, детского суицида.

Масштабы смертности от самоубийств российского населения вызывает тревогу. «Наша страна занимает третье место в мире по количеству самоубийств на душу населения, а уровень суицида ВОЗ оценивается как критический» [19, с 121]. Однако параметры смертности от самоубийств среди молодежи в возрастах 10–14 лет и 15–19 лет в период с 2011 г. по 2019 г. по России имеют положительные изменения – в рассматриваемых возрастных группах в течение 9 лет зафиксировано снижение (рис. 1).

Наиболее подходящей аппроксимирующей функцией для линии тренда возрастных коэффициентов суицида, представленных на рис. 1, является полином степени 2 ($R \geq 95$ %), что свидетельствует о снижении уровня смертности от суицида с ускорением. Смертность от самоубийств среди молодежи, в частности, для общества можно рассматривать как социальную болезнь, существенную проблему, так как в обществе со здоровыми взаимоотношениями распространенность желания закончить жизненный путь добровольно не носит таких значительных масштабов. По результатам проведенного исследования «Смертность российских подростков от самоубийств» авторы делают вывод, что «социально-экономическое положение не является определяющей причиной суицида. Согласно данным научных исследований, до 92 % самоубийств у детей и подростков прямо или

косвенно связано с неблагополучием в семьях (алкоголизм родителей, конфликты в семье, жестокое обращение)» [21].



Составлено авторами по материалам источника [20]

Рис. 1. Динамика смертности от самоубийств в возрастных интервалах 10–14 лет и 15–19 лет в период с 2011 г. по 2019 г. по России

Однако оценка целого ряда критериев (уровень информированности, доверие к службам ДТД) возможна только на основе данных специально проводимых исследований, желательно в режиме мониторинга.

ХАРАКТЕРИСТИКА ДОСТУПНОСТИ ДЕТСКОГО ТЕЛЕФОНА ДОВЕРИЯ

Для характеристики доступности большую роль играет оценка масштабов сети на основе относительных показателей, рассчитанных с учетом численности целевых групп, различных элементов инфраструктуры.

В среднем на одну организацию, подключенную к ДТД, на протяжении 2019–2021 гг. приходилось от 317 до 399 звонков, т.е. в день это 3–4 звонка. Это не слишком значительная величина. Можно предположить, что величина показателя косвенным образом свидетельствует о достаточности количества организаций, оказывающих помощь по ДТД. Однако эта гипотеза требует проверки, возможно, не во всех регионах дети и их родители хорошо информированы о деятельности ДТД или имеют предубеждения против обращения.

Число организаций, подключенных к ДТД на 100 000 детей и подростков, характеризуется следующими значениями. В 2019 г. зафиксировано наиболее высокое значение показателя – 1,27 организаций на 100 000 детей и подростков, к 2021 г. произошло снижение – до 1,18 организаций на 100 000 детей и подростков. Однако небольшое снижение показателя в анализируемый период в первую очередь связано с увеличением численности детей и подростков в возрасте 7–17 лет в населении страны, так как число организаций, подключенных к ДТД, оставалось практически неизменным.

Для оценки масштабов обращаемости за помощью к специалистам телефона доверия, понимания интенсивности его работы было рассчитано число обращений детей на ДТД на 1 000 детей в возрасте 7–17 лет (коэффициент обращаемости).

В 2019 г. коэффициент обращаемости детей и подростков был равен 26,7 ‰, в 2020 г. – 22,1 ‰, первая половина 2021 г. характеризуется значением 12,2 ‰. Подобные изменения связаны как с сокращением числа обращений (видимо, повлияли эпидемия Covid-19 и изменение условий жизнедеятельности детей, увеличилось время, проводимое с семьей), так и с некоторым повышением численности детей, что также сыграло роль в снижении величины показателя.

Проводя характеристику доступности ДТД, необходимо учитывать такой принцип доступности, как «возможность для абонента в любое время с любого телефонного номера, находясь в любом

населенном пункте, набрать номер 8-800-2000-122 и бесплатно получить экстренную психологическую помощь» [7, с. 7]. С этой целью проведем анализ режима работы организаций, подключенных к ДТД и динамику звонков-отбоев.

Исходные данные о работе организаций, подключенных к ДТД, показали более 80 вариантов режима их работы. Такое широкое разнообразие объясняется, с одной стороны, тем, что в России действуют 11 часовых поясов, а организации, подключенные к ДТД функционируют в каждом субъекте РФ, с другой стороны, существенной дифференциацией как в продолжительности рабочего дня, так и времени начала работы. В значительной степени на выбор режима работы оказывают влияние финансовые и кадровые возможности организаций. Для оценки вариативности режимов работы и сопоставимости данных была осуществлена группировка организаций, подключенных к ДТД в зависимости от времени работы. Результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1

Распределение организаций, подключенных к ДТД по дням работы и продолжительности рабочего дня (2021 г.)

Категории организаций по продолжительности рабочего дня	Число организаций, подключенных к ДТД	% от общего итога	% от итога подгруппы
Организации, работающие ежедневно	160	66,7	100,0
Организации, работающие круглосуточно	127	52,9	79,4
Организации, работающие по 6–10 часов	13	5,4	8,1
Организации, работающие по 10–14 часов	15	6,3	9,4
Иные режимы работы	5	2,1	3,1
Организации, работающие в будние дни	80	33,3	100,0
Организации, работающие в будние дни по 6–10 часов	55	22,9	68,8
Организации, работающие в будние дни по 10–14 часов	20	8,3	25,0
Иные режимы работы	5	2,1	6,3
Всего организаций	240	100,0	-

Составлено авторами по материалам исследования

Наиболее приемлемым с точки зрения доступности ДТД, безусловно, является ежедневный круглосуточный режим работы. По такому графику на данный момент действуют 127 организаций, подключенных к ДТД, это 52,9 % от общего числа организаций и 79,4 % от числа организаций, работающих ежедневно.

Следующая по величине группа организаций – это работающие в будние дни с продолжительностью рабочего дня от 6 до 10 часов – 55 организаций трудятся по данному графику (22,9 % от общего числа работающих организаций и 68,8 % от работающих в будние дни).

В исходных данных среди режимов работы имеются и такие единичные случаи, как 2 дня в неделю по 5 часов (1 организация), рабочие дни 09:00–20:00, суббота – 12:00–20:00 (1 организация), рабочие дни 17:30–8:30, выходные 20:30–8:30 (1 организация) и другие варианты.

Безусловно, сокращение времени работы телефона доверия влияет на доступность его услуг. Проблемы у детей возникают не по расписанию. Принятие решения о режиме и времени работы каждой организаций, подключенной к ДТД, принимается в каждом регионе самостоятельно, исходя из оценки потребностей региона и возможности региональных служб, подключенных к ДТД.

Важный критерий при оценке доступности – «удобство получения социальных услуг», который может быть представлен с помощью такого показателя, как коэффициент доступности услуги. Суть расчета сводится к тому, что определяется соотношение между реальным временем работы служб, оказывающих услуги по ДТД, и максимально возможным режимом работы (круглосуточным). Он рассчитывается по следующей формуле: Коэффициент доступности услуги = (согласованное время предоставления услуги – общее время перерывов в предоставлении) / согласованное время предоставления услуги * 100 %.

В результате данные по 240 организациям, подключенным к ДТД в конце третьего квартала 2021 г., по которым имеются сведения о режиме работы, расчетные величины коэффициента выглядят следующим образом (табл. 4). В табл. 2 представлено распределение коэффициента доступности психологической помощи ДТД в разрезе федеральных округов России, а также еще ряд показателей: число действующих организаций по каждому округу, число обращений детей и подростков на 1 000 детей в возрасте 7–17 лет и число обращений детей и подростков в расчете на одну организацию. В целом по России коэффициент доступности услуги составляет 66,8 %.

Таблица 2

Показатели доступности психологической помощи ДТД в разрезе федеральных округов России (федеральные округа расположены в порядке убывания величины коэффициента доступности) в третьем квартале 2021 г.

Федеральный округ	Число организаций, ед.	Коэффициент доступности услуги, %	Число обращений детей на 1 000 детей	Число обращений детей на одну организацию
Приволжский	42	55,4	85,2	729
Северо-Западный	34	61,6	7,0	326
Центральный	49	65,0	4,1	361
Уральский	24	65,5	73,0	417
Южный	17	66,1	11,3	346
Дальневосточный	18	75,7	22,1	311
Сибирский	42	76,5	97,6	507
Северо-Кавказский	14	82,2	47,8	209
Всего по России	240	66,8	5,7	438

Составлено авторами по материалам исследования

Трудно сделать однозначный вывод о прямом влиянии режима работы на уровень обращаемости детей в службы ДТД. Видимо, режим работы необходимо рассматривать во взаимосвязи с числом служб, действующих в регионе, наличием хотя бы одной службы на территории региона, работающей круглосуточно. Кроме того, на примере Северо-Западного, Центрального и Южного федеральных округов можно проследить следующую зависимость: низкий коэффициент доступность услуг ДТД сопровождается незначительным уровнем обращаемости детей за помощью на ДТД и невысокой нагрузкой на службы. Однако наблюдаются и иные ситуации. Низкий уровень коэффициента доступности может сопровождаться и весьма значительными показателями обращаемости, и большой нагрузкой на службы (число обращений детей на одну организацию) – Приволжский округ. В Северо-Кавказском федеральном округе при наибольшей доступности услуг наблюдается средний уровень обращаемости и низкий уровень нагрузки на одну службу ДТД. Все вышесказанное позволяет говорить о различных моделях (схемах) оказания услуг ДТД, на формирование которых влияет и культурологический контекст в регионах страны. Это требует анализа дополнительных сведений, характеризующих информированность и отношение к услугам ДТД самих пользователей. Данную информацию можно получить на основе опросов.

240 обследованных организаций были распределены в соответствии с полученными значениями коэффициента доступности психологической помощи ДТД в восемь подгрупп (табл. 3).

Таблица 3

Группировка организаций, подключенных к ДТД, по коэффициенту доступности услуги (2021 г.)

№ п/п	Интервал, %	Число организаций, ед.	% от общего числа организаций
1	6–16,4	2	0,8
2	16,5–26,9	51	21,3

Окончание табл. 3

№ п/п	Интервал, %	Число организаций, ед.	% от общего числа организаций
3	27,0–37,4	28	11,7
4	37,5–47,9	20	8,3
5	48,0–58,4	14	5,8
6	58,5–68,9	4	1,7
7	69–79,4	2	0,8
8	79,5 и более	119	49,6
Итого		240	100,0

Составлено авторами по материалам исследования

Как видно из табл. 3, значительная часть организаций (119 из 240) предоставляет возможность воспользоваться услугами телефона доверия в течение 80 % времени и больше. Однако наблюдается значительная дифференциация служб по режиму работы и, соответственно, доступности психологической помощи для детей и родителей. У 52 организаций доступ к помощи по телефону возможен менее, чем в течение 30 % календарного времени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Совокупность источников информации позволяет провести анализ доступности экстренной психологической помощи для детей и родителей по ДТД (отчетность служб телефонов доверия, аккумулируемая Фондом; данные текущего статистического учета и выборочных обследований Росстата по социально-демографическим проблемам).

Система показателей для оценки доступности услуг телефона доверия представлена характеристиками развития сети учреждений ДТД, масштабов деятельности с учетом численности целевых групп, режима и факторов доступности.

Имеющаяся информация, собираемая в режиме мониторинга, позволяет проанализировать ряд показателей доступности, в частности, количество (абсолютное и относительное) и режим работы служб телефона доверия в регионах, коэффициент доступности, а также количество звонков в расчете на одну службу, на 1 000 детей, на количество и структуру самих обращений.

Предварительная оценка данных свидетельствует о значительной дифференциации доступности услуг ДТД в регионах России. Существуют значительные резервы увеличения коэффициента доступности услуг ДТД (что обусловлено спецификой режима работы во многих регионах страны). Требуется выявление важнейших детерминант, влияющих на развитие деятельности ДТД, в том числе и с использованием методов многомерного статистического анализа. Для оценки кадровой обеспеченности, а также качества связи, динамики информированности о деятельности телефона доверия и удовлетворенности оказанной помощью требуется проведение специальных исследований, включая опросы целевых групп в режиме мониторинга.

Список литературы

1. Возьмитель А.А. Концептуальные основы социологии образа жизни. *Вестник I Института социологии*. 2017;23:13–44. https://doi.org/10.19181/vis.2017.23.4.479
2. Президент Российской Федерации. *Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства»*. http://www.kremlin.ru/acts/bank/41954 (дата обращения: 15.06.2023).
3. Правительство Российской Федерации. *Распоряжение Правительства Российской Федерации от 26 апреля 2021 г. № 1058-р «Об утверждении комплекса мер до 2025 г. по совершенствованию системы профилактики суицида среди несовершеннолетних»*. https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400626405/ (дата обращения: 15.06.2023).
4. Калабихина И.Е., Кучмаева О.В., Калмыкова Н.М. и др. Методологические подходы к совершенствованию статистического мониторинга благополучия детей в рамках реализации мероприятий десятилетия детства в России. *Вестник I Института экономики Российской академии наук*. 2021;4:134–165. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_4_134_165
5. Баулина М.Е. Сравнительный анализ очного и заочного интернет-консультирования родителей детей с ограниченными возможностями здоровья. *Консультативная психология и психотерапия*. 2015;23(3):67–78. https://doi.org/10.17759/cpp.2015230305

6. Фонд поддержи детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. *Аналитический отчет по результатам исследования. Информированность детей подросткового возраста о возможности получения психологической помощи в кризисной ситуации на территории 8 субъектов Российской Федерации*. https://www.fond-detyam.ru/biblioteka/informatsionno-metodicheskiye-izdaniya/?ELEMENT_ID=16889 (дата обращения: 17.06.2023).
7. Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. *Развитие деятельности детского телефона доверия*. М.;2018. 85 с.
8. Лалуни М., Льотссон Б., Боннерт М. и др. Клиническая и экономическая эффективность онлайн-когнитивно-поведенческой терапии у детей с функциональными расстройствами боли в животе. *Клиническая гастроэнтерология и гепатология*. 2018;17(11):2236–2244. https://doi.org/10.1016/j.cgh.2018.11.0
9. Reese R.J., Slone N.C., Soares N., Sprang R. Telehealth for underserved families: An evidence-based parenting program. *Psychological Services*. 2012;9(3):320–322. https://doi.org/10.1037/a0026193
10. Гартфельдер Д.В. Дистанционная психологическая помощь: обзор современных возможностей и ограничений. *Вестник психиатрии и психологии Чувашии*. 2016;12(3):77–96.
11. Зураева А.М., Джелиева З.Т. Психологическая помощь в онлайн-консультировании. *Мир науки. Педагогика и психология*. 2020;1(8):1–7.
12. Щукина М.А., Гаранжа А.В. Чат-консультирование в кризисной психологической службе для подростков. *Вестник Вятского государственного университета*. 2021;1(139):115–124.
13. Вихристюк О.В., Гаязова Л.А., Ермолаева А.В. Модель подготовки и сопровождения специалистов детского телефона доверия в системе дополнительного образования. *Психология и право*. 2019;9(3):84–97.
14. Повторина Е.В. Современные подходы к трактовке доступности услуг (на примере высшего образования). *Сервис в России и за рубежом*. 2010;1(16):186–191.
15. Ковров В.В., Кожухарь Г.С. Информированность подростков об услугах, предоставляемых детским телефоном доверия. *Психологическая наука и образование*. 2013;4:1–14.
16. Доступность социальных услуг для семей с детьми: результаты социологического исследования. М.: НАФИ; 2020. 88 с.
17. Федеральная служба государственной статистики. *Комплексное наблюдение условий жизни населения*. https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH-2020/index.html (дата обращения: 14.06.2023).
18. Федеральная служба государственной статистики. *Выборочное наблюдение состояние здоровья населения*. https://gks.ru/free_doc/new_site/zdor21/PublishSite_2021/index.html (дата обращения: 16.06.2023).
19. Федеральная служба государственной статистики. *Выборочное наблюдение качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания*. https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KDU_2021/index.html (дата обращения: 20.06.2023).
20. Государственная статистика. *Официальный сайт*. https://fedstat.ru/indicator/58547 (дата обращения: 20.06.2023).
21. Организация Объединенных Наций в России. *Результаты исследования «Смертность российских подростков от самоубийств»*. http://www.unrussia.ru/en/node/2727 (дата обращения: 17.06.2023).

References

1. Vozmitel A.A. Conceptual foundations of lifestyle sociology. *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2017;23:13–44. (In Russian). https://doi.org/10.19181/vis.2017.23.4.479
2. The President of the Russian Federation. *Decree of the President of the Russian Federation No. 240 dated 29.05.2017 "On the declaration of the Decade of Childhood in the Russian Federation"*. http://www.kremlin.ru/acts/bank/41954 (accessed 15.06.2023). (In Russian).
3. The Government of the Russian Federation. *Decree of the Government of the Russian Federation No. 1058-r dated April 26, 2021 "On approval of a set of measures until 2025 to improve the system of suicide prevention among minors"*. https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400626405 / (accessed 15.06.2023). (In Russian).
4. Kalabikhina I.E., Kuchmaeva O.V., Kalmykova N.M., etc. Methodological approaches to improving statistical monitoring of children's well-being in the framework of the implementation of the Decade of Childhood in Russia. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2021;4:134–165. (In Russian). https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_4_134_165
5. Baulina M.E. Comparative analysis of face-to-face and correspondence Internet counseling for parents of children with disabilities. *Counseling psychology and psychotherapy*. 2015;23(3):67–78. (In Russian). https://doi.org/10.17759/cpp.2015230305
6. Fund for the Support of Children in difficult life Situations. Analytical report on the results of the study. *Awareness of adolescent children about the possibility of receiving psychological assistance in a crisis situation on the territory of 8 subjects of the Russian Federation*. https://www.fond-detyam.ru/biblioteka/informatsionno-metodicheskiye-izdaniya/?ELEMENT_ID=16889 (accessed 17.06.2023). (In Russian).

7. Fund for the Support of Children in difficult life Situations. *Development of the activities of the children's helpline*. Moscow; 2018. 85 p. (In Russian).
8. Lalouni M., Llotsson B., Bonner M. et al. Clinical and cost-effectiveness of online cognitive behavioral therapy in children with functional disorders of abdominal pain. *Clinical gastroenterology and hepatology*. 2018;17(11):2236–2244. (In Russian). https://doi.org/10.1016/j.cgh.2018.11.0
9. Reese R.J., Slone N.C., Soares N., Sprang R. Telehealth for underserved families: An evidence-based parenting program. *Psychological Services*. 2012;9(3):320–322. https://doi.org/10.1037/a0026193
10. Gartfelder D.V. Remote psychological assistance: an overview of modern opportunities and limitations. *Bulletin of Psychiatry and Psychology of Chuvashia*. 2016;12(3):77–96. (In Russian).
11. Zuraeva A.M., Dzhelieva Z.T. Psychological assistance in online counseling. *The world of science. Pedagogy and psychology*. 2020;1(8):1–7. (In Russian).
12. Shchukina M.A., Garanzha A.V. Chat counseling in a crisis psychological service for adolescents. *Bulletin of Vyatka State University*. 2021;1(139):115–124. (In Russian).
13. Vykhristyuk O.V., Gayazova L.A., Ermolaeva A.V. Model of training and support of specialists of the children's helpline in the system of additional education. *Psychology and law*. 2019;9(3):84–97. (In Russian).
14. Povtorina E.V. Modern approaches to the interpretation of accessibility of services (on the example of higher education). *Service in Russia and abroad*. 2010;1(16):186–191. (In Russian).
15. Kovrov V.V., Kozhukhar G.S. Awareness of adolescents about the services provided by the children's helpline. *Psychological science and education*. 2013;4:1–14. (In Russian).
16. Accessibility of social services for families with children: results of a sociological study. Moscow: NAFI; 2020. 88 p. (In Russian).
17. Federal State Statistics Service. *Comprehensive monitoring of the living conditions of the population*. https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH-2020/index.html (accessed 14.06.2023). (In Russian).
18. Federal State Statistics Service. Selective observation of the health status of the population. https://gks.ru/free_doc/new_site/zdor21/PublishSite_2021/index.html (accessed 16.06.2023). (In Russian).
19. Federal State Statistics Service. *Selective monitoring of the quality and accessibility of services in the fields of education, health and social services*. https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KDU_2021/index.html (accessed 20.06.2023). (In Russian).
20. State statistics. *Official website*. https://fedstat.ru/indicator/58547 (accessed 20.06.2023). (In Russian).
21. The United Nations in Russia. The results of the study "Mortality of Russian adolescents from suicide". http://www.unrussia.ru/en/node/2727 (accessed 17.06.2023). (In Russian).

УДК 316.4 DOI 10.26425/1816-4277-2023-9-236-243

Социальная политика скандинавских стран в отношении женщин-жертв семейного насилия

Садыков Рамиль Мидхатович[1]

Канд. социол. наук, ст. науч. сотр. сектора социально-политических исследований
ORCID: 0000-0002-1843-4857, e-mail: SadikovRM@mail.ru

Большакова Наталья Леонидовна[2]

Ст. преп. каф. социальной работы
ORCID: 0000-0001-5202-0642, e-mail: bolshakovanl@mail.ru

[1] Институт социально-экономических исследований – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, г. Уфа, Россия

[2]Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Аннотация

В статье рассматривается вопрос домашнего насилия в отношении женщин как распространенная глобальная социальная проблема современного общества. Многие страны принимают различные меры для предотвращения и нивелирования данной проблемы. В научной работе представлен опыт решения такой задачи скандинавскими странами, где реализуется эффективная модель социальной политики в отношении женщин-жертв супружеского насилия. Выделено, что значимость и актуальность данной проблемы возросла в последние годы в период всемирной пандемии Covid-19, когда была введена всеобщая социальная изоляция. Целью научной статьи является исследование состояния проводимой социальной политики скандинавских стран в отношении супружеского насилия над женщинами. Определены основные направления семейной политики скандинавских стран, которая основана на формировании безопасной среды для создания семьи и воспитания детей. В рамках данного исследования представлены основные программы профилактики семейного насилия и лечения ее жертв, оказываемые социальные услуги и системы поддержки социальными, психологическими и медицинскими службами. Также выявлено, что программы поддержки направлены в основном на защиту и установление границы безопасности, на восстановление чувства собственного достоинства жертв насилия в семье.

Ключевые слова

Социальная политика в отношении женщин, меры социальной политики, женщина, семья, семейное насилие, насилие над женщинами, жертва насилия, скандинавские страны

Благодарности. Данное исследование выполнено в рамках Государственного задания УФИЦ РАН № 075-01134-23-00 на 2023 г. и на плановый период 2024–2025 гг.

Для цитирования: Садыков Р.М., Большакова Н.Л. Социальная политика скандинавских стран в отношении женщин-жертв семейного насилия // Вестник университета. 2023. № 9. С. 236–243.

© Садыков Р.М., Большакова Н.Л., 2023.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Social policy of the Scandinavian countries in relation to women victims of domestic violence

Ramil M. Sadykov [1]
Cand. Sci. (Sociol.), Senior Researcher of the Socio-Political Research Sector
ORCID: 0000-0002-1843-4857, e-mail: SadikovRM@mail.ru

Natalya L. Bolshakova[2]
Senior Lecturer at the Social Work Department
ORCID: 0000-0001-5202-0642, e-mail: bolshakovanl@mail.ru

[1] Institute of Social and Economic Researches – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia

[2] Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

Abstract

The article examines the issue of domestic violence against women as a widespread global social problem of modern society. Many countries are taking various measures to prevent and mitigate this problem. The scientific work presents the experience of solving such a problem in the Scandinavian countries, where an effective model of social policy is implemented in relation to women victims of marital violence. It is highlighted that the importance and relevance of this problem has increased in recent years during the global Covid-19 pandemic, when universal social isolation was introduced. The purpose of the scientific article is to study the state of the social policy of the Scandinavian countries in relation to marital violence against women. The main directions of the family policy of the Scandinavian countries are defined, which is based on the formation of a safe environment for creating a family and raising children. Within the framework of this study, the main programs for the prevention of family violence and the treatment of its victims, social services provided and support systems by social, psychological and medical services are presented. It was also revealed that the support programs are mainly aimed at protecting and establishing the security boundary, restoring the self-esteem of victims of domestic violence.

Keywords

Social policy towards women, social policy measures, woman, family, family violence, violence against women, victim of violence, Scandinavian countries

Acknowledgements. This study was carried out within the framework of the State Task of the UFIC RAS No. 075-01134-23-00 for 2023 and for the planning period of 2024–2025.

For citation: Sadykov R.M., Bolshakova N.L. (2023) Social policy of the Scandinavian countries in relation to women victims of domestic violence. *Vestnik universiteta*, no. 9, pp. 236–243.

© Sadykov R.M., Bolshakova N.L., 2023.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

«Насилие – применение индивидом или социальной группой различных форм принуждения в отношении других индивидов, социальных групп с целью приобретения или сохранения экономического и политического господства, завоевания тех или иных прав или привилегий» [1, с. 310]. Нередко насилие применяется в качестве метода социального контроля и принуждения. Одной из форм насилия выступает насилие в семье.

Проблема домашнего насилия является актуальной для многих стран, поэтому с каждым годом разрабатываются новые программы, технологии и меры социальной политики в отношении жертв семейного насилия. Программы реабилитации женщин-жертв семейного насилия в североевропейских странах наиболее эффективны благодаря проводимой социальной политике, которая построена на скандинавской модели благосостояния. В этих странах предпринимают все меры для того, чтобы предотвратить такое явление, как домашнее насилие над женщинами. Разработанные программы скандинавскими странами включают в себя полный список мер профилактики семейного насилия и лечения ее жертв. Скандинавская модель благосостояния является примером для всего мира, так как в социальной политике этих стран достаточно большое внимание отводится созданию благоприятных условий жизни для каждого гражданина страны.

Насилие на гендерной почве в последнее время стало рассматриваться как острая социальная проблема международного уровня [2]. В Европе и в Центральной Азии общественные организации работают над предотвращением и реагированием на насилие в отношении женщин и девочек. Они поддерживают инициативы, которые направлены на расширение доступа услуг для женщин, подвергшихся насилию.

Ситуация с насилием в семье резко ухудшилась в период всемирной пандемии Covid-19. С началом карантина во всем мире начался рост насилия в семье в отношении женщин. «Кризис сопровождался всплеском сообщений о насилии в семье как раз в то время, когда службы, включая верховенство закона, здравоохранение и приюты, отвлекались на борьбу с пандемией» [3]. Цель статьи заключается в исследовании состояния проводимой социальной политики скандинавских стран в отношении супружеского насилия над женщинами.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование осуществлялось на основе использования основных научных методов: логического, сравнительного, функционального, статистического. Материалы проведенного исследования дали возможность раскрыть состояние проводимой социальной политики скандинавских стран в отношении домашнего насилия над женщинами.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

В Финляндии в 2019 г. было зарегистрировано 10,6 тыс. пострадавших от насилия в семье, среди взрослых жертв домашнего насилия 77 % составляли женщины. Насилие в семье может быть непрерывным, так в 2009–2019 гг. жертвами бытового насилия стали 66 тыс. чел., около 14 % из которых, по данным полиции, стали жертвами как минимум два раза в разные года [4]. В связи со сложившейся ситуацией Правительство Финляндии решило разработать программу по борьбе с насилием в отношении женщин на 2020–2023 гг. В правительственной программе говорится, что государство будет уделять особое внимание личной неприкосновенности, духу и здоровью в целях сокращения числа целенаправленных правонарушений, особенно преступлений против детей и насилия женщин со стороны интимных партнеров.

В Финляндии предпринимаются меры по развитию и расширению услуг для жертв насилия. Были разработаны специальные виды помощи для жертв сексуального насилия в семье. Страна осуществила несколько проектов по предотвращению насилия в отношении женщин и улучшила финансирование линии Nolla, центров Seri, приютов, а также была проведена реформа уголовного кодекса в области сексуальных преступлений [5]. В настоящее время существует шесть центров поддержки Seri, которые предлагают судебно-медицинские исследования, травматологическую поддержку, психологическое консультирование и терапию для людей старше 16 лет, переживших сексуальное насилие. Организациями были подготовлены материалы, предназначенные для детей и молодежи, например, навыки безопасности насилия, с которым сталкиваются женщины-инвалиды.

В период осуществления программы по сокращению масштабов насилия в отношении женщин было начато сотрудничество с Силами гражданской обороны и Центром гражданских служб в области борьбы с насилием в семье, в том числе была разработана на постоянной основе учебная программа по снижению насилия. В течение многих лет программа вооруженных сил включала навыки межличностного общения и предотвращения насилия со стороны интимного партнера в подготовку призывников. Цель предупреждения насилия, включенного в гражданскую службу, состоит в том, чтобы помочь лицам, ответственным за гражданскую службу, выявлять и предотвращать насильственное поведение и содействовать благополучию в повседневной жизни как на индивидуальном уровне, так и в их собственных отношениях. Программа содержит ряд следующих мер: просвещение органов власти; повышение осведомленности учащихся и сотрудников учебных заведений, например, о безопасных свиданиях и выявлении случаев насилия. Начала работать национальная кампания по борьбе с сексуальными домогательствами в отношении молодых женщин. Данная работа будет способствовать более глубокому пониманию насилия в отношении женщин как гендерного явления среди многих субъектов и широкой общественности.

Во время пандемии коронавируса возросла потребность в низкопороговых вспомогательных услугах. Известно, что в начале 2020 г. число оповещений полиции на дому увеличилось почти на 50 %. По данным Статистического управления Финляндии, в январе-июне 2020 г. в полицию поступило на 12 % больше сообщений о бытовом насилии и о насилии со стороны интимного партнера, чем в 2019 г. [4].

В Швеции существует программа «Bup-Elefanten», которая направлена на лиц, переживших насилие в детском возрасте [6]. Травма, причиненная в детстве, находит свое отражение на протяжении всей жизни, проявляясь в неспособности себя защитить и помочь себе в кризисных ситуациях. Из-за пережитого насилия в детстве женщины могут стать жертвами виктимного поведения, что, в свою очередь, может привести к выбору партнера, склонного к проявлению насилия. Также во взрослой жизни у людей, переживших насилие в детстве, может быть посттравматический синдром, сопровождающийся кошмарными сновидениями, повторяющимися болезненными картинами из детства, страхом, паническими атаками и т.д. [7]

В Норвегии действует Национальный центр знаний о насилии и травматическом стрессе, который был создан в 2003 г. Такое учреждение сотрудничает с пятью региональными ресурсными центрами по предотвращению насилия, травматического стресса и самоубийств, а также с соответствующими клиническими службами, научно-исследовательскими учреждениями на национальном и международном уровнях. За последние 30 лет в норвежском обществе все большее внимание уделяется насилию в семье. Исследования показывают, что как женщины, так и мужчины в любом возрасте подвергаются насилию, однако нападение при отягчающих обстоятельствах, совершенных в отношениях, в большей степени затрагивает женщин. Каждый десятый норвежский ребенок обнаруживает, что родители подвергаются насилию, многие из них подвергаются прямому воздействию [8].

В то же время, по сравнению со многими другими странами, в Норвегии невысокий уровень насилия. Низкий уровень насилия в стране можно объяснить в свете следующих характеристик: общество гендерного равенства, низкий уровень безработицы, хороший доступ к образованию, развитая экономика и эффективное распределение доходов по сравнению с другими странами. Однако, как и в большинстве других стран, уровень насилия выше в группах населения, которые зависят от государственных пособий, являются безработными и имеют более низкое образование.

Профилактические мероприятия проводятся с большим разнообразием методов и подходов. Они классифицированы и объединены в группы и подпадают под три основные стратегии предотвращения насилия: профилактика посредством обучения, руководства и распространения знаний; профилактика с помощью мер по оказанию помощи, лечения, самопомощи; профилактика с помощью информационно-просветительских кампаний, действий, информационных материалов и т.д.

Профилактика посредством обучения, руководства и распространения знаний включает в себя программу, в которой виды деятельности варьируются в широком диапазоне: от простых дневных курсов при посредничестве укрепления знаний и общей компетентности в муниципалитетах до комплексной образовательной программы для профессиональных кадров, рассчитанной на несколько лет. Некоторые учебные мероприятия сфокусированы на приобретение знаний об использовании специальных методов, в то время как другие направлены на усилия по изменению в отношении специальной аудитории. Эти мероприятия во многих случаях носят междисциплинарный характер с целью укрепления общей базы знаний и сотрудничества между учреждениями и профессиональными группами.

Профилактика с помощью мер по оказанию помощи, лечения, самопомощи состоит из терапевтического лечения, в которых описываются различные варианты лечения мужчин и женщин, подвергшихся насилию. Другими видами деятельности являются телефоны экстренной помощи и сигнализации, а также меры мониторинга и контроля, осуществляемые для предотвращения новых эпизодов насилия. Неправительственные организации являются важными субъектами, которые разработали методы работы, ориентированные на аудиторию, не охваченную публичными инстанциями. Советы по конфликтам, лечебные учреждения для лиц, виновных в насилии, детские дома и полицейские координаторы по вопросам насилия в семье являются примерами мероприятий, проводимых в стране. Двумя наиболее распространенными вариантами лечения на сегодня являются проекты «Альтернатива насилию» и программа тестирования сознания.

Профилактика с помощью вспомогательных мер и лечения подразумевает, что применяются необходимые меры для людей, у которых есть проблемы с насилием. Методы работы в значительной степени демонстрируют различные уровни оказания помощи пользователям: от краткосрочных контактов с проведением консультаций и получением рекомендаций, круглосуточной готовности к чрезвычайным ситуациям с помощью тревожных телефонов и детских охранников до более длительных контактов и последующих действий с отдельными лицами или группами. Некоторые варианты лечения имеют цикличный характер, с групповыми предложениями в течение определенного количества времени. Другие адаптированы для индивидуального лечения. Индивидуальная и групповая терапия ориентирована на терапевтические методы: психолого-педагогический режим работы, когнитивная терапия (группы звонков с использованием мотивационной беседы, теории обучения, когнитивной психологии и гуманистической психологии). Диалоговые встречи, семейные советы или основные собрания являются центральными формами мероприятий, где пострадавшие встречаются, чтобы найти решение ситуации.

Профилактика с помощью информационно-просветительских кампаний, действий, информационных материалов включает проведение кампаний, подготовку текстов и информационных материалов, представленных на веб-сайтах, в школах, в виде театральных постановок и в виде брошюр. Электронный канал Ung.no является примером онлайн-информации для молодежи, охватывающей различные темы, в том числе насилие, сексуальное насилие, калечащие операции на женских половых органах и принудительные браки. Продолжительность мероприятий варьируется: кампании по повышению осведомленности повторяется ежегодно, в то время как производство информационных материалов происходит в течение ограниченного промежутка времени.

Насилие со стороны мужчин и сексуальные домогательства в отношении женщин находятся в центре внимания Международной кампании «Белая лента». Такая кампания стремится влиять на отношение мужчин через просвещение, осведомленность и создание хороших образцов для подражания. Используются методы подготовки брошюр, информационных буклетов и плакатов. Они подходят для распространения в дни акций, на конференциях и других мероприятиях для раздачи среди школьников и др. Разработка брошюр и информационных материалов по предотвращению насилия, принудительных браков и калечащих операций на женских половых органах является примером выборочно ориентированной профилактики.

По экспертным оценкам, в Дании в 2017 г. 38 тыс. женщин и 19 тыс. мужчин подверглись физическому насилию со стороны партнера, а психологическое насилие со стороны партнера было совершено примерно в два раза чаще, чем физическое насилие [9]. Женщины чаще, чем мужчины, подвергаются как физическому, так и психологическому насилию со стороны партнера.

Около 1,5 тыс. женщин, подвергшихся насилию, проживали в приюте и примерно в половине случаев женщины были с одним или несколькими детьми. Почти половина женщин являются представителями других стран и подавляющее большинство из них моложе 40 лет [10]. Каждый десятый ребенок, который посещал приют, в конечном итоге переезжает со своей матерью обратно к лицу, совершившему насилие, после пребывания в кризисном центре, и около 8 % женщин, которые жили в приюте, за один год несколько раз возвращаются в него. Так, это могут быть женщины, которые возвращаются к партнеру, чтобы дать отношениям второй шанс. Для предотвращения повторения насилия, план действий предлагает советы и лечение как насильнику, так и жертве. Такой план действий включает в себя различные амбулаторные предложения с профессиональными консультациями и лечением женщин и мужчин, подвергающихся физическому и психологическому насилию в близких отношениях, а также преследованию.

В Дании был разработан План действий по борьбе с психологическим и физическим насилием в близких отношениях на 2019–2022 гг. [11]. Указанный План действий укрепляет амбулаторные предложения в области насилия. Существующие усилия в настоящее время в основном ориентированы на предоставление приютов для женщин, подвергающихся насилию и их детей, а также мужчин, находящихся в кризисе. Но они охватывают лишь небольшую группу жертв насилия, которым необходимо переехать.

Амбулаторные услуги по поддержке и консультированию включают в себя усиление амбулаторного консультирования и поддержки женщин, подвергающихся насилию; укрепление служб амбулаторной поддержки и консультирование женщин-жертв насилия под эгидой женских приютов; активизация действий в интересах мужчин в кризисных ситуациях в направлении создания приютов для них; усиление амбулаторного консультирования и лечения лиц, виновных в насилии и семей, живущих с насилием; пробные амбулаторные предложения с консультациями и сетевыми группами, ориентированными на молодых людей, подвергающихся физическому и психологическому насилию на свиданиях; консультирование детей и молодежи по вопросам цифровых нарушений; скрининг мероприятий для женщин и мужчин, подвергшихся насилию [11].

Во внутреннем законодательстве Исландии нет специального уголовного кодекса или особого положения уголовного права о насилии в отношении женщин или бытовом насилии. Насилие в отношении женщин и насилие в семье в значительной степени являются взаимосвязанными понятиями и часто речь идет об одном и том же предмете. Женщины в подавляющем большинстве из тех, которые подвергаются насилию в своих домах, становятся жертвами в 70 % случаев, а мужчины в 30 % случаев. Уровень насилия в отношении женщин в Исландии соответствует уровню других западных стран. Насилие со стороны интимного партнера включает в себя многократное принуждение, когда один партнер чувствует свое превосходство над другим [12].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Развитие услуг и системы поддержки в рассмотренных скандинавских странах является ключевой целью в осуществлении мер по борьбе с насилием в отношении женщин. Основная задача проводимой работы состоит в том, чтобы все стороны насилия получали государственную помощь и поддержку. Помимо государственных услуг, к специальному сервису относятся услуги по приюту жертв насилия, консультирование по телефону, кризисные услуги для жертв изнасилования и сексуального насилия, терапия и деятельность групп поддержки, услуги для лиц, совершивших насилие и для детей, которые пережили насилие и стали свидетелями насилия и др. Жертвы насилия часто нуждаются в долгосрочной поддержке и индивидуальной или групповой терапии. Поддержка осуществляется в основном социальными, психологическими и медицинскими службами в сотрудничестве с другими организациями.

Основной целью реабилитационной работы является оказание необходимой помощи людям, пережившим насилие. Программы направлены на обучение людей защищать себя и устанавливать границы безопасности, чтобы восстановить чувство собственного достоинства и подобающее представление о самом себе. Реабилитационная работа включает в себя такие психотерапевтические методы лечения, как терапия в форме бесед, двигательная терапия, групповая терапия, сетевая терапия и т.д. Из множества вариантов реабилитационных работ клиент выбирает лучшую. Здесь важно, чтобы жертвы насилия обратились за помощью как можно раньше, так как во взрослой жизни есть риск вновь стать жертвой насилия в семейной жизни [13].

На ранних этапах деятельность в первую очередь направлена на создание мер по оказанию помощи и лечению для тех, кто подвергся насилию в семье. Меры по оказанию чрезвычайной помощи в основном осуществляются неправительственными организациями, получавшими государственную поддержку, такими как приюты, центры поддержки против инцеста, телефоны экстренной помощи и консультационные телефоны. В то же время особое внимание уделяется мерам уголовного права в отношении лиц, виновных в насилии. Неправительственные организации и фонды играют важную роль в создании дополнительных учреждений, в организации групп самопомощи и терапевтических вариантов лечения. Для эффективности деятельности приютов для женщин, подвергшихся насилию, создаются различные меры поддержки и помощи для женщин, мужчин и детей.

Женские кризисные центры обеспечивают женщинам, подвергшимся насилию, место для проживания вне дома, где они могут получать поддержку и консультации от специализированного персонала.

Нет никаких разграничений в отношении того, какие виды насилия могут быть основанием для необходимости пребывания в приютах, и женщины имеют возможность оставаться анонимными, если они того пожелают. Краткосрочные и долгосрочные последствия насилия для здоровья женщин разнообразны и оказывают как физическое, так и психологическое воздействие на их здоровье. Как уже говорилось ранее, насилие часто скрывается в стенах дома, и симптомы редко проявляются. Жертвы насилия в интимных отношениях – это большая группа людей, которые обращаются за услугами системы здравоохранения. Сотрудники области здравоохранения (медсестры, врачи, акушерки и медицинский персонал) чаще всего выявляют женщин, ставших жертвами насилия. Международный совет медсестер выдвинул политику нулевой терпимости в отношении насилия. Если медсестра подозревает, что клиент подвергается насилию, она заставляет его реагировать на это. Роль медсестер, когда речь заходит о насилии, заключается, прежде всего в том, что они проверяют наличие насилия и проявляют бдительность в отношении его симптомов. Если женщина заявляет, что она является или была жертвой насилия, медсестры должны действовать. Основная задача медсестер заключается в том, чтобы просвещать женщину о насилии и информировать о том, какие ресурсы доступны для них. Когда женщины нуждаются в консультациях и помощи в решении практических проблем, таких как финансовая помощь, жилье или жилищные субсидии, они обращаются в социальные службы. Социальные работники в рамках оказания социальной и медицинской помощи тесно сотрудничают с сотрудниками здравоохранения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Совершенно очевидно, что насилие над женщинами в интимных отношениях является серьезным нарушением прав человека. Насилие оказывает огромное влияние на социальное, психическое и физическое здоровье женщин, но оно также может оказывать серьезное воздействие на других членов семьи, и последствия насилия могут преследовать людей на протяжении всей жизни. Несмотря на множества исследований и более открытое обсуждение этого вопроса, частота насилия остается неизменной и, очевидно, что необходимы серьезные изменения. Меры по борьбе с домашним насилием значительно выше в странах, где существует гендерное равенство.

Таким образом, в странах Северной Европы делают все для того, чтобы предотвратить такое социальное явление как домашнее насилие над женщинами. Разработанные в указанных странах программы включают полный список программ профилактики семейного насилия и лечения ее жертв. В скандинавских странах гендерное равенство укоренилось уже давно, благодаря этому ее население активно борется с проблемой домашнего насилия. Здесь должно быть уважение, безопасность и пространство для свободного раскрытия.

Библиографический список

1. Осипов Г.В. (ред.). *Российская социологическая энциклопедия*. М.: НОРМА-ИНФРА М; 1999. 672 с.
2. Хилажаева Г.Ф. Насилие в семье как социальная проблема современного общества. *Социологические исследования*. 2015;8:61–65.
3. United Nations. *16 Days of Activism against Gender-Based Violence*. https://www.unwomen.org/en/what-we-do/ending-violence-against-women/take-action/16-days-of-activism (дата обращения: 17.06.2023).
4. Finnish institute for health and welfare. *Gender Equality*. https://thl.fi/en/web/gender-equality (дата обращения: 17.06.2023).
5. Council of Europe. *GREVIO publishes its first baseline evaluation report on Finland*. https://www.coe.int/en/web/istanbul-convention/-/grevio-publishes-its-first-baseline-evaluation-report-on-finland (дата обращения: 14.06.2023).
6. Goverment Offices of Sweden. *Official website*. https://www.regeringen.se/rattsliga-dokument/lagradsremiss/2021/03/forebyggande-av-vald-i-nara-relationer/ (дата обращения: 11.06.2023).
7. Большакова Н.Л. Социально-психологический портрет женщин, подвергшихся насилию: общая характеристика проблемы в Скандинавских странах и в России. *Социальная политика и социальное партнерство*. 2021;1: 865–873.
8. Norwegian Centre for violence and traumatic stress. *Official website*. https://www.nkvts.no/english/ (дата обращения: 18.06.2023).
9. The Danish Center for Social Science Research – VIVE. *Official website*. https://www.vive.dk/en/ (дата обращения: 19.06.2023).
10. Scimago Institutions Rankings. *Statens Institut for Folkesundhed*. https://www.scimagoir.com/institution.php?idp=20314 (дата обращения: 20.06.2023).
11. Bibliotek DK. *Action plan to combat psychological and physical violence in close Relations Ministry of Foreign Affairs for 2019–2022*. https://bibliotek.dk/da/work/870970-basis%3A46849477 (дата обращения: 19.06.2023).

12. Government of Iceland. *Violence in intimate relationships*. https://www.stjornarradid.is/media/velferdarraduneytimedia/media/ofbeldisbaekur/ofbeldiadalbokin.pdf (дата обращения: 20.06.2023).
13. Архипова А.С. Международный опыт противодействия семейному насилию. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2018;7: 234–237.

References

1. Osipov G.V. (ed.). *Russian Sociological Encyclopedia*. M.: NORMA-INFRA M; 1999. (In Russian).
2. Khilazhaeva G.F. Domestic violence as a social problem of modern society. *Sociological research*. 2015;8:61–65. (In Russian).
3. United Nations. *16 Days of Activism against Gender-Based Violence*. https://www.unwomen.org/en/what-we-do/ending-violence-against-women/take-action/16-days-of-activism (accessed 17.06.2023).
4. Finnish institute for health and welfare. *Gender Equality*. https://thl.fi/en/web/gender-equality (accessed 17.06.2023).
5. Council of Europe. *GREVIO publishes its first baseline evaluation report on Finland*. https://www.coe.int/en/web/istanbul-convention/-/grevio-publishes-its-first-baseline-evaluation-report-on-finland (accessed 14.06.2023).
6. Goverment Offices of Sweden. Official website. https://www.regeringen.se/rattsliga-dokument/lagradsremiss/2021/03/forebyggande-av-vald-i-nara-relationer/ (accessed 11.06.2023).
7. Bolshakova N.L. Socio-psychological portrait of women who have been subjected to violence: general characteristics of the problem in the Scandinavian countries and in Russia. *Social policy and social partnership*. 2021;11: 865–873. (In Russian).
8. Norwegian Centre for violence and traumatic stress. *Official website*. https://www.nkvts.no/english/ (accessed 18.06.2023).
9. The Danish Center for Social Science Research – VIVE. *Official website*. https://www.vive.dk/en/ (accessed 19.06.2023).
10. Scimago Institutions Rankings. *Statens Institut for Folkesundhed*. https://www.scimagoir.com/institution.php?idp=20314 (accessed 20.06.2023).
11. Bibliotek DK. *Action plan to combat psychological and physical violence in close Relations Ministry of Foreign Affairs for 2019-2022*. https://bibliotek.dk/da/work/870970-basis%3A46849477 (date of application 14.03.2023). (In Danish).
12. Government of Iceland. *Violence in intimate relationships*. https://www.stjornarradid.is/media/velferdarraduneytimedia/media/ofbeldisbaekur/ofbeldiadalbokin.pdf (accessed 20.06.2023).
13. Arkhipova A.S. International experience in countering family violence. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2018;7:234-237. (In Russian).

УДК 159.9.072; 159.9.075 DOI 10.26425/1816-4277-2023-9-244-254

Дефицитарный страх как модулятор самовосприятия «верящий» у студентов на этапе самоизоляции

Басимов Михаил Михайлович

Д-р психол. наук, вед. науч. сотр. Научного центра по исследованию истории и развития мировых цивилизаций
ORCID: 0000-0001-5380-1125, e-mail: basimov_@mail.ru

Университет мировых цивилизаций имени В.В.Жириновского, г. Москва, Россия

Аннотация

В статье рассматривается как дефицитарный страх влияет на формирование актуального самовосприятия «верящий» у студентов в период самоизоляции (пандемия Covid-19). Дефицитарный страх в причинно-следственной картине определился как причина, влияющая на динамику актуального самовосприятия «Неверящий – верящий». Для анализа статистических связей использовался авторский метод, основанный на общем сравнении всех квантильных разбиений данных по каждому изучаемому параметру. Эта зависимость представлена в виде несимметричного колебания, когда корреляция очень слабая и даже не является значимой. Она демонстрирует один из двух главных типов ошибок интерпретации результатов корреляционного анализа, которые игнорируются в психологическом сообществе. Подробная психологическая интерпретация выявленной связи показывает насколько опасно, особенно при практическом использовании результатов, оставаться в рамках линейных представлений при рассмотрении сложных психологических явлений и процессов. Кроме того, наглядно разобраны три графика зависимостей показателя актуального самовосприятия «Неверящий – верящий» от трех показателей страха (конструктивного, дефицитарного и деструктивного), когда все связи в рамках корреляционного анализа крайне слабые, но при нелинейном подходе одна из трех зависимостей сильная как простейшая нелинейная.

Ключевые слова

Психологическое исследование, дефицитарный страх, актуальное самовосприятие, неверящий, верящий, статистическая зависимость, линейный, нелинейный

Для цитирования: Басимов М.М. Дефицитарный страх как модулятор самовосприятия «верящий» у студентов на этапе самоизоляции// Вестник университета. 2023. № 9. С. 244–254.

© Басимов М.М., 2023.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Deficit fear as a modulator of disbelief in the framework of self-perception among students at the stage of self-isolation

Mikhail M. Basimov

Dr. Sci. (Psy.), Leading Researcher at the Scientific Center for the Study of the History and Development of World Civilizations
ORCID: 0000-0001-5380-1125, e-mail: basimov_@mail.ru

Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow, Russia

Abstract

The article examines how deficit fear affects the formation of the actual self-perception of "believer" among students during the period of self-isolation (Covid-19 pandemic). The deficit fear in the causal picture was determined as the reason influencing the dynamics of the actual self-perception of the "Unbeliever-believer". To analyze statistical relationships, the author's method was used, based on a general comparison of all quantile data partitions for each studied parameter. This dependence is represented as an asymmetric oscillation when the correlation is very weak and not even significant. It demonstrates one of the two main types of errors in the interpretation of the results of correlation analysis, which are ignored in the psychological community. A detailed psychological interpretation of the revealed connection shows how dangerous it is, especially when using the results in practice, to remain within the framework of linear representations when considering complex psychological phenomena and processes. In addition, three graphs of the dependencies of the indicator of the actual self–perception "Unbeliever – believer" on three indicators of fear (constructive, deficit and destructive) are clearly analyzed, when all the connections within the correlation analysis are extremely weak, but with a nonlinear approach, one of the three dependencies is strong as the simplest nonlinear.

Keywords

Psychological research, deficient fear, actual self-perception, disbelief, trusting, statistical dependence, linear, non-linear

For citation: Basimov M.M. (2023) Deficit fear as a modulator of disbelief in the framework of self-perception among students at the stage of self-isolation. *Vestnik universiteta*, no. 9, pp. 244–254.

© Basimov M.M., 2023.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

Эмпирическое исследование, в рамках которого влияние дефицитарного страха на формирование актуального самовосприятия «Неверящий – верящий» рассматривается как объект, прежде всего, нелинейной психологии, посвящено изучению студентов, находящихся в условиях самоизоляции в период пандемии Covid-19, которой посвящены и другие многочисленные публикации 2020–2022 гг. [1; 2].

В исследовании изучались три шкалы страха в рамках Я-структурного теста Г. Аммона, одна из которых включает дефицитарный страх, анализируемый в рамках настоящей статьи.

В своей основе тревога представляет собой важнейший регулятор взаимоотношений индивидуума и среды. Другими словами, именно она позволяет ориентироваться субъекту в сложном мире объективных отношений. Тревога необходима как «условие проявления активности, приобретения нового опыта, поддержания и развития Я-идентичности» [3, с. 280]. Гибкость индивидуальности и творческая активность могут подпитываться тревогой, но только достаточно умеренной. Высокий уровень тревожности в основном подавляет активность личности и не позволяет ей выстраивать систему оценок своих поступков. «Опасность, по мнению G. Ammon, необходимым образом присуща действительности, а потому наличие определенного уровня чувства тревоги/страха обязательно для нормального развития Я-идентичности» [3, с. 280].

Самовосприятие «может быть определено как образ себя. Оно входит в структуру самосознания, а его механизмом служит сравнение себя с другими людьми» [4, с. 49]. Особенности самовосприятия студентов, как и тревожность, хорошо изучены [5–11]. Однако автору данной статьи не удалось найти работ, отражающих характер связи шкал страха и актуального самовосприятия, что свидетельствует, вероятно, о необходимости выхода за рамки линейного мировоззрения, а значит и об актуальности темы предлагаемого аналитического исследования.

В статье подробно рассматривается, как показатель дефицитарного страха, который однозначно несет только деструктивное начало, влияет на динамику актуального самовосприятия доверия другим людям, измеряемого показателем «Неверящий – верящий».

МЕТОДЫ И МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

«Исследование проводилось в период действия жестких карантинных мер (полной самоизоляции). Совокупная выборка состояла из 127 студентов 1–6-х курсов московских вузов очной формы обучения» [4, с. 49]. Всего в исследовании изучалось 80 первичных показателей.

В исследовании использовались также следующие методики психодиагностики (результаты которых анализируются в статье):

1) три шкалы страха Я-структурного теста Г. Аммона;

2) шкала «Неверящий – верящий» методики «Личностный дифференциал», разработанной в Национальном исследовательском центре психиатрии и неврологии имени В.М. Бехтерева.

«Для изучения статистических связей использовался авторский метод, предоставляющий возможность рассматривать наряду с линейными связями простейшие нелинейные зависимости: с максимумом и минимумом, монотонные, но далекие от линейных [12]. Это позволяет не только расширить спектр выявляемых связей и избавиться от многочисленных ошибок традиционной интерпретации коэффициента корреляции, но и лучше понять сложный психологический предмет конкретного исследования» [4, с. 49].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассматривая две группы показателей (26 показателей актуального самовосприятия и 6 показателей конструктивного, дефицитарного и деструктивного страха), отметим, что для этих двух групп показателей корреляции между ними по модулю больше 0.25 отсутствуют, что говорит о том, что среди слабых и очень слабых корреляций нет смысла искать что-то содержательное в причинно-следственной обусловленности между показателями страха и показателями актуального самовосприятия в рамках линейных моделей.

Но в модели зависимостей для кварт независимых переменных было выявлено 10 сильных простейших нелинейных зависимостей, из них в 9 случаях независимая переменная – это показатель актуального самовосприятия, а зависимая переменная – показатели дефицитарного, конструктивного и деструктивного страха, то есть в качестве причины в основном выступают показатели актуального самовосприятия,

когда их выраженность влияет на динамику показателей страха. Причем в 5 из 9 случаев – это зависимости с двумя показателями дефицитарного страха. И только в одном случае независимая переменная – это показатель дефицитарного страха, от которой зависит актуальное самовосприятие по шкале «Неверящий – верящий», характеризующее доверие к другим людям. В данном случае дефицитарный страх формирует актуальное самовосприятие «Неверящий – верящий», а не наоборот. Описание такой зависимости отличается от 9 других, что связано, прежде всего, со сменой шкалы независимой переменной (табл. 1).

Зависимость показателя «Неверящий – верящий» (Y15) от показателя «Дефицитарный страх. Число ответов плюс» (Z3) представлена в виде сравнительных весомостей параметра Y15 для кварт по шкале Z3. График изображен на рис. 1.

Таблица 1

Зависимость показателя актуального самовосприятия «Неверящий – верящий» (Y15) от показателя «Дефицитарный страх. Число ответов плюс» (Z3) в виде сравнительных весомостей показателя Y15 для кварт по шкале Z3

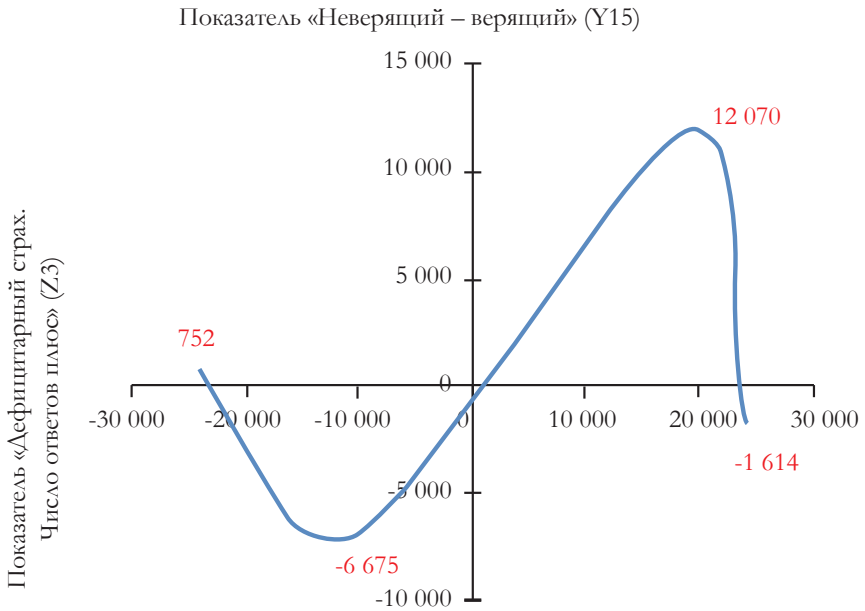
Кварты	1	2	3	4
Z3	0–3	4–5	6–7	8–12
VES(Y15)	+752	-6 675	+12 070	-1 614
VES(Z3)	-24 016	-10 043	+19 089	+24 253

Примечание: Z3 – интервалы показателя «Дефицитарный страх. Число ответов плюс» (Z3) по шкале теста (0–12) для своих кварт 1–4

VES(Y15) – сравнительные весомости показателя «Неверящий – верящий» (Y15) для кварт показателя «Дефицитарный страх. Число ответов плюс» (Z3)

VES(Z3) – сравнительные весомости показателя «Дефицитарный страх. Число ответов плюс» (Z3) для своих кварт 1–4

Составлено автором по материалам исследования



Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Зависимость показателя «Неверящий – верящий» от показателя «Дефицитарный страх. Число ответов плюс» (сравнительные весомости переменных Y15 и Z3 по квартам Z3)

Коэффициент силы связи SV=0,82. Зависимость явно односторонняя, о чем говорит тот факт, что обратная зависимость показателя «Дефицитарный страх. Число ответов плюс» от показателя актуального самовосприятия «Неверящий – верящий» значительно более слабая (SV'=0,36). Это показывает и очень слабый коэффициент корреляции (r= -0,01), который по своей природе является симметричным. Такие корреляции даже не относятся к «значимым», и при интерпретации результатов корреляционного анализа их просто нет. Но при этом эти два параметра очень сильно зависят друг от друга.

В зависимости представлена сильная односторонняя связь показателя «Неверящий – верящий» (Y15) от показателя «Дефицитарный страх. Число ответов плюс» (Z3). Низкий уровень (примерно 25 % данных) «Дефицитарного страха» (1 кварта: 0–3 балла по шкале теста) характеризуется достаточно усредненной степенью по шкале актуального самовосприятия «Неверящий – верящий» (сравнительная весомость равна +752, среднее значение – 4,43) при оценке, близкой к нейтральной по шкале актуального самовосприятия «Неверящий – верящий». На 2 кварте дефицитарного страха (4–5 баллов) имеем минимум по шкале «Неверящий – верящий» (-6 675) при среднем значении 3,65. Но дальнейший рост дефицитарного страха на 3 кварте (6–7 баллов) ведет к максимальным значениям по шкале «Неверящий – верящий» (+12 070) при среднем значении 5,06. В конечном итоге последнее увеличение дефицитарного страха на 4 кварте (8–12 баллов) снова приближает значения показателя актуального самовосприятия «Неверящий – верящий» к значениям, достаточно близким к нейтральным (-1 614) при среднем значении, равном 4.

Все это показывает, что дефицитарный страх сложным образом влияет на актуальное самовосприятие «Неверящий – верящий». «Дефицитарный страх представляет собой защиту от страха, бегство от страха, что означает уклонение от конфронтации с самим собой, с собственной идентичностью» [3, с. 36]. «Дефицитарный страх понимается как значительное недоразвитие Я-функции тревоги… Обычно это проявляется в полной невозможности сосуществования с тревогой, то есть в полной непереносимости переживаний, сопряженных с психологическим отражением опасности… В поведении дефицитарный страх проявляется неспособностью „почувствовать“ страх вообще. Часто это выражается в том, что объективная опасность недооценивается или полностью игнорируется, не воспринимается сознанием как действительность… Неосознаваемый дефицит переживаний страха, как правило, обнаруживает себя в выраженном стремлении к поиску экстремальных ситуаций, позволяющих во что бы то ни стало ощутить реальную жизнь с ее эмоциональной наполненностью» [3, с. 293].

Если дефицитарный страх явно выражен на фоне рассматриваемой выборки (4 кварта, 8–12 баллов по шкале теста), то актуальное самовосприятие по шкале «Неверящий – верящий» находится в рамках средних показателей. Еще ближе к нулевой сравнительной весомости располагается основная часть представителей 1 кварты по показателю дефицитарного страха (0–3 балла), когда испытуемым хватает необходимого уровня тревожности, что в основном не отражается на нормальном развитии и функционировании психических функций.

А вот экстремальные показатели восприятия себя по шкале актуального самовосприятия «Неверящий – верящий» наблюдаются для двух средних кварт по шкале дефицитарного страха. Наиболее неверящими другим людям (сравнительная весомость равна -6 675) выступают представители 2 кварты по дефицитарному страху (4–5 балла). Такие люди в наибольшей степени считают в рамках восприятия себя, что они не доверяют другим людям, что связано с критическим отношением человека к самому себе, уровнем принятия самого себя.

Но если дефицитарный страх наблюдается в несколько большей степени 6–7 баллов (3 кварта), то эти испытуемые определяются уже как преимущественно верящие (+12 070), доверяющие другим. Это свидетельствует об уровне самоуважения, склонности осознавать себя носителем позитивных, социально желательных характеристик.

Таким образом, на средних уровнях дефицитарного страха (2 и 3 кварты) наблюдаются наибольшие принципиальные, практически противоположные отличия испытуемых с точки зрения восприятия себя либо как неверящих, либо как верящих другим людям. Следовательно, в процессе развития симптомов дефицитарного страха для человека становится актуальным доверие к другим людям, что отражается на трансформациях актуального самовосприятия от явно неверящего до крайне верящего. Но наиболее сильное проявление дефицитарного страха в рамках рассматриваемой выборки испытуемых нивелирует этот процесс сомнения в плане доверия другим из-за восприятия себя, и представители 4 кварты по показателю дефицитарного страха уже практически нейтрально воспринимают себя по шкале «Неверящий – верящий». При этом явно выраженное как отсутствие, так и присутствие дефицитарного страха практически не сказавается на дифференциации в восприятии себя в плане веры и доверия другим людям, что отслеживается и по первичным тестовым оценкам (4,43 и 4,00) актуального самовосприятия по шкале «Неверящий – верящий» для представителей 1 и 4 кварт по дефицитарному страху (табл. 2).

Для сравнения рассмотрим график описываемой зависимости для средних значений переменных по квартам независимой переменной (рис. 2). Как видим, картина зависимости принципиально

не меняется. Но при этом следует отметить, что для расчета коэффициентов силы связи средние значения непригодны, их можно использовать только для приближенной иллюстрации зависимости, не вдаваясь в сравнительно громоздкие вычисления. Это связано с тем, что в процедуре множественного сравнения квантильных разбиений кроме средних значений сравниваемых групп используются также и средние квадратические отклонения, и объемы каждой из сравниваемых групп. Кроме того, перед непосредственной процедурой сравнения групп между собой проводится стандартизация данных по каждому показателю на множестве, объединяющем все сравниваемые группы, с предварительным расчетом средних значений и средних квадратических отклонений для этого объединения всех квантильных групп.

Таблица 2

Зависимость показателя актуального самовосприятия «Неверящий – верящий» (Y15) от показателя «Дефицитарный страх. Число ответов плюс» (Z3) в виде средних значений показателя Y15 для кварт по шкале Z3

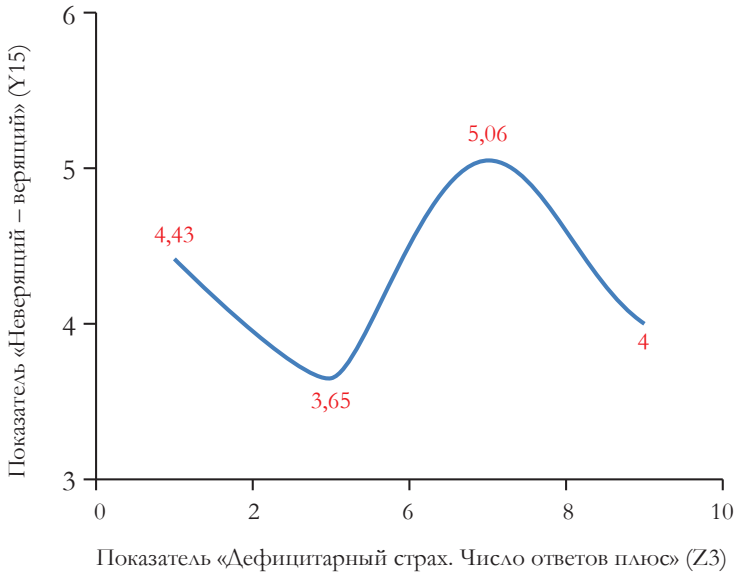
Кварты	1	2	3	4
Z3	0–3	4–5	6–7	8–12
Ср. зн. Z3	2,22	4,38	6,61	8,96
Ср. зн. Y15	4,43	3,65	5,06	4,00

Примечание: Z3 – интервалы показателя «Дефицитарный страх. Число ответов плюс» (Z3) по шкале теста (0–12) для своих кварт 1–4

Ср. зн. Z3 – средние значения показателя «Дефицитарный страх. Число ответов плюс» (Z3) для своих кварт 1–4

Ср. зн. Y15 – средние значения показателя (шкала 1–7) «Неверящий – верящий» (Y15) для кварт показателя «Дефицитарный страх. Число ответов плюс» (Z3).

Составлено автором по материалам исследования



Составлено автором по материалам исследования

Рис. 2. Зависимость показателя «Неверящий – верящий» от показателя «Дефицитарный страх. Число ответов плюс» (средние значения переменных Y15 и Z3 по квартам Z3)

Как видно из графика, картина принципиально не меняется, демонстрируя особенности изучаемой зависимости в рамках приближенной иллюстрации.

Далее рассмотрим для сравнения на одном рисунке три графика зависимостей показателя актуального самовосприятия «Неверящий – верящий» (Y15) от трех показателей страха (конструктивного Z1, дефицитарного Z3 и деструктивного Z5) по шкалам «Число ответов плюс». Так как в данном случае рассматриваются зависимости одной переменной от трех разных переменных, для графика используем порядковые обозначения кварт независимых переменных: 1, 2, 3, 4 (табл. 3, рис. 3).

Таблица 3

Зависимости показателя актуального самовосприятия «Неверящий – верящий» (Y15) от трех показателей страха по шкале «Число ответов плюс» (Z1, Z3, Z5) в виде сравнительных весомостей показателя Y15 для кварт по шкалам Z1, Z3, Z5

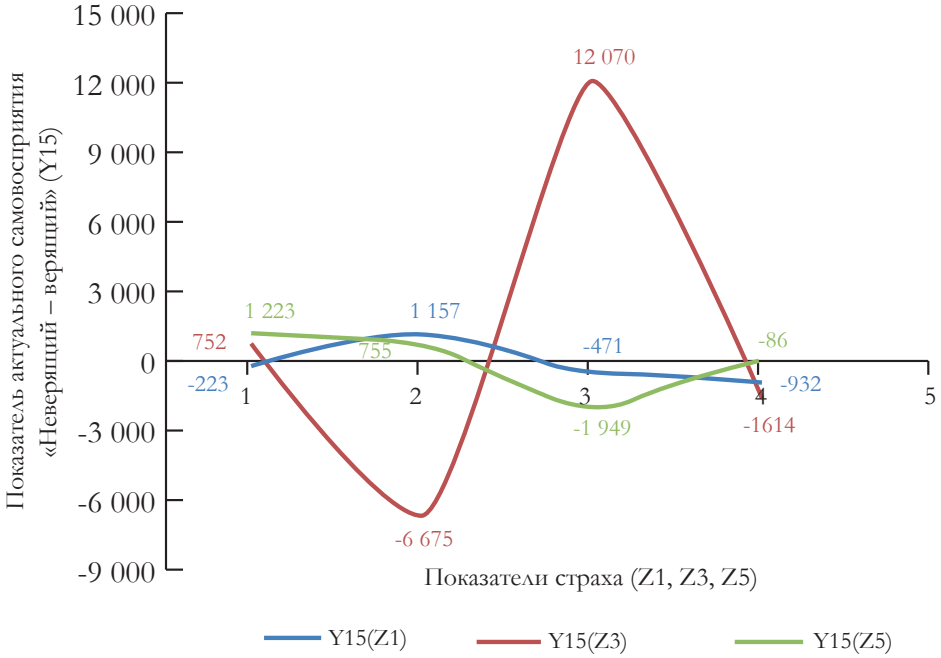
Кварты Z1, Z3, Z5	1	2	3	4
VES:Y15(Z1)	-223	+1 157	-471	-932
VES:Y15(Z3)	+752	-6 675	+12 070	-1 614
VES:Y15(Z5)	+1 223	+755	-1 949	-86

Примечание: VES:Y15(Z1) – сравнительные весомости показателя «Неверящий – верящий» (Y15) для кварт показателя «Конструктивный страх. Число ответов плюс» (Z1)

VES:Y15(Z3) – сравнительные весомости показателя «Неверящий – верящий» (Y15) для кварт показателя «Дефицитарный страх. Число ответов плюс» (Z3)

VES:Y15(Z5) – сравнительные весомости показателя «Неверящий – верящий» (Y15) для кварт показателя «Деструктивный страх. Число ответов плюс» (Z5)

Составлено автором по материалам исследования



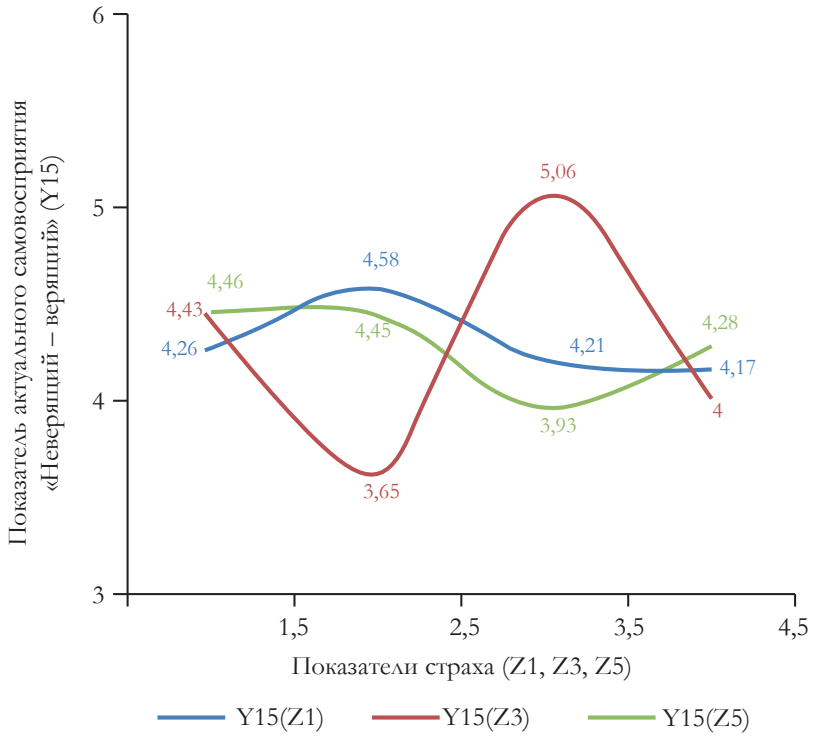
Составлено автором по материалам исследования

Рис. 3. Зависимости показателя актуального самовосприятия «Неверящий – верящий» от трех показателей страха по шкале «Число ответов плюс» (сравнительные весомости Y15 по номерам (1–4) кварт Z1, Z3, Z5)

Если для дефицитарного страха (красный график) наблюдается достаточно сильная зависимость (коэффициент силы связи SV=0,82): вначале резкий спад сравнительной весомости с (+752) до (-6 675), а потом еще более резкий подъем до (+12 070) и снова спад до (-1 614), то для конструктивного страха (синий график) наблюдается очень слабая зависимость (SV=0.07): вначале подъем с (-223) до (+1 157), а потом спад сначала до (-471) и далее до (-932), и аналогично для деструктивного страха (зеленый график) наблюдается вначале слабый спад с (+1 223) до (+755) и далее до (-1 949), а потом подъем до значения (-86) и крайне слабая зависимость (SV=0,10) . При этом все три корреляции крайне слабые и незначимые (-0,01; -0,03; -0,06), что в рамках корреляционного анализа уравнивает эти три зависимости как фактически отсутствующие.

Таким образом, только переходя на анализ зависимостей как нелинейных (линейные входят в общий список зависимостей как частный случай), получаем качественно важные результаты, позволяющие понять сложную природу изучаемых показателей страха и актуального самовосприятия, а также описываемых ими психологических процессов, часто не сводящихся к простым линейным моделям.

Как и для рассмотренной выше зависимости (рис. 2) для приблизительного графического представления используем средние значения актуального самовосприятия по шкале «Неверящий – верящий» по квартам трех независимых переменных – показателей страха (рис. 4). Так как рассматриваются зависимости одной переменной от трех разных переменных, для графика используем порядковые обозначения кварт независимых переменных: 1, 2, 3, 4. Данные с графика сведены в табл. 4.



Составлено автором по материалам исследования

Рис. 4. Зависимости показателя актуального самовосприятия «Неверящий – верящий» от трех показателей страха по шкале «Число ответов плюс» (средние значения Y15 по номерам (1–4) кварт Z1, Z3, Z5)

Таблица 4

Зависимости показателя актуального самовосприятия «Неверящий – верящий» (Y15) от трех показателей страха по шкале «Число ответов плюс» (Z1, Z3, Z5) в виде в виде средних значений показателя Y15 для кварт по шкалам Z1, Z3, Z5

Кварты Z1, Z3, Z5	**1**	**2**	**3**	**4**
Ср. зн. Y15(Z1)	4,26	4,58	4,21	4,17
Ср. зн. Y15(Z3)	4,43	3,65	5,06	4,00
Ср. зн. Y15(Z5)	4,46	4,45	3,93	4,28

Примечание: Ср. зн. Y15(Z1) – средние значения показателя (шкала 1–7) «Неверящий – верящий» (Y15) для кварт показателя «Конструктивный страх. Число ответов плюс» (Z1)

Ср. зн. Y15(Z3) – средние значения показателя (шкала 1–7) «Неверящий – верящий» (Y15) для кварт показателя «Дефицитарный страх. Число ответов плюс» (Z3)

Ср. зн. Y15(Z5) – средние значения показателя (шкала 1–7) «Неверящий – верящий» (Y15) для кварт показателя «Деструктивный страх. Число ответов плюс» (Z5)

Составлено автором по материалам исследования

Как видно из графика, картина принципиально не меняется, демонстрируя в рамках приближенной иллюстрации со средними значениями три зависимости в сравнении, показывая, чем отличаются сильная и две слабые зависимости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках принятых правил интерпретации результатов корреляционного анализа в демонстрируемой зависимости наблюдается ошибка первого типа, когда корреляция крайне слабая, меньше по модулю критического значения (0,177), а потому связи нет в рамках линейной модели корреляционного анализа, когда в психологическом сообществе считают достойными внимания даже слабые и очень слабые зависимости, если они «значимые». Таким образом, зависимость показателя актуального самовосприятия «Неверящий – верящий» от показателя «Дефицитарный страх. Число ответов плюс» находится вне сферы результатов корреляционного анализа, даже если обращаться к слабым и очень слабым зависимостям, которые считаются «значимыми». Корреляция для этой пары переменных меньше даже порога «значимости», она близка к нулю.

«Метод анализа данных в психологии и социологии для выявления в одной задаче как линейных, так и простейших нелинейных зависимостей был предложен автором настоящей статьи [13]. В ранее опубликованных статьях были показаны типы ошибок, которые могут возникнуть, когда для изучения связей в психологических исследованиях используется только корреляционный анализ с общепринятыми интерпретациями величины коэффициента корреляции, а исследователь направлен на интерпретацию исключительно линейных зависимостей [14; 15]. Изучение нелинейных связей по авторскому методу апробировалось в различных психологических исследованиях, представляющих разноплановые области психологической науки» [4, с. 60]. Авторский метод был также одобрен в презентациях на Европейских и Всемирных психологических конгрессах: ECP-2009; ECP-2011; ECP-2015; ECP-2019; ICP-2012; ICP-2016 и др. [16–21].

Библиографический список

1. Цветкова Н.А., Кисляков П.А., Володарская Е.А. Особенности смысловой сферы личности и суточного структурирования занятости студентов, переболевших COVID-19. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*. 2021;5:285–306. https://doi.org/10.12731/2658- 6649-2021-13-5-285-306
2. Цветкова Н.А., Петрова Е.А., Савченко Д.В. Особенности личностной направленности, жизненных позиций и эмпатии работающих студентов. *Перспективы науки и образования*. 2022;1(55):444–463. https://doi.org/10.32744/pse.2022.1.28
3. Кабанова М.М., Незнамова Н.Г. (ред.) Очерки динамической психиатрии. *Транскультуральное исследование*. СПб.: Институт им. В.М. Бехтерева; 2003. 438 с.
4. Басимов М.М. Нелинейная природа взаимосвязей актуального самовосприятия и гиперстезических реакций. *Человеческий капитал*. 2022;1,5(161):48–62. https://doi.org/10.25629/HC.2022.05.05
5. Бабиянц К.А., Коломийченко Е.В., Хажуев И.С. Особенности самоотношения студентов вуза, занимающихся и не занимающихся спортом, в связи с самовосприятием физической и эстетической модальностей Я-образа. *Российский психологический журнал*. 2017;14(1):25-38. https://doi.org/10.21702/rpj.2017.1.2
6. Михайлова И.В., Таскина С.В. Самовосприятие и когнитивные особенности студентов с разным социометрическим статусом. *Вестник МГОУ. Серия: Психологические науки*. 2017;4:60–67. https://doi.org/10.18384/2310-7235-2017-4-60-67
7. Столярская Е.В. Самовосприятие и самоактуализация у студентов ВУЗа. В кн.: *Актуальные проблемы социализации учащейся молодежи*. Минск: БГУ;2013. 131–141 с.
8. Аммон Г. *Динамическая психиатрия*. СПб.: Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт им. В. М. Бехтерева; 1995. 94 с.
9. Каменецкая Е.В. Я-функция тревоги (страха) и защита эго у женщин с нарушением пищевого поведения. *Прикладная юридическая психология*. 2016:2:70–74.
10. Абрамова Н.М. Исследование личности суицидентов с помощью Я-структурного теста Аммона. *Вестник психотерапии*. 2004:12(17):91–96.
11. Осипова С.А., *Курпатов* В.И. Изменение Я-структуры личности при формировании невротических депрессий. *Вестник психотерапии*. 2008;27(32):24–27.
12. Basimov M.M. *Mathematical methods in psychological research (Nontraditional methods): Monograph*. Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing; 2011.
13. Basimov M.M. The analysis of statistical dependences in non-linear psychology. *International Journal of Psychology*. 2016:51(1):851. https://doi.org/10.1002/ijop.12332
14. Basimov M. Study of political preferences and type 2 errors in the traditional correlation approach. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 2019;333:11–18.

15. Basimov M. Study of political preferences and type 1 errors in the traditional correlation approach. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 2019;289:488–494.
16. Book of Poster Abstracts: The 11th European Congress of Psychology (ECP2009). *European Federation of Psychologists' Associations*. Abstracts. 07–10 July 2009 Oslo, Norway. Oslo; 2009.
17. Book of Poster Abstracts The 12th European Congress of Psychology (ECP2011). *European Federation of Psychologists' Associations*. 04–08 July 2011 Istanbul, Turkiye. Istanbul; 2011.
18. Book of Poster Abstracts The 14th European Congress of Psychology (ECP2015). *European Federation of Psychologists' Associations*. 7–10 July 2015 Milan, Italy. Milan; 2015.
19. Book of abstracts: XVI European Congress of Psychology (ECP2019). *European Federation of Psychologists' Associations. 2–5 July 2019*, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. Moscow: Moscow University Press; 2019. 2163 p.
20. XXX International Congress of Psychology (ICP2012). Cape Town, South Africa 22–27 July 2012. *International Journal of Psychology.*2012;47(1). England, Psychology Press; 2012.
21. XXXI International Congress of Psychology (ICP2016). Yokohama, Japan 24–29 July 2016. *International Journal of Psychology*. 2016;51(1). England. Psychology Press; 2016.

References

1. Tsvetkova N.A., Kislyakov P.A., Volodarskaya E.A. Features of the semantic sphere of personality and daily structuring of employment of students with COVID-19. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*. 2021;5:285–306. (In Russian). https://doi.org/10.12731/2658-6649-2021-13-5-285-306
2. Tsvetkova N.A., Petrova E.A., Savchenko D.V. Features of personal orientation, life positions and empathy of working students. *Prospects of science and education*. 2022;1(55):444-463. (In Russian). https://doi.org/10.32744/pse.2022.1.28
3. Kabanova M.M., Neznamova N.G. (ed.) *Essays on dynamic psychiatry. Transcultural research*. St. Petersburg: V.M. Bekhterev Institute; 2003. (In Russian).
4. Basimov M.M. The non-linear nature of the dependences between actual self-perception and hypersthesia reactions. *Human capital*. 2022;1,5(161):48–62. (In Russian). https://doi.org/10.25629/HC.2022.05.05
5. Babiyants K.A., Kolomiichenko E.V., Khazhuev I.S. Peculiarities of self-attitude of university students involved and not involved in sports in connection with self-perception of the physical and aesthetic modalities of the self-image. *Russian Journal of Psychology*. 2017;14(1):25–38. (In Russian). https://doi.org/10.21702/rpj.2017.1.2
6. Mikhailova I.V., Taskina S.V. Self-perception and cognitive characteristics of students with different sociometric status. *Vestnik MGOU. Series: Psychological sciences*. 2017;4:60–67. (In Russian). https://doi.org/10.18384/2310-7235-2017-4-60-67
7. Stolyarskaya E.V. Self-perception and self-actualization among university students. In: *Actual problems of socialization of students*. Minsk: BSU;2013. 131–141 p. (In Russian).
8. Ammon G. *Dynamic psychiatry*. SPb.: St. Petersburg Research Psychoneurological Institute. V. M. Bekhtereva; 1995. (In Russian).
9. Kamenetskaya E.V. Self-function of anxiety (fear) and ego protection in women with eating disorders. *Applied Legal Psychology*. 2016;2:70–74. (In Russian).
10. Abramova N.M. The study of the personality of suicides using the Ammon's I-structural test. *Bulletin of psychotherapy*. 2004;12(17):91–96. (In Russian).
11. Osipova S.A., Kurpatov V.I. Changes in the I-structure of personality in the formation of neurotic depressions. *Bulletin of psychotherapy*. 2008;27(32):24–27. (In Russian).
12. Basimov M.M. *Mathematical methods in psychological research (Nontraditional methods): monograph*. Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing; 2011.
13. Basimov M.M. The analysis of statistical dependences in non-linear psychology. *International Journal of Psychology*. 2016;51(1):851. https://doi.org/10.1002/ijop.12332
14. Basimov M. Study of political preferences and type 2 errors in the traditional correlation approach. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 2019;333:11–18.
15. Basimov M. Study of political preferences and type 1 errors in the traditional correlation approach. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 2019;289:488–494.
16. Book of Poster Abstracts: The 11th European Congress of Psychology (ECP2009). *European Federation of Psychologists' Associations*. Abstracts. 07–10 July 2009 Oslo, Norway. Oslo; 2009.
17. Book of Poster Abstracts The 12th European Congress of Psychology (ECP2011). *European Federation of Psychologists' Associations*. 04–08 July 2011 Istanbul, Turkiye. Istanbul; 2011.

18. Book of Poster Abstracts The 14th European Congress of Psychology (ECP2015). *European Federation of Psychologists' Associations*. 7–10 July 2015 Milan, Italy. Milan; 2015.
19. Book of abstracts: XVI European Congress of Psychology (ECP2019). European Federation of Psychologists' Associations. 2–5 July 2019, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. Moscow: Moscow University Press; 2019.
20. XXX International Congress of Psychology (ICP2012). Cape Town, South Africa 22–27 July 2012. *International Journal of Psychology*.2012;47(1). England, Psychology Press; 2012.
21. XXXI International Congress of Psychology (ICP2016). Yokohama, Japan 24–29 July 2016. *International Journal of Psychology*. 2016;51(1). England. Psychology Press; 2016.

УДК 159.9; 378 DOI 10.26425/1816-4277-2023-9-255-262

Развитие профессиональных цифровых компетенций специалистов мелиоративной отрасли

Угрюмова Александра Анатольевна[1,2]
Д-р экон. наук, глав. науч. сотр.[1], вед. науч. сотр.[2]
ORCID: 0000-0002-4549-0117, e-mail: feminaa@mail.ru

Паутова Людмила Евгеньевна[1]
Канд. психол. наук, ст. науч. сотр.
ORCID: 0000-0001-8879-0585, e-mail: cosidanie35@yandex.ru

[1]Всероссийский научно-исследовательский институт систем орошения и сельхозводоснабжения «Радуга», Московская область, п. Радужный, Россия

[2]Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Аннотация

В настоящей статье представлены результаты научно-практического исследования, цель которого состоит в проведении структурно-содержательного анализа показателей ключевых компетенций цифровой экономики и их развития у работников мелиоративной отрасли средствами программ дополнительного профессионального образования. Методы исследования включают научно-практический анализ, статистический анализ первичных материалов и данных от Департамента мелиорации Министерства сельского хозяйства Российской Федерации, разработку и систематизацию информационно-аналитических материалов по ключевым компетенциям цифровой экономики. Результаты исследования заключаются в определении средств развития цифровых компетенций специалистов мелиоративной отрасли, в разработке, сборе, статистическом анализе данных от подведомственных организаций Департамента мелиорации Министерства сельского хозяйства Российской Федерации по показателям ключевых компетенций цифровой экономики, а также в подготовке к регистрации базы данных для расчетов компетенций персонала в области цифровизации мелиоративного сектора и с разбивкой по регионам России.

Ключевые слова

Цифровые компетенции, кадры мелиорации, дополнительное профессиональное образование, цифровая экономика, цифровые технологии, электронная образовательная среда, управление информацией

Благодарности. Авторы выражают слова благодарности руководству Департамента мелиорации Минсельхоза России за организацию и проведение исследования в рамках Государственного задания. Исследование выполнено в рамках Государственного задания Минсельхоза России на 2021 г.

Для цитирования: Угрюмова А.А., Паутова Л.Е. Развитие профессиональных цифровых компетенций специалистов мелиоративной отрасли // Вестник университета. 2023. № 9. С. 255–262.

© Угрюмова А.А., Паутова Л.Е., 2023.
Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Professional digital competencies' development of specialists in the reclamation industry

Alexandra A. Ugryumova[1,2]
Dr. Sci. (Econ.), Chief Scientific Officer[1], Leading Researcher[2]
ORCID: 0000-0002-4549-0117, e-mail: feminaa@mail.ru

Lyudmila E. Pautova[1]
Cand. Sci. (Psy.), Chief Scientific Officer
ORCID: 0000-0001-8879-0585, e-mail: cosidanie35@yandex.ru

[1]Federal State Research Institution All-Russia Scientific and Research Institute for Irrigation and Farming Water Supply Systems "Raduga", Moscow Oblast, p. Raduzhny, Russia

[2]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Abstract

This article presents the results of a scientific and practical study, the purpose of which is to conduct a structural and substantive analysis of the indicators of key competencies of the digital economy and their development among workers of the reclamation industry by means of additional professional education programs. Research methods include scientific and practical analysis, statistical analysis of primary materials and data from the Department of Land Reclamation of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation, development and systematization of information and analytical materials on key competencies of the digital economy. The results of the study consist in determining the means of developing digital competencies of specialists in the reclamation industry, in the development, collection, statistical analysis of data from subordinate organizations of the Department of Reclamation of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation on indicators of key competencies of the digital economy, as well as in preparing for registration of a database for calculating the competencies of personnel in the field of digitalization of the reclamation sector and broken down by Russian regions.

Keywords

Digital competencies, reclamation personnel, additional professional education, digital economy, digital technologies, electronic educational environment, information management

Acknowledgements. The authors express their gratitude to the management of the Land reclamation Department of the Ministry of Agriculture of Russia for organizing and conducting research within the framework of the State Task. The study was carried out within the framework of the State task of the Ministry of Agriculture of Russia for 2021.

For citation: Ugryumova A.A., Pautova L.E. (2023) Professional digital competencies' development of specialists in the reclamation industry. *Vestnik universiteta*, no. 9, pp. 255–262.

© Ugryumova A.A., Pautova L.E., 2023.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования формирования технологий в области развития цифровых компетенций специалистов в мелиоративной отрасли определяется тем, что основным условием реализации национальных программ по цифровизации экономики Российской Федерации (далее – РФ) является их кадровое обеспечение. Так как в цифровой экономике на передний план выходят профессиональные цифровые компетенции специалиста в условиях деятельности, то особенно значимым становится формирование данных компетенций в процессе непрерывного профессионального образования отраслевых кадров. В динамичном развитии необходима своевременная диагностика уровня развития актуальных профессиональных компетенций. Поскольку именно на основе результатов диагностики выявляется потребность в наращивании недостающих компетенций специалистов и особенно тех из них, которые направлены на развитие информационного общества, формирование национальной цифровой экономики, обеспечение национальных интересов и на реализацию стратегических национальных приоритетов [1]. Основополагающим федеральным нормативно-правовым актом по унификации понятий цифровых компетенций является Приказ Министерства экономического развития РФ от 24.01.2020 № 41 [2]. В данном акте содержится определение и перечень ключевых компетенций цифровой экономики (далее – ККЦЭ). В настоящем исследовании структура и содержание показателей ККЦЭ специалистов мелиоративной отрасли реализуются в соответствии с основными положениями данного Приказа.

В соответствии с национальной программой «Цифровая экономика Российской Федерации» и постановлением Правительства РФ от 14 мая 2021г. № 731 «О Государственной программе эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации» во всех субъектах РФ вводятся в эксплуатацию и реконструируются старые оросительные системы с применением цифровых технологий при проектировании и эксплуатации мелиоративных систем [3]. В связи с эти возникает необходимость подготовки специалистов мелиоративной отрасли, обладающих компетенциями в области цифровых технологий.

Цель исследования – провести структурно-содержательный анализ показателей ККЦЭ и их развития у работников мелиоративной отрасли с использованием программ дополнительного профессионального образования (далее – ДПО).

Новизна результатов исследования заключается в следующем:

– выявлены показатели соответствия и несоответствия по ККЦЭ, регламентированных в актуальных ФГОС (Федеральный государственный образовательный стандарт) и профессиональных стандартах работников мелиоративной отрасли;

– определены инструменты электронно-образовательной среды для развития цифровых компетенций в рамках программ дополнительного образования;

– выделены и обоснованы основные элементы для построения модели цифровых компетенций специалистов.

Практическая значимость результатов исследования заключается в разработке, сборе, статистическом анализе данных от Департамента мелиорации Министерства сельского хозяйства РФ (далее – Минсельхоз РФ) по показателям ККЦЭ и подготовке к регистрации базы данных для расчетов компетенций персонала в области цифровизации мелиоративного сектора и с разбивкой по регионам РФ.

В настоящей работе представлены результаты научно-практического анализа по проблеме исследования, выводы исследования изложены в заключительном разделе.

ТЕОРИЯ И МЕТОДЫ

Теоретико-методологической основой развития цифровых компетенций работников мелиоративной отрасли в настоящем исследовании являются:

– особенности ДПО как фактора развития человеческого капитала [4; 5];

– структурно-содержательные аспекты ККЦЭ [6–9];

– анализ «перспективных рынков НТИ» (Национальная технологическая инициатива);

– периодизация цифровой мелиорации, опыт разработки моделей компетенций специалиста агропромышленного комплекса (Федеральное государственное бюджетное учреждение «Центр цифровой трансформации в сфере АПК», Автономная некоммерческая организация «Университет Национальной

технологической инициативы 2035», Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации , Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)) и ранних авторских исследований [10–14];

– технологии разработки моделей компетенций специалиста агропромышленного комплекса (далее – АПК) и их профессионального взаимодействия [15–17].

– В настоящих условиях актуальным в развитии мелиорации представляется ее цифровизация. В соответствии с периодизацией развития мелиорации в исследованиях И.Ф. Юрченко в первую очередь к характерным чертам данного периода относятся особенности развития технологий, в частности [10; 12]:

– применение точного (прецизионного) управления урожайностью орошаемых сельскохозяйственных культур;

– самоконтроль качества агротехнологических операций при изменяющихся условиях роста и развития растений (погодных условий, влажности почвы, фаз вегетации);

– использование высокоскоростной сети «Интернет (далее – Интернет) и TCP/IP.

Для реализации профессионально-отраслевых и технологических задач в развитии цифровой мелиорации необходимым условием является наличие сформированных цифровых компетенций отраслевых кадров.

Методы исследования включают научно-практический анализ, статистический анализ первичных материалов и данных от Департамента мелиорации Минсельхоза РФ, анкетирование и экспертную оценку.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Исследование показателей развития ККЦЭ работников Федерального государственного бюджетного учреждения «Управление „Мелиоводхоз“» за период 2020–2021гг. осуществлялось в рамках программ ДПО повышения квалификации на базе Учебно-методического центра ДПО Всероссийского научно-исследовательского института систем орошения и сельхозводоснабжения «Радуга» (далее – «Радуга»). На основе анализа основных нормативных актов профессионального образования и стандартов можно выделить ключевые компетенции специалистов мелиоративной отрасли АПК РФ [18]. В профессиональном образовании это, прежде всего, федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования (далее – ФГОС ВО) по следующим направлениям подготовки [19]:

– 35.03.11 «Гидромелиорация» (бакалавр);

– 20.03.02 Природообустройство и водопользование, профиль «Мелиорация, рекультивация и охрана земель» (бакалавр);

– 35.04.10 «Гидромелиорация» (магистр);

– 35.06.01 «Сельское хозяйство», профиль «Мелиорация, рекультивация и охрана земель» (аспирантура).

Профессиональные стандарты для следующих специалистов мелиоративной отрасли [18]:

1) специалист по эксплуатации мелиоративных систем;
2) гидротехник в строительстве;
3) специалист по водным биоресурсам и аквакультуре.

С целью определения системы требований к профессиональным компетенциям специалистов мелиоративной отрасли, в том числе цифровым, в статье был проведен структурно-содержательный анализ соответствия ККЦЭ и необходимости их развития согласно регламентированным актам сферы профессионального образования ФГОС ВО и профессиональных стандартов (далее – ПС) [12]. Перечень ККЦЭ изложен в соответствии с Приказом Министерства экономического развития РФ от 24.01.2020 № 41 [2].

На основе результатов анализа выявлено отсутствие преемственности между ФГОС ВО и ПС при развитии следующих ККЦЭ [12; 20]:

1) «Коммуникация и кооперация в цифровой среде» – ФГОС ВО 35.04.10 «Гидромелиорация» (магистр) и ПС «Специалист по эксплуатации мелиоративных систем», «Гидротехник в строительстве»; 35.06.01 «Сельское хозяйство», профиль «Мелиорация, рекультивация и охрана земель» (аспирантура) и ПС «Специалист по эксплуатации мелиоративных систем»;

2) «Саморазвитие в условиях неопределенности» – ФГОС ВО 35.03.11 «Гидромелиорация» (бакалавр) и ПС «Гидротехник в строительстве», «Специалист по водным биоресурсам и аквакультуре»; 35.06.01 «Сельское хозяйство», профиль «Мелиорация, рекультивация и охрана земель» (аспирантура) и ПС «Специалист по эксплуатации мелиоративных систем», «Гидротехник в строительстве»;

3) «Креативное мышление» по всем ФГОС ВО и ПС, кроме ФГОС ВО 35.04.10 «Гидромелиорация» (магистр) и ПС «Специалист по водным биоресурсам и аквакультуре»;

4) «Управление информацией и данными» – ФГОС ВО 35.06.01 «Сельское хозяйство», профиль: Мелиорация, рекультивация и охрана земель (аспирантура) и ПС «Специалист по эксплуатации мелиоративных систем», «Гидротехник в строительстве», «Специалист по водным биоресурсам и аквакультуре»;

5) «Критическое мышление в цифровой среде» – ФГОС ВО 35.06.01 «Сельское хозяйство», профиль «Мелиорация, рекультивация и охрана земель» (аспирантура) и ПС «Специалист по эксплуатации мелиоративных систем», «Гидротехник в строительстве».

Поскольку основополагающей ККЦЭ специалиста является «Коммуникация и кооперация в цифровой среде», то целесообразным представляется полное «погружение» в такую цифровую среду с помощью электронно-информационных ресурсов. Примером развития данной компетенции в рамках реализации программ ДПО в настоящем исследовании стали слушатели-специалисты мелиоративной отрасли, подведомственные Департаменту мелиорации Минсельхоза РФ. Развитие цифровых компетенций специалистов мелиорации с 2019 г. на базе «Радуга» осуществлялось с применением дистанционных образовательных технологий и электронного обучения на площадке «Среда электронного обучения 3KL» [1]. Реализация программ ДПО средствами электронного обучения направлена на развитие следующих ключевых цифровых компетенций специалистов мелиоративной отрасли:

– «Коммуникация и кооперация в цифровой среде»;
– «Саморазвитие в условиях неопределенности»;
– «Управление информацией и данными».

В содержании программ ДПО разработаны и реализуются самостоятельные практические задания, направленные на развитие ККЦЭ «Креативное мышление» и «Критическое мышление в цифровой среде».

Слушатели в процессе реализации программ ДПО и овладения ККЦЭ предварительно знакомятся с такими основными понятиями в электронной информационно-образовательной среде, как электронное обучение, дистанционные образовательные технологии (далее – ДОТ), информационно-образовательная среда (далее – ИОС), система дистанционного обучения (далее – СДО) и другие [13].

Основные задачи при применении электронно-образовательной среды (далее – ЭОС) в профессионально-образовательном процессе слушателей реализуются в соответствии с основополагающими регламентами [18; 19; 21; 22].

В процессе освоения программ ДПО средствами ЭОС слушателям предоставляются возможности для развития ККЦЭ и их профессионально-образовательного взаимодействия на платформе (табл.1) [12; 20]. Управляет образовательным процессом в ЭОС преподаватель по соответствующей программе ДПО, методическое сопровождение слушателей осуществляет координатор ЭОС.

Таблица 1

Взаимосвязь элементов программы ДПО с показателями ККЦЭ слушателей в ЭОС

№ п/п	Инструменты ЭОС для слушателя	Название ККЦЭ	Элементы программы ДПО
1	Просматривать, скачивать учебные материалы по изучаемой программе согласно учебному плану программы	«Коммуникация и кооперация в цифровой среде» (ККЦЭ 1)	Учебно-тематический план, учебные материалы к лекциям и практическим занятиям
2	Участвовать в чатах, тематических форумах, научных исследованиях, опросах	«Коммуникация и кооперация в цифровой среде» (ККЦЭ 1); «Креативное мышление» (ККЦЭ 3)	Контрольные вопросы, темы для форумов, методики исследования для слушателей
3	Следить за актуальной новостной информацией по программе обучения в объявлениях	«Критическое мышление в цифровой среде» (ККЦЭ 5)	Перечень справочных и интернет-ресурсов
4	Выполнять тестовые и иные самостоятельные задания на платформе	«Саморазвитие в условиях неопределенности» (ККЦЭ 2); «Креативное мышление» (ККЦЭ 3)	Промежуточные и итоговые тесты, практические задания

Окончание табл. 1

№ п/п	Инструменты ЭОС для слушателя	Название ККЦЭ	Элементы программы ДПО
5	Отправлять самостоятельные работы, задания, тесты итогового контроля знаний	«Управление информацией и данными» (ККЦЭ 4)	Раздел материально-технического обеспечения программы (ЭОС)
6	Просматривать отчет и отслеживать динамику о собственных результатах обучения		
7	Просматривать историю своего обучения		

Составлено авторами по материалам исследования

Анализируя инструменты ЭОС, представленные в табл.1, возможно охарактеризовать систему цифровых компетенций, формируемых у слушателей программ ДПО. К элементам данной системы мы относим:

– информационно-коммуникативные компетенции (ККЦЭ 1, ККЦЭ 5);

– операционно-технологические компетенции, используемые при самостоятельных и практических работах (ККЦЭ 2, ККЦЭ 3);

– организационно-управленческие компетенции, обеспечивающее формирование и развитие IT-инфраструктуры мелиоративной отрасли (ККЦЭ 4).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе результатов исследования цифровых компетенций специалистов мелиоративной отрасли целесообразно сделать следующие выводы:

– проведен структурно-содержательный анализ наличия взаимосвязи между элементами программ ДПО и показателей ККЦЭ слушателей в ЭОС, на основе которого было выявлено отсутствие преемственности между ФГОС ВО и ПС при развитии ККЦЭ. С учетом этого вывода определена необходимость применения системного подхода при моделировании и развитии цифровых компетенций специалистов мелиоративной отрасли;

– развитие цифровых компетенций слушателей программ ДПО, повышения квалификации для подведомственного Департаменту мелиорации Федерального государственного бюджетного учреждения «Управление „Мелиоводхоз“» осуществляется с применением дистанционных образовательных технологий и электронного обучения на платформе «Среда электронного обучения 3KL»;

– определены реализуемые элементы программы ДПО с показателями развития ККЦЭ слушателей в ЭОС, предоставляющие возможности для развития цифровых компетенций в процессе профессионально-образовательного взаимодействия на платформе;

– считаем целесообразным и необходимым разработать программу ДПО для отраслевых специалистов по цифровизации в мелиорации, которая будет направлена на повышение уровня цифровых компетенций отраслевых специалистов путем овладения актуальными знаниями в области цифровых технологий в мелиорации.

Полученные результаты соответствуют современным взглядам и отраслевым регламентам на необходимость разработки и внедрения моделей цифровых компетенций современных специалистов в мелиорации.

Библиографический список

1. Учебно-методический центр дополнительного профессионального образования ФГБНУ ВНИИ «Радуга». *Среда электронного обучения 3KL*. https://c1531.c.3072.ru (дата обращения: 15.06.2023).
2. Министерство экономики Российской Федерации. *Приказ Минэкономразвития России от 24.01.2020 № 41 «Об утверждении методик расчета показателей федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»*. https://www.economy.gov.ru/material/file/bd31fe31b5135c35e402b702c346f304/41_24012020.pdf (дата обращения: 15.06.2023).
3. Правительство Российской Федерации. *Постановление Правительства РФ от 14 мая 2021г. № 731 «О Государственной программе эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации»*. https://base.garant.ru/400773886/ (дата обращения: 17.06.2023).

4. Энни Л.М., Бутенко В., Полунин К. Новый взгляд на образование: раскрывая потенциалы образовательных технологий. *Образовательная политика*. 2015;2(68):72–110.
5. Разумова Т.О., Бурак И.Д. Дополнительное профессиональное образование как фактор развития человеческого капитала: вопросы теории. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*. 2019;5:3–14.
6. Благотворительный фонд Сбербанка «Вклад в будущее». *Компетенции «4К»: формирование и оценка: Практические рекомендации*. https://vbudushee.ru/upload/iblock/Компетенции%204К.%20Практические%20рекомендации.pdf (дата обращения: 20.06.2023).
7. Папонова Н.Е. 2012. Инструменты для управления информацией. *Кадры предприятия*. 2012;11.
8. Tadviser. Пол Ван Сиклен. 2021. Управление данными. *Data management*. https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Управление_данными_(Data_management) (дата обращения: 20.06.2023).
9. Hattie J. *Visible Learning for Teachers: Maximizing Impact on Learning. Routledge, 2012*. https://www.tdschools.org/wp-content/uploads/2013/08/The+Main+Idea+-+Visible+Learning+for+Teachers+-+April+2013.pdf (дата обращения: 15.06.2023).
10. Юрченко И.Ф. Становление цифровых платформ мелиоративного водохозяйственного комплекса. *Известия НВ АУК*. 2020;1(57):380–395. https://doi.org/10.32786/2071-9485-2020-01-37
11. Угрюмова А.А., Ольгаренко Г.В. *Образовательные вызовы и драйверы кадров орошаемого земледелия РФ: монография*. Москва: Русайнс; 2020. 250 с.
12. Гришаева О.Ю., Замаховский М.П., Ольгаренко Г.В. и др. *Проблемы и перспективы развития цифровых технологий в мелиорации*. Москва: Русайнс; 2022. 186 с.
13. Угрюмова А.А., Паутова Л.Е. Ключевые компетенции цифровой экономики в системе показателей цифровизации мелиоративной отрасли РФ. В сб.: *Развитие теории финансовой устойчивости: сборник статей 1-ой Международной научно-практической конференции. Новосибирск, 19 октября 2021 г.* Новосибирск: Изд-во НГТУ; 2021. 244–250 с.
14. Угрюмова А.А., Паутова Л.Е. Нормативное регулирование процессов цифровизации в мелиоративной отрасли АПК РФ. В сб.: *Актуальные проблемы и перспективы развития менеджмента и маркетинга производственных и социальных систем*. Донецк: ДОНАУИГС; 2021. 168 – 172 с.
15. Аналитический центр Минсельхоза РФ 2021. *Официальный сайт*. https://www.mcxac.ru/ (дата обращения: 22.06.2023).
16. Стандарт деятельности центров компетенций в сфере сельскохозяйственной кооперации и поддержки фермеров: информ. издание. 2019. М.: ФГБНУ «Росинформагротех».
17. Центр компетенций «Кадры для цифровой экономики» АНО «Университет НТИ 2035». 2021. https://digitalskills.center/expertgroups (дата обращения: 18.06.2023).
18. Classinform. *Профстандарты включенные в реестр Минтруда РФ на 2022 г.* https://classinform.ru/profstandarty (дата обращения: 15.06.2023).
19. FGOSVO. *Портал федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования*. https://fgosvo.ru/ (дата обращения: 19.06.2023).
20. Отчет о НИР/НИОКТР № АААА-А20-120041490018-0/ ФГБНУ ВНИИ «Радуга». Коломна, 2021. 378с.
21. Президент Российской Федерации. *Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 –2030 годы»*. https://base.garant.ru/71670570/ (дата обращения: 20.06.2023).
22. Российская Федерация. *Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ*. http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 22.06.2023).

References

1. Educational and methodological center of additional professional education of the Federal State Budgetary Research Institute "Raduga". *3KL e-learning environment*. https://c1531.c.3072.ru (accessed 15.06.2023). (In Russian).
2. Ministry of Economy of the Russian Federation. *Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation No. 41 dated 24.01.2020 "On approval of Methods for Calculating Indicators of the Federal project "Personnel for the Digital Economy" of the national program "Digital Economy of the Russian Federation""*. https://www.economy.gov.ru/material/file/bd31fe31b5135c35e402b702c346f304/41_24012020.pdf (accessed 15.06.2023). (In Russian).
3. The Government of the Russian Federation. *Decree of the Government of the Russian Federation No. 731 dated May 14, 2021 "On the State Program for the effective involvement in the turnover of agricultural land and the development of the Reclamation complex of the Russian Federation"*. https://base.garant.ru/400773886 / (accessed 17.06.2023). (In Russian).
4. Annie L.M., Butenko V., Polunin K. A new look at education: revealing the potentials of educational technologies. *Educational policy*. 2015;2(68):72–110. (In Russian).

5. Razumova T.O., Burak I.D. Additional professional education as a factor of human capital development: questions of theory. *Bulletin of the Moscow University. Series 6. Economics*. 2019;5:3-14. (In Russian).
6. Sberbank Charitable Foundation "Contribution to the Future". *"4K" competencies: formation and evaluation: Practical recommendations.* https://vbudushee.ru/upload/iblock/Competencies%204K.%20practical%20 recommendations.pdf (accessed 20.06.2023).
7. Paponova N.E. 2012. Tools for information management. *Personnel of the enterprise*. 2012;11. (In Russian).
8. Tadviser. *Paul Van Sicklen. 2021. Data management. Data management.* https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Data_management (accessed 20.06.2023). (In Russian).
9. Hattie J. *Visible Learning for Teachers: Maximizing Impact on Learning. Routledge, 2012*. https://www.tdschools.org/wp-content/uploads/2013/08/The+Main+Idea+-+Visible+Learning+for+Teachers+-+April+2013.pdf (accessed 15.06.2023).
10. Yurchenko I.F. The formation of digital platforms of the reclamation water management complex. *Izvestia NV AUK*. 2020;1(57):380-395. (In Russian). https://doi.org/10.32786/2071-9485-2020-01-37
11. Ugryumova A.A., Olgarenko G.V. *Educational challenges and drivers of personnel of irrigated agriculture of the Russian Federation: monograph*. Moscow: Rusains; 2020. (In Russian).
12. Grishaeva O.Yu., Zamakhovsky M.P., Olgarenko G.V., et al. *Problems and prospects of development of digital technologies in land reclamation*. Moscow: Rusains; 2022. (In Russian).
13. Ugryumova A.A., Pautova L.E. Key competencies of the digital economy in the system of indicators of digitalization of the reclamation industry of the Russian Federation. In: *Development of the theory of financial stability: collection of articles of the 1st International Scientific and Practical Conference. Novosibirsk, October 19, 2021*. Novosibirsk: NSTU Publishing House; 2021. (In Russian).
14. Ugryumova A.A., Pautova L.E. Regulatory regulation of digitalization processes in the reclamation industry of the agro-industrial complex of the Russian Federation. In: *Current problems and prospects for the development of management and marketing of production and social systems*. Donetsk: DONAUIGS; 2021. (In Russian).
15. Analytical Center of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation 2021. *Official website*. https://www.mcxac.ru / (accessed 22.06.2023). (In Russian).
16. Standard of activity of competence centers in the field of agricultural cooperation and support of farmers: inform. edition. 2019. Moscow: FGBNU "Rosinformagrotech". (In Russian).
17. Competence Center "Personnel for the digital economy" ANO "NTI University 2035". 2021. https://digitalskills.center/expertgroups (accessed 18.06.2023). (In Russian).
18. Classinform. *Professional standards included in the register of the Ministry of Labor of the Russian Federation for 2022*. https://classinform.ru/profstandarty (accessed 15.06.2023). (In Russian).
19. FGOSVO. *Portal of federal state educational standards of higher education*. https://fgosvo.ru / (accessed 19.06.2023). (In Russian).
20. R&D report No. AAAAA-A20-120041490018-0/ FGBNU Research Institute "Rainbow". Kolomna, 2021. (In Russian).
21. President of the Russian Federation. *Decree of the President of the Russian Federation dated 09.05.2017 No. 203 "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030"*. https://base.garant.ru/71670570 / (accessed 20.06.2023). (In Russian).
22. Russian Federation. *Federal Law "On Education in the Russian Federation" dated 29.12.2012 No. 273-FZ*. http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_140174 / (accessed 22.06.2023). (In Russian).